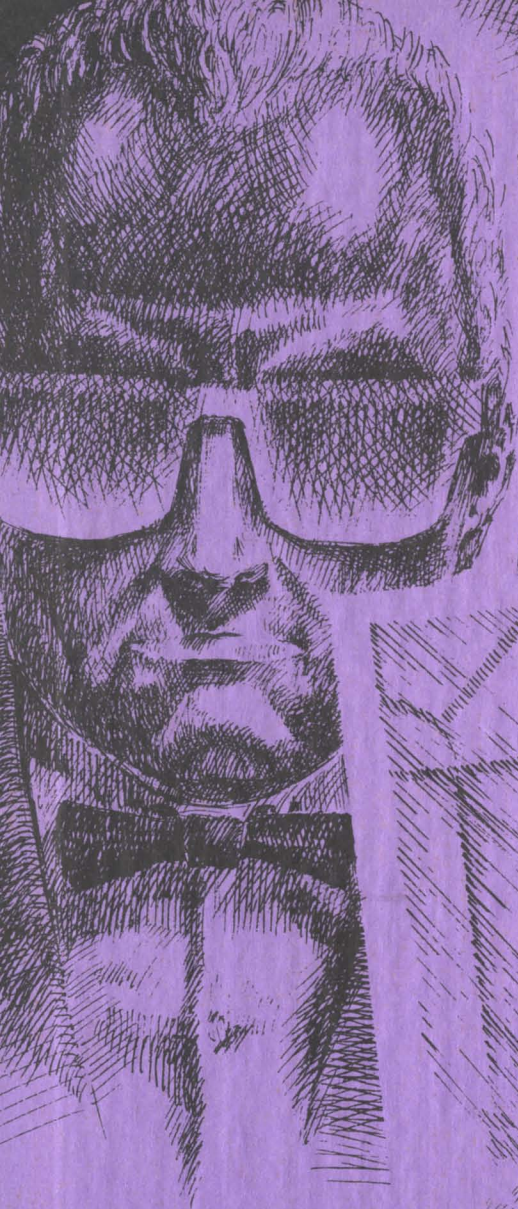

The background of the cover is a dramatic illustration. It depicts a person in a white, full-body protective suit, possibly a forensic investigator or a scientist, lying on a dark, metallic surface. The person's arms are outstretched, and their head is tilted back. A bright, glowing blue light emanates from the person's chest area, creating a strong contrast with the dark background. In the upper right corner, a hand in a dark suit sleeve holds a black handgun, pointing it towards the person in the white suit. The overall color palette is dominated by dark blues, blacks, and the bright white of the suit, with the glowing blue light as a focal point.

АЙЗЕК
АЗИМОВ

Дуновение смерти

АЛЕКС
АЗИМОВ

Дуновение смерти

АЙЗЕК
АЗИМОВ

Дуновение смерти

Ловушка для простаков

Санкт-Петербург
«Северо-Запад»
1992

Азимов А.

А 11 Дуновение смерти: Роман, повесть, рассказы /
Пер. с англ. — СПб.: Северо-Запад, 1992. — 480 с.
ISBN 5-8352-0089-7

Роман «Дуновение смерти», повесть и рассказы, вошедшие во второй том избранных произведений Айзека Азимова, продолжают знакомство читателей с детективной стороной его творчества.

*Перепечатка отдельных глав
и всего произведения в целом — запрещена.
Всякое коммерческое использование данного произведения
возможно исключительно с ведома издателя.*

© С. Богдан, иллюстрации, 1992.

© Северо-Запад, оформление и подготовка текста, 1992.

© А. Балабуха, составление, послесловие, 1992.

® ~~Северо-Запад~~. Зарегистрированная торговая марка. Охраняется законом.

ISBN 5-8352-0089-7

Дуновение

СМЕРТИ

ДУНОВЕНИЕ СМЕРТИ

1

В химических лабораториях расположилась смерть, но миллионы людей работают рядом с нею совершенно спокойно.

О ней забывают.

Однако Льюис Брейд, помощник профессора химии, никогда уже не сможет забыть о ее присутствии. Он тяжело опустился на стул в еще не прибранной учебной лаборатории, ясно сознавая, что смерть рядом. Это ощущение стало еще настойчивей теперь, когда полицейские ушли и коридоры снова опустели, теперь, когда из лаборатории вынесли свидетельство человеческой бренности — тело Ральфа Нейфилда.

Но смерть осталась здесь. Ее не тронули.

Брейд снял очки и неспешно протер их чистым носовым платком, предназначенным специально для этой цели. Затем присмотрелся к своему двойному отражению, искаженному кривизной стекол. В каждой линзе расплывалось его узкое лицо, и большой, тонгогубый рот казался еще больше.

«Никаких следов, — подумал он удивленно. — Все то же, что и три часа назад. Те же темные волосы, те же морщины возле глаз, как и положено в сорок два года. Но ведь морщин не прибавилось?»

Неужели столь близкое общение со смертью может пройти бесследно?

Он надел очки и снова оглядел лабораторию. Впрочем, стоит ли ждать особых следов, если на этот раз смерть просто подошла немного ближе? В конце концов он встречает ее здесь каждый день, каждый час, повсюду.

Вон она устроилась там, на полках, где теснятся коричневые банки с реактивами. Каждый из сосудов

со смертью снабжен разборчивой надписью, в каждом, где больше, где меньше, свой особый сорт мелких, чистых кристаллов. Почти все они с виду похожи на обычную соль.

Разумеется, убить может и соль, стоит только взять ее в достаточном количестве. Но хранящиеся в банках кристаллы справятся с делом куда проворнее. При соответствующей дозировке — в минуту или того скорей.

Быстро или медленно, причинив боль или безболезненно, все они избавят от земных страданий и возвращения к жизни не допустят.

Брейд вздохнул. Люди привычные и обращаются с ними небрежно, точно с солью. Их бросают в колбы, растворяют в воде и тут же просыпают или расплескивают на лабораторные столы, а затем небрежно смахивают или вытирают бумажной салфеткой.

Крупички и крошки, несущие смерть, сметают в сторону, чтобы освободить место, скажем, для сэндвича. А в стакан, где только что находилась Великая Уравнительница, могут тут же налить апельсиновый сок.

Вон на полке ацетат свинца, прозванный свинцовым сахаром, — убивая, он сохраняет свой сладкий вкус. А рядом нитрат бария, медный купорос, бихромат натрия, десятки других помощников смерти.

И цианистый калий, разумеется. Брейд ожидал, что полиция его конфискует, но они только издали посмотрели на банку и оставили ее на месте со всем содержимым — больше полуфунта верной смерти.

В лабораторном столе хранятся пятилитровые бутылки сильных кислот, в том числе и серная кислота. Случайно брызнув ею, можно выжечь глаза, превратить лицо в сплошной шрам. В углу комнаты установлены баллоны со сжатым газом, одни высотой до фута, другие в человеческий рост. Стоит забыть о простейших мерах предосторожности, и любой из них может взорваться или незаметно отравить воздух.

Смерть была здесь повсюду, но на нее не обращали внимания. Однако рано или поздно (как случилось теперь) один из тех, кто находился рядом с ней, больше уже не вставал.

Брейд вошел в учебную лабораторию три часа тому назад. В его личной лаборатории активно проходила реакция окисления, и новый, только что установленный баллон медленно подавал газ в реактор. Процесс должен был длиться до утра. Еще немного и Брейд мог идти домой — ведь в пять часов он ждал к себе старого Кэпа Энсона.

Как объяснял потом Брейд, перед уходом он обычно прощался со своими студентами, если они еще оставались в лабораториях. К тому же ему хотелось раздобыть немного титрованного раствора соляной кислоты, а реактивы и кислоты с наиболее точно установленным титром были, как известно, у Ральфа Нейфилда.

Ральф Нейфилд сидел к нему спиной, просунув голову в вытяжной шкаф, прислонившись к его внутренней стенке. Брейд нахмурился. Для такого опытного аспиранта, как Нейфилд, поза была более чем странной. При проведении опыта в вытяжном шкафу всякий грамотный молодой химик всегда опускает перегородку из небьющегося стекла, отделяющую экспериментатора от кипящих химикалий. Таким образом горючие ядовитые пары изолируются в пространстве шкафа и уходят через вентилятор в выхлоп на крыше. Экспериментатору никак не подобало совать голову внутрь вытяжного шкафа, а тем более — работать в таком положении.

— Ральф! — Брейд неуверенно двинулся к аспиранту, мягко ступая по пробковому полу (настланному, чтобы не билась лабораторная посуда). Тело Нейфилда тяжело двинулось под его рукой. Со страхом, с внезапной решимостью Брейд повернул к себе голову ученика. Светлые, коротко остриженные волосы мелко завивались, как всегда. Он заметил неподвижный, остекленевший взгляд из-под полузакрытых век.

Что так резко отличает мертвого человека от спящего или пьяного?

А Нейфилд был мертв. Брейд не ощутил пульса в его похолодевшей руке, привычным обонянием химика уловил еле слышный запах миндаля.

Во рту у Брейда пересохло, он судорожно глотнул и стал звонить в медицинский институт, находивший-

ся неподалеку. Стараясь не выдать волнения, он попросил к телефону знакомого врача, доктора Шалтера. Затем вызвал полицию.

Следующий звонок был к декану факультета, но профессора Артура Литлби не оказалось на месте и не было с самого завтрака. Брейд попросил секретаршу записать все, что он обнаружил и предпринял, и пока не распространяться о случившемся. После этого он ушел к себе в лабораторию. Отключив подачу кислорода и нагрев, открыл реактор. Придется прекратить реакцию. Теперь все это не имеет смысла. Глядя невидящими глазами на манометры высокого кислородного баллона, он безуспешно пытался осознать происшедшее.

Затем, словно двигаясь в безмолвной необъятной пустоте, он вернулся в лабораторию умершего аспиранта, удостоверился, что запер дверь, и сел дежурить возле смерти.

Доктор Ивен Шалтер из медицинского института осторожно постучал, и Брейд впустил его. После недолго осмотра Шалтер сказал:

— Умер часа два назад. Цианид!

Брейд кивнул:

— Я так и предполагал.

Шалтер убрал со лба седые волосы, лицо его лоснилось — он, видимо, легко потел.

— Ну, теперь начнутся неприятности. Ясно, что только с ним и могло такое случиться.

— Вы знаете... знали его?

— Встречал. Берет книги из медицинской библиотеки и не возвращает. Пришлось напустить на него библиотекаря, чтобы получить нужный мне том. Он обозлился и одну из них довел до слез. Впрочем, теперь это все неважно.

Он ушел.

Врач, приехавший с полицейскими, подтвердил диагноз, быстро сделал несколько записей и исчез. Останки Нейфилда сфотографировали в трех ракурсах, завернули в простыню и вынесли.

Коренастый человек в штатском задержался. Мельком показав удостоверение, он представился:

— Джек Доэни.

У него было пухлые, обвислые щеки, говорил он скрипучим басом. Он произнес «Ральф Нейфилд» и, старательно выписав эти два слова, показал их Брейду для проверки.

— Есть близкие родственники, с которыми можно связаться?

Брейд поднял глаза, соображая:

— Мать. В канцелярии есть ее адрес.

— Проверим. Ну, а как это случилось, проф? Мне просто записать для отчета.

— Не знаю. Я нашел его мертвым.

— Ему не давалось учение?

— Нет. Он занимался хорошо. Вы предполагаете самоубийство?

— Иногда для этого и берут цианид.

— Но зачем было ему начинать опыт, если он хотел покончить с собой?

Доэни подозрительно оглядел лабораторию.

— Скажите-ка, проф, мог это быть несчастный случай? Это вот не совсем по моей части. — Он ткнул большим толстым пальцем в сторону химических препаратов.

— Пожалуй, мог, — сказал Брейд. — Вполне мог. Ральф ставил ряд экспериментов, для которых ему приходилось растворять ацетат натрия в реакционной смеси...

— Стоп! Какой натрий?

Брейд терпеливо продиктовал, и Доэни так же терпеливо записал.

— Смесь поддерживается в состоянии кипения, — продолжал Брейд. — Затем, через определенный срок после добавления ацетата, подкисляется, образуя уксусную кислоту.

— Уксусная кислота ядовита?

— Не особенно. Она содержится в уксусе. В сущности, она и придает уксусу его запах. Однако Ральф, должно быть, сразу же взял вместо ацетата натрия цианистый натрий...

— Как же так? Разве они с виду похожи?

— Смотрите сами. — Брейд потянулся к полке, где стояли банки с реактивами цианида и ацетата на-

трия. Обе из темного стекла, обе около шести дюймов в высоту и с наклейками одного образца. На банке с цианистым натрием было выведено красным: «ЯД». Брейд отвинтил пластиковые крышки банок, и Доэни опасливо заглянул внутрь.

— Выходит, эти штуки так и стоят рядом на полке?

— Сосуды расставлены по алфавиту.

— А вы не запираете цианид?

— Нет. — Брейд уже испытывал напряжение: ему приходилось следить за каждым словом во избежание непоправимой ошибки.

Доэни насупился:

— Ну, проф, вы влипли. Если родственники паренька надумают поднять шум насчет халатности, университетским адвокатам придется попотеть.

Брейд покачал головой:

— Ничего подобного. Половина реактивов... ну, химических препаратов, которые вы здесь видите, — ядовита. Химики это знают и остерегаются. Вам известно, не так ли, что ваш револьвер заряжен? Но ведь вы в себя не стреляете?

— Допустим, все это годится для опытных химиков, но он-то был просто студент?

— Не просто студент. Ральф получил степень бакалавра, то есть окончил колледж четыре года назад. С тех пор он работал над диссертацией. По своей квалификации он мог работать самостоятельно, как и все наши аспиранты. Фактически они сами ведут лабораторные занятия со студентами.

— Он здесь один работал?

— Не всегда. У нас по два аспиранта на каждую лабораторию. Напарником Ральфа был Грегори Симпсон.

— Он сегодня был здесь?

— Нет. Симпсон вообще не приходит по четвергам — в лабораторию, во всяком случае.

— Так что, этот паренек Ральф Нейфилд оставался совсем один?

— Совершенно верно.

— Нейфилд был стоящим студентом? — спросил Доэни.

— Превосходным.

— Тогда как же он мог ошибиться? Я хочу сказать, если он взял цианид, он сразу мог бы разобрать, что уксусом не пахнет, и выскочить отсюда, верно?

Лицо сыщика оставалось все таким же спокойным и безобидным, и смотрел он по-прежнему добродушно, но Брейд нахмурился.

— Именно отсутствие уксусного запаха могло привести к роковым последствиям. Понимаете, при подкислении цианистого натрия образуется цианистый водород. На точке кипения воды он превращается в газ и выходит вместе с парами. Он чрезвычайно ядовит.

— Это то, что применяли в газовых камерах, там, в Европе?

— Правильно. Они подкисляли цианид и получали газ. Ну, а Ральф работал у вытяжного шкафа со встроенным вентилятором, отводящим большую часть паров. И все-таки он безусловно уловил бы присутствие уксусного запаха. На этот раз запаха не было и Ральф мог подумать, что в чем-то ошибся.

— Угу.

— Но он не убежал, а, по-видимому, сразу же нагнулся и для проверки понюхал пар. Если химик не знает состава паров, он никогда не станет вдыхать их, либо постарается вдохнуть как можно меньше. И все же я думаю, что от изумления Ральф забылся.

— Считаете, что он нагнулся, принялся и набрал полные легкие газа?

— По всей вероятности. Когда я вошел, он сидел, склонив голову внутрь вытяжного шкафа.

— И потух, как свечка.

— Примерно так.

— Угу. Скажите-ка, проф, ничего, если я закурю, или здесь все взлетит как в пороховом погребе?

— В настоящий момент опасности нет.

Дозни закурил сигарету с блаженным видом человека, наконец разрешившего себе долгожданное удовольствие.

— Теперь, проф, давайте по порядку. Вашему пареньку нужен а-це-тат натрия (э, я уже начинаю выражаться как специалист), но что же выходит? Он

тянется к полке и достает не ту банку — скажем, вот так.

Дозни с боязливой осторожностью снял с полки банку с цианидом.

— Он ставит ее сюда и отсыпает из нее, сколько требуется. Как он это делает?

— Он набирал реактив шпателем — плоской металлической лопаточкой и взвешивал в маленьком сосуде.

— Отлично. Он это сделал. — Дозни перенес банку с цианидом на стол возле вытяжного шкафа. Пристально посмотрел на нее, затем взглянул на Брейда:

— Теперь все?

— Полагаем, что все, — ответил Брейд.

— Значит, все сейчас в точности как было, когда вы вошли в лабораторию. И вы не заметили ничего странного? Совсем ничего?

Казалось, глаза сыщика хитро блеснули. Но Брейд, решив, что от крайнего напряжения становится мнительным, отрицательно покачал головой:

— Нет. А вы?

Дозни пожал плечами, почесал указательным пальцем лысеющую голову.

— Беда может стрястись повсюду, а если ее только и ждут, как у вас, то и подавно.

Он закрыл маленький блокнот, где делал пометки, и сунул его во внутренний карман пиджака.

— Ведь мы вас всегда здесь разыщем, профессор, на случай, если еще чего понадобится?

— Разумеется.

— Тогда все. А если хотите, проф, совета со стороны, от профана, как вы выражаетесь, — так держите цианид под замком.

— Приму во внимание, — дипломатично ответил Брейд. — Да, кстати, у Ральфа был ключ от этой лаборатории. Если он не понадобится, не вернете ли вы его нам?

— Ладно. Ну, профессор, будьте поосторожней, почаще проверяйте ярлычки на ваших банках. Смотрите не перепутайте!

— Постараюсь, — сказал Брейд.

Итак, он снова остался один в лаборатории, и никто не мешал ему разглядывать свое отражение в стеклах очков, а из всех углов на него смотрела смерть.

Он вспомнил о жене. Дорис, конечно, волнуется. Она ждала его сегодня пораньше, зная, что к пяти часам придет Кэп Энсон. «Боже милостивый! Пунктуальный Кэп несомненно разворчится, оскорбившись за свою драгоценную рукопись, — с упавшим сердцем подумал Брейд. — Но что делать?»

Брейд взглянул на часы. Скоро семь, а он еще не может уйти. Сначала нужно кое-что закончить.

Он опустил грязные шторы и, помимо настольной лампы, включил флуоресцентный свет наверху. Дополнительные вечерние занятия еще не начались и в здании факультета, по существу, никого не было. Кучка студентов и зевак, привлеченных появлением полиции, растаяла с ее уходом.

Брейд был рад — рад, что он один.

Предстояло действовать быстро, и он молил бога, чтобы ему никто не помешал.

2

Дорога домой казалась долгой, хотя и заняла не больше времени, чем обычно. В темноте все вокруг выглядело чужим и неприветливым. Изменился темп уличного движения. Городские огни отражались в реке многоцветными бликами, и в этих отсветах весь город казался призрачным.

«Призрачным, как моя собственная жизнь», — думал Брейд.

Вся его жизнь — непрерывное бегство от действительности, и только. В пору постепенно утихавшего кризиса он провел четыре года в колледже на стипендию из фонда Национальной Администрации Молодежи.

«В те годы, — подумал он с горечью, — в правительственной помощи был определенный привкус благотворительности. Теперь нуждающиеся студенты — по крайней мере на физических факультетах — могут существовать на субсидии из научно-исследовательских фондов, не рискуя своим общественным по-

ложением. Некоторые из них даже плюют на все эти тонкости и перебегают от одного профессора к другому, не скрывая, что гонятся за условиями по-выгодней».

По окончании университета, прослушав звонкие напутственные речи и прочитанное приглушенным басом благословение ректора, Брейд не покинул уютные плющом стены ради «схватки с жизнью». Он просто сменил одно убежище на другое — перешел в другой университет.

Все шло своим чередом. Подготовка диссертации под руководством Кэпа Энсона, затем работа на факультете в качестве преподавателя и — далее — в должности помощника профессора. И все это не было Жизнью. (Брейд машинально преодолевал уличный водоворот с легкостью человека, который верит, что его машина сама помнит дорогу домой и торопится, чуя гараж издалека.)

Университет был участком жизни, наподобие ому-та, который составляет только часть реки. Миновав отдаленные ручейки и речушки детства, студенты попадали из них в главное русло потока и плыли мимо, пока течение не уносило их все дальше и дальше, через страны, неизвестные Брейду. А он оставался позади, все в том же академическом омуте.

И пока он в нем пребывал, студенты становились все моложе. В первые годы преподавания он был почти ровесником своих учеников и немного стеснялся собственного высокого положения. Но теперь (сколько же лет прошло с тех пор? Боже милосердный, семнадцать!) ему уже не к чему было принимать внушительный вид. Его лицо, его руки с набухшими венами говорили сами за себя. Студенты величали его профессором и были с ним вежливы — обычная дань, воздаваемая старшим в этом мире вечной юности. Но и в омуте академического мирка существовали свои искусственные градации, свой незыблемый критерий для оценки большей или меньшей общественной значимости.

Существовала, например, магическая разделительная черта, перед которой остановился Брейд. Это была граница между должностью помощника профессо-

ра (занимаемой Брейдом уже одиннадцать лет) и следующим, более высоким рангом адъюнкт-профессора — черта, которую Брейду явно не давали перейти, по крайней мере последние три года.

Светофор стал зеленым, и он двинулся вперед, машинально нажав на акселератор.

Манящие слова — «постоянная должность» и еще одно слово «уверенность» стояли за пограничной чертой. По эту сторону границы он оставался внештатным преподавателем, и его могли уволить в любое время по любому поводу или вообще без повода. Стоило только не возобновить с ним договора, вот и все. Перейдя черту, он стал бы адъюнкт-профессором, и тогда его могли уволить только на определенном основании, причем таких «оснований» было весьма немного. Он был бы пожизненно в безопасности. Но теперь, после того, что случилось с его учеником, эта граница снова отдалилась за пределы досягаемости. Впереди, сквозь ветки сикомора, растущего в палисаднике, замелькал свет из окон его дома.

Конечно, Дорис будет беспокоиться только об одном — не помешает ли это его повышению в должности. Он уже представлял себе, как уверяет ее, что не обязан отвечать за случаи подобного рода. «Если бы это было так, — думал он, — если бы это действительно было так».

Дорис встретила его у входа. Когда машина подъезжала к дому, в одном из окон гостиной зашевелилась занавеска, и Брейд понял, что жена его ждет. Он виновато подумал, что следовало позвонить. Правда, ему и раньше случалось запаздывать, ничего страшного в этом не было. И все же... Ведь, по правде говоря, он стремился — и совершенно сознательно — уклониться от разговора. О господи, что же сказать ей теперь? Извиниться, что не позвонил? Быстро заговорить на нейтральную тему? Спросить про Энсона? Что именно?

Но все решилось помимо него, потому что Дорис, пропуская его в дверях, сказала:

— Я все знаю. Какой ужас!

Она была почти одного роста с ним, но, в отличие от него, смуглая и темноволосая. Ее лицо не покры-

лось еще, как у него, легкими морщинками, выдающими возраст. Возле глаз и уголков рта оно оставалось таким же гладким, как в те годы, когда они вместе учились в колледже. Только очертания лица стали чуть более жесткими, нежная кожа плотнее обтягивала скулы.

Брейд смотрел на нее, как будто в первый раз увидел.

— Ты уже слышала? Каким образом? Только не говори, что... что по телевизору. — Он понимал, что задает нелепые вопросы.

Дорис закрыла за ним дверь.

— Звонила секретарша.

— Джин Мэкрис?

— Да, да. Рассказала, что Ральф умер. Предупредила, что ты, возможно, опоздаешь и тебе будет не до еды. Она, кажется, очень старалась дать мне понять, что с тобой сейчас надо обращаться деликатно и чутко. Ей говорили, что у меня это не получается?

Брейд сделал вид, что не заметил иронии.

— Пустяки, Дорис, у нее такая манера.

Войдя в комнату, он упал в кресло, небрежно бросив пальто на подлокотник, рукавами прямо на пол.

— Джинни легла? — спросил он.

— Конечно.

— Она еще ничего не знает?

— Нет еще. — Дорис подобрала его пальто, пошла повесить в стенной шкаф, и из прихожей донесся ее голос: — Лу, хочешь?

— Что?

— Хочешь есть?

— Боже милостивый, и думать об этом не могу! Сейчас по крайней мере.

— Тогда выпьешь. — Теперь тон был категоричным. На этот раз Брейд, отнюдь не питавший пристрастия к выпивке, не стал протестовать. (Внезапно он пожалел, что Джинни отправили спать так рано. При ней обстановка была бы нормальнее.)

Дорис стояла в столовой, возле встроенного в стену буфета, где находился их небольшой запас спиртного.

Брейд наблюдал за ней и раздумывал. Почему все

в его жизни сложилось так плохо? Все годы, что они женаты, над миром висела угроза атомной смерти. Все его детство прошло под знаком кризиса, угрожавшего семье. Выходит, он всю жизнь влечет тяжкий груз и сам о том не подозревает, потому что жить иначе ему просто не пришлось.

Дорис ушла на кухню за льдом и содой и быстро появилась снова, неся наполненные стаканы. Усевшись на подушку рядом с креслом, она спокойно посмотрела на Брейда широко расставленными карими глазами. «Лучшее, что у нее есть», — подумал он.

— Собственно, как все произошло? Я знаю только, что это несчастный случай.

Брейд одним глотком отпил полстакана сразу. Он отрывисто закашлялся, но ему стало легче.

— По-видимому, он взял для опыта цианистый натрий вместо ацетата.

О дальнейших разъяснениях он не заботился. Дорис успела привыкнуть к специальной терминологии за долгие годы своей жизни с мужем-химиком.

— Лу, это действительно ужасно, но в конце концов ты ведь за это несколько не отвечаешь?

Брейд упорно смотрел на стакан.

— Нет, нет, конечно. — И добавил: — Интересно, что сказал Кэп Энсон, когда не застал меня дома? Представляю, как он рассердился.

Но Дорис отмахнулась:

— Я его даже не видела, он разговаривал на улице с Джинни.

— Так рассвирепел, что и в дом не зашел. Хм!

— Сейчас не до Кэпа. Что сказал профессор Литлби?

— Ничего не сказал, дорогая.

— Что бы ни случилось, мы идем к нему в субботу вечером.

Брейд, не глядя на нее, сморщил лоб:

— Ты считаешь, что мы должны идти?

— Разумеется. Как всегда. Боже мой, Лу, все это очень печально, но не надевать же нам траур, не правда ли? — Она прищелкнула языком. — Этот молодчик всем доставлял одни неприятности.

— Ну, Дорис...

— Отто Ранке так тебе и говорил, когда ты принимал Ральфа.

— Вряд ли Ранке мог предвидеть что-нибудь подобное, — сказал Брейд спокойно.

Ранке был первым научным руководителем Ральфа Нейфилда. Как правило, аспирант выбирал себе руководителя сам. Предварительно побеседовав с преподавателями, он примыкал к тому, чья область работы казалась наиболее интересной, или же к тому, кто располагал наиболее щедрым списком государственных субсидий.

И Нейфилд выбрал профессора Ранке.

Но выбор оказался не из удачных. Обычно профессор поддерживает всех своих учеников и считает своим долгом (даже если впоследствии сам сожалеет об этом) не отступаться от них до самого конца — до получения степени либо до безнадёжного провала. Однако профессор Ранке отнюдь не считал себя обязанным подчиняться правилам, ограничивающим его власть. Если аспирант его лично не устраивал, он поднимал шум и избавлялся от юнца.

Этот низенький, полный человек считался ведущим физико-химиком факультета. Над ушами у него торчали пучки седых волос, а между ними простиралась розовая пустыня. Он был обладателем многих наград и почетных званий и единственной надеждой факультета на Нобелевскую премию — когда-нибудь в будущем. Его резкая прямота и сварливость стали притчей во языцех, хотя Брейду всегда казалось, что за собственными ему постоянным глумлением и вспышками ярости кроется известная осмотрительность. В конце концов это объясняли темпераментом гения, причем чаще всего о гениальности говорили именно те, кто смутно подозревал, что разобраться в этом человеке до конца не так просто. Однако Нейфилд в силу своего скверного характера не терпел скверного характера других, даже вышестоящих. Не прошло и месяца, как он расстался со своим руководителем и, тут же отправившись к Брейду, попросился к нему в вассалы.

По заведенному порядку, Брейд осведомился у Ран-

ке насчет юноши и был встречен негодующим фырканием:

— Невозможный мальчишка. С ним нельзя работать, сплошные неприятности.

Брейд улыбнулся:

— И с вами, Отто, не так легко работать.

— Я тут ни при чем, — вспыхнул Ранке. — Он полез с кулаками, буквально с кулаками, на Августа Уинфилда.

— Из-за чего?

— Из-за какой-то чепухи, из-за химического стакана, который Уинфилд взял, а Нейфилд только что вымыл. С Уинфилдом у меня никогда не было никаких хлопот, вполне перспективный молодой человек. И я не допущу, чтобы какой-то психопат сеял раздор в моей группе. Лу, если вы его примете, он вам наделает бед.

Но Брейд поступил по-своему. Сперва он дал юноше самому поработать в лаборатории, обращался с ним спокойно и сдержанно и решил от него не отказываться. Он понимал, какую приобрел репутацию, взяв к себе аспиранта с трудным характером, от которого старались отделаться другие профессора, и втайне даже гордился такой репутацией.

Временами он почти искренне забывал, что к нему, зная, что у него не хватает стипендий, шли только те, от которых отказывались другие профессора.

И при всем том некоторые экземпляры его коллекции оказались первоклассными исследователями, стоившими положенного на них труда. Спенсер Джеймс, призовой номер Брейда, работал в химическом концерне Мэннинга и справлялся прекрасно — лучше, чем большинство послушных и примерных мальчиков Ранке, ходивших перед ним на задних лапах.

Нейфилд стартовал очень медленно, но и он явно обещал стать первым экземпляром. Поразительные данные его последних опытов внушали надежду, что в пределах полугода он и Брейд закончат весьма интересную диссертацию.

Все это промелькнуло в мозгу Брейда после слов Дорис о Ранке, словно мгновенное видение, но тут же

сникло, рассеялось. Вот как все кончилось — не диссертацией, а цианидом.

Брейд продолжал, следуя своим мыслям:

— Между прочим, у меня есть все основания для траура. Ральф Нейфилд блестяще справлялся с математикой, гораздо лучше, чем я. Вместе с ним мы могли бы подготовить статью для «Журнала физической химии» — отличную математическую статью; она прошибла бы нашего Литлби и заставила бы его пошевелить мозгами.

— Закончи ее с кем-нибудь другим, — сразу нашлась Дорис.

— Можно бы уговорить Симпсона, нового аспиранта, пройти у Ранке курс кинетики и продолжать работу Ральфа, но я не уверен, что Симпсон одолеет кинетику. Кроме того, за одну только доработку проблемы Симпсон не получит степени, а я за это отвечаю.

— Ты и за себя отвечаешь, Лу. И за свою семью, не забудь.

Брейд взболтнул остатки виски на дне стакана. Как решиться сказать ей?

Но тут послышалось шарканье босых ног по ковру в верхнем холле, и разговор прервался сам собой. Детский голос громко позвал:

— Папа, ты дома? Папа?

Дорис стремительно, со сдержанно строгим видом направилась к лестнице.

— Вирджиния...

— Дай мне с ней поговорить, — вмешался Брейд.

— Кэп Энсон передал ей для тебя две главы. Это все, что ей нужно сказать.

— Тем не менее, я с ней поговорю.

Он поднялся вверх.

— Ну, что, Джинни?

Присев на корточки, он крепко ее обнял.

— А у меня к тебе поручение.

Ей шел двенадцатый год.

Пройдет несколько лет, и Джинни станет такой же высокой, как мать. Волосы у нее гладкие и темные, как у матери, и такие же широко расставленные карие глаза, но цвет лица отцовский.

— Когда я гуляла, подошел Кэп Энсон..

— Ровно в пять часов, — ласково улыбнулся Брейд. Он знал маниакальную точность старика и, вспомнив, что подвел его, снова почувствовал стыд. И все-таки он ни в чем не был виноват.

— Да, — подтвердила Джинни. — Он дал мне конверт и велел отдать его тебе, когда ты придешь домой.

— И вид у него был сердитый.

— Да, какой-то надутый, даже не улыбнулся ни разу.

— А конверт у тебя?

— Сейчас. — Она умчалась к себе и вернулась с туго набитым желтоватым конвертом. — Я его для тебя спрятала.

— Большое спасибо, Джинни. А теперь ложись-ка лучше спать. И не забудь закрыть за собой дверь.

— Ладно. — Джинни рассеянно ковыряла пластырь, красовавшийся на ее левой руке. — Вы с мамой будете разговаривать по секрету?

— Мы просто не хотим тебе мешать. Поэтому нужно закрыть дверь.

Он поднялся, слыша, как хрустнули колени, и сунул под мышку рукопись Энсона. Но Джинни не сводила с него блестящих от любопытства глаз:

— Папа, у тебя неприятности в университете, да?

Брейду стало не по себе. Может быть, она подслушивала?

— Почему ты так думаешь, Джинни?

Девочка была явно встревожена и возбуждена.

— Профессор Литлби тебя выгнал?

Брейд едва не задохнулся.

— А вот это уже глупо, юная леди, — сказал он резко. — Марш к себе в комнату. Никто папу не выгоняет. Ступай, ступай.

Джинни ушла. Дверь закрылась, но неплотно, и Брейд прихлопнул ее.

— И чтобы больше ни звука!

Брейд спустился вниз, негодуя про себя. Не следовало сердиться на Джинни, нужно было ее успокоить. Если ей передалась неуверенность родителей, то в этом виноваты они сами.

И тут он решил не ломать голову над тем, как бы помягче и поосторожней изложить все Дорис. «Пусть узнает все как есть», — подумал он с гневом.

Он твердо посмотрел ей в лицо:

— Самое неприятное, Дорис, вот что. Смерть Ральфа Нейфилда не была несчастным случаем.

Казалось, она потрясена.

— Ты хочешь сказать, что он сделал это сознательно? Покончил с собой?

— Нет. Решив покончить с собой, он не стал бы полностью подготавливать опыт. Я считаю, что с ним покончил кто-то другой. Ральф убит.

3

Дорис изумленно посмотрела на мужа и сердито засмеялась.

— Лу, ты с ума сошел. — Она с трудом подавила волнение, глаза ее расширились. — Полиция у вас была? Это они так решили?

— Разумеется, полиция была. Он же умер внезапно. Нет, она ничего не говорила об убийстве. Они предполагают несчастный случай.

— Так, может быть, ты предоставишь им действовать самим?

— Они не все знают, Дорис. Они не химики.

— При чем тут химики?

Брейд рассеянно посмотрел себе на пальцы и потянулся выключить торшер. В голове у него начало стучать, и свет казался назойливым. Теперь только на кухне горели флуоресцентные лампы, и в наступивших мягких сумерках ему стало гораздо легче.

— Банки с цианидом и ацетатом натрия выглядят одинаково, — начал он. — Допустим, Ральф не заметил, что по ошибке схватил не ту банку. Это возможно. И все же его не удалось бы провести.

— Почему?

— Столкнись ты с этим, ты бы сама поняла. Сыщику, например, показалось, что оба препарата состоят из одинаковых белых кристаллов, и, видит бог, я его не разубеждал. Но это два различных вещества, у них разная плотность. Ацетат натрия поглощает

больше влаги, поэтому его кристаллы слипаются плотней, чем у цианида. Ральф, как и все химики, набирал реактивы шпателем. Если бы он погрузил шпатель в цианистый натрий, то сразу бы понял, даже с завязанными глазами, что это не ацетат.

Дорис села на кушетку напротив него. Ее неподвижная фигура в полутьме казалась ему враждебной. На темном платье только руки выделялись белым пятном.

— Ты говорил кому-нибудь об этом?

— Нет.

— Не удивлюсь, если и сказал. Ты нередко ведешь себя странно. Но сейчас это уже не просто странности. Я думаю, ты сошел с ума.

— Почему?

— Ну подумай, ведь Литлби почти что обещал тебе в этом году повышение. Ты сам так сказал.

— Не совсем так, дорогая. Он сказал только, что считает одиннадцать лет ожидания достаточным сроком. Но это в равной степени может означать, что он ждет от меня заявления об отставке или собирается меня выгнать, как выразилась Джинни. Ты знаешь, она решила, что я уволен.

— Я слышала, — безучастно ответила Дорис.

— Откуда у нее эти мысли?

— Наверное, услышала наши разговоры по этому поводу. Она не глухая и достаточно взрослая, чтобы понимать, что слышит.

— Ты не находишь, что не следует развивать в ней неуверенность?

— По-твоему, ложная уверенность лучше? Лу, не отклоняйся от темы: ты должен получить постоянную должность.

— Дорис, наша тема — убийство. — Брейд говорил тихо, но голос его слегка дрогнул.

— Наша тема — твое служебное положение. Если один из твоих учеников отравился, Литлби вполне может воспользоваться этим и задержать твое повышение. Если же ты начнешь разглаживать об убийстве и поднимать шум, тогда уже для тебя все наверняка будет кончено...

— Я не намерен... — начал Брейд.

— Да, да, сейчас ты, конечно, намерен молчать, но потом сочтешь своим долгом выкинуть какую-нибудь нелепость. Долгом по отношению к науке или к обществу. Своим проклятым долгом всем и каждому, только не твоей семье.

— Мне кажется, Дорис, что ты не все до конца понимаешь, — сказал Брейд. Меньше всего в этот вечер ему хотелось читать лекцию. — Если в университетском городке появился убийца, я никак не могу отнестись к этому безразлично. Тем более нельзя оставлять убийцу на свободе в химической лаборатории, это уж последнее дело. Если ему снова взбредет в голову убить кого-нибудь, он найдет здесь и помимо цианида сотни, тысячи возможностей. Предугадать, которую из них он выберет, нельзя, даже если нам известно о его намерениях. Разве я выполню свой семейный долг, если стану его возможной жертвой?

— Ради бога, почему же ты?

— А почему кто-то другой? Почему Ральф? Почему в следующий раз не я?

— Ох, зажги свет. — Она сама нетерпеливо включила торшер. — Ты совершенно невыносим. При чем тут убийство? Твой идиот-студент взял по ошибке цианид и сам того не заметил. Можешь говорить что угодно, но факт остается фактом. Он чем-то отвлекся и не заметил. Легко сказать, что ни один химик не спутает цианид с уксусом, но нельзя же считать химика машиной. Химик тоже может быть рассеянным или раздраженным, сонным, забывчивым или взволнованным. Он может сделать уйму ошибок, самых нелепых. Так было и с Ральфом.

Брейд покачал головой. Свет утомлял его, но он не пытался снова погасить лампу.

— Не совсем так, Дорис. Есть вещественное доказательство.

Он говорил медленно, намеренно выбирая наиболее убедительные для нее слова.

— Ральф был очень методичен и всегда старался заранее подготовить все нужное для экспериментов, чтобы потом не отвлекаться в поисках того, чего нет под рукой. Ральф был педантичен даже в мелочах. Например, для всей серии своих опытов он заранее

заготовил десять колбочек с ацетатом натрия, по два грамма в каждой. Когда сыщик ушел, я заглянул в стол Ральфа и обнаружил семь оставшихся колбочек; с виду в них был ацетат натрия. Я решил не доверяться внешнему сходству и проверил содержимое на нитрат серебра. Если бы в колбах присутствовал цианид, даже в ничтожно малой доле, то от первой же капли нитрата должен был выпасть белый осадок цианистого серебра. Но осадка не было. Тогда я нашел колбу, взятую Ральфом для последнего опыта. Она стояла в вытяжном шкафу, прямо против сосуда, где проходила реакция. В ней еще были остатки реактива — это понятно, так как количество ацетата, добавляемого в смесь, не нормируется; вот к стеклу на дне и прилипло немного кристаллов. Я растворил их, добавил нитрат серебра и получил осадок. И хлорид серебра выглядел бы так же, как этот белый осадок, но при взбалтывании хлорид серебра снова не растворяется, растворяется только цианистое серебро. Осадок растворился. Хорошо еще, что Доэни не входил ни в какие детальные расследования, так как сам понял, что это ему не по зубам.

— Доэни? — резко спросила Дорис.

— Сыщик.

— А! Ну хорошо, может быть, ты теперь объяснишь, что означает вся эта болтовня о десяти колбах и нитрате серебра?

— Послушай, дорогая, тебе это должно быть ясно. Ральф приготовил для своих опытов все десять колб сразу. Две из них он уже использовал, одну позавчера, вторую — вчера и остался невредим. Его убила третья. Семь оставшихся колб безвредны. Допустим теперь, что он принял цианистый натрий за ацетат натрия: скажем, он торопился, у него сдали нервы, он действовал бессознательно, словом, все, что тебе угодно, — но тогда он засыпал бы цианид не в одну, а во все колбы. Не мог же Ральф, насыпав в одну из колб цианид, бежать как дурак обратно к полке и доставать ацетат для девяти других. И точно так же он не мог бы, заготовив ацетат в девяти колбах, ни с того ни с сего отправиться за цианидом для десятой.

Дорис нахмурилась:

— Он мог начать с цианида, а потом заметить, что ошибся.

— Тогда он высыпал бы все из колбы и вымыл бы ее.

— Может быть, он насыпал цианид не в одну, а во все десять колб, а потом, когда стал высыпать, одну случайно пропустил?

— Теперь ты настаиваешь уже на двух невероятных оплошностях. Первая — перепутать реактивы и вторая — оставить в колбе цианид. Господи, цианид не игрушка! Даже химик, привыкший к обращению с ядами, будет с ним осторожен. Осторожнее, чем кто-либо другой. Химик просто не может быть до такой степени рассеянным. А Ральф отличался исключительной внимательностью.

Дорис молчала, и в наступившей тишине Брейд напряженно прислушивался к своим мыслям. Как страшно, что, начав с такой мелочи, приходишь к столь неизбежному выводу. Однако это был путь, которым он привык идти в научных исследованиях. Он свободно пользовался логикой в мире абстракции и атомов; почему же так трудно применять ее к людям?

И Брейд медленно произнес:

— Отсюда вывод, что в одной из колб кто-то намеренно заменил ацетат цианидом.

— Зачем?

— Чтобы убить Ральфа, естественно.

— Но за что?

— Не знаю. Как я могу говорить о причинах, если ничего не знаю о его личной жизни. Он работал у меня более полутора лет, и все же я о нем практически ничего не знаю.

— И ты за это себя обвиняешь? А когда ты работал у Кэпа Энсона, что он о тебе знал?

Брейд невольно улыбнулся. Профессор Энсон, который в памяти ныне живущих всегда почему-то назывался не иначе, как Кэпом (кажется, был когда-то игрок в бейсбол по имени Кэп Энсон; возможно, из-за него?), считал, что любая минута, проведенная вне его лаборатории, это безвозвратно потерянная драгоценность; любой разговор, не относящийся к научным исследованиям, — мелкая, пустая болтовня. Он и сту-

дентов своих считал только продолжением самого себя: добавочные руки, дополнительный мозг.

— Кэп — особый случай, — пояснил Брейд.

— Знаешь, сейчас мне хотелось бы, чтобы ты походил на него. Ты всегда мне говорил, что у Кэпа есть особый дар ни на шаг не опережать факты. Ты же, наоборот, обгоняешь факты галопом. Вся твоя теория строится на предположении, что Ральф подготовил сразу все десять колб с ацетатом. А откуда ты знаешь? Даже если известно, что он всегда так делал, как ты можешь утверждать, что и на этот раз он поступил так же? Можно сколько угодно говорить, что он был методичен, осторожен и все прочее. Что он всегда поступал так, а не иначе. Но люди не машины, Лу. Даже если бы Ральф и приготовил все колбы, он вдруг мог потом заготовить еще одну, по каким-то причинам, о которых мы понятия не имели, или вообще без всяких причин. Возможно, он одну из колб разбил, или как-то испортил, или, может быть, вдруг заметил, что по ошибке приготовил не десять, а только девять колб, или... мало ли что еще. Тогда он мог взять еще одну колбу и как раз в нее, именно в нее одну случайно засыпать цианид.

Брейд устало кивнул:

— Может быть и мог бы. Все это сослагательное наклонение. *At hoc**. Если мы перестанем придумывать всякие «возможно» и «может быть» и пойдем по линии наибольшей вероятности, она приведет нас к убийству.

— Лу, ты не должен в это ввязываться. — Она говорила тихо и твердо. — Пусть это даже убийство, мне нет до него дела. Я не хочу никаких скандальных историй. Ты не должен рисковать своим назначением. Понятно?

Вдруг зазвонил телефон; он стоял рядом с Дорис, и она сняла трубку. Глядя на Брейда, она прикрыла трубку рукой:

— Профессор Литлби.

— В чем дело? — шепнул он удивленно.

* *At hoc* — специально для этой цели; приспособлено для оправдания (лат.).

Она покачала головой и приложила палец к губам: осторожнее! Брейд взял трубку.

— Хэлло, профессор Литлби!

Голос собеседника, как всегда, вызвал в памяти его лицо, и оно возникло перед глазами Брейда во всех подробностях: широкая красная физиономия, особенно красная по контрасту с белоснежными волосами на макушке; толстые, дряблые щеки; нос и подбородок словно две одинаковые луковицы (как будто созидаящий ангел, не желая терять времени, отлил их из одной формы), и фарфорово-голубые глаза в белой бахrome ресниц.

— Хэлло, Брейд! — начал декан. — Ужасная история. Мне только что сказали.

— Да, сэр. Крайне неприятно.

— Я мало что знаю об этом молодом человеке. Помнится, его не сразу допустили к работе над диссертацией — были какие-то возражения. Конечно, это к делу не относится, но все-таки характер много значит. Я неоднократно замечал, что тенденция к несчастным случаям в лаборатории всегда обусловлена появлением неуравновешенных особ. Однако пусть психиатры подыскивают этому затейливые объяснения, а мы удовольствуемся наблюдением фактов. Гм... Не заглянете ли вы ко мне завтра утром, до занятий?

— Конечно, сэр. Нельзя ли узнать, по какому поводу?

— Да просто некоторые соображения, возникшие в этой связи. Ведь лекции у вас начинаются в девять?

— Да, сэр.

— Тогда зайдите ко мне, скажем, в половине девятого. Ну, бодритесь, Брейд. Ужасно! Ужасно!

Не договорив третьего «ужасно», декан повесил трубку.

— Он хочет тебя видеть? — тотчас же спросила Дорис. — Зачем?

— Не стал объяснять.

Брейд взял уже пустой стакан, и ему захотелось наполнить его снова. Однако он просто сказал:

— Пожалуй, нам стоит поесть. Или ты уже ела?

— Нет, — отрывисто ответила Дорис.

За столом они молча занялись салатом, и Брейд был благодарен наступившей тишине.

Но Дорис не выдержала:

— Лу, я хочу, чтобы ты меня понял.

— Да, дорогая?

— Я не собираюсь больше ждать. Ты должен в этом же году получить постоянную должность. Если ты начнешь сам себе вредить, тогда конец. Лу, я долго ждала, каждый июнь мне приходилось сидеть и ждать, получишь ли ты снова эту маленькую карточку, утверждающую тебя еще на один год в должности помощника профессора. Больше я ждать не буду ни одного года.

— Но ведь ты не думаешь, что они не возобновят договора?

— Я вообще не хочу об этом думать, не хочу взвешивать все за и против — я хочу ясности. Если ты будешь адъюнкт-профессором, утверждение станет автоматическим. Ведь это и есть то, что называется постоянной должностью, — автоматическое возобновление договора из года в год?

— Если нет особых причин для отвода.

— Пускай. Я хочу, чтобы июнь для меня ничего не значил. Хочу, чтобы конец любого учебного года ничего для меня не значил. Я хочу, чтобы ты получил постоянную должность.

— Дорис, я не могу это гарантировать, — мягко ответил Брейд.

— Ты можешь гарантировать, что ее не получишь, если начнешь вести свои безумные разговоры об убийстве с Литлби или еще с кем-нибудь. И тогда... О, Лу... — Она быстро прикрыла глаза, точно удерживая слезы. — Я больше так не могу.

Брейд это знал. Он испытывал то же, что Дорис. Годы кризиса оставили свой тяжелый след на них обоих, вытравили их мужество; годы, когда им приходилось наблюдать мучительный страх родителей, о чем-то догадываться и не все понимать... «Постоянная должность» излечила бы их от этих воспоминаний, но что он мог сделать?

Брейд медленно и аккуратно поделил вилок лист латука пополам и еще раз пополам.

— Не думай, что мне так легко оставить это дело. Если это убийство, то в конце концов к такому же выводу придет и полиция.

— И пусть, раз тебя это не касается.

— Как это может меня не касаться? — Он встал из-за стола. — Я выпью еще.

— Давай.

Брейд кое-как смешал коктейль.

— Дорис, а ты подумала, кто может оказаться убийцей?

— Нет, и не собираюсь.

— Ну так подумай.

Он смотрел на нее поверх стакана, и мысль, что придется все ей открыть, была для него мучительна, но иначе поступить он не мог.

— Убийцей может оказаться лишь тот, кто разбирается в химии. Человек, не имеющий лабораторного опыта, не воспользовался бы цианидом, не рискнул бы вмешиваться в ход эксперимента. У него не было бы достаточной уверенности. Он выбрал бы более доступные средства — револьвер, нож, мог бы столкнуться с высоты.

— Неужели ты хочешь сказать, что убил кто-то из ваших факультетских?

— Иначе быть не может. Кто-то должен был войти в лабораторию и в одной из колб подменить ацетат цианидом. Если бы Ральф находился в лаборатории, это вряд ли удалось бы. Прежде всего он был болезненно подозрительным, никого и близко не подпускал к своим приборам, — именно из-за этого у него и вышли неприятности с Ралке. Стало быть, подменить реактив могли только в отсутствие Ральфа. А он никогда не забывал запереть лабораторию, даже если ненадолго выходил в библиотеку за справкой. Я не раз это наблюдал. Следовательно, убить мог только тот, у кого есть свой ключ.

— Ох уж эти рассуждения! Если тебе приходилось видеть, как он запирает дверь, то это еще не значит, что он всегда ее запирает. Мог и позабыть когда-нибудь. И даже если никогда не забывал — ключ не единственный способ открывать замки.

— Пусть так, если ты снова настаиваешь на самых отдаленных возможностях. Но лучше рассмотреть наиболее, а не наименее вероятные объяснения. Попробуй предугадать путь, по которому наверняка пойдет полиция: для них убийцей должен быть тот, у кого есть свой ключ от лаборатории; тот, кто разбирается в сути опытов Ральфа; кто знает, где хранятся колбы с ацетатом и так далее. Кроме того, ведь реактив был подменен только в одной из колб.

— Почему? — спросила Дорис, наконец сдаваясь.

— Потому что убийца знал педантичную натуру Ральфа, знал, что Ральф проводит ежедневно по одному опыту и для каждого опыта берет из своего запаса колб только одну, причем каждый раз крайнюю слева. При таком расчете колбу с ядом приготовили на четверг, на тот день, когда Ральф остается один, так как его напарник по четвергам не бывает в лаборатории. Убийца доподлинно знал всю обстановку.

— Лу, к чему ты клонишь?

— Да только к тому, что полиция сопоставит все эти данные и найдет единственное, наиболее соответствующее им лицо.

— Кого?

— Кого! Как ты думаешь, почему я так старался не допустить даже намека на все это, когда говорил с полицейским? — Брейд осторожно отпил глоток и вдруг осушил залпом весь стакан. — Меня самого, дорогая! — сказал он хрипло. — Я как раз то лицо, к кому подходят все эти данные. Заподозрить в убийстве можно только меня.

4

На следующее утро дорога в университет казалась еще дольше вчерашней дороги домой. Накануне он завершил вечер третьим и, наконец, четвертым стаканом; но виски не вселило в него бодрости — скорее, вызвало отупение.

Дорис погрузилась в зловещее молчание и не отрывалась от телевизора. Брейд, вынув из конверта рукопись Энсона, хотел было просмотреть ее ради старика, но буквы начали прыгать у него перед глазами,

и после пяти попыток прочесть начальный абзац он сдался.

Ночью оба они не спали, а на худеньком лице Джинни с утра было испуганное, напряженное выражение, и она поскорее ускользнула в школу. Брейд давно уже решил, что у детей есть невидимые антенны, воспринимающие непонятные настроения взрослых, от которых зависит их детская жизнь.

Не то чтобы он упрекал за что-то Дорис или себя самого. Их положение было следствием неразрешимой путаницы обстоятельств, в которой увязло все человечество.

Он заканчивал аспирантскую диссертацию под руководством старого Кэпа (старого — даже в то время), когда ему предложили приступить к преподавательской деятельности в университете. Это был дар небес, предел самых дерзких мечтаний. Его не соблазняла увлекательная, но весьма ненадежная работа в промышленности. Он не способен был, подставив подножку ближнему, бодро перешагнуть через него, не согласился бы на это даже в погоне за субсидией и хотел только спокойного, прочного места в жизни — уверенности, а не риска. Тогда он и женился на Дорис. Их желания совпадали: ей также нужна была лишь твердая уверенность в завтрашнем дне. Оба предпочитали не взлетать вовсе, лишь бы не подвергать себя риску упасть.

А что могло быть лучше должности преподавателя в прославленном старом университете? Наступал ли кризис, сокращались ли временные оклады, профессора и преподаватели все равно жили как ни в чем не бывало и доживали до седых волос, до почтенной старости. И даже после ухода в отставку профессора снабжали мягкой перинкой пенсии в половину оклада до тех пор, пока не ставилась последняя пометка о его пребывании на земле, пока не обращал наконец профессор свой усталый взор к великой черной доске вечности.

Время шло, и через два года Брейд стал помощником профессора. Его исследования касались разных вопросов — интересных, но не вызывающих споров: даже здесь он старался уклониться от шумихи, спе-

циально подбирая спокойные темы. Но шумиха вознаграждалась дотациями и субсидиями, а его они миновали, как и звание адъюнкт-профессора.

Он понимал состояние Дорис. Семнадцать лет службы — и ежегодно белая карточка, извещающая о возобновлении договора. Но на один год.

Естественно, Дорис хотела, чтобы должность была постоянной. Брейд старался объяснить, что постоянная должность — всего лишь пустые слова. Допустим, со штатного места нельзя уволить без причины или помимо решения университетского совета профессоров (из которых каждый ревниво оберегает собственное постоянное место). На самом же деле никого и не требуется увольнять: достаточно будет деликатно шепнуть профессору, что ему пора в отставку. А если кто-то станет упорствовать, то обиды от ежедневных мелких придирок будут скапливаться, пока не вырастут в гору и необходимость расстаться с должностью, пусть даже постоянной, станет неизбежной и неотвратимой. Но Дорис понимала только, что сейчас, при настоящем положении вещей, они могут потерять все, даже маленькую белую карточку. Для увольнения с временной должности не требуется ни каких-либо причин, ни решения совета.

Это была болезнь, порожденная кризисом, — Дорис нуждалась в уверенности.

Брейд утрюмо подумал, что сам нуждается в том же. Он подъехал к факультетской стоянке машин и занял свободное место. Занял то, что ему полагалось. Заповедные места у каменной стены здания химического факультета предназначались для адъюнкт-профессоров и высшей профессуры. Обычно это его не задевало, но сейчас он и здесь вдруг увидел проявление Уверенности, недоступной без перехода через магическую пограничную черту.

Он поднялся по резной деревянной лестнице, которая, огибая здание, вела к главному входу. Внизу, вдоль вымощенной кирпичом дорожки, стояли каменные скамьи, и двое расположившихся там студентов заметили Брейда. Один из них что-то шепнул соседу, и оба посмотрели ему вслед.

Брейд на ходу втянул голову в плечи. Утром он не

купил газеты. Там, конечно, уже обо всем написано. Господи, неужели все теперь будут пялить на него глаза! Уж не мерещится ли им, что у него вместо головы череп с надписью: «Берегитесь, цианид!»

Он заметил, что шагает чересчур быстро, и у входа в большую двойную дверь принудил себя замедлить шаги.

Стоит только повернуть отсюда налево, и день будет испорчен с самого начала. А ведь он мог пойти направо к лифту и подняться к себе, на четвертый этаж.

Но он повернул налево и вошел в дверь с табличкой «Деканат химического факультета». Почему-то он сразу ощутил себя учеником начальной школы наедине с высоченным, суровым учителем, отсылающим его к великану-директору.

Брейд взглянул на часы: всего двадцать минут девятого, оставалось еще десять минут.

Когда Брейд сел, Джин Мэкрис отделалась от какого-то студента и поднялась со своего места.

— Подождите минутку, профессор Брейд, и он вас примет: сейчас он говорит по телефону.

— Ничего, — сказал Брейд. — Я пришел слишком рано.

Она вышла из-за своего стола и, толкнув вертушку, служившую входом за перегородку, направилась к Брейду. Она являла собой олицетворение тревоги.

Ее длинное лицо с выступающими вперед зубами выражало постоянную скорбь, но, по мнению Брейда, похоронный вид Джин вряд ли свидетельствовал о меланхолическом складе. Она хорошо справлялась с делом, ловко выпроваживала нежелательных посетителей, извещала Брейда о программе дня и, как только у нее выдавалось время, старалась заменить ему личного секретаря, которого факультет не стал бы оплачивать.

— Я была крайне поражена вчера, когда вы мне позвонили, — доверительно обратилась она к Брейду. — Воображаю, как вас это потрясло, профессор Брейд.

— Да, это был неожиданный удар, мисс Мэкрис.

Тон ее стал еще более интимным:

— Надеюсь, миссис Брейд поняла, почему вы задержались. Я постаралась объяснить.

— Да, благодарю вас.

— Я просто побоялась, что поскольку вы всегда так точны, миссис Брейд может подумать, ну понимаете... Может расстроиться и даже вообразить...

У Брейда промелькнула дикая мысль, не намекает ли мисс Мэкрис, что его могут заподозрить в сексуальной распушенности. Он уставился на нее с некоторым ужасом.

Она ловко перевела разговор:

— Наверное, вас особенно расстраивает то, что это ваш ученик.

— Да. Конечно.

— Так вот, в связи с этим...

На столе у мисс Мэкрис тихо загудел зуммер, и Джин заторопилась.

— Профессор Литлби может вас принять, но когда вы вернетесь, я вам скажу. — Она значительно кивнула.

Уходя, Брейд видел, как Джин поправляет белую блузку, столь же девственно чистую, подумал он рассеянно, как и колебавшаяся под ней неприметная грудь.

Профессор Литлби повесил трубку и механически улыбнулся. «Возможно, — подумал Брейд, — и он когда-то умел улыбаться искренне, но, занимая высокую начальственную должность, вряд ли можно полагаться только на собственные душевные реакции: ведь нужно обеспечить бесперебойную подачу улыбок в каждом подобающем случае. Необходимо иметь нечто более прочное и надежное, вот и пускается в ход автомат, который совершенствуется и смазывается, пока не появятся гарантии, что улыбка выпорхнет на уста при первом же требовании, независимо от событий или от отношения к ним».

И Брейд в свою очередь механически улыбнулся.

— Здравствуйте, профессор Литлби.

Профессор Литлби кивнул и потер ухо.

— Ужасный случай. Ужасный.

Его широкое лицо, выбритое до красноватого блеска, выразило соответствующую моменту озабоченность.

Время остановилось для Литлби двадцать лет тому назад. В ту пору его книга по электрохимии выдержала три издания и ею пользовались как учебником. Но четвертое издание так и не появилось, и книга вышла из обращения. Иногда Литлби задумчиво поговаривал, что надо ему выбрать время и подготовить новое издание, но даже сам не верил своим словам.

Да и зачем ему было этим заниматься? Книга обеспечила ему имя, а несколько патентов, относящихся к гальваностегии хрома, — скромный, но независимый доход и приглашение на должность декана, когда умер старый Баннерман.

Брейд кивнул, соглашаясь, что случай действительно ужасный.

— Конечно, — начал Литлби, — не так уж странно, что все произошло именно с этим аспирантом. Совершенно нелепый тип, как я вам и сказал вчера по телефону. Жалею, что приходится говорить так о вашем ученике, тем более после ваших благоприятных отзывов о нем, но я просматривал характеристики и должен сказать, что весь профессорско-преподавательский состав был о нем дурного мнения.

— В некоторых отношениях он был трудный молодой человек, но обладал определенными достоинствами.

— Вполне возможно, — сухо сказал Литлби. — Впрочем, это к делу не относится. Я прежде всего обязан думать об университете, о нашем факультете.

Литлби перебирал бумаги на столе, и Брейд исподволь наблюдал за ним.

— Нам не следует допускать разговоров, — продолжал Литлби, — что не были приняты должные меры предосторожности, что мы пренебрегли техникой безопасности.

— Нет, нет, конечно.

— Кстати, как это произошло? Я знаю, что он вдохнул цианистый водород, но каким образом?

Брейд, не входя в подробности, изложил факты.

Литлби сказал:

— Ну вот вам, пожалуйста. Сосуд нельзя было оставлять открытым. Тогда он не сунул бы туда свой дурацкий нос.

— Нейфилду, очевидно, казалось, сэр, что при открытом сосуде ему будет легче регулировать ход эксперимента.

— Чепуха. В том-то и беда с современной молодежью, что безопасность у них на последнем месте. Знаете, я обошел лаборатории, и мне стало дурно, буквально дурно, от того, что я увидел. Растворители кипятят на открытом огне. При нагревании никто не пользуется асбестовыми сетками. А вытяжные шкафы в ужасающем состоянии. Откровенно говоря, я собирался созвать факультетское собрание именно по данному вопросу, и чрезвычайно прискорбно, что я не успел его созвать до этого происшествия.

Брейд неловко заерзал на стуле. Никаких особых нарушений техники безопасности в студенческих лабораториях не было.

— Сэр, если не считать порезанных пальцев да небольших ожогов кислотой, это единственный несчастный случай за последние десять лет.

— А вам бы хотелось больше?

Брейд промолчал, и Литлби, насладившись тем, как ловко он парировал его слова, заговорил снова:

— По-моему, прежде всего мы должны заняться организацией специального курса по технике безопасности, прочесть лекции о том, что, так сказать, можно и что нельзя у нас в химии. Лекции назначим на пять часов, с обязательным посещением для всех, кто проходит лабораторную практику, как для старшеклассников, так и для аспирантов. Ваше мнение?

— Попробуем.

— Хорошо. Я попрошу вас, профессор Брейд, организовать этот курс, и, думаю, будет очень неплохо, если вы предложите Кэпу Энсону к вам присоединиться. Старик безусловно обрадуется случаю проявить себя, и это как раз удобный случай что-нибудь для него устроить.

— Да, сэр, — холодно произнес Брейд.

Все это ему не понравилось: похоже, для него придумали специальное наказание, как у Данте, нечто вроде искупления вины, обряда очищения. Его аспирант оказался неосторожным, и за это он, Брейд, должен приучать к осторожности других студентов.

— Пожалуй, хватит по одной лекции в неделю, — говорил Литлби, — и начать теперь же. Если газеты... — Он прокашлялся. — Думаю, вреда не будет, если мы скажем, что это уже было запланировано как часть нашей постоянной программы по технике безопасности. И обмана тоже не будет, раз я уже готов был заняться этим, как я вам говорил..

Он вдруг взглянул на стенные часы, на них было без четверти девять.

— У вас в девять лекция, профессор Брейд?

— Да.

— Полагаю, вы в состоянии ее провести. Или вы настолько потрясены, что...

— Нет, — быстро сказал Брейд, — я вполне готов вести занятия.

— Прекрасно. Да, по поводу нашего маленького собрания завтра вечером. Надеюсь, вы с вашей милой супругой все-таки сможете прийти? Хотя, если вы чувствуете, что при данных обстоятельствах...

Брейд с трудом удержался от резкого ответа.

— Мы, по всей вероятности, придем. Для нас это такая приятная возможность, что...

И путаясь в неоконченных фразах, оба механически заулыбались и раскланялись с чопорной вежливостью, в которой не было ни капли дружеских чувств.

«Он не хочет, чтобы я приходил, — подумал Брейд. — Я отмечен смертью. Дурная слава. Только ради Дорис — иначе мы бы не пошли».

Бедная Дорис. Если раньше и была какая-то надежда на повышение, то сейчас все выглядело довольно безотрадно. Маленькие глазки Литлби ничего хорошего не обещали. Бедный Брейд. Перенесет ли это Дорис? Иногда она впадает в отчаяние, но прежде всегда находила в себе новый запас сил; конечно, найдет и теперь.

Когда он выходил из кабинета, он вспомнил слова Литлби о характеристиках, и его мысли заработали в ином направлении. Каждый преподаватель не только оценивал успеваемость ученика отметкой, которая предавалась широкой гласности, но еще и составлял

его характеристику, по возможности более полную. Она оставалась негласной.

Конечно, профессора и преподаватели имели доступ к таким документам, и прежде чем стать руководителем Ральфа, Брейду тоже пришлось заглянуть в его характеристики. Но тогда он лишь бегло просмотрел их. Он знал, что Ральф на плохом счету, и не собирался принимать это во внимание.

Теперь все выглядело в новом свете. Кто бы ни был убийца, он должен был испытывать к Ральфу ненависть, злобу, какое-то чувство, настолько сильное, что оно могло привести к убийству. Ранке терпеть не мог юношу, и даже доктор Шалтер из медицинского института, лишь изредка встречавший Ральфа, неодобрительно к нему относился, как и многие другие, наверно. Но у кого-то в формулировке отзыва мог промелькнуть затаенный между строк, еле уловимый оттенок личного чувства.

Брейд с величайшим облегчением вспомнил, что, во всяком случае, его собственные отзывы о Нейфилде были самыми лестными. Он был единственным из профессоров и преподавателей факультета, о котором нельзя было сказать, что между ним и Ральфом существует какая-то неприязнь.

— А? — Брейд вздрогнул, когда голос Джин достиг наконец его слуха. — Простите, мисс Мэкрис, боюсь, что не слышал вас.

— Где уж вам услышать! — игриво сказала Джин Мэкрис. — Вы вышли из кабинета в таком мрачном раздумье, что мне пришлось схватить вас за локоть, а то бы вы наткнулись на дверь.

— Да? Ну теперь я вас слушаю.

— Профессор Литлби... — она украдкой показала глазами на внутреннюю дверь, — он не очень свирепствовал? Нет?

— Нет, самый обычный деловой разговор.

— Ну и прекрасно. Так вот, я хочу облегчить вашу душу. Если вы уж совсем расстроились из-за Ральфа, если вам кажется, что это ваша личная потеря...

Теперь взгляд ее стал серьезным, длинное лицо склонилось немного набок, и в голосе зазвучали какие-то возбужденные нотки, точно она давно уже

приготовилась к этому разговору, но не хотела портить впечатление излишней поспешностью.

— Мисс Мэкрис, у меня начинаются занятия, — предупредил Брейд. — Что, собственно, вы хотите сказать?

Джин внезапно приблизила к нему лицо, ее глаза блестели.

— Только то, что нечего вам горевать из-за Ральфа. Он того не стоит. Он ненавидел вас.

5

Ничего не ответив, Бред поспешил уйти от нее и машинально начал быстро подниматься по лестнице к себе в кабинет. Только между вторым этажом и третьим он вспомнил, что у него сейчас лекция, круто повернулся и торопливо сбежал вниз.

Он вошел в аудиторию на первом этаже, слегка запыхавшись. Студенты уже собирались.

Этот зал-амфитеатр, рассчитанный на двести пятьдесят человек, был очень удобен для проведения семинаров и контрольных работ, так как здесь удавалось рассадить студентов поодиночке, подальше друг от друга. Но на старшем курсе, изучавшем органику, числилось всего шестьдесят четыре студента и обычно в центральной секции, ближе к кафедре, собиралась меньшая их часть, а остальные рассеивались вокруг них по рядам во всех направлениях.

Постоянных мест ни у кого не было, и это стихийное размещение можно было, по мнению Брейда, трактовать математически, как проблему диффузии.

Разумеется, в этот день слушатели расположились совсем не так, как всегда. Явления диффузии не было. Все шестьдесят четыре студента сидели вплотную друг к другу в центральной секции у самой кафедры, как будто чья-то гигантская рука смела их вниз и сжала в плотный комок.

Льюис Брейд невольно поправил очки, как бы не доверяя собственным глазам. «Им хочется поближе меня разглядеть, — подумал он, — они хотят узнать, что я чувствую сейчас, после того, как погиб мой

ученик. А может быть, это просто обычный непреодолимый интерес к смерти?».

Он начал лекцию сухим, ровным тоном, намеренно усвоенным для занятий.

— Сегодня мы рассмотрим несколько важных групп из тех соединений, в молекулах которых присутствуют углерод и кислород, соединенные двойной связью. Такие группы называются карбонильными...

Брейд изобразил на доске карбонильную группу.

Он слышал свой голос, по-прежнему твердый, несмотря на все происшедшее. Вот когда он мог порадоваться, что присущая ему манера излагать материал полностью исключала всякое проявление его собственных чувств.

Совершенно противоположную манеру чтения избрал Мерилл Фостер, другой химик-органик факультета (работает всего лишь семь лет и уже помощник профессора, наравне с Брейдом, — одаренный, честолюбивый и — позер).

Фостер вел курс химии синтетических соединений для аспирантов. Брейд навсегда запомнил, как вышла из себя Дорис, когда узнала, что вести аспирантский курс поручили Фостеру. Нелегко было объяснить ей, что занятия со студентами последних курсов считаются более ответственными и сложными, чем занятия с аспирантами.

Она определяла ранг преподавателей по рангу их учеников, и занятия с аспирантами казались ей, соответственно, более почетной и важной работой, чем занятия со студентами колледжа.

— Как раз наоборот, — говорил ей Брейд. — Стершекурсников всегда поручают наиболее опытным, зрелым преподавателям. Провести курс лекций для аспирантов может любой выскочка из числа свежееиспеченных магистров.

Кроме того, Брейд не мог согласиться с педагогическими приемами Фостера. Фостер намеренно придавал своим лекциям характер веселой, непринужденной беседы, что нравилось некоторым студентам, но дисциплину разбалтывало. Беспольные продукты побочных реакций, получающиеся в ходе синтеза, он именовал барахлом и дерьмом. Он никогда не говорил

«добавить пиридин», а только «впрыснем пиридинчика».

Особенно не нравилась Брейду манера Фостера вставлять по ходу лекции колкие замечания, задевая студентов, причем он чаще всего выбирал своей мишенью кого-нибудь одного, преимущественно из тех, кто за словом в карман не лез, кого было легче вовлечь в состязание остротами между кафедрой и аудиторией, — в состязание, победителем из которого всегда выходил преподаватель.

Дела Ральфа у Фостера шли неважно. Брейд попытался было поговорить об этом с Нейфилдом, но аспирант упрямо молчал и один только раз сердито обмолвился о своей личной неприязни к Фостеру.

Тогда Брейду показалось, что ему ясно, в чем дело. Ральф принадлежал как раз к тому типу людей, дразнить которых было любимым занятием Фостера, но по натуре своей был не из тех, кто молча переносит щелчки. И если Фостер избрал его мишенью для своих острот, то, наверное, и Ральф не остался в долгу и отвечал, быть может, куда более едко, чем ожидал Фостер.

Только зачем кому-то понадобилось убивать Ральфа? Невзлюбивший его профессор Ранке мог, изъявляя гнев, вычеркнуть юношу из списка своей группы, что он и сделал и, наверное, счел такое наказание вполне достаточным. А для профессора Фостера, невзлюбившего Ральфа, была опять-таки достаточным реваншем жирная тройка, навсегда испортившая матрикул аспиранта. Даже если у них были поводы, разве они могли избрать именно этот способ убийства? Они не знали, как юноша проводит свои исследования. Зато Брейд знал. И кое-какой повод у Брейда намечался.

Он уже не мог уйти от этих мыслей. Он снова видел перед собой длинное лицо Джин Мэкрис, ощущал на себе ее дыхание, когда она заявила: «Он ненавидел вас».

Она сама ненавидела Ральфа. Она исходила яростью, такой неистовой, что у Брейда мороз по коже побежал.

Но с чего ей ненавидеть Ральфа? Конечно, возненавидеть человека можно по многим причинам, тем

более девушке легко возненавидеть юношу. Но каковы были причины в данном случае? И за что, черт побери, мог Ральф возненавидеть его, Брейда? Разве дал ему Брейд хоть какой-нибудь повод для ненависти? Ведь он помог парню, встал на его сторону, когда все отказались от Ральфа. На какой-то момент Брейда охватила не лишенная приятности жалость к самому себе.

Независимо от причин, ненависть Ральфа была опасной. Если полиция о ней узнает, то начнет докапываться до ее причин и сможет истолковать что-нибудь не в пользу Брейда. У человека, возбудившего ненависть, может оказаться повод желать смерти тому, кто его ненавидит. А если все — и способ убийства, и повод к нему — указывает на Брейда, то он и в самом деле приперт к стене.

Правда, Джин могла солгать. Но в таком случае зачем?

— ...Помимо формалина, который, как я уже сказал, является просто водным раствором формальдегида...

Голос его оставался неизменно ровным.

Наверно, Брейду было легче владеть собой от сознания, что между ним и студентами идет скрытая борьба. Они пристально наблюдали за ним, ожидая, что у него надломится голос, спутаются мысли, что он хоть чем-то невольно покажет, как глубоко взволнован вчерашним событием. Если он ничем не выдаст себя, они будут разочарованы, но Брейд не собирался оправдывать их надежды.

Наконец раздался звонок и Брейд положил мел.

— В понедельник мы рассмотрим различные реакции карбонильных соединений.

Он направился к двери.

У себя в кабинете Брейд застал Кэпа Энсона, который, поджидая его, просматривал новую книгу по химии гетероциклических соединений (первый том из объявленного десяти томного издания). Когда Брейд открыл дверь, Энсон поднял глаза (в свое время эта комната была его кабинетом), и лицо старика сморщилось в улыбке:

— А, Брейд! Прекрасно!

Энсон уселся в конце длинного стола, предназначенного для совещаний, развернул пачку рукописных листов и выжидающе посмотрел на Брейда:

— Вы прочли пятую главу в исправленном варианте?

Брейд чуть не рассмеялся, настолько ему стало легко: у него отлегло от сердца. Точно вдруг щелкнула и развернулась какая-то сжатая в нем пружина. Пусть гибнут аспиранты, пусть приходят с допросом полицейские, пусть все, кого он ни увидит, стараются выискать в нем следы встречи со смертью. Но Энсон, все тот же добрый старый Кэп Энсон, не думал ни о чем, кроме своей книги.

— Простите, Кэп, мне не удалось до нее добраться.

Маленький Энсон сразу сник от разочарования.

(Разумеется, Энсон был маленьким только по росту. Он все еще тщательно одевался, носил тугие белые воротнички, и пиджак на его худощавой фигуре всегда был аккуратно застегнут на все пуговицы. Последние годы он обзавелся тростью, но если и опирался на нее, то лишь в тех случаях, когда его никто не видел.)

Он произнес:

— Я думал, вчера вечером...

— Совершенно верно, я обещал прочесть исправления и обсудить с вами главу про Берцелиуса, но, к сожалению, мне не удалось прийти вовремя. — Брейд чуть было не добавил в свое оправдание, что опоздал впервые.

— Неважно, ведь вы могли прочесть рукопись вечером, когда вернулись домой.

Голубые глаза (все еще острые, все еще необыкновенно живые) требовательно смотрели на Брейда, как будто убеждая его, что главу он все-таки прочел, нужно только об этом вспомнить.

— Простите, Кэп, вчера вечером я был немного расстроен. Хотите, прочитаем сейчас вместе с вами и посмотрим по ходу дела, что там бросается в глаза.

— Нет. — Кэп Энсон снова собрал листы рукописи, руки его слегка тряслись. — Я хочу, чтобы вы ее продумали, это важная глава. Я перехожу здесь к рассмотрению органической химии как современной

систематизированной науки, а это очень сложный момент. Я приду к вам завтра утром.

— Ладно, только завтра суббота и я обещал Дорис свести дочку в зоопарк, если будет тепло.

Казалось, Энсон о чем-то вспомнил. Он резко спросил:

— А ваша дочь передала вам копию рукописи, которую я ей вчера оставил?

— Да, да.

— Хорошо. Так я буду у вас завтра утром.

Энсон встал. Он пропустил мимо ушей слова Брейда о том, что тот собирается пойти погулять с дочерью. И, зная характер Кэпа, Брейд не ждал от него ничего другого. Энсон был занят своей книгой, а все остальное его не касалось.

Книга! Мысль о ней снова вызвала глубокую жалость к Кэпу, точно у Брейда не было собственных тревог. Энсон преуспел в жизни, он достиг почестей и славы, но... прожил слишком долго. Дни его подлинного величия, когда он властной рукой правил всей органической химией, когда его неодобрительный отзыв мог подавить в зародыше любую гипотезу, когда его докладам на съездах благоговейно внимали толпы людей, кончились двадцать лет тому назад.

Когда Брейд, его ученик, защищал свою диссертацию, Энсон был уже ветераном, старейшиной и органическая химия начала его обгонять.

Занималась заря новых дней. В химическую лабораторию пришла электроника; теперь Брейд со стыдом признавался себе, что когда-то он боролся против нее, но так оно и было. Химия стала инструментальной, математизированной, включала в себя механизм реакции и кинетику. Прежняя химия, основанная на интуитивном познании, химия-искусство, ушла в прошлое.

Ей оставался верен только Энсон, и химики говорили о нем, как о великом, но давно почившем ученом, хотя во время международных съездов химиков в коридорах отелей все еще изредка встречалась маленькая фигурка, и в ней узнавали нынешнего Энсона. И вот Энсон, теперь заслуженный профессор в отставке, взялся за свой грандиозный труд, задуман-

ный еще до выхода на покой. Он сел писать исчерпывающую историю органической химии, подробное повествование о той поре, когда гиганты превращали воздух, воду и уголь в вещества, каких не бывало в природе.

«Но разве это не просто бегство, — подумал Брейд, — разве это не категорический, бесповоротный уход от действительности, от методов современной физической химии к его, Энсона, любимым реакциям, к минувшей эре его владычества?»

Брейд спохватился, когда Энсон уже подходил к дверям.

— Да, кстати, Кэп...

Энсон обернулся:

— Да?

— Со следующей недели я начну курс лекций по технике безопасности в лаборатории и буду чрезвычайно признателен, если у вас найдется время прочесть одну-две лекции. А в конце-концов, Кэп, ни у кого здесь нет такого опыта лабораторной работы, как у вас.

Энсон нахмурился.

— Техника безопасности в лаборатории? А, да... ваш молодой человек, этот Нейфилд. Он погиб.

Брейд подумал: «Значит, он все-таки знает».

— Да. Мы решили провести лекции отчасти и по этой причине.

Но лицо Энсона вдруг неузнаваемо исказилось от ярости, он высоко занес трость и так грохнул ею, что удар прозвучал как пистолетный выстрел.

— Ваш ученик умер, и его убили вы, Брейд. Вы!

6

Ошеломленный резким ударом трости по столу, а более всего — чудовищным смыслом слов Энсона, Брейд замер на месте. Рука Брейда безотчетно потянулась назад и стала нащаривать спинку стула, как будто самое главное для Брейда сейчас было найти точку опоры.

Энсон сказал уже более спокойно:

— Брейд, вы не можете отрицать свою ответственность.

— Кэп, я... я...

— Вы его научный руководитель. Вы несли ответственность за все его действия в лаборатории. Вам следовало знать, что это был за человек. Вы обязаны были вникать в каждый его поступок, в каждую мысль. Вы должны были либо вправить ему мозги, либо выставить его, как сделал Ранке.

— Вы имеете в виду моральную ответственность? — От облегчения Брейд даже ослаб, как будто моральная ответственность за смерть юноши ничего не значила. Он отыскал позади себя стул и сел. — Ну, Кэп, не может же преподаватель отвечать за все поступки своих учеников, есть какой-то предел.

— Не вам говорить о пределе. И я обвиняю не только вас. Это пример современного отношения к делу. Научная работа превратилась в игру. Ученая степень стала просто утешительным призом за пару лет отсидки в лаборатории, а профессора проводят время у себя в кабинетах, сочиняя прошения о субсидиях. В мое время степень завоевывали трудом. И денег за это аспирант не получал. Ничто так не оскверняет научную деятельность, как превращение ее в средство заработка. Мои ученики изводились в лабораториях до полусмерти ради получения степени, рвались к ней, но получали ее не все. Зато удостоенные степени знали: они получили то, что за деньги не купишь и никакими махинациями не раздобудешь, — за степень надо расплачиваться кровью. И работы их стоили этих жертв. Вы знаете, какие мы выпускали диссертации. Вы их читали.

Брейд сказал с неподдельным уважением:

— Разумеется, Кэп, я их читал. Большинство из них просто классика.

— Хм! — Энсон позволил себе немного смягчиться. — А как вы думаете, почему они стали классическими? Потому что я своих аспирантов терзал. Нужно было, я приходил сюда по воскресеньям, и, ей-богу, они тоже приходили. Если требовалось, я работал ночами, и, клянусь, они тоже не спали. Я проверял их непрестанно. Все их замыслы были мне известны.

Раз в неделю каждый из них приносил мне копии своих записей, и мы прочитывали их вместе слово за словом, страницу за страницей. А скажите-ка мне, что вам известно о копиях записей Нейфилда?

— Меньше, чем следовало бы, — пробормотал Брейд. В замешательстве он почувствовал, что его бросает в жар. Энсон в чем-то впадал в крайности, но большая часть его слов была истиной, достаточно горькой. Ведь именно Энсон ввел в традицию лабораторные рабочие тетради, в которых белые листы, служившие копиркой, чередовались с желтыми.

Все данные исследований, все подробности опытов (а в идеале — и все мысли) заносились на белый лист и отпечатывались на желтом, а через определенный срок аспиранты отрывали эти желтые копии и передавали их научному руководителю.

Брейд и многие университетские профессора до сих пор поддерживали эту традицию, но уже не столь увлеченно, как в свое время Энсон.

И вообще, Энсон был личностью легендарной. О нем слагались предания. Среди них было много анекдотов, которые обычно рассказывают о чудаках-ученых. Но часть историй походила на правду и иллюстрировала способность Энсона докапываться до мельчайших деталей.

Рассказывали, например, как однажды он пришел в лабораторию на рождество — единственная живая душа во всем пустом здании (он воспользовался своим специальным ключом, чтобы туда попасть) и провел целый день, дотошно исследуя рабочие места своих аспирантов, от лабораторных столов до мензурок. На следующий день он предъявил ошарашенным, растерянным ученикам (а зная его, они не рискнули остаться дома даже на утро после рождества) список расставленных не по алфавиту химикалий, скрупулезный перечень сосудов с растворами, по рассеянности не прикрытых сверху перевернутой мензуркой, полную сводку отступлений от введенных им, Энсоном, правил абсолютной безопасности и порядка. И все это сопровождалось язвительными и чрезвычайно обидными комментариями Энсона по адресу каждого.

Но ученики его боготворили, и для Брейда он когда-то был кумиром.

Теперь, на склоне лет, Кэп мало чем напоминал прежнего Энсона — теперь это был старик, которого все уважали и ублажали в память прежних заслуг.

— Кэп, вы знали Ральфа?

— Что? Нет. Иногда встречал его в вестибюле. Для меня это был просто еще один физико-химик из тех, что болтаются в лабораториях органики.

— Вы что-нибудь знали о его работе?

— Знаю, что она была связана с кинетикой, и ничего больше.

Брейд был разочарован. Ему вдруг пришло в голову, что Энсон все еще беседует со студентами, расспрашивает их о ходе исследований, дает советы. Он мог говорить и с Нейфилдом, мог знать о нем то, чего не знал Брейд. Но, очевидно, парень был настолько недружелюбен, что побороть его нелюдность не удалось и Энсону.

Однако сегодняшний разговор навел на Брейда смутные воспоминания о той давней поре, когда все приходило к Кэпу со своими горестями. И Брейд сказал:

— Мне сообщили странную вещь, Кэп. Я из-за нее все утро мучаюсь. Мне передали, что Ральф Нейфилд меня ненавидел.

Кэп Энсон снова уселся, вытянул под столом свою ревматическую ногу и осторожно положил трость на стол.

— Вполне возможно, — ответил он спокойно.

— Что он меня ненавидел? Почему?

— Научного руководителя легко возненавидеть. У вас есть ученое звание — у аспиранта нет. Вы выбираете тему — он ее разрабатывает. Он провел опыты — вы пожимаете плечами и предлагаете новые. У него есть свои концепции — вы их разбиваете. Научный руководитель, если он чего-нибудь стоит, — сущее проклятье для своих учеников. И аспирант, особенно если у него живой ум, ненавидит своего профессора и только со временем начинает понимать, сколько добра сделал ему этот мучитель. — Энсон

вздыхнул, уходя в воспоминания. — Вы думаете, меня ученики любили?

— По-моему, любили.

— Да ничего подобного. Это теперь им так кажется. Терпеть не могли. Я не любви требовал, а работы. И добивался своего. Вы не помните Кински? Он кончал еще до вас.

— О Кински я знаю, — тихо сказал Брейд. — Я слышал его выступления.

Еще бы ему не знать о Кински. Из всех учеников Энсона Джозеф Кински был самым выдающимся. Теперь он работал в висконсинской группе. Он прославился своими работами по синтезу тетрациклина и новой, косвенно с ним связанной, теорией действия антибиотиков.

Энсон усмехнулся:

— Он был лучшим. Безусловно, самый лучший из всех моих воспитанников.

Он любил поговорить о Кински. Брейд прекрасно помнил один из факультетских обедов, на котором этот наглец Фостер спросил во всеуслышание:

— Эй, Кэп, вас не огорчает, что Кински стал куда более важной персоной, чем вы сами?

Фостер, который обычно не пил, в тот раз несомненно влил в себя не один коктейль, иначе не сказал бы такое напрямик и не ухмылялся бы так бессмысленно. Брейд вздрогнул и бросил враждебный взгляд на слюнявую физиономию Фостера: тот явно старался причинить боль старику.

Но старик был серьезным противником. На полголы ниже Фостера, он, казалось, возвышался над ним.

— Фостер, — начал он, — есть два случая, когда зависти не существует. Отец не завидует сыну. Учитель не завидует ученику. Если люди, воспитанные мною, оказались достойнее меня, то, возможно, это означает, что у них был достойный учитель. Все их заслуги приносят славу и мне. То, что я делаю как исследователь, обогащает людей достижениями одного человека. Моя преподавательская деятельность обогащает человечество достижениями многих. И я горько

сожалею не о том, что меня затмевает Кински, а о том, что меня не превзошли мои ученики.

Он не повышал голоса, но после выходки Фостера в комнате наступила тишина и в ней отчетливо прозвучало каждое слово. Послышались даже приглушенные хлопки, и, к радости Брейда, у Фостера сделался такой вид, точно его наградили парой ослиных ушей, которых для полноты картины ему как раз не хватало. Может быть и Энсон сейчас вспоминает об этом? Вряд ли.

— Вы думаете, Кински не питал ко мне ненависти? — заговорил Энсон. — Временами он готов был меня убить. Мы с ним вечно были на ножах. Боже мой, Брейд, хотел бы я, чтобы и вы ненавидели меня посильней.

— Мне и в голову не приходило ненавидеть вас, Кэп.

— Все оттого, что я стал добрей, вот и подопечные мои расслабились. Я возлагал на вас надежды, Брейд.

Брейду стало больно. «Возлагал» надежды. Больше уже не возлагает. Никогда не будет говорить о Брейде так, как говорит о Кински.

«Ладно, — подумал Брейд раздраженно, — чему я, собственно, удивляюсь? Разве я ждал чего-то другого?»

— Кстати, Кински нас посетит, — сказал вдруг Энсон. — Я вам говорил?

— Нет.

— Я вчера получил от него письмо, но ведь мы с вами вчера не виделись, не правда ли?

Энсон пристально посмотрел на Брейда, доставая письмо.

Брейд принужденно улыбнулся и взял его. Письмо было коротким. Оно начиналось с обычных приветствий; далее сообщалось, что Кински находится в городе по делам и надеется зайти в университет в ближайший понедельник и будет счастлив побеседовать с Энсоном о его книге, хотя он, Кински, уверен, что, не обладая опытом и знаниями Энсона, ничего не сможет добавить к написанному. Заканчивалось письмо обычными прощальными фразами.

— Значит, в этот понедельник, — произнес Брейд.

— Именно. И я хочу, чтобы вы встретились. Все-таки коллеги.

Спрятав письмо, Энсон тяжело поднялся, взял трость.

— Завтра утром увидимся, Брейд.

— Ладно, Кэп. Только не забудьте об этих лекциях по безопасности.

Как только Брейд остался один, тяжелые мысли снова овладели им. Хотя, по словам Энсона, и выходило, что ненависть ученика к учителю — это некий неотъемлемый элемент посвящения в рыцари, знак признания превосходства учителя, к Брейду подобные доводы отношения не имели. Брейд не терзал Ральфа, наоборот, выручил его, избавив от неприятностей, после того, как от него отказался Ранке. Он помогал ему, по мере сил терпел его странности, разрешал идти своим путем.

За что же Ральф его ненавидел?

Или Джин Мэкрис лжет?

Но зачем ей лгать?

А если она ошибается?

Как бы это проверить? Кто знал неприступного, колючего Ральфа настолько близко, что мог бы подтвердить слова Джин или опровергнуть?

Брейд не знал Ральфа, но, черт побери, ведь был же с ним кто-то связан, ну хотя бы те, кто неизбежно сталкивался с ним по работе, — другие аспиранты из его группы, собратья Ральфа по науке.

Он взглянул на стенные часы. Еще не было одиннадцати. До завтрака никаких важных дел не оставалось — вернее, ничего важнее этого.

Он спустился в холл и заглянул в лабораторию Чарльза Эммита и Роберты Гудхью. Там был только Эммит.

— Чарли, — спокойно сказал Брейд, — нельзя ли вас на несколько минут?

— Конечно, профессор Брейд.

Брейд сел во вращающееся кресло за своим письменным столом, а Эммит принес себе от стола для заседаний стул с прямой спинкой.

— Здорово не повезло Ральфу, сэр.

— Да. Всем нам не повезло — и факультету, и мне. Я как раз об этом и хочу поговорить.

Похоже, Эммиту это не понравилось. Брейд старался в него не вглядываться. Из четырех подопечных Брейда (теперь их осталось трое) Эммит был самым давним его учеником и, пожалуй, наименее перспективным. Он отличался усердием неутомимого работника — усердием, которым был бы доволен даже Кэп Энсон. Но никто никогда не смог бы усмотреть в нем признаки блестящих способностей.

И вот он сидит перед Брейдом, громоздкий, рыже-волосый; его руки с огромными неуклюжими кистями были сплошь покрыты веснушками. Он носил очки без оправы, которые были ему немного маловаты. Брейду нравилась его невозмутимость. Иногда он думал, что можно обойтись и без таланта, лишь бы у студента хватало терпения стойко переносить неудачи и не впадать в отчаяние. Когда у Эммита не получался эксперимент, он тут же ставил его заново, внося лишь некоторые изменения. Вряд ли он изобретет порох, но в конечном счете, вероятно, сможет чего-нибудь добиться. Так или иначе, по сравнению с эмоциональной неуравновешенностью и взвинченностью прочих аспирантов, спокойствие Эммита согревало и поддерживало Брейда точно простая, но сытная еда.

— Теперь, когда произошел этот страшный случай, — заговорил Брейд, — я чувствую себя несколько виноватым. Мне стыдно, что... что я не узнал Ральфа поближе, тогда мне было бы легче ему помочь. Разумеется, это относится не только к нему, но и к другим моим ученикам. К вам тоже. Мне хотелось бы побольше узнать о ваших делах.

Эммит слегка поежился.

— Черт возьми, я не жалуюсь, профессор Брейд. Двигаемся помаленьку.

— Рад это слышать. И все-таки кое-что меня беспокоит. Мы, например, почти месяц не говорили о ваших исследованиях. Есть неполадки?

— Нет, сэр. Я все готовлю к весне. Историческая часть диссертации закончена, и предварительные данные почти готовы. Осталось только несколько производных.

Брейд сказал, насколько мог шутливо:

— Итак, стадия ненависти вскоре останется позади.

— Как? — Эммит, казалось, был совершенно озадачен.

— Кэп Энсон только что сказал мне, что все аспиранты, как правило, терпеть не могут своего профессора.

— Черт, да он шутит, это просто разговорчики старого Кэпа. Бывает, некоторые парни несут всякое о своих профах, но это ерунда.

Брейд вдруг заметил (хотя раньше это не бросалось ему в глаза), как непринужденно держится с ним Эммит. Аспиранты Ранке, разговаривая со своим профессором, вытягиваются точно по стойке «смирно». «Ну и что, — подумал Брейд. — Разве этого я хочу? Чтобы мне отдавали честь и щелкали каблуками?»

— Ну, а Ральф?

Глаза Эммита затуманились.

— Простите?

— Как насчет Ральфа, Чарли? Как он ко мне относился?

— Ну... — Эммит откашлялся, тщательно прочистив горло. — Я его не так уж хорошо знал. Он вообще был неразговорчивый.

— Но он меня не любил, правда?

Эммит с минуту соображал.

— Он никого не любил. Ну, в общем... — Он сделал попытку встать.

Брейд удержал его:

— Подождите, Вы не ответили на мой вопрос. Насколько поздно интересоваться Ральфом, но мне интересно, я хочу знать... Он действительно меня не любил, да?

— Ну как сказать, профессор, пожалуй нет. — Эти слова пришлось вытягивать из Эммита точно клещами.

— А почему? Вы не знаете?

(Было что-то недостойное в таком выпрашивании, и Брейд испытал мучительную неловкость. Но ему необходимо было знать.)

— Насколько я понимаю, сэр, потому что он был

форменный болван. — Эммит сразу спохватился: — Я не то хотел сказать.

— Ох, да не будьте вы суеверны, не бойтесь говорить о мертвых плохо, — раздраженно сказал Брейд. — Добрые слова нужны пока человек жив и может оценить похвалу. Покойнику лучше от них не станет. Хватит с нас этих фальшивых правил — хвали-его-когда-умрет ни-на-секунду-раньше.

— Ну, он подошел к нам однажды, когда мы трепались, и пристроился так сбоку. А мы перебирали наших профессоров — ну, знаете, как это бывает?

— Знаю, — Брейду вдруг живо вспомнились его собственные студенческие годы.

— И один наш парень сказал, что Фостер становится просто невозможным, понимаете, или что-то в этом роде, а Нейфилд вмешался и говорит: другие еще похуже — таким вообще наплевать, потонет студент или выплывет. И назвал вас, сэр.

Брейд кивнул:

— Понятно.

Значит, ненависть возникла вовсе не по тем причинам, о которых говорил Кэп Энсон? Значит, Ральф тяготился слишком большой свободой?

— Но вот что я вам скажу, сэр, — продолжал Эммит. — По-моему, это вряд ли была ненависть. Я иногда наблюдал за ним на ваших семинарах, видел, как он смотрел на вас, особенно последние несколько месяцев. Странное дело... — Эммит вдруг умолк.

— Ну? — Брейд уже еле владел собой. — Ну?

— Я не психолог, профессор Брейд. Но, судя по его поведению, я все же не думаю, что он вас ненавидел. Мне кажется, он вас боялся. Смертельно боялся.

7

— Боялся? — взволнованно спросил Брейд. (Господи, того не легче.) — Почему же, Чарли?

— Понятия не имею, профессор.

Они молча смотрели друг на друга.

— Чарли, вы уверены? — сказал наконец Брейд. — Все это меня крайне расстраивает, и я

обязательно должен узнать, в чем дело. Почему он мог меня бояться?

Он почувствовал какую-то странную беспомощность — все, что относится к смерти Ральфа, все, что с ней связано, кажется абсолютно необъяснимым, если только убийца не он сам. Неужели и повода к убийству не могло быть, если только повода не имел сам Брейд? Но какого?

— Мне не хотелось бы говорить... Но если вам так нужно знать и вы никому не скажете, от кого вы узнали...

— Говорите же!

— Видите ли, сам я ничего не знаю. Но я подозреваю, кто мог бы знать.

— Вот как? Кто?

— Роберта, сэр.

— Роберта Гудхью? — растерянно переспросил Брейд, хотя никакой другой Роберты, кроме своей же аспирантки, он не знал.

— Именно. Понимаете, я тут ни при чем, это вроде секрет, но поскольку мы с Робертой в одной лаборатории, я поневоле кое-что замечал. — Он уже не знал, куда деться от смущения. — Ну, в общем, они были довольно близки.

— Близки? Что вы имеете в виду? — Тягостное подозрение охватило Брейда. Боже, он решительно ничего не знает о своих учениках.

— Не поймите меня неправильно, профессор Брейд. Я знаю только, что они пару раз встречались. Как у них дальше пошло, я не представляю и ничего не могу сказать. Пара встреч — вот все, что мне известно. Но и это кое-что значит. Мне кажется, что девушке за обедом расскажут побольше, чем компании парней в забегаловке. Правда?

— Да, конечно. — Брейд кивнул, задумавшись. — Роберта пришла?

— Я ее не видел, профессор.

— Очевидно, она знает, что произошло?

— Наверное, знает. Я слышал, что ей звонила Джин Мэкрис. — Странная улыбка мелькнула на его губах и пропала, прежде чем Брейд уверился, что заметил ее.

— Ну спасибо, Чарли. Благодарю за помощь. Это все, что я хотел узнать.

— О'кей! А вы ничего не скажете Роберте, сэр? Насчет того, где вы это слышали?

— Постараюсь.

Он поднялся, чтобы отпереть Эммиту дверь, и, выпуская его, заметил, что в коридоре отирается (именно это слово пришло ему на ум) еще один юноша. Только приглядевшись, он установил, что это не кто иной, как Грегори Симпсон, новый его аспирант, напарник Ральфа по лаборатории.

— Вы ко мне, Грег?

— Если у вас найдется несколько минут, профессор Брейд.

Голос у Симпсона был тонкий, брови светлые, почти незаметные, отчего белесые глаза его казались голыми. Вздернутый нос придавал ему забавный, но добродушный вид.

— Разумеется. Заходите.

Аспиранты едва кивнули друг другу, и Симпсон проскользнул в кабинет.

Симпсон был серьезным молодым человеком и все-таки не производил особого впечатления (Брейд вздохнул: впечатляющие молодые люди охотились за стипендиями).

— Ну, Грег, в чем дело?

Симпсон сел на стул, освобожденный Эммитом, и сказал смущенно:

— Я все раздумываю, где бы мне устроиться.

— Устроиться? Разве вы не в общежитии?

— Нет, я имею в виду — здесь, профессор Брейд. В лабораториях.

— Вон что, — Брейд недоумевал. — Но что же вас беспокоит?

— Да знаете, лаборатория. Ральф Нейфилд умер... и я думаю...

— Вы думаете, что больше не сможете ею пользоваться?

— Понимаете...

Брейд резко сказал:

— Знаете, с этим покончено. Все. Лаборатория теперь ваша и будет вашей, пока не появится новый аспирант.

Симпсон промолчал, но видно было, что он не считает проблему решенной. Уходить он не собирался.

— Это вас не устраивает, Грег?

— Не совсем, профессор. Лучше бы мне перейти в другую лабораторию, если можно.

— Считаете, что эта, хм... приносит несчастье?

— Не-е-ет.

— Бойтесь, что появится дух Ральфа и начнет вас преследовать? — Он не хотел, чтобы в его словах прозвучала насмешка, но день был тяжелый и терпение Брейда подходило к концу.

Симпсон потерял свои невидимые брови.

— Ничего подобного... Если нельзя, тогда неважно. — Вид у него был совершенно несчастный.

Брейд пожалел о своей резкости. В конце концов нельзя обвинять человека за неразумные страхи, внушенные неразумным обществом, да и кто может сказать, что суеверный страх ему неведом?

— Ладно, Грег, я понимаю. Вот что я вам скажу, слушайте. До конца семестра вы наверняка не приступите к экспериментальным исследованиям, так почему бы вам не перенести свою резиденцию в лабораторию Эммита? Пока вам придется только просматривать там материалы, и Чарли освободит вам ящик в столе. В следующем семестре, когда вы по-настоящему окунетесь в экспериментальную работу, Чарли как раз начнет писать свою диссертацию и вы сможете занять его место. А в вашу лабораторию я со временем определяю нового аспиранта.

Симпсон просиял так, точно его осветили изнутри:

— Ох, спасибо, профессор Брейд, это отлично. Вот спасибо.

Брейд натянуто улыбнулся:

— Минуточку.

У Симпсона, собравшегося было уходить, вытянулось лицо, и он снова сел.

Брейд вдруг сообразил, что не только у Ральфа был свободный доступ в лабораторию. Симпсон, его напарник, тоже имел собственный ключ.

— Грег, это дело совершенно другого порядка и секретное, абсолютно секретное. На факультете обнаружены случаи мелкого воровства.

— Да ну? — Аспирант инстинктивно перешел на заговорщицкий шепот.

— Мы понемногу проводим расследование, и мне хотелось бы знать, не случилось ли вам заметить, что кто-нибудь посторонний проникал в этом месяце к вам в лабораторию.

Симпсон опустил голову и задумался. Затем посмотрел прямо в глаза Брейду своими широко раскрытыми белесыми глазами.

— Нет, сэр.

— Ничего подозрительного? Может быть, чего-то вдруг не оказалось на месте? Может быть, вы заметили, что чего-то не хватает?

— Нет, сэр. Ничего такого не было.

— Может быть, Ральф упоминал о чем-либо подобном?

— Ну, что вы, профессор Брейд! — сразу решительно отозвался юноша.

— Вы уверены?

— Абсолютно. Ральф мне за все время ни разу слова не сказал. Ни одного. Сперва я с ним здоровался, когда приходил в лабораторию, а потом бросил, раз он не отвечает. Мне даже казалось, что его раздражает мое присутствие, — знаете, точно это его собственная лаборатория и я не имею права в нее входить. Однажды я подошел к его столу немного ближе, а он как раз записывал результаты опыта, то есть я так думаю, что он этим занимался. Он захлопнул тетрадь и так на меня налетел, как будто собрался убить. Уж потом я не подходил к нему ближе, чем на шесть футов. Я, конечно, ничего плохого о нем сказать не хочу.

— Понимаю. Ведь он умер.

— Простите?

— Вас, наверное, обижало его отношение?

— Я просто не обращал на него внимания, — возразил Симпсон осторожно. — Тем более, что меня предупреждали.

— О чем?

— О том, что он так и лезет в драку.

— Вы с ним ссорились?

— Просто держался от него подальше. Неприятностей у нас не было.

— Вам двадцать два, не так ли?

— Да, сэр, — удивленно ответил Симпсон.

Брейд кивнул.

— Ну ладно, Грег. Теперь проблема урегулирована. Правда?

— Да, профессор Брейд. Благодарю вас. Большое спасибо.

Брейд сидел у себя в кабинете, раздумывая, что делать дальше. Симпсон отпадает, в этом не было сомнений. Совсем юный, безобидный паренек и, насколько Бреду удалось заметить, слабохарактерный, инертный, предпочитающий пойти на попятный, лишь бы не ссориться, словом, в точности такой, каким он сам себя описал.

Правда, тот, кто избегает взрывов, лишен возможности разрядиться. Внутреннее давление растет, и рано или поздно энергия находит выход в каком-либо тайном способе отмщения...

Черт побери, да как ему со всем этим справиться? Он не сыщик, он понятия не имеет, что дальше делать. Брейд снял телефонную трубку и набрал свой домашний номер. Подошла Дорис. По ее бесстрастному голосу трудно было определить, какое у нее настроение.

— Хэлло, Дорис. Все в порядке?

— Конечно. А у тебя? Чего хотел Литлби?

Он рассказал ей в двух словах.

Внимательно выслушав его, она спросила:

— Какой у него был тон?

— Нельзя сказать, что он доволен.

— Он дал понять, что считает тебя виноватым?

— Нет. Но видно, что, по его мнению, я несу косвенную ответственность. Ложится пятно на репутацию факультета, а поскольку это мой ученик, то замаран и я. По-моему, он предпочел бы, чтобы мы завтра к ним не приходили.

— Ну, а по-моему, мы пойдем, — решительно заявила Дорис.

— Я это учел. И сказал, что мы будем.

Помолчав, Дорис спросила:

— Как ты себя чувствуешь?

— Как тебе сказать? Я стал своего рода знаменитостью. Видела бы ты мою аудиторию! Думаю, что

никто из них ни одного моего слова не слышал. Все ждали, что я упаду в обморок или вытащу револьвер и открою пальбу и тому подобное. Только с Кэпом Энсоном я вздохнул свободно.

— Да? Что же он сделал?

— Ничего. Вот это-то и приятно. Он дождался меня после лекции и начал говорить о своей книге. Единственный случай нормального поведения за день.

Он предпочел не говорить ей сейчас о категорическом решении Энсона явиться к ним завтра утром. По телефону не стоит.

— Ладно, — сказала Дорис. — Будь осторожен и, пожалуйста, Лу, не разыгрывай сыщика... Ты меня понимаешь?

— Понимаю. До свидания, Дорис.

Он мрачно улыбнулся, глядя на повешенную трубку.

Не разыгрывать сыщика? Господи, если б только он знал, как это делается!

Он снова снял трубку, соединился с коммутатором канцелярии и вызвал Джин Мэкрис.

— Мисс Мэкрис? Профессор Брейд.

— Да, профессор Брейд. Чем могу быть полезна?

— Нет ли у вас домашнего телефона Роберты? — Номер был у него где-то записан, но ему не хотелось рыться в карточках.

Внезапно оживившийся голос ответил:

— Конечно, есть, профессор. Она сегодня не пришла?

— По-моему, нет.

— Ну, надеюсь, она не больна. — Теперь голос Джин зазвучал совсем радостно. — Вы хотите, чтобы я ей позвонила от вашего имени?

— Нет, дайте мне только номер, если не трудно. Мисс Мэкрис!

— Да, профессор Брейд?

— Вы звонили Роберте насчет несчастья с Ральфом?

— Ну, да. Или мне не следовало? Я думала, что ей нужно сообщить, ведь она его однокурсница, ну и...

— Понимаю. А другим его однокурсникам, мистеру Эммиту и мистеру Симпсону, вы тоже звонили?

На этот раз она промолчала, а когда заговорила снова, то голос ее звучал неуверенно:

— Нет, профессор Брейд, не звонила. Понимаете...

Брейд прервал ее:

— Понимаю, не беспокойтесь. Дайте мне телефон Роберты.

Он набрал номер и долго ждал, слушая длинные гудки.

— Да, — отозвался наконец слабый голос.

— Роберта? Это профессор Брейд.

— Здравствуйте, профессор Брейд. Неужели вы хотите сказать, что утром был семинар, а я про него забыла?

— Нет, Роберта, ничего похожего. Я позвонил, чтобы узнать, как вы себя чувствуете.

— О!.. Последовало молчание, и Брейд представил себе, как она собирается с силами, чтобы голос ее звучал нормально.

— Со мной все в порядке. Я приду в лабораторию.

— Вы уверены, что сможете прийти?

— Вполне.

— Ну тогда, Роберта, если вы хорошо себя чувствуете, я хотел бы... — Он взглянул на часы: уже без двадцати двенадцать, и хотя неудобно торопить Роберту, но черт возьми, она живет тут же, у самого университета и может дойти сюда за пять минут. — Я хотел бы попросить вас прийти пораньше, часам к двенадцати.

Роберта снова помолчала.

— Если через пятнадцать минут не поздно, то я успею.

— Хорошо. И знаете что, давайте вместе позавтракаем.

Снова пауза. Затем настороженный голос:

— Вы хотите о чем-то со мной поговорить, профессор Брейд?

— Да, — Брейд не счел нужным уклоняться.

— О моей работе?

— Нет. По личному делу.

— Я приду, профессор Брейд.

— Хорошо. — Он повесил трубку.

Брейд просмотрел дневное расписание. В программу лабораторной практики входили все те же альдегиды и кетоны.

Ему очень хотелось пропустить на этот раз лабораторные занятия. Он не обязан был на них присутствовать, но все же взял за правило появляться в лаборатории хоть ненадолго. Во-первых, могли возникнуть вопросы, на которые лаборантам трудно ответить, а кроме того, его присутствие поднимало настроение у студентов. Если профессор, читающий курс, упорно не заглядывал в лабораторию, студенты переставали серьезно относиться к лабораторной практике.

Тем не менее, Чарльз Эммит безусловно мог и сам провести занятия. Он работал уже второй год, к тому же Роберта поможет ему с реактивами и никаких осложнений не произойдет.

Ладно, там видно будет.

Роберта Гудкью тихонько постучала в дверь кабинета, и как только она вошла, Брейд взял шляпу и пальто.

Улыбнувшись, он сказал с некоторой принужденностью:

— Вы не возражаете, если мы отправимся в Риверсайд-Инн? Возьмем мою машину, и к часу я доставлю вас обратно.

— Хорошо.

Казалось, Роберту ничего не трогало. Она была невысокая и довольно плотная. Покрой оранжевого костюма подчеркивал ее полноту. Брейд только теперь заметил на ее смуглом лице небольшие усики и полоски редких волос вдоль щек. «Наверное, она страдает из-за этого», — подумал он. Нельзя было назвать ее дурнушкой, но и красотой она не отличалась.

— Может быть, мы встретимся у подъезда? — предложил Брейд. — Я только загляну к Чарли и скажу ему, чтобы сегодня он не пользовался открытым огнем.

В Риверсайд-Инн было многолюдно, но они расположились в нише с видом на реку и на проходившее вдоль берега шоссе. (Природа в чистом виде станови-

лась с каждым годом все более недоступной роскошью.)

— Я представляю себе, как вы удручены вчерашним происшествием, — сказал Брейд.

Они заказали завтрак, и теперь Роберта сидела, кроша свою булочку и пристально глядя на четыре шеренги бегущих машин. Она прошептала:

— Да.

— Мне казалось, что вы... — он не мог найти слов, — дружили с Ральфом.

Роберта взглянула на него, и глаза ее внезапно наполнились слезами.

— Мы должны были пожениться, как только он получит степень.

8

Официантка подала телячью отбивную в сухарях для Брейда, салат с яйцом для Роберты, кофе и маленькие молочники со сливками. Возникла спасительная пауза, и за это время Брейд смог прийти в себя.

— Простите, — сказал он, — я понятия не имел, что дела обстоят таким образом. Если бы я знал, я бы не стал вызывать вас сюда.

— Неважно. Так, наверное, даже лучше. Оставаться дома было бы куда тяжелей. — Она явно старалась взять себя в руки. Собрав все силы, она твердо посмотрела ему в глаза: — Вы хотите поговорить о Ральфе?

Брейд не сразу нашелся, что ответить.

— Не хочу, чтобы это прозвучало кощунством, но встает вопрос, как быть с его исследованиями. Однако при таких обстоятельствах...

Она нахмурилась:

— Вы собираетесь продолжить его работу?

— Знаете, пожалуй, не стоит обсуждать это сейчас. Подождем.

«Какая глупость, — с тоской думал он, — вытащил из дому девушку, у которой только вчера умер жених, и пристаю с вопросами. Но откуда же я мог знать?»

Роберта внимательно наблюдала за ним.

— По-моему, вы не любили его, — заметила она.

Брейд вздрогнул. Неужели она прочла это по его озабоченному лицу?

— Вы ошибаетесь, — возразил он, — я очень ценил Ральфа.

— Спасибо вам за ваши слова, но думаю, что это не так. Я знаю, его любили очень немногие, и я понимаю почему.

Она снова принялась крошить булочку и, едва попробовав салат, отодвинула тарелку.

— Он был странный человек, колючий, ершистый. Чтобы преодолеть его настороженность, требовалось время, зато потом вы понимали, какой он хороший. Добрый. Преданный. — Она помолчала. — Вчерашний вечер я провела с его матерью. Несчастливая женщина! Господи! Ну как это могло случиться? Поверить не могу, что он допустил такую нелепую ошибку!

Брейд быстро спросил:

— У него есть еще родственники, кроме матери?

— Нет. — С минуту она смотрела на него. — Вы ничего не знаете о Ральфе, не правда ли, профессор Брейд? О том, как он жил?

— Боюсь, что нет, Роберта. Теперь я понимаю, надо быть ближе к своим студентам, больше интересоваться их жизнью. Но вам неприятен этот разговор!

— А мне только и осталось — говорить о нем, — ответила Роберта.

Опустив голову, она принялась разглядывать свою тарелку, и пряди ее прямых волос упали на лоб.

— Он ведь не американец, вы знаете?

— Да? (Это-то Брейд знал.)

— Он и его мать единственные остались в живых после... чего-то ужасного. Он никогда не рассказывал подробностей, да ведь это и неважно, правда? Его отца застрелили, старшую сестру тоже убили — не знаю как... Он боялся всего на свете. Вы знаете, жить в Америке тоже оказалось не так-то легко. Чужая страна, чужой язык. Я думаю, он был слишком напуган, чтобы доверять кому-нибудь по-настоящему или хотя бы допускать, что у кого-то могут быть добрые

намерения. Настороженность у него стала привычкой. Вы понимаете, о чем я говорю?

— Я думаю, да, Роберта.

— Получился какой-то порочный круг. Он не мог избавиться от своей подозрительности, не мог довериться людям, и они злились на него, становились жестокими. А это понуждало его к нелепым поступкам. Ему было трудно работать вместе с другими аспирантами. Ему вечно казалось, что у него все отнимают: сначала отняли семью, потом — детство. Если кто-то брал мензурку, которую он вымыл, он приходил в бешенство и лез в драку. Глупо, но мог ли он рассуждать после всего, что пережил? А профессор Ранке разве попытался понять? Он его вышвырнул и все. Для Ральфа это было еще одним поражением. Он еще больше ушел в себя.

— И начал ненавидеть меня тоже, не так ли, Роберта?

Она насторожилась.

— Кто это наговорил вам? — спросила она резко.

— Я просто подумал.

— Это Джин Мэкрис вам сказала, ведь так?

— Почему вы решили? — Брейду стало не по себе.

У Роберты расширились ноздри, она сжала губы. Потом глубоко вздохнула:

— Теперь уже все равно, и я могу рассказать вам. Ральф несколько раз приглашал ее куда-то до того... до того, как мы подружились. Ничего между ними не было, просто случайные встречи, но эта дуреха отнеслась к ним серьезнее, чем следовало. Она бегала за ним и преследовала его, даже когда все кончилось. Она мечтала отомстить. Вчера вечером она мне позвонила. Она была счастлива, что он умер и что она может сообщить мне об этом. — Роберта с трудом сдерживала негодование.

Брейд беспокойно задвигался. Если смерть Ральфа к чему-то и привела, то только к тому, что всколыхнула всю грязь со дна их тихого университетского ручейка, и теперь он мало отличался от других бурных притоков мрачной реки жизни.

Он спросил:

— Значит, по-вашему, у Ральфа не было причин ненавидеть меня?

— Никаких. Я ни разу не слышала от него, что он вас ненавидит. Конечно, сначала...

— Да?

— Он был очень неуверен насчет своих исследований. Профессор Ранке прогнал его, и он счел это поражением. У него появилось ощущение неполноценности, растерянности, так что, возможно, он поделился своими опасениями насчет вас с Джин Мэкрис, когда они еще встречались. Я думаю, так оно и было, потому что однажды она позвонила ему, уже когда между ними все кончилось, и намекнула, что может наделать ему неприятностей, если сообщит вам, как он к вам относится. Ральф сказал мне об этом. Он был ужасно огорчен. Но она дождалась, когда он умрет... Даже мертвого не может оставить в покое!

Она всхлипнула и начала тихо плакать.

Брейд отодвинул остатки отбивной, выпил кофе и попросил счет.

— Выпейте лучше кофе, — попробовал он ее утешить, — и не расстраивайтесь из-за его отношений со мной. Мы с ним прекрасно уживались, а если он меня и недолюбливал, то вы объяснили мне, почему, и я все понял. — Ему очень хотелось похлопать ее по руке, но он удержался.

Она стала прихлебывать кофе, и к ним подошла официантка со счетом. В машине, отвозя Роберту обратно в город, Брейд спросил:

— А Ральф купил вам обручальное кольцо?

Она смотрела прямо перед собой, вглядываясь в дорогу с мучительной сосредоточенностью, но, очевидно, не видела ничего.

— Нет, он не мог себе этого позволить. Его мать работала, чтобы платить за его учебу. Знаете, она как и многие в Европе считала, что стоит пойти на любые жертвы, лишь бы ее сын стал ученым. И что ей теперь оставалось?

— А день свадьбы назначили?

— Решили ждать, пока он получит степень. Других сроков не намечали.

— Скажите, мать знала, что вы собираетесь пожениться?

— Она знала, что мы встречаемся. По-моему, я ей нравлюсь. Впрочем, не думаю, что он говорил ей о своих планах. Мне кажется, что она этого бы не одобрила. Наверное, она считала, что, окончив аспирантуру, он мог бы сделать партию получше. Знаете, у европейских матерей несколько преувеличенное представление о ценности ученой степени на matrimonialном рынке.

Они въехали в ворота университета.

Брейд все-таки заглянул в лабораторию, но очень ненадолго. Все было спокойно. Даже Джералд Корвин — студент, вечно попадающий в какие-то неприятности, — по-видимому, нигде не нашел стекла, о которое можно было бы порезаться.

Затем Брейд некоторое время пробыл в деканате, просматривая характеристики Ральфа Нейфилда. Ему было неловко под взглядом Джин Мэкрис, и он почувствовал, что начинает спешить, просматривая карточку. Ничего важного найти не удалось. С тяжелым сердцем он вернулся к себе в кабинет и сел за составление тезисов лекций по технике безопасности. Он писал, а мысли его были далеко, и он задумался, уставившись в пространство, крепко зажав в руке шариковую ручку.

Итак, на редкость малопривлекательный Ральф пришелся по душе сразу двум девицам, да так, что вот какие страсти разбушевались. Странно!

Это вынуждало пойти по новому пути в поисках повода для убийства. Теперь уже предстояло разбираться не только в том, могли ли обиды и раздражение, которые вызвал у окружающих резкий и неуживчивый юноша, толкнуть кого-нибудь из оскорбленных на хладнокровное, обдуманное убийство.

Теперь вставал вопрос об обманутой любви, а это чувство могло привести к убийству куда скорее.

И опять-таки странно! Ни Джин Мэкрис, ни Роберту Гудхью хорошенькими не назовешь. Ни про одну из них не скажешь, что она способна пробудить любовь в молодом человеке, и тем не менее... Впрочем, глупости! Все женщины выходят замуж, все мужчины

женятся. Если бы страсть вызывали только голливудские идеалы красоты, человечество вымерло бы очень скоро.

А кроме того, помимо смазливой мордочки существуют и другие достоинства. Иных молодых людей дружеское расположение и участие привлекут больше, чем тщательно продуманная система округлостей. Если в глазах светится нежность, можно забыть про волосы на щеках. Разве не так?

А при характере Ральфа, при том, что он всех ненавидел и всех боялся, его как раз могло тянуть к некрасивым девушкам. Разве он осмелился бы добиваться расположения какой-нибудь красавицы! Соперничать с другими, рискуя потерпеть новое поражение, более тяжелое, чем все предыдущие? Наверное, он постарался бы избежать такой опасности и подыскать себе объект там, где мог быть уверен в успехе. Возможно, он рассчитывал (хотя сам того не признавал), что девушка, которая изголодалась по любви, будет так польщена вниманием и благодарна ему, что тут ему не грозят соперники.

(Брейд горестно усмехнулся. Жизнь делала из него не только сыщика, но психолога.)

Но как поведет себя такая девушка, если ее бросят ради другой, тоже некрасивой? Ведь известно, что все фурии ада страдали комплексом неполноценности!

Надежда только-только забрезжила перед ней, когда все надежды, казалось, рухнули, и вдруг снова исчезла! И что еще хуже — она проиграла женщине такой же некрасивой и не могла утешиться мыслью, что соперничать было бесполезно.

Он сам заметил ненависть, обуревавшую Джин Мэкрис. Вопрос в том, была ли эта ненависть достаточно сильной, чтобы толкнуть ее на убийство? И если да, обладает ли она необходимыми знаниями, чтобы справиться с таким убийством? Разбирается ли в химии настолько, чтобы рискнуть заменить один препарат другим? Неужели она так хорошо осведомлена об исследованиях Ральфа, что смогла все предусмотреть? Вероятно, он рассказывал ей о своей работе. И, может быть, она проходила химию в колледже. (Хотя

училась ли она в колледже?) Ну, а что можно сказать о Роберте?

Раз молодой человек бросил одну девушку, он может бросить и другую. Покинутая Роберта будет в такой же ярости, как и брошенная Джин Мэкрис, а теоретически она лучше подготовлена для подобного убийства.

Мог ли молодой человек, настолько подозрительный, настолько неуравновешенный, долго оставаться с одной девушкой, какой бы любящей и участливой она ни была? Ведь мелкие неприятности и недоразумения (действительные или кажущиеся, это не имеет значения) рано или поздно посеяли бы в его одинокой, мрачной душе разъедающее недоверие и ненависть.

Ральф не подарил Роберте кольца. Никому не сказал о помолвке. Чарли Эммит, например, ничего не знает. Даже матери он, по-видимому, не сообщил. Нет никаких доказательств, что он действительно хотел жениться на Роберте. Ничего, кроме его обещаний Роберте.

А она, должно быть, поняла шаткость своего положения. Ведь конечно же девушки отлично разбираются во всех тонкостях, связанных с предложением руки и сердца, и сразу чувствуют, когда искренность переходит в притворство. Что, если она почувствовала его охлаждение или поняла, что он всегда был к ней равнодушен? Может быть, она старалась добиться от него какой-то определенности, точной даты свадьбы, обручального кольца или публичного оглашения помолвки? А он уклонялся от этого? О боже, а вдруг на сцене появилась еще и третья некрасивая девушка?

Нет сомнений, Роберта достаточно хорошо знает химию; она могла убить его, и если она это сделала, в ее теперешнем поведении нет ничего неестественного. Видно, что она предельно искренна в своем горе, но ведь даже убив Ральфа за предательство, она какой-то частью своей души все еще может любить его, может оплакивать свою жертву и быть безутешной.

И ей должно быть известны подробности его исследований. Она должна знать их лучше, чем кто-либо другой, лучше, чем думает Эммит. Аспиранты всегда болтают о своих работах, и хотя Ральф отличался

патологической подозрительностью, он, наверное, сделал исключение для своей возлюбленной, для единственного человеческого существа, которому мог довериться.

Однако, черт возьми, как же это доказать? Теории — вещь хорошая, он может придумать их с десятком. Ведь разработка теории в какой-то мере его специальность! Но в химии ему ясно, как проверить теорию на практике. А как отделить возможное от доказуемого в работе следователя? О технике этого дела он не имел ни малейшего представления.

Брейд отбрасывал одно предположение за другим и наконец сдался.

Он взглянул на часы. Скоро пять.

Ровно сутки тому назад он собирался идти домой, чтобы в пять часов встретиться с Кэпом Энсоном. Он должен был взять рукопись, распить со стариком аперитив, поговорить о том о сем и, может быть, пригласить его пообедать.

Но он зашел в лабораторию Ральфа. И тут-то все началось.

Сейчас он опять собирался домой, но думал об этом без всякого удовольствия, не ожидая ничего приятного. Рукопись Энсона он так и не прочел, даже не достал ее из портфеля. Не разобрал свою последнюю установку для окисления, и она так и стояла в его лаборатории, а раствор в ней густел.

Все перевернулось.

На носу конец недели. Он устало посмотрел вокруг, соображая, что бы лучше захватить с собой. Дорис терпеть не может эту его привычку приносить домой статьи, журналы и прочие мелочи (то, что он называл воскресной текучкой), но ведь преподавателям, которые ограничиваются рабочими часами, просто нечего рассчитывать на продвижение.

Он вздохнул. Ему не хотелось брать домой ни аспирантские работы, ни научную литературу. В портфеле уже лежала рукопись Кэпа Энсона. Придется читать ее вечером. А там суббота, явится Энсон, нужно вести Джинни в зоопарк, а вечером еще это сборище у Литлби! И в воскресенье он будет, наверное, совсем разбит. А впереди тяжелая неделя.

Нет, он не возьмет ничего, кроме рукописи. Брейд зашелкнул портфель, перебросил на руку пальто и взял шляпу.

Он повернулся к дверям и замер, заметив чей-то расплывчатый силуэт за матовым стеклом. Тут же в дверь постучали.

Не похоже, чтобы это был кто-то из аспирантов или кто-нибудь из сотрудников. Ведь даже по неясным очертаниям можно узнать знакомого.

С неясным чувством Брейд открыл дверь, и в кабинет вошел круглолицый незнакомец. Он улыбнулся влажными губами и бодро сказал:

— Привет, проф! Вы меня помните?

9

Брейд вспомнил его при первых же звуках голоса. Это был сыщик, появившийся вчера вечером, — Джек Доэни.

Брейд выронил шляпу и нагнулся за нею. Он почувствовал, что его лицо пылает, но Доэни смотрел на него, улыбаясь как ни в чем не бывало. Сыщик жевал резинку, и челюсти его ритмично работали.

— Я могу вам чем-нибудь помочь, мистер Доэни? — спросил Брейд. — Как видите, я вас помню.

— Нет, наоборот, я могу вам помочь! — Доэни полез во внутренний карман пиджака и достал оттуда ключ. — Вы просили вернуть вам это. Я и подумал, отнесу-ка я его сам. Это ключ от лаборатории того парня.

— Ах, да! — Брейд почувствовал прилив облегчения. Ну конечно же. Он просил вернуть ключ, и вполне естественно, что сыщик принес его. — Спасибо, сэр.

— У парня, оказывается, никого нет, кроме матери. — Сыщик спокойно разглядывал кабинет Брейда. Все еще держа шляпу в руке, Брейд с некоторым нетерпением ждал, когда же освободится проход.

— Да, это я уже знаю, — сказал он.

— Я к ней вчера зашел, нужно было сообщить. Скверная особенность нашей работы. Чувствовала она себя из рук вон плохо: она уже знала.

— Вот как?

— С ней была девушка, тоже ваша аспирантка.

— Роберта Гудхью? (Она сказала ему, что была у матери Ральфа, но ни словом не обмолвилась о Доэни.)

— Ага. Она-то и сообщила. Я спросил, откуда она узнала. Говорит, ей позвонил кто-то из университета.

— Секретарша из канцелярии. А той сказал я. И она решила, что должна сообщить Роберте. Знаете, Роберта, м-м... была в дружбе с этим молодым человеком.

— Бедняга. — Доэни кивнул головой, но не двинулся с места, чтобы дать Брейду дорогу. — Это ваш кабинет, проф?

— Да.

— Здорово. Стол у вас что надо. Мне бы такой в мою берлогу на нижнем этаже. Вы что, любитель все делать своими руками?

— Боюсь, что нет.

— А я слышал, что теперь профессора и всякие шишки очень этим увлекаются. Знаете, мастерят себе сами мебель, а не то выезжают за город, живут в палатках и все такое.

Брейд кивнул, стараясь не выказать нетерпения.

— Я вас не задерживаю? — спросил Доэни. — Вы что, уже уходите в это время?

— Вообще-то у меня нет определенных часов. Бывает, я остаюсь до полуночи, а иногда ухожу в полдень. Все зависит от расписания, да и от настроения тоже.

— Вот это да! — сказал сыщик с искренним восхищением. — Вот это работа, я понимаю! А вчера вы сильно задержались?

— Да нет, по правде сказать, нет. Я уже собирался уходить и тут как раз обнаружил... м-м... обнаружил тело.

— А сегодня, выходит, я вас задерживаю, а ведь и не думал. — И наконец не спеша отошел от двери.

— Неважно, — сухо сказал Брейд.

Он вышел за Доэни в коридор и запер за собой дверь. Ключ Нейфилда он пока присоединил к связке своих ключей.

Доэни наблюдал за ним.

— Это у вас в связке специальный ключ? Да?

Брейд почувствовал раздражение. Он поспешно спрятал ключи.

— Мне необходимо попадать в здание в любое время.

— Ясно! Подходит ко всем лабораториям?

— К тем, где нет особого замка. Но, по-моему, у многих на факультете есть такие ключи.

— Ясно! — Доэни кивнул, жуя резинку.

В машине, по дороге домой, Брейд вел безрезультатный спор с самим собой. Итак, сыщик появился снова. Повод у него, правда, вполне убедительный. Брейд сам просил его вернуть ключ. И вопросы он задавал вполне безобидные, не проявлял ни враждебности, ни подозрительности. Да и с чего бы?

И все же! Зачем, например, он спросил, когда Брейд ушел вчера? Откуда такой интерес к специальному ключу? И как это он так быстро его углядел? Присматривался, что ли?

Если учесть все обстоятельства, обед прошел на удивление гладко.

Спокойствие сохранялось и за десертом и не нарушилось даже тогда, когда Дорис, как обычно, предложила Джинни провести остаток вечера наверху, приготовить уроки, чтобы не оставлять их на выходной день, принять ванну и лечь спать.

— И учти, Вирджиния, чтобы после девяти я телевизора не слышала.

Джинни, блестя черными глазами, перегнулась через перила:

— Эй, па, не забудь, завтра мы идем в зоопарк!

— Не смей говорить отцу «эй», — сказала Дорис. — Еще посмотрим, как ты будешь вести себя сегодня. Попробуй что-нибудь выкинуть и никуда не пойдешь.

— Вот еще! Ничего я не выкину. Мы пойдем, правда, папочка?

И Брейду ничего не оставалось, как согласиться.

— Если не будет дождя, — добавил он.

— А на самом-то деле, Дорис, я не уверен, что смогу пойти, — сказал он немного погодя.

— Что? — переспросила Дорис из кухни, откуда раздавался чавкающий плеск посудомоечной машины.

Она вышла в гостиную.

— Что ты сказал?

— Я сказал, что не знаю, смогу ли завтра пойти в зоопарк.

— Почему?

— Ко мне придет Кэп Энсон.

Дорис нахмурилась и сняла передник.

— Как же так получилось?

— Очень просто. Он сказал, что зайдет, и я не смог сказать ему «нет».

— Почему, интересно? Это не так уж трудно говорить.

— А я не смог. Это ведь Кэп Энсон. Ты сама знаешь, какой он.

— Знаю. Но не разделяю твоих симпатий. Книга его, а не твоя. Почему ты должен потеть над ней?

— Потому что, когда он ее закончит, это будет хорошая книга, очень важная. И я даже немного горжусь, что могу помочь.

— Ну хорошо, но ведь он может прийти в другое время.

— Я уже дважды его подводил, Дорис.

— Дважды?

— Сначала вчера вечером. Мы договорились встретиться в пять, — ты ведь знаешь, что он не терпит никакой неточности. А я не пришел.

Дорис пожала плечами и принялась рассматривать программу телепередач.

— Вряд ли это была для него трагедия! Он оставил бумаги Вирджинии.

— Я знаю, но он был страшно разочарован и, конечно, уязвлен. Необязательность он расценивает как личное оскорбление.

— По моему, он выглядел вполне нормально. — На Дорис слова Брейда не произвели впечатления. — Я видела через дверь, как он отдавал Джинни конверт, он вовсе не казался расстроенным.

— Все равно, он был разочарован, заметно это было или нет. И сегодня он пришел ко мне в кабинет ровно в десять, прямо после лекции, а я все еще не

прочел его рукопись. Вот тут он уж был совсем раздосадован!

— А тебе не кажется, что довольно странно с его стороны ожидать, будто жизнь пойдет своим чередом, как ни в чем не бывало, когда твой аспирант только что погиб по нелепой случайности? — Она сделала легкое ударение на последних словах.

— Конечно, это странно. Но он старик, и для него вся жизнь в химии. То, что случилось с Ральфом, его нисколько не трогает, поэтому, когда он заявил мне, что утром зайдет ко мне домой, я не смог отказаться.

— И все же тебе придется пойти с Вирджинией. Она ждала этого всю неделю. И не вздумай сказать, что с ней могу пойти я. У меня гора стирки, я и так уже давно ее откладываю.

— Вот что, — сказал Брейд, — я позвоню вечером Кэпу и предложу прийти в девять. Все равно раньше одиннадцати я Джинни не поведу.

Дорис ничего не ответила. Она включила телевизор и, взяв вязанье, устремила хмурый взгляд на экран. Но спицы не двигались. Брейд был уверен, что она и экрана не видит.

Наконец, по-видимому, сердясь на себя, что не может оставить эту тему, она спросила:

— Есть что-нибудь новое про Ральфа?

Брейд поднял глаза от рукописи Кэпа Энсона. (Он спустился бы вниз к себе в кабинет, если бы, честно говоря, не нуждался так сильно в обществе, пусть даже недовольной Дорис.)

— Сегодня ко мне приходил полицейский, — ответил он.

Она быстро взглянула на него, красивые глаза ее широко раскрылись:

— Что?

— Он просто принес мне ключ от лаборатории. Ключ Ральфа. Но меня встревожило, как он все осматривал.

— Он что-нибудь сказал?

— Если ты имеешь в виду, сказал ли он что-нибудь про убийство, то нет.

— Вот видишь! Не пора ли и тебе забыть об этом?

— Даже если это действительно убийство?

— Но ведь все уже кончено. Умер довольно неприятный молодой человек. Его не вернешь.

— Ничего не кончено. Есть девушка, которая, по-видимому, любила его и собиралась выйти за него замуж. Осталась мать, которая, как я понимаю, пережила за свою жизнь не одну трагедию и которой пришлось приложить немало сил, чтобы он получил образование. Так что ничего не кончено.

— Им не будет лучше, если у тебя начнутся неприятности.

— Они уже начались. Я весь день только и думаю, как бы из них выкарабкаться.

— Никто не подозревает, что это убийство, кроме тебя.

— Но долго ли так будет? Одна особа сегодня уже выражала недоумение, как это Ральф ухитрился перепутать цианид с ацетатом. Сейчас она убита горем, но постепенно успокоится и задумается об этом всерьез. Могут задуматься и другие наши химики. Кто-нибудь наверняка обратится в полицию. Ты хочешь, чтобы над нами висел дамоклов меч?

— Кто это — «она»? О ком ты говоришь?

— О Роберте Гудхью. Она собиралась за Ральфа замуж.

Дорис сейчас же отозвалась, инстинктивно хватаясь за малейшую возможность:

— Может быть, это она и убила. Может, он ее бросил.

— Я как раз думаю об этом, — ответил Брейд. — Я уже много передумал. — Он опустил на стол страницу рукописи, которую держал в руке. — Дорис! Послушай меня!

— Да? — ответила она.

— Давай обсудим все это вместе. Ну неужели я должен терзаться один? А вдруг ты заметишь что-нибудь такое, чего не вижу я? Ради бога, может быть, ты найдешь какой-нибудь выход.

Дорис склонилась над нетронутым вязаньем.

— Хорошо, — сказала она, — если тебе нужно поговорить об этом, давай поговорим.

— Я было решил, — начал он, — что все надо по порядку записать. Это было мое первое побуждение.

Но потом я подумал: а что, если кто-нибудь найдет в корзине клочок бумаги или пепел и заинтересуется, что это я сжег? Понимаешь, я теперь сам не знаю, что лучше, что хуже. Это просто невыносимо... Допустим, — продолжал он, — мы решили, что это убийство. Тогда прежде всего нам надо установить, кто убийца. Я уже говорил тебе вчера вечером, что этот «кто-то» должен знать химию и должен быть знаком с методами работы Ральфа. Тут, очевидно, подозрение падет на меня, но если не считать меня, то кто может быть еще? Правда, есть один человек, который имеет доступ в лабораторию Ральфа и может наблюдать за его работой.

— Кто?

— Грегори Симпсон. Они пользовались лабораторией вдвоем. Он говорит, что Ральф не обменивался с ним ни единым словом, и, может быть, так оно и есть, но тем не менее Симпсон мог наблюдать, как работает Ральф, он мог видеть, что Ральф приготовил колбы с уксусом и спрятал их в столе. У него возможностей больше всего, но и другие — Чарльз Эммит, или кто-нибудь из аспирантов, или хотя бы Кэп Энсон, — кто бывает в этой части здания, могли заметить то же самое. Другими словами, теоретически возможно, что кто-то вошел в лабораторию Ральфа, когда его там не было, просмотрел его записи и узнал достаточно, чтобы разработать план убийства. Но, понимаешь, все это не очень вероятно... Что касается самого способа убийства, то на первом месте тут, безусловно, стою я. Затем, с меньшей вероятностью, идет Симпсон. Остальных, кто бывает на нашем этаже, с трудом можно заподозрить. Что касается всех прочих, то вероятность тут бесконечно мала.

— Почему ты считаешь, — спросила Дорис, — что Симпсон занимает второе место? По-моему, у него точно такие же шансы, как и у тебя.

— Ему всего двадцать два, и никаких мотивов.

— У него нет мотивов, о которых ты знаешь, но ведь ты не Бог. Если на то пошло, то у тебя тоже нет мотивов.

— Вот тут меня кое-кто беспокоит. После смерти Ральфа я наводил некоторые справки...

Дорис сразу нахмурилась.

— Зачем ты это делал? Хуже ничего не мог придумать?

— Я был очень осторожен. Кроме того, мне кое-что рассказывали, не дожидаясь моих вопросов. Во всяком случае Ральф, по-видимому, недолюбливал меня или боялся. А может быть, и то и другое, я не очень уверен.

— С чего ему не любить тебя?

— По-видимому, он вообще мало кого любил. Не знаю, чем я ему не нравился и почему он меня боялся, да это и неважно. Каковы бы ни были причины, полиция может представить это как повод для убийства. Они могут сказать, что я для него много сделал или считаю, что много сделал, а он оказался неблагодарным и вел себя со мной не лучше, чем с другими. И тогда в припадке негодования я его убил.

— Но это же безумие!

— Полиция может решить, что я сумасшедший. Ведь бывает, что я срываюсь, выхожу из себя. Известно, что я кричу на студентов, когда они выкидывают какой-нибудь идиотский номер. Боюсь, я бы избил Ральфа, если бы эта история с цианидом действительно оказалась несчастным случаем и он бы выжил. Все знают, что иногда я не могу себя сдержать.

— Так может быть с кем угодно, — сказала Дорис. — Нет, конечно, у кого-то должен быть настоящий повод — одной вспыльчивости мало.

— Такой человек есть. Джин Мэкрис.

— Вот как? И какие же у нее мотивы?

Брейд рассказал ей.

— Ну, я смотрю, у вас не университет, а какой-то рассадник секса.

Брейд пожал плечами:

— Похоже, правда? Как бы там ни было, у Джин Мэкрис есть повод, но нет знаний.

— Много ли нужно знаний, чтобы поменять пробирки?

— Нужны не только знания. Нужна уверенность. Я думаю, не химик просто не решился бы иметь дело с цианидом — он побоится, что яд проникнет сквозь кожу. А вот у Роберты, если предположить, что Ральф

ее бросил, есть и мотивы, и знания. Правда, у нас нет оснований считать, что он ее бросил... Конечно, — продолжал Брейд устало, — могут существовать мотивы, о которых мы не догадываемся, ты об этом уже говорила. Ранке, например, очень не любил парня. Встает вопрос: насколько сильно он не любил? Нет ли в их отношениях того, чего мы не знаем? Фостер чуть не исключил его. Может быть и здесь было что-то, что нам неизвестно.

Дорис сказала, принимаясь вязать:

— На твоём месте я не стала бы так беспокоиться насчет мотивов. Его никто не любил. Куда ни глянь, у каждого может оказаться повод. Ты ничего не знаешь о мотивах. Ты не знаешь, почему один человек решится на убийство, а другой нет. Да и откуда тебе знать? Это не твоя специальность. Ведь приди к тебе в лабораторию какой-нибудь сыщик, пусть даже самый умный, и начини он учить тебя, как вести исследования, ты будешь смеяться до упаду. Почему же ты считаешь, что можешь быть сыщиком? Только потому, что ты химик? У тебя нет ни опыта, ни навыков, и ты просто мучаешь себя. Так перестань, прекрати это.

Брейд молчал.

— Пусть это останется несчастным случаем, Лу. Ведь если кто-то и убил его, ну что же делать? Ты же не Бог, карать не в твоей власти!

Брейд отвернулся.

— Надо позвонить Кэпу, — пробурчал он.

Два с лишним часа Брейд в тоске и тревоге просидел над рукописью Энсона. Речь шла о начале карьеры шведского химика Берцелиуса, который в свое время был абсолютным властителем в химии. Он внес большой вклад чуть ли не в десяток разных ее областей, открыл несколько элементов, ввел термин «катализ», предложил химические обозначения, которыми пользуются по сей день, и так далее.

Энсон ставил его выше всех химиков — это был его герой, и, читая, Брейд удивлялся, как много общих черт было у Энсона и Берцелиуса, во всяком случае в изображении Кэпа. Конечно, в первой половине двадцатого века никто не мог обладать такой властью, какой обладал Берцелиус в девятнадцатом.

Масштабы науки слишком разрослись. И все-таки Берцелиус тоже сошел со сцены задолго до своей смерти.

Может быть, Энсону кажется, что он повторяет его судьбу? Может быть, он считает себя последним великим защитником чистой химии — теперь, когда молодчики, занимающиеся квантовой механикой, добились успехов со своими резонансами и р-электронами?

Наконец, почувствовав усталость, Брейд сокрушенно отложил рукопись. В комнату вошла Дорис и вскользь заметила, что надо не забыть заказать на утро еще одну бутылку молока. Потом Брейд проверил, заперты ли двери, выключены ли электроприборы на кухне, и пошел наверх в спальню.

Кэп Энсон пришел к ним ровно в девять, минута в минуту, и Брейд, уже успевший позавтракать, провел Кэпа прямо к себе в кабинет на нижнем этаже.

Энсон положил трость и опустился в одно из двух кресел.

— Ну, Брейд, как вы справились с Берцелиусом? — спросил он.

— Самоуверенный тип, — улыбнулся Брейд.

— Он имел на это право. Знаете, ему ведь дали титул барона!

— Вот как?

— Я касаюсь этого в следующей главе. Он получил титул в день свадьбы. Женился он поздно, невеста была на тридцать лет моложе, и вместо свадебного подарка король сделал его бароном. Я пишу об этом подробно. Не вижу, почему история органической химии не может быть одновременно и историей химиков-органиков.

Брейд не нашелся, что ответить. Сам Энсон всю жизнь, несомненно, отделял химию от химиков и никогда не допускал, чтобы личная жизнь влияла на его работу.

Известно было, что когда-то существовала миссис Энсон, что она умерла и что Энсон живет очень одиноко и за ним присматривает экономка. Известно было также, что у него есть замужняя дочь, живущая со своими детьми где-то на Среднем Западе. Энсон никогда о них не говорил, и не потому, что плохо к

ним относился. Он не говорил о них просто потому, что они не имели никакого отношения к химии.

— Если личные дела оказывают какое-то влияние на развитие органической химии, о них стоит сказать, — заметил Брейд. — Взять хотя бы титул барона! Это ведь свидетельство того, как тогдашнее общество оценило деятельность ученого. Органическая химия стала достаточно сильно влиять на повседневную жизнь, так что можно было присвоить дворянство химику-органику.

Энсон задумчиво кивнул:

— Хорошая мысль. Спасибо. Я думаю выбросить несколько абзацев насчет открытия селена. Конечно, и это и вся история с анализом и паяльной трубкой чрезвычайно интересна, но к органической химии не относятся.

— Согласен, — сказал Брейд, — книга и так будет слишком длинной.

— Договорились. А теперь взгляните на страницу восемьдесят два. Я еще не перешел к теории радикалов, но, по-моему, здесь как раз уместно...

Так они работали голова к голове, просматривая одну за другой страницы рукописи, то откладывая их в сторону, то снова возвращаясь к ним, пока наконец не раздался голос Дорис, подчеркнуто ласковый из-за присутствия Энсона:

— Послушай, Лу, мне кажется, Вирджиния почти готова.

Брейд поднял голову:

— Сейчас, Дорис. Ну что ж, Кэп, по-моему, мы сделали основное из того, что собирались. Может быть, отложим до следующего раза?

— Вы уходите? — спросил Энсон.

— Нужно сводить Джинни в зоопарк. На этой неделе ей предстоит писать какое-то сочинение, и я надеюсь, наша прогулка подскажет ей тему, да и вообще доставит удовольствие. И Дорис отдохнет. Так что убиваем трех зайцев сразу. — Он улыбнулся, встал, сложил страницы рукописи в стопку и придавил их вместо пресс-папье дыроколом.

Энсон собрал свои бумаги.

— Вы не возражаете, если я отправлюсь с вами? Надо кое-что обсудить.

— Пожалуйста, — нерешительно ответил Брейд, не зная, как отклонить эту робкую просьбу, — но только вам будет скучно.

— В моем возрасте почти все скучно, — грустно улыбнулся Энсон и взял трость.

Стоял ясный солнечный день, для весны слишком теплый. Хотя солнце припекало почти по-летнему, в зоопарке еще не было летнего скопления народа. И Брейд с некоторым удовлетворением подумал, что хоть тут ему повезло. Джинни отправилась смотреть обезьян, а Брейд с Энсоном дожидались ее на скамейке.

Брейд рассеянно смотрел на клетку, установленную на высокой подставке в центре круглой лужайки, поросшей травой. В клетке сидел старый орел, в маленьких желтых глазках которого все еще таилась сонная свирепость. Брейд размышлял, давно ли эта птица сидит в клетке и какой тяжкий грех она совершила, если по каким-то высшим, неземным законам, карающим проступки, ее обрекли на заточение.

Энсон купил себе пакетик жареной кукурузы и, положив трость на колени, с очевидным удовольствием хрустел нежными зернами.

— Вчера я говорил с Литлби, Брейд, — сказал он.

— Да?

— Он рассказал мне об этих лекциях по технике безопасности, которые он наметил. Конечно, старый жулик сам себя убедил, что задумал их давным-давно.

— Да, я знаю, — Брейда это не очень интересовало.

— А потом он спросил про вас.

— Про меня? — Брейд почувствовал, как у него напряглась спина.

— Потому-то я и привел вас сюда, понимаете, подалее от миссис Брейд.

— Что же он сказал?

— Да ничего особенного. Прямо ничего сказано не было. Однако я так понял, что в следующий раз ваше назначение будет продлено только на один учебный год. Вам предложат за этот год подыскать себе другую работу.

Брейду показалось, что температура резко упала, а солнце, светившее ему прямо в спину, перестало греть.

Голос Энсона доходил откуда-то издалека.

Прежде всего Брейд подумал не о том, что потеряет средства к существованию, не о том, что изменится привычный уклад жизни. Он подумал о Дорис.

Она все предсказывала. Пока он не утвержден, судьба его зависит от Литлби или от другого руководителя факультета, который придет ему на смену. Брейд всегда упрямо твердил, что ничего не случится. На этом зиждилось его положение в семье. А теперь как он посмотрит Дорис в глаза?

— Это связано с уб... — Он запнулся. Он чуть не сказал — «с убийством» и начал снова: — Это из-за Ральфа Нейфилда?

— Вы имеете в виду несчастный случай с Ральфом? — удивился Энсон.

— Ну да.

— Об этом он ничего не сказал. Да и какая тут связь?

Брейд пожал плечами и отвернулся.

— Все дело в ваших исследованиях, — пояснил Энсон. — Вы мало печатаетесь.

— Или печатайся, или погибай! — сказал Брейд с горечью.

— Знаете, Брейд, это ведь старая история. Люди держатся в университете благодаря своей репутации. Репутация основана на вкладе, который этот человек вносит в науку. А вклад измеряется количеством публикаций.

— Значит, если бы я собрал все свои изыскания вместе, разделил их на худосочные дольки и начал тискать сообщения, то в одном журнале, то в другом, было бы лучше? Значит, я считался бы великим ученым, если бы из каждой работы выжимал по дюжине статей? Выходит, репутация ученого измеряется количеством жиденьких публикаций, на которые он сумеет расчленить свои исследования?

— Брейд, Брейд, — старый химик поднял узлова-

тую, с набухшими венами руку и успокаивающе похлопал Брейда по колену, — не будем спорить о количестве и качестве. Статьи, которые вы опубликовали за последние десять лет, очень серьезны и представляют известную ценность, но их вряд ли можно считать блистательным вкладом в науку. — Он даже усмехнулся, так ему понравилась эта фраза, и повторил: — Вряд ли можно считать блистательным вкладом.

— А у меня вряд ли встречались блистательные аспиранты, — ответил Брейд раздраженно и тут же устыдился: нечего сваливать вину на других.

Энсон согласился.

— Это верно. Но кто виноват?

— А что я, по-вашему, должен делать? Загребать себе дотации и покупать аспирантов? Не собираюсь. Я давно решил, Кэп, что не пойду с поклоном в Вашингтон предлагать какую-нибудь идею, под которую можно получить деньги от правительства. Я не собираюсь менять свою работу на какие-то сомнительные новомодные проекты. Я занимаюсь тем, что меня интересует, вот и все. Если это заслуживает общественного поощрения, я приму его без колебаний. А нет, так нет. — Он говорил со злостью, мысленно оправдывая себя и ожидая услышать уже знакомые обвинения в непрактичности, в том, что он глупец, считающий бедность добродетелью, а процветание — грехом.

— Перестаньте, — сказал Энсон, — вы же знаете, что я думаю обо всем этом разгуле с субсидиями, который царит вокруг. Я вам это не предлагаю. Но почему вы так расстроились? Неужели вы не найдете другую работу? — Он пристально, не отводя глаз, уставился на Брейда.

Брейд было трудно выдержать этот взгляд. Что он мог ответить? Что уже возникла отрицательная обратная связь? Что чем дольше его не повышают в должности, тем сомнительнее становится повышение? Ведь если его и решат повысить, неизбежно возникнет ряд вопросов. Почему он так долго оставался помощником профессора? Почему его так долго не повышали? Значит, с ним что-то не так? А чтобы получить

повышение, надо ответить на эти вопросы. Причем с каждым годом вопросы становятся все настоятельнее, все острее, давать на них ответы все труднее. А через некоторое время ответить будет и вовсе нечего.

И при переходе на новую работу эти вопросы возникнут тоже. Не то, чтобы он был слишком стар для новой работы или считался плохим химиком, просто его нынешнее положение чересчур затянулось.

Брейд быстро представил себе бесплодное хождение по химическим факультетам, обмен вежливыми рукопожатиями с сотрудниками, вежливые расспросы об его исследованиях, вежливый обмен статьями, и все это настолько приторно вежливо, что начинало тошнить.

А вежливость объясняется только тем, что никто не захочет задать невежливый вопрос: «Почему же вы столько лет оставались внештатным помощником профессора, профессор Брейд? И почему ваш университет вместо того, чтобы утвердить вас в должности, позволяет вам уйти?» Ведь не ответишь же: «Они не хотят меня повышать, потому что слишком долго не повышали. Они позволяют мне уйти, потому что смущены и раздосадованы тем, что никак не соберутся меня зачислить».

Он все еще старался выдержать взгляд Энсона.

— Я могу пустить в ход свое влияние, — сказал Энсон, — и помочь вам.

«Какое влияние?» — подумал Брейд с горькой безнадежностью. Ах, Кэп, Кэп, ну какое влияние? В этом университете вы имеете вес, так как все смотрят на вас как на живое привидение и не хотят обижать. А в других местах? Там почитают настоящего Энсона, а настоящего Энсона, сделавшего когда-то огромный вклад в развитие органической химии, больше нет. Старик, зовущий себя Энсоном, — самозванец, он лишь телесной оболочкой связан с тем, прежним Энсоном, а все, что составляло его «я», его влияние, ушло безвозвратно.

— Но если вы хотите остаться в университете, — продолжал Энсон, — так боже мой! Заставьте их вас удержать. До июня, пока вас не предупредили, у вас есть время. Сделайте что-нибудь до этого.

— Сделать? — повторил Брейд. — Что сделать?

Энсон так стукнул тростью по гравию дорожки, что трость затрещала и из-под нее брызнули в разные стороны мелкие камешки.

— Вы что, сдаетесь, молодой человек? Бороться надо. В университете прозябать нельзя. Наука — это борьба. — И он сжал свою морщинистую руку в кулак.

— Но я-то как раз не возражаю против прозябания, учитель. На свете много мест, где можно бороться и где вам платят за эту борьбу. А я потому и сижу в университете, что не желаю бороться.

Из помещения для обезьян выбежала Джинни. Прямые темные волосы, заплетенные в две тугие косички, подпрыгивали у нее на спине, ударяясь о коричневый свитер, на бегу она отталкивала кусочек гравия носком туфли.

— Папа, можно я пойду в террариум?

Брейд поднял голову и какую-то долю секунды смотрел на собственную дочь, не узнавая ее.

— Конечно, — ответил он, — а где это?

— Да вон же, видишь вывеску!

— А нам пойти с тобой, Джинни? — Он потянулся к ней, и вдруг ему отчаянно захотелось взять ее на руки, прижать к себе, чтобы, лаская это маленькое существо, утешиться самому. Но она отбежала в сторону и ответила, не сводя глаз с террариума:

— Нет, я сама. Я быстро.

И поскакала, исполненная независимости, несмотря на свои одиннадцать лет.

— А как быть с работой Ральфа? — спросил Брейд.

— С исследованием кинетики? — на лице у Энсона отразилось неудовольствие, и он решительно затряс головой. — Забыть.

— Забыть? Но ведь она открывает совершенно новые возможности в области органической реакции. Если мне удастся закончить ее, получить последние подтверждения, — в нем вдруг пробудилась новая надежда, — я мог бы напечатать статью, которая вызовет настоящую сенсацию!

У Энсона это не нашло поддержки.

— А как вы собираетесь кончать эту недоделанную работу? — спросил он.

Брейд не ответил. Носком ботинка он скovyрнул кусочек гравия.

— Для такой работы у вас нет достаточной подготовки, — сказал Энсон и покачал головой, — я это знаю. Приди вы вовремя ко мне за советом, я бы вас предостерег. Профессор не должен позволять своим аспирантам вести исследования, которые не по плечу ему самому. Я держался правила всегда знать и понимать до конца, что делают мои ученики. И если бы один из них вдруг исчез, я всегда мог доделать опыты сам. А у вас дело обстоит иначе, правда?

Брейд вспыхнул. Он исправно просматривал копии расчетов, которые приносил ему Ральф, но постичь математические выкладки и обобщения Ральфа в области конфигурационной энтропии было свыше его сил.

— А я научусь, — сказал он. — Я не настолько горд, чтобы перестать учиться.

— Дело не в гордости. У вас нет времени. Я вам скажу, что делать.

Он дружески положил руку на плечо Брейда, и Брейд вдруг остро почувствовал, что он относится к этому старику так же, как аспиранты относятся к нему самому.

— Будь я на вашем месте, я начал бы все сначала. Выбрал бы себе область, настолько новую, настолько никем не разработанную, что просто нельзя было бы не сделать в ней открытий. Надо найти такую область, в которую еще не вторглись эти типы, сидящие на субсидиях. Вот взгляните-ка на этого орла!

Брейд удивленно поднял голову. Глаза птицы были закрыты, крылья сложены. Медленно приоткрылся и снова сомкнулся клюв, словно рот старика, который бормочет что-то во сне.

— При чем здесь орел? — спросил Брейд.

— Возьмем хотя бы его плотоядность. Он ест мясо. Вон те обезьяны, может быть, и питаются насекомыми, но в основном едят фрукты и вообще растительную пищу. Однако обезьяны-вегетарианцы ближе стоят к плотоядному человеку, чем плотоядный орел. Интерес-

но, как это отражается на химическом составе этих трех существ.

— Что вы имеете в виду, Кэп?

— Я говорю о сравнительной биохимии, о химической разнице между организмами. Те немногие, кто этим занимался, ничего не смыслят в органической химии. А у вас есть специальные знания, которые помогут вам пойти дальше их. Ну как? Ведь это замечательно интересно.

— О боже, Кэп, — сказал Брейд, невольно улыбаясь, — да я не представляю: с чего тут начинать?

— Вот именно. Так испытайте свои силы.

— Нет, Кэп, нет. Меня это не трогает. Меня просто не привлекает работать с животными.

Энсон нахмурился.

— Займитесь этим, и я уверен, мне удастся уговорить Литлби. Он забудет о своих планах отказаться от ваших услуг и уж во всяком случае даст вам реальную возможность поработать над новой темой. Он, может быть, даже повысит вас на этом основании. Здесь нет ничего невозможного.

— Спасибо, Кэп. Но даже при этом...

— Вы что, просто боитесь всего нового?

— Нет, но тема должна увлекать меня, и, по-моему, сейчас меня интересует как раз кинетика. Я попробую сам закончить работу Ральфа. Попробую.

Энсон встал.

— Я пошел, Брейд. Вы делаете ошибку.

Брейд смотрел вслед удаляющейся фигуре, и в чувствах его была такая сумятица, что он никак не мог в ней разобраться. Бедняга Кэп. Он явно возмущен. Все еще раздает идеи, распределяет области исследований. Конечно, он ненавидит кинетику и механизм реакции — ведь именно из-за этих проблем его деятельность оказалась устаревшей.

Сравнительная биохимия?

Брейд взглянул на орла и подумал: «А что, если...»

На миг в нем встрепенулась надежда, но это объяснялось лишь обещанием Энсона попросить за него. И надежда была пустая, потому что Энсон не мог поколебать Литлби. В этом Брейд не сомневался. Только сам Энсон верил еще в свое могущество. Что касается работы Ральфа...

Брейд пытался сохранить в себе тот маленький зародыш надежды, которую он только что ощутил, но она ускользала. Конечно, если прочесть книгу Ранке по кинетике...

Но он достаточно был знаком с ней и знал, что чтение ее — тяжкий труд, может быть, даже непосильный для него.

Брейд сидел на скамейке, дожидаясь Джинни, и чувствовал себя очень одиноко.

Домой они вернулись около четырех часов. Дорис уже одевалась к вечеру, но этим сборам предстояло затянуться до самой последней минуты, когда все вокруг каким-то чудом уладилось и она, приведенная в порядок и затянутая в платье, оказалась готовой.

Дорис озабоченно посмотрела на них.

— Звонил Фостер.

— Фостер? Наш Фостер?

— Профессор Мерилл Фостер, который читает курс для дипломантов, хотя его должен читать ты. Тебе достаточно этого объяснения?

— Ну пожалуйста, Дорис! Я не настроен состояться с тобой в сарказме. Что ему понадобилось?

— Поговорить с тобой.

— О чем, господи помилуй?

— Он не сказал. Он был очень недоволен, что к телефону подошла я, и все добивался, действительно ли ты будешь вечером у Литлби. Я сказала, что будешь.

— Гм! Как ты думаешь, что ему нужно?

— Понятия не имею. Но скажу тебе вот что. Он был ужасно говорлив, так и чувствовалось, что он старается скрыть возбуждение. И зная Фостера, Лу, я могу сделать вывод, что у него припасены для тебя дурные вести.

Дурные вести? А чего еще сейчас ждать! Наверное, те самые новости, которые ему уже принес Кэп Энсон, но только подтвержденные, отполированные до блеска и тщательно упакованные, готовые к доставке!

Однако Брейду кое-как удалось сохранить спокойствие.

— Не каркай, Дорис! Если это Фостер, то от него можно ждать чего угодно. Поделится, например, очередной грязной историей, которую где-то услышал. У меня в запасе полчаса, пойду-ка вздремну.

Он снял рубашку, брюки и ботинки, лег, но не заснул. В нем начал медленно разгораться гнев. Можно понять, что Литлби обсуждал его дела с Кэпом Энсом. Все-таки Энсон самый старший на факультете, выдающаяся личность, а кроме того, в прошлом он учитель Брейда. Но обсуждать это с Фостером... «Липун Фостер», — подумал Брейд с внезапной злобой.

Он вспомнил день, когда впервые увидел Фостера. Фостер был тогда еще юнцом, лет двадцать с чем-нибудь, не больше, и он только что окончил университет на Среднем Западе. Его провели по лабораториям, представили сотрудникам, и с самого начала он показался всем рослым и крупным, хотя высоким ростом не отличался. Он держался с веселой самоуверенностью, зная, кто какими исследованиями занимается, и с полным пониманием обсуждал с каждым его работу. Почему-то ни у кого не возникло мысли, что он просто вызубрил все это заранее, хотя иначе и быть не могло.

Брейд не любил Фостера за манеру немедленно считать себя хозяином каждого клочка земли, куда ступала его нога, но он постоянно боролся с этим чувством, даже тогда, когда Фостер сравнительно быстро продвинулся по службе и занял на факультете такое же положение, как Брейд.

Дорис решительно невзлюбила Фостера с самого начала.

— Он грубиян, и я не вижу в нем ничего забавного, — говорила она.

Фостер действительно был груб. Его любимым развлечением было рассказывать сомнительные истории, что, надо отдать ему справедливость, он делал мастерски. Его постоянно окружала атмосфера шутивого флирта. Он свирепо ел глазами секретарш, лаборанток, студенток. Стоя рядом с женщиной, он, как бы невзначай, осторожно обвивал рукой ее талию или плечи. По-видимому, это никому не казалось оскорби-

тельным. Во всяком случае Брейд ни разу не слышал, чтобы хоть одна женщина возмутилась, дала Фостеру пощечину или пожаловалась Литлби. И иногда Брейда это весьма удивляло. Может быть, Фостер обладал каким-то животным магнетизмом, который был замечен (и нравился) только женщинам?

Поэтому он испытывал некоторое удовлетворение, случайно узнав, что все без исключения женщины, обитающие на химическом факультете, именуют Мерилла Фостера не иначе как «липун» Фостер. Сейчас Брейд беззвучно повторял это прозвище — «липун» Фостер. Ему казалось, что оно унижает Фостера, ставит на подобающее место.

Зачем Литлби понадобилось обсуждать с ним вопрос о Брейде? Если от Брейда хотят избавиться, пусть хотя бы считают с его достоинством. Уж это-то он заслужил!

Брейд закрыл глаза. Если до того дошло, что его вышвыривают вон всем на посмешище, он найдет, как отомстить. В эту минуту ему казалось, что совсем не сложно овладеть сведениями, нужными для завершения работы Ральфа. Он найдет себе новое место и, опубликовав результаты исследований (да поможет ему Господь Бог!), совершит переворот в науке, работая в другом институте. Пусть тогда попробуют разделить с ним его славу...

Он находился на зыбкой границе сна и бодрствования, планы мести неуловимо менялись и принимали фантастические размеры, как вдруг до него донесся деловитый голос Дорис:

— По-моему, тебе пора одеваться.

Литлби жили в одном из старых предместий, границы которого бдительно охранялись от вторжения массового жилищного строительства.

Лет десять назад Литлби купил себе здесь участок земли, влившись таким образом в избранный круг, и теперь владел домом, который сохранил налет старины, приятно и необычно выглядел и был не лишен удобств. Панели и резьба, широкие лестницы и высокие потолки напоминали о временах, когда рабочая сила была дешевой, а лишние расходы, связанные с

содержанием такого жилища, служили истинным признаком благополучия.

Там, где старина напоминала о себе слишком явно, на помощь были призваны достижения науки, так что кухня и ваннные комнаты были полностью модернизированы. Они сверкали нержавеющей сталью и цветной плиткой, а в просторных подвалах разместились стиральные машины, сушилки и прочие принадлежности современного безупречного хозяйства.

Миссис Литлби встречала гостей сразу за дверью (в прежние времена, до того, как полностью вывелась каста домашних слуг, это делал дворецкий). Она была небольшого роста, лишена каких-либо черт, которые принято называть аристократическими. Ее серо-коричневым волосам, казалось, не хватило решимости поседеть как следует; они были тщательно уложены, но производили впечатление непричесанных. Ее глаза были как бы созданы для очков, хотя очков она не носила, а платье ее отличалось такой потрясающей безвкусицей, что это даже придавало ей индивидуальность.

Она была всегда очень добра и внимательна к гостям, никогда не путала имена и звания, никогда не забывала упомянуть о недавних наградах и поощрениях. Уже за одно это ее нельзя было не любить.

— Профессор Брейд! — сказала она с ласковой улыбкой. — Как приятно, что вы смогли прийти. Миссис Брейд, какое очаровательное платье! Пальто и шляпы можно оставить в прихожей. Ах, профессор Брейд, я была так огорчена, услышав о несчастном случае с вашим аспирантом. Я даже сказала Профессору («Профессором» она именovala мужа): он, бедняжка, уже отмучился. Но какое это испытание для близких, которые его пережили! А ведь его руководитель — это почти член семьи, я всегда так считала. Знаете, я даже подумала, не отложить ли наш небольшой вечер, но столько людей уже рассчитывало на него...

Улыбаясь и раскланиваясь, профессор Брейд бормотал какие-то вежливые слова, стараясь бочком-бочком поскорее уйти. Миссис Литлби обменялась еще

несколькими фразами с Дорис, но тут ее внимание отвлекли новые гости.

Брейд услышал голос Фостера, как только вышел из прихожей. Да, голосом Фостера Бог не обидел. Не увеличивая количество децибеллов, он умудрялся перекричать своих собеседников. Было что-то в его голосе, в высоте его тембра, что придавало ему особую звучность.

Фостер стоял возле стола с закусками и, поддерживая разговор, небрежно и неторопливо выбирал себе лакомый кусочек. Потом с легкостью, приобретенной в результате длительной практики, подцепил на вилку самый сочный ломтик, очень ловко отправил его в рот, жевал и проглатывал, не переставая при этом говорить. Его слушателями были два младших преподавателя — Ярдли и Дженнаро, и, по-видимому, подобная аудитория вполне его устраивала. Ведь не так уж трудно овладеть вниманием людей помоложе — можно задать тон беседе и управлять ею.

— Мне известен еще только один такой случай, — говорил Фостер, — он произошел с Уэкфилдом из Южной Небраски. Он действительно женился на своей студентке, на собственной дипломантке. У него их было пять или шесть, но он выбрал именно эту, и потом, скажу я вам, прехорошенькую. Правда, на мой вкус, верхний этаж у нее был маловат, но в общем ничего. Я читал там летний курс и потому знаю.

— Когда это было, Мерилл? — спросил Дженнаро.

Фостер положил себе паштета из креветок и задумчиво поджал пухлые губы.

— Лет десять назад. А недавно я слышал, они все еще женаты. Но меня занимает вот что. — И он, словно переводя дух, втянул в себя воздух: — Допустим, у вас есть студентка, и вам она кажется аппетитным кусочком. Вы ведете честную игру и собираетесь жениться. Но как все это проверить? Ведь прежде чем вы утвердитесь в этих добродетельных помыслах, у вас могут возникнуть сомнения. Может, вы поступаете правильно. Может, это как раз то, что надо. Но как это проверить?

— По-моему, — задумчиво сказал Ярдли, очень серьезный молодой человек, который говорил только

как следует поразмыслив, и, должно быть, поэтому хороший лектор из него не получился, — по-моему, возможностей много. Ходить, например, вместе на семинары, или вполне можно пообедать, чтобы обсудить ее работу.

— О боже! — воскликнул Фостер презрительно. — Вы не уловили суть вопроса. Речь идет не о том, как им побыть вместе и поболтать. А вот где и когда в первый раз ее прижать? Где и когда поцеловать и попробовать чего-нибудь добиться? Слушайте, а что если она поднимет крик и начнет звать на помощь — ведь он погиб. Моральное разложение! Даже если он имеет постоянную должность, ему несдобровать. И потом, тут есть другой риск. Допустим, он повернется вокруг и будет разочарован. А она по-прежнему его студентка. Как от нее отделаться? Как ему...

Он замолчал на полуслове, заметив, что к ним приближается темноволосая, тоненькая молодая женщина, очень юная и очень застенчивая. Она что-то промурлыкала ему на ухо, и голос Фостера вдруг обрел необыкновенную мягкость, как будто в его оболочку проник совсем другой человек и говорит за него.

— Хорошо, дорогая, — произнес он, кивнув головой.

Брейд конечно знал ее. Джоан Фостер — жена Мерилла. Насколько он громогласен и груб, настолько она хорошо воспитана и изысканно сдержанна. Тем не менее, она никогда не высказывала недовольства его манерами, а он никогда не смягчал своих слов в ее присутствии, если только не обращался прямо к ней. «Черт возьми, — подумал Брейд с внезапным возмущением. — Ну что заставляет этого человека кокетничать отсутствием культуры, говорить на каком-то жаргоне, строить из себя болвана, когда никто не сомневается, что он в высшей степени образован, утонченно культурен и к тому же превосходный химик. И зачем ему, если он имеет такую жену и если даже преследуемые им девицы знают, что он ее обожает, зачем ему задевать этих девиц? Уж лучше раздевать!» — подумал Брейд и невольно улыбнулся. Иногда и он может быть таким же циничным, как

Фостер. Да каждый, наверное, может. Но Фостер говорит все вслух, в том-то и разница.

Фостер начал с того, на чем остановился:

— Ну так вот. Тут нужен настоящий спец в вопросах волокитства. А что может этот профессор-недопека смыслить в подобных вещах? Разве это дело для дураков?.. — Тут он случайно слегка повернул голову и его глаза встретились с глазами Брейда. Он сразу заулыбался:

— Эй, Лу, ты слышишь?

— Слышу, — ответил Брейд осторожно.

— Отлично, тогда передаю слово тебе. Ты же специалист! Ты у нас дамский угодник. — Он подмигнул молодым преподавателям, которые предпочитали не участвовать в этом поединке двух профессоров и только улыбались. — Ну-ка, перечисли ходы в этой шахматной партии, чтобы обеспечить мат.

— Если проблема, — ответил Брейд, — заключается в отношениях между студенткой и профессором и если тебе неизвестна техника этого дела по собственному опыту, то ни один человек на свете не возьмется утверждать, что она известна ему.

Все рассмеялись, но Фостер просто зашелся от смеха.

Он хлопал себя по бедрам, мотал головой. Конечно, он отнесся к словам Брейда с большим энтузиазмом, чем они того заслуживали, но Брейда вдруг осенило, что это и есть один из его приемов. Фостер всегда, от всего сердца смеялся, когда шутили над ним. Таким образом, все считали, что он понимает шутки, а это давало ему право «выдавать» свои остроты.

Между прочим, если долго практиковаться, можно добиться, что ваш смех будет казаться естественным.

Наконец Фостер успокоился и внезапно спросил Брейда доверительным шепотом:

— Слушай, Лу, можно тебя на минуточку?

Но Брейд приветственно замахал рукой, сделав вид, будто заметил кого-то в дальнем конце комнаты, хотя там никого не было, и устремился прочь, буркнув на ходу:

— Еще увидимся, Мерилл.

И слова Фостера оказались обращенными в пространство.

Комната постепенно наполнялась людьми. Когда их наберется достаточно, двойные двери, ведущие в большую столовую, распахнутся, два посыльных от магазина, занятых сейчас подготовкой ужина, удалятся и гости выстроятся в очередь за ломтиками ветчины и сыра, за котлетами и спагетти, за бобами и капустным салатом, а потом за кусками торта и кофе.

Проходя через комнату, Брейд избегал встречи с Литлби и не знал, заметил его глава факультета или нет. Брейд надеялся, что не заметил. Ведь если бы Литлби его увидел, на губах у декана, независимо от положения дел, автоматически появилась бы заученная улыбка.

Брейд оказался возле Отто Ранке и сделал вид, что собирается присоединиться к небольшой группе вокруг него. Быстрый взгляд через плечо позволил Брейду убедиться, что Фостер не последовал за ним.

Прекрасно! У него просто не было настроения слушать утешения и соболезнования человека, который в конечном счете только выиграет от всей этой истории. Ведь совершенно очевидно, что его неудача на руку помощнику профессора Мериллу Фостеру. Он быстро делает себе имя. Он достаточно напорист, чтобы добиваться утверждения более грубо и откровенно, чем Брейд. Единственное, что может задержать карьеру Фостера, так это то, что на его пути стоит Брейд. Литлби мог не захотеть (или сказать, что не хочет) продвигать младшего сотрудника через голову Брейда. Без Брейда продвижение Фостера значительно ускорилось бы.

Брейд поежился. Что же, в конце концов университет только маленький уголок остального мира. Плющ еще не отделяет его от джунглей, он служит лишь символической границей между одними джунглями и другими. И университетские джунгли, пожалуй, похуже прочих. Ведь ученые ищут здесь прибежища от жизненных зол, не имея сил сражаться с ними, зло настигает их и тут.

Уверенность в завтрашнем дне? Брейд взглянул на Дорис, которая беседовала с миссис Дженнаро, моло-

дой и очень вежливой, как и подобает жене младшего преподавателя. Видимо, они были женаты недавно, и, возможно, сама она никогда не училась в колледже, во всяком случае, она была явно подавлена значительностью своего теперешнего положения. Интересно, обрела ли она уверенность в завтрашнем дне?

Тут Брейд услышал резкий и недовольный голос Ранке. Специалист по физической химии с жаром обращался к стоявшим рядом:

—...Теперь врачи видят причину болезней в микробах и вирусах, так не пора ли пустить в ход грубую силу и ткнуть их носом в более глубокую истину? Мы должны вести атаку на заболевания при помощи генетического кода. Жизнь — это нуклеопротеин, и болезни вызваются его нехваткой. Имея дело с нуклеопротеином (он постепенно распалялся, и его голос становился все более резким), мы не можем полагаться на биохимиков. Они слишком мало знают, а от врачей и вовсе нет никакого толка. Белок надо изучать методом физической химии, и заниматься этим должны специалисты, притом самые передовые. Я тут недавно обратился в службу здравоохранения и попросил субсидию для детального исследования белка. Мне нужно двести тысяч долларов. Много, конечно, я понимаю, но ведь и программа предложена обширная и крайне серьезная. Однако они поставили ее под сомнение. Им хочется обойтись пятьюдесятью тысячами. Пятьдесят тысяч! А почему? Потому что в заявке на дотацию я указываю на значение этих исследований для изучения этиологии рака. А раз этиология рака, значит вопрос пойдет на рассмотрение к патологоанатомам. Да что, черт возьми, знают о раке эти бандиты-патологоанатомы? Что, черт...

Брейд отвернулся. Цель у Ранке может быть и другая, но позиция... Точно так же рассуждают промышленники, которые кланчат у правительства субсидии на расширение деловых операций. Разница невелика...

Он чуть не подскочил, когда кто-то внезапно дотронулся до его плеча. Он поднял глаза. Перед ним стоял Фостер, и его широкое цветущее лицо было озабочено.

Фостер потянул Брейда за рукав:

— Слушай, Лу, мне надо поговорить с тобой.

Брейд выдавил из себя смешок:

— Звучит зловеще. Плохие вести?

— Не знаю, как ты согласишься. Я подумал, что тебе следует знать. — Он огляделся с беспокойством, но никто не смотрел в их сторону, и он еще сильнее потянул Брейда за рукав. Понизив голос до шепота, он сказал: — Это насчет Ральфа Нейфилда.

— Насчет Ральфа?

— Ш-ш-ш! Слушай, ты знаешь, тут шляется этот тип, сыщик что ли, и задает всякие вопросы. Его зовут Дозни. Такой маленький и толстый.

— Какие вопросы? Почему?

— Не знаю, почему. Со мной он не говорил. Но с одним моим парнем толковал, и тот передал мне. У него такое впечатление, будто этот Дозни не считает смерть Ральфа несчастным случаем.

12

Брейд растерянно возрился на своего младшего коллегу. Он был застигнут врасплох.

— Я просто подумал, что тебе это надо знать, — неуверенно сказал Фостер.

В мозгу у Брейда что-то сдвинулось. Ведь все это время он предполагал, что новости Фостера связаны только с его увольнением и ни с чем больше. Стараясь казаться беззаботным, он сказал:

— А чем же объяснить смерть Ральфа, как не несчастным случаем?

— По правде говоря, я и сам удивляюсь, как этот Нейфилд мог спутать цианид с ацетатом, — ответил Фостер. — Так ошибиться может только новичок. Твой аспирант не из новичков.

— Это сыщик так говорит?

— Черт возьми, Лу, я понятия не имею, что говорит сыщик. Я же тебе сказал, он беседовал с моим студентом и спрашивал, не было ли у Ральфа плохого настроения, как шла его работа, не говорил ли он чего о каких-нибудь неприятностях?

Их прервала миссис Литлби, подошедшая с подно-

сом коктейлей. Фостер покачал головой, чуть улыбнувшись сжатыми губами, а Брейд торопливо взял один из бокалов. Он отпил из него, не сводя глаз с Фостера.

— Что ты хочешь сказать, Мерилл? — спросил он.

— Я думаю, полиция предполагает самоубийство, — ответил Фостер.

Брейд ожидал услышать это слово, и все же оно заставило его вздрогнуть. (Но все-таки лучше самоубийство, чем убийство, верно ведь? Это какой-то выход, правда?) А вслух он сказал:

— Почему самоубийство?

— А почему бы и нет?

— Работа у него шла хорошо.

— Ну и что? А что ты знаешь о его личной жизни?

— А ты? Тебе известно что-нибудь, отчего его самоубийство становится понятным?

Брейд не хотел казаться агрессивным, но сказывалось напряжение от происходивших событий, и нервы сдавали.

Фостер сразу заметил его повышенный тон. У него невольно поднялись брови:

— Знаешь, ты на меня не нападай. Я хотел сделать тебе любезность и предупредить. Если ты собираешься лягаться — прошу прощения, можешь считать, что я ничего не сказал.

— А почему ты говоришь так, будто я здесь как-то замешан? — резко спросил Брейд, возмущившись. — Даже если это самоубийство...

Вдруг между ними оказался Ранке, он пристально посмотрел на обоих:

— Какое самоубийство?

Брейд сердито взглянул на него и ничего не ответил. Фостер слегка пожал плечами, словно желая сказать, что он, мол, свое дело сделал, а если Брейд намерен кричать об этом на весь мир, то последствия пусть берет на себя.

— Мы говорили про Ральфа Нейфилда.

— Самоубийство? — Губы Ранке раздвинулись в хищной улыбке, а указательный палец замер в каком-нибудь дюйме от пуговицы на рубашке Брейда. — А вы знаете, я в это верю. Парень был сума-

сшедший, буквально сумасшедший. Наше счастье, что он не забрал с собой на тот свет всех нас. Он способен был взорвать весь факультет.

Брейда лихорадило от волнения. Вот они стоят рядом с ним. И каждый из них готов поверить в самоубийство. Почему? (Внутренний голос твердил ему — лучше самоубийство, чем убийство. Это же выход! Выход! И все же, не желая взвешивать последствия, не желая ни к чему прислушиваться, он прежде всего стремился знать правду. Правда была ему нужнее, чем выход из создавшегося положения. Ведь правда и есть единственный реальный выход. Все остальное — сплошной самообман.)

— Но зачем ему кончать с собой? — спросил он. — Что указывает на самоубийство? Ведь до зачисты ему оставалось всего полгода.

— А вы в этом уверены? — спросил Ранке с той же хищной улыбкой. — Как шла его работа?

— Прекрасно, — огрызнулся Брейд.

— Откуда вы знаете?

Брейд хотел было ответить и тут понял, какую ловушку расставил ему Ранке. Избежать ее было невозможно, и его молчание означало лишь, что Ранке придется взять на себя труд загнать его туда.

— Вероятно он говорил вам, что работа идет хорошо? — продолжал Ранке.

— Конечно, — ответил Брейд с вызовом.

— А откуда вы знаете, что он говорил правду?

— А у меня копии его записей.

Лицо Ранке расплылось в улыбке, и Фостер усмехнулся тоже. Брейд вдруг заметил, что в комнате наступила тишина, что группы гостей, трудолюбиво беседовавшие, прервали разговор и смотрят в их сторону, что Дорис скомкала платок и закусила губу.

Брейд понимал, что ни один из находящихся здесь химиков не поверит, будто он сведущ в кинетике и может судить, действительно ли работа Ральфа шла хорошо.

Голос Ранке был медоточив и сладок:

— Мне известны исходные теоретические предположки Ральфа Нейфилда, и могу заверить вас, что его замысел — чистейший абсурд. Я хотел дать ему воз-

возможность поработать и посмотреть, не возникнут ли какие-то боковые пути, которые, может быть, куда-то и приведут. Но, конечно, ничего из этого не вышло. Иметь с ним дело было невозможно. Он ушел к вам и вот тут-то потерпел окончательное поражение. Для аспиранта работать над такой проблемой, да еще не иметь при этом руководителя, с кем можно было бы посоветоваться, равносильно катастрофе.

«Должно быть, — подумал Брейд, — это-то и уязвляло Ранке. То, что Ральф никогда не советовался с ним, с великим специалистом».

— Не стоит тревожить душу парня, — сказал он, — и отправлять ее в ад только потому, что он не обращался к вам за помощью.

— Мне плевать, обращался он ко мне или нет. — Ранке вздернул подбородок. — Какая мне разница, черт побери? Просто, я думаю, он оказался припертым к стене. И вот что я вам скажу, Лу, в конце концов он не мог этого не признать. Он упрямо ходил вокруг да около своей проблемы, делал опыты, жевал и пережевывал их до тех пор, пока не понял, что выхода нет. Он мог вам рассказывать, что исследования идут хорошо, но потом увидел, что зашел в тупик. А это значило, что степени ему не видать. И он покончил с собой. Почему бы и нет?

— Да потому, — ответил Брейд с холодным гневом, — что его работа на самом деле шла хорошо. Может быть я не специалист в физической химии, но я все-таки не сапожник. При ясной погоде я могу отличить вальденовское обращение от фотохимической цепной реакции. Я следил за его отчетами и знал, что опыты шли успешно.

Он плохо различал, что делается в комнате, — его глаза застилал какой-то туман. Ему казалось, что взгляды всех присутствующих устремились на него. Прямо перед ним стояли Ранке и Фостер, а за своей спиной он ощущал полнейшую пустоту.

Волки! Он отбивается от волков. События последних сорока восьми часов представились ему с ослепительной отчетливостью. Насилие вторглось в эту тихую академическую обитель и посеяло панику среди обосновавшихся здесь людей. Они мечутся в страхе,

ищут, чтобы умиловить разгневанных богов. Они готовы искупить вину и уйти от возмездия, принеся в жертву его, Брейда.

Если это несчастный случай, виноват Брейд. Если они вынуждены будут признать самоубийство, они его признают, но не оставят ни у кого сомнений, что виной всему неспособность Брейда руководить аспирантами. И наконец (Брейд понимал это с холодной уверенностью), если всплывет вопрос об убийстве, то подозревать будут только одного человека. Им выгодно, чтобы этот человек погиб за честь университета. Но если они воображают, будто он, не сказав ни слова, стоически подставит грудь под нож, они ошибаются.

— Вы так уверены, что Ральф покончил собой, профессор Ранке, — сказал он, — что невольно напрашивается мысль, не мучит ли вас сознание собственной вины?

— Вины? — переспросил Ранке надменно.

— Вот именно. Вы исключили его из своей группы. Из-за вас ему пришлось работать с руководителем, которого вы сами считаете неполноценным. Вы еще до начала опытов ясно дали ему понять, что не одобряете его теории (Брейд возвысил голос, чтобы заглушить попытку Ранке возразить ему, не заботясь о том, что вся комната прислушивается к его словам) и что не переносите его самого. Может быть, Ральф предвидел, что на предварительном обсуждении вы сотрете в порошок и его, и его работу, невзирая на ее ценность. Может быть, в минуту отчаяния он не смог вынести мысль о том, что ему придется противостоять мстительному, мелочному тирану с тяжелой формой уязвленного самолюбия?

Ранке с побледневшим лицом пробормотал что-то нечленораздельное.

— По-моему, лучше оставить это дело полиции, — сказал Фостер.

Но Брейд еще не кончил, он обрушился на Фостера:

— А может быть, его доканала тройка, которую ты поставил ему за химию синтетических соединений?

— О чем ты говоришь? — вдруг взволновался Фостер. — Я поставил ему то, что он заслужил.

— Разве он заслужил тройку? Я видел его заключительную экзаменационную работу, она написана не на «три»! Я сам химик-органик, в этом вы мне, надеюсь, не откажете, так что уж позволь мне судить о качестве экзаменационной работы по органической химии.

— Но ведь дело не в заключительной работе, — возмутился Фостер. — Сюда входят и лабораторные задания, и его поведение на занятиях...

— Очень жаль, что тебе никто не ставит отметки за поведение на занятиях, — прервал его Брейд со злостью, — что терпят твои забавы, когда ты дразнишь студентов, которые не могут тебе ответить. В один прекрасный день кто-нибудь из них встретит тебя в темном переулке и рассчитается за все. Давно пора!

Появилась встревоженная миссис Литлби и объявила подчеркнуто мягким голосом:

— Не пора ли ужинать? Пожалуйста, прошу...

Ранке и Фостер отошли. Входя в столовую, Брейд почувствовал, что двигается словно в вакууме. Тут к нему быстро подошла Дорис.

— Что случилось? — шепотом спросила она, задыхаясь. — С чего все началось?

— Потом, Дорис, — проговорил Брейд сквозь сжатые зубы. — Я рад, что это случилось.

Он действительно был рад. Раз он потерял работу, ему нечего больше терять, и он почувствовал удивительную свободу, удивительное облегчение. Сколько бы он ни пробыл еще в университете, ни фостеры, ни ранке, ни вся эта шайка тщательных карьеристов не смогут больше третировать его — пусть знают, что он тоже способен кусаться.

Желание бросить им всем в лицо вызов не проходило. Во время ужина его избегали. Он был представлен самому себе. Тогда он разыскал Литлби.

— Профессор Литлби!

— А, Брейд! — Заученная улыбка главы факультета казалась натянутой.

— Я хотел бы предложить, сэр, чтобы за лекции по безопасности несла ответственность администрация — ведь за безопасность и должен отвечать фа-

культет. Если, как вы предложили, ответственность за лекции буду нести лично я, то мне бы хотелось, чтобы это повлияло на упорядочение моего положения на факультете.

Он коротко кивнул и отошел — не стал дожидаться, что ему ответит Литлби.

Он сразу почувствовал себя лучше. Вот преимущество, когда теряешь все. Больше терять нечего.

Брейд и Дорис уехали, как только позволили приличия. Брейд пробивался сквозь поток автомашин так, словно с каждого встречного автомобиля на него смотрела физиономия Ранке, а каждая машина, угрожавшая сзади, была Фостером, который прокладывает себе путь вперед, тесня уступающих дорогу и напирая на тех, кто не хочет посторониться.

— Ну вот, — сказал он, — больше никогда не пойду на такое сборище, даже если...

Он хотел добавить «если меня оставят», но не добавил. Дорис еще не знала истинного положения вещей.

— С чего это все-таки началось? — спросила она удивительно робко.

— Фостер предупредил меня, что полиция не верит в несчастный случай, — ответил Брейд. — Сам Фостер тоже. Ни один химик не поверит, будто Ральф мог допустить такую ошибку случайно. И кто-то уже, верно, доложил об этом в полицию.

— Но почему? Зачем кому-то поднимать шум?

— Некоторые люди обожают поднимать шум. А некоторые могут посчитать это своим гражданским долгом. Дело в том, что университет склонен принять версию о самоубийстве и поставить на этом точку, особенно, если им удастся взвалить всю вину на меня. Но эти идиоты даже не догадываются, какой пожар они раздувают.

-- Но...

— Никаких но. Это убийство. И, наверное, они тоже понимают это, иначе не стали бы так цепляться за версию о самоубийстве.

Мысли его уже переключились на другое. Страх остаться без работы уступил место страху быть обвиненным в убийстве.

Когда Брейд проснулся, было сумеречное утро, навис дождь и в воздухе чувствовалась осенняя сырость.

На душе у него было тоже сумрачно. Прошла ночь, и то, что вечером казалось героической батальей, теперь вспоминалось как перебранка торговков на базаре. Грозившие ему опасности снова придвинулись, окружили его со всех сторон, и он не видел выхода.

Конечно, можно предположить, что ретивее всех за версию о самоубийстве выступают именно те, для кого больше всего опасна версия убийства. Самым ярким противником версии об убийстве должен быть сам убийца. Ну хорошо, значит ли это, что Ральфа убил Ранке или Фостер? К черту! Он отодвинул яичницу с ветчиной и подумал: «А каковы мотивы?»

Мотивы! Все это дело с самого начала вертелось вокруг мотивов.

— Я уйду в университет, — сказал он Дорис.

— Сегодня? В воскресенье?

— Вот именно, в воскресенье. Хочу посидеть над записями Ральфа.

— Зачем?

— Ты ведь слышала, что вчера сказал Ранке, правда? Он считает, что дела у Ральфа шли не блестяще, но, мол, я этого не мог понять.

— А ты мог? — спросила Дорис спокойно.

Задор Брейда как рукой сняло.

— Не уверен, — ответил он, — но лучше это выяснить. А потом, мне бы хотелось закончить его работу и утереть этим мерзавцам нос.

— Ты знаешь, — сказала Дорис, — я очень боюсь.

Подчиняясь внезапному порыву, Брейд встал, обошел стол и положил руку на ее плечо:

— Это нам не поможет. Надо бороться, пока события только разворачиваются. И мы будем бороться, вот и все.

Она закрыла глаза, и ее голова прижалась к его груди.

— Да, дорогой, — сказала она.

Повернув машину с Пятой улицы на Университетское шоссе, Брейд поехал навстречу двум совершенно одинаковым кирпичным башням административного корпуса, которые, казалось, вырастали прямо из зеле-

ной лужайки университетского двора. Без машин, носившихся обычно вокруг, без громкого шуршания шин и скрежета тормозов, без сильного запаха бензина здание выглядело неестественно.

Университет казался чужим и враждебным. Может быть оттого, что было воскресенье, а может быть, Брейд больше не чувствовал себя здесь своим человеком. Какие-то связи оборвались. В душе он уже примирился с тем, что больше не имеет к университету никакого отношения.

Брейд вошел в автоматический лифт и поднялся на четвертый этаж. Все двери лабораторий и кабинетов были закрыты, и в коридоре царила темнота. Он включил свет и направился туда, где в середине коридора была лаборатория Ральфа.

Брейд достал связку ключей и стал быстро перебирать их, чтобы найти каким отпереть дверь. Сначала что-то показалось ему непривычным. Ах да! Ведь одним ключом стало больше.

С чувством неудовольствия он вспомнил, как в пятницу сыщик принес ему ключ Ральфа. Неудовольствие было вызвано мыслью о том, что сыщик вовсе не собирается оставить дело в покое, а подозревает самоубийство или насильственную смерть.

С угрюмым видом он повернул ключ в замке, распахнул дверь, вошел и замер на пороге, словно сраженный параличом. Он никак не ожидал, что в лаборатории кто-то есть.

Повернувшееся к нему лицо тоже исказилось от испуга, в глазах застыл страх, рот полуоткрылся, как будто готовый закричать.

13

Напряжение понемногу отпускало Брейда. Уже вполне овладев собой (только голос выдал его удивление), он проговорил:

— Здравствуйте, Роберта! Должен признаться, я не ожидал вас здесь увидеть.

Роберта Гудхью опустила руки на колени. Она листала записи Ральфа (ящики его стола были выдвинуты). Страницы тетради медленно захлопнулись.

— Здравствуйте, профессор Брейд, — сказала она.

— Как вам удалось сюда проникнуть?

— Я... Я просто просматриваю его вещи. Вчера его похоронили, и мне... мне хотелось (она с трудом подбирала слова) найти что-нибудь и взять...

Она не окончила фразу, и Брейд готов был договорить за нее: «взять на память». Ему было больно за Роберту. Что можно сохранить на память о романе с аспирантом-химиком? Его старую пробирку с забытым в ней засохшим раствором? Несколько взвешенных им кристалликов, которые можно спрятать между страницами книги? Или хранить в коробке мензурку и вздыхать над ней?

— Мне очень жаль, что я не был на похоронах, — сказал Брейд. — Я не знал, когда его будут хоронить! (И подумал: «Дурацкое оправдание, я же мог узнать».)

Но Роберта ответила:

— Неважно. Его провожали только мать и я. Больше никого не было.

Мысли Брейда снова вернулись к вопросу, как она очутилась в лаборатории. Ведь, уходя вчера последним, он определенно запер дверь. Мог ли кто-нибудь побывать здесь после него и оставить дверь незапертой? Сыщик? У него же есть ключ! О господи, сыщики мерещатся ему под каждым столом, за каждой ретортой! А может быть, сюда заглядывал Грег Симпсон, напарник Ральфа по лаборатории? Ему бы и в голову не пришло запереть дверь.

Роберта будто только сейчас услышала, о чем он спросил ее, войдя. Она тихо сказала:

— У меня есть свой ключ от этой двери.

— Вот как? Откуда?

— Мне дал Ральф.

С минуту Брейд молчал. Он закрыл дверь и защелкнул замок. Затем опустился на стул у входа в лабораторию и устремил внимательный взгляд на Роберту, сидевшую на месте Ральфа за его рабочим столом. Солнце пробилось сквозь облака, и лучи его, проникая через не слишком чистые стекла (окна университетских лабораторий далеко не всегда можно

назвать прозрачными), освещали руку Роберты, золотя волосы на ее коже.

«А не так уж она некрасива, как кажется с первого взгляда, — удивленно подумал Брейд. — Конечно, ни высокой, ни стройной ее не назовешь и стандартам Голливуда она не соответствует. Но у нее длинные ресницы, хорошая форма рта, а кожа рук приятного теплого цвета и шелковистая. Зачем обязательно предполагать, что Ральф вынужден был довольствоваться ею по каким-то сложным соображениям? Почему не допустить, что в основе их связи лежало простое взаимное влечение?»

Брейд сказал:

— Я не знал, что Ральф давал кому-нибудь ключ от своей двери. Разумеется, я понимаю, что для вас он мог сделать исключение.

У Роберты сделался несчастный вид.

Брейд продолжал:

— Были какие-то особые причины, почему он дал вам ключ? — Он помедлил и добавил более мягко: — При обычных обстоятельствах я не стал бы в это вмешиваться, но ведь положение необычное.

Роберта быстрым движением руки откинула волосы со лба и подняла глаза на Брейда:

— Я знаю, о чем вы думаете, профессор. Мне нет смысла скрывать. Мы иногда встречались с ним здесь... после занятий. С собственным ключом я могла приходить сюда одна.

— Чтобы никто ничего не знал? Если бы вы приходили вдвоем, было бы заметней?

— Да.

Брейд почувствовал, что его охватывает смущение, но он резко и неожиданно бросил следующий вопрос — пусть он шокирует девушку, но необходимо ее заставить говорить правду:

— Вы беременны?

Веки Роберты заметно дрогнули, и она опустила глаза.

— Нет. (Она не рассердилась и не оскорбилась. Просто сказала «нет».)

— Вы уверены?

— Абсолютно уверена.

— Хорошо, Роберта. Не будем больше об этом говорить. Я спросил только потому...

Он внезапно остановился. Не мог же он объяснить ей, что на минуту представил, будто она не вовремя и неожиданно для Ральфа забеременела и вызвала у юноши ненависть своими просьбами вступить в благопристойное супружество. Представил ее оскорбленной предательством и ядовитыми, колкими попреками, на которые Ральф был великий мастер. Оскорбленной смертельно.

Но оказывается, она не беременна — или по крайней мере утверждает, что нет. В глубине души он все еще не отвергал такую возможность.

Он вяло закончил:

— Я спросил только потому, что подумал: вдруг между вами произошло что-нибудь... м-м... неожиданное. Тогда можно было бы объяснить рассеянность Ральфа и понять, почему случилось несчастье. Но поверьте мне, я понимаю, как вы расстроены. Почему бы вам не взять отпуск на неделю или на то время, что вам потребуется? На семинаре мы без вас обойдемся. Я найду, кем вас заменить. А когда самое тяжелое время пройдет...

Роберта покачала головой:

— Спасибо, профессор, но я буду ходить на занятия. Дома мне хуже.

Она поднялась и взяла сумочку под мышку. Подойдя к дверям, она остановилась, чтобы отпереть замок, и тут Брейда осенила новая идея.

— Подождите, Роберта.

Она ждала, не оборачиваясь. Брейд тоже медлил, чувствуя себя дураком и не зная, как лучше спросить.

— Я надеюсь, — сказал он, — вы не рассердитесь, если я задам вам один интимный вопрос?

— Более интимный, чем прежние, профессор?

Брейд откашлялся:

— Может быть. Понимаете, у меня есть на то свои причины. Ну хорошо, дело вот в чем: у вас не было никаких осложнений с профессором Фостером?

Тут она обернулась:

— Осложнений? — Брови ее поднялись, и голос звучал изумленно.

Брейд с отвращением подумал: «А, к черту, надо спросить прямо!»

Он сказал:

— Грубо говоря, профессор Фостер к вам не приставал?

— Какой же это интимный вопрос? — удивилась Роберта. — Профессор Фостер из своих приставаний секрета не делает. Мне тоже выпала эта честь. Всем студенткам приходится пройти через это. Мне досталось не больше, но и не меньше, чем другим. Профессор Фостер так добр, что оделяет своим вниманием всех — щедро и поровну.

— Ральф знал об этом?

Она почти насторожилась:

— Почему вы спрашиваете?

— Потому что, мне кажется, Ральф знал. Правда? Девушка молчала.

Брейд продолжал:

— Знал, поскольку профессор Фостер не слишком следит за своими высказываниями. («И не всегда ограничивается своими высказываниями, — подумал он. — Уж этот мне «липун» Фостер!») Конечно, Ральфу это не нравилось. Он мог выразить Фостеру свое возмущение.

— Профессора Фостера никто не принимает всерьез, — сказала Роберта сердито. — Иногда он действует на нервы, но это ерунда. Если б хоть одна из нас пошла ему навстречу, он выбросился бы с перепугу из окна.

— Но в том-то и дело, что Ральф принял все всерьез и дал понять это Фостеру.

— Простите, профессор, я должна... мне... мне не по себе.

Она снова повернулась к двери, потом опять оглянулась и спросила неожиданно дрогнувшим голосом:

— Скажите, а записи Ральфа, они вам нужны?

— Пока нужны. А потом я, вероятно, отдам их вам.

Она колебалась, будто собираясь еще что-то сказать, но промолчала. И вышла.

Через пять минут Брейд увидел из окна лаборатории, как она появилась на пороге химического факультета, пересекла кирпичный тротуар, спустилась

по мощеной проезжей дороге и пошла мимо университетских зданий.

Итак, она оставила его последний вопрос без ответа, а молчание — знак согласия.

Конечно же! Ральф несомненно был ревнив. Он наверняка отчаянно страшился потерять то, что ему принадлежало. Заигрывания Фостера, лишь досаждавшие другим, его-то должны были привести в ярость. Он вполне мог вспылить, заявить Фостеру в лицо, что он все знает, потребовать оставить Роберту в покое, пригрозить пожаловаться начальству. А для Фостера это смертельная угроза. Начальство может закрывать глаза на его поведение, пока никто не протестует, пока нет шума. Но как только возникнет скандал, дело примет другой оборот. Роковой для Фостера. В конце концов профессору можно каждый вечер напиваться до потери сознания, можно мыться раз в год, можно нести на лекциях тарабарщину, можно быть нестерпимо грубым, невыносимо скучным, внушать отвращение — если он имеет постоянную должность, все это ему простится.

Только два порока ему не спустят, утверждён он в штатах или нет. Первый — нелояльность (сравнительно недавно возведенную в ранг преступлений), а второй столь же древний, как предание о II Абеляре, — моральное разложение. Фостер уже давно балансирует на краю пропасти. Одна жалоба — и он рухнет вниз.

А если такая жалоба предполагалась, может быть, становится понятным и убийство. Ведь это единственный способ избавиться от жалобщика.

Или просто объясняется полученная Ральфом тройка? Но если и допустить, что это вероятный повод к убийству, то как Фостер мог его осуществить? Откуда он мог знать, как Ральф проводит свои опыты? Откуда ему было известно, что в лаборатории приготовлены колбы с ацетатом натрия?

Брейд пожал плечами и взялся за тетради Ральфа. Их было пять — все аккуратно пронумерованные. Брейд наугад открыл первую попавшуюся.

Копии этих записей хранились у него в кабинете, но если Ральф хоть чем-нибудь походил на других

аспирантов, прошедших через его руки, на оборотной стороне белых листов в оригиналах должны быть расчеты и замечания, которые могут пригодиться ему, Брейду.

Он перелистывал страницы и удивлялся, как безупречно Ральф вел свои записи. Они были ясными, точными и почти болезненно педантичными. Брейд помнил старые, исписанные неразборчивым почерком тетради Кэпа Энсона, с материалами для его диссертации. Ральф перещеголял в тщательности даже этот идеальный образец.

Ну конечно, порадовался Брейд, эту работу можно продолжить. Ральф так подробно разъясняет свой метод, будто предназначает записи для читателя, обладающего лишь зачатками элементарных знаний. («Может, он был обо мне именно такого мнения», — виновато подумал Брейд.)

Ну что ж! Будем последовательны! Примемся за дело без отлагательств.

Он открыл тетрадь номер один. Первые записи в ней делались, когда Ральф занимался у Ранке. Брейд помнил эти тетради, он просматривал их полтора года назад, когда согласился стать руководителем Ральфа.

Но теперь, зная юношу лучше, он был удивлен тем, как мало сказывался неустойчивый характер Ральфа на его работе. Все записи были совершенно объективны.

Правда, Брейду встречались пометки такого рода: «Профессор Ранке считает неубедительным то-то» или «Профессор Ранке указывает на непоследовательность того-то». Но ни одна запись не носила следов раздражения, все они отличались бесстрастной сдержанностью. Даже разрыву с Ранке посвящалась только одна фраза: «Сегодня в последний раз работал под руководством профессора Ранке».

Следующая страница начиналась с записи, сделанной месяцем позже. «Сегодня первый день занятий с профессором Брейдом». Остальные страницы были Брейду знакомы. Первое время, начав заниматься у него, Ральф вручал ему желтые копии каждую неделю и исписывал целые страницы примечаниями. Позже он стал приносить свои записи от случая к

случаю, объяснения становились все более отрывочными, а потом и вовсе прекратились. Может быть, Ральфа расхолаживала неспособность Брейда принять до конца его теорию? Может быть, потому Ральф и ненавидел Брейда? (Хотя Чарли Эммит утверждает, что он его боялся.)

Каждый опыт Ральф описывал самым подробным образом. Каждому предшествовало объяснение причин, по которым проведение его было необходимо, каждому давалось объяснение. Если результаты не соответствовали ожиданиям, Ральф излагал свои соображения, почему так случилось.

Это облегчало дело, очень облегчало. И Брейд воспрянул духом. Правда, расчеты казались приближительными, но ни одна деталь не была упущена.

Если Ральфа и можно в чем-нибудь упрекнуть, решил Брейд, то только в том, что он чересчур предан заранее выработанной теории. По записям было видно, что опыты, подтверждавшие его точку зрения, он не проверял. Но если результаты эксперимента шли вразрез с теорией, он повторял опыт снова и снова, пока он не получался.

В первой и второй тетрадах встречалось много опытов, противоречащих теории Ральфа, и в его комментариях к ним стала проглядывать некоторая раздражительность. Например: «Необходимо улучшить контроль за температурой. Поговорить с Брейдом, чтобы достал приличный термостат. Иначе вообще нечего терять время на эту работу».

То, что Ральф пропустил слово «профессор», до сих пор скрупулезно повторявшееся перед его фамилией, показалось Брейду самым красноречивым признаком нарастающего раздражения (или ненависти?). Однако, работая с Ранке и находясь в значительно более напряженных отношениях со своим руководителем, Ральф умел сдерживаться. Может быть потому, что Ранке даже в тех случаях, когда не соглашался с Ральфом, оставался для него авторитетом, несокрушимой скалой, а чем был он, Брейд, — ничтожеством?

Примерно на этой стадии исследований Ральф стал все реже приносить Брейду свои копии и вручал их большими стопками, так что Брейд уже не узнавал

открывающихся перед ним записей и не мог даже смутно их припомнить. Сам виноват. Его мучил горький стыд, и он клялся себе, что в будущем не позволит ни одному аспиранту вести опыты без контроля.

В начале третьего дневника дела у Ральфа, судя по записям, вдруг пошли гораздо лучше. Во-первых, Ральф нащупал в своих опытах нить, оказавшуюся весьма интересной, во-вторых... Брейд ахнул от удивления, перевернув страницу. Ральф подробно излагал свой метод постановки опыта, указывая даже, что заранее заготовит аликвоты ацетата натрия в десяти колбах.

У Брейда мороз пробежал по коже при мысли, что любой, пусть даже неопытный химик, увидев эту страницу, мог точно рассчитать, как отравить Ральфа.

Но он постарался не углубляться в размышления. К черту и убийцу, и убийство! В данный момент ему важно выяснить, сможет ли он продолжать исследования.

Записи шли дальше в стройном порядке. Брейд почувствовал облегчение. Вчера, защищая работу Ральфа перед Ранке, он говорил наобум, сгоряча, но вот перед ним графики, уравнения, весь материал от «А» до «Я». Каждый может проверить записи и убедиться, что исследования у Ральфа ладилась и теория его подтверждалась.

Даже Ранке должен с этим согласиться.

Брейд задержался взглядом на обрывке записи, сделанной на обороте страницы. Цифры были стерты.

Брейд нахмурился. Строго говоря, стирать в тетрадах, где велись исследования, не разрешалось. Все ошибки, все случайные неточности полагалось только зачеркивать, чтобы в дальнейшем зачеркнутое можно было разобрать. Даже из ошибок можно иногда извлечь пользу.

Конечно, стереть запись на обороте листа не такое уж преступление. По существу, это записи черновые. Он внимательнее взгляделся в цифры и нахмурился еще больше. Подумав с секунду, он заглянул дальше — там тоже виднелись следы стертых записей.

Долгое время он сидел, не заглядывая больше в тетради и не замечая, как проходит день.

Возможно, за все время своей работы ему не приходилось сталкиваться ни с чем подобным. И все же сомнений быть не могло.

Брейду стало ясно, что Чарлз Эммит прав. Ральф должен был смертельно бояться Брейда. Брейд понимал теперь почему, и его мутило от этого.

14

Прошло время, прежде чем все значение обнаруженного дошло до сознания Брейда и тяжесть навалившейся беды оглушила его. Теперь уже нечего и думать продолжать работу Ральфа. Нечего и мечтать о вкладе в науку, о блестящей статье, которая могла бы поразить не только их факультет, но и всех, кто связан с химией. Кэп Энсон прав. Отто Ранке прав. Ошибался только он сам.

В дверь стучали уже в третий раз, а он не слышал. Когда наконец он крикнул: «Войдите», никто не появился, лишь задергалась дверная ручка.

Брейд поднялся отпереть. Ему казалось, что вместо него движется кто-то другой. У него даже не хватило сил удивиться, кто бы это мог прийти в лабораторию в воскресенье. Не удивился он и увидев на пороге сыщика Джека Доэни в том же самом темно-синем с узкой белой полоской костюме, который был на нем вечером в четверг, когда они впервые встретились над телом убитого Ральфа Нейфилда.

Доэни посмотрел по сторонам и сказал:

— Я хотел бы потолковать с вами, профессор, не возражаете?

— Как вам угодно, — ответил Брейд, все еще ничего не ощущая после недавнего потрясения.

— Я звонил вам домой, но ваша жена сказала, что вы здесь. Вот я и пришел. — Он снова огляделся. — Ничего, если я закурю?

— Курите.

Доэни медленно зажег сигарету и по молчаливому приглашению Брейда опустился в кресло. Он подвинул к себе пепельницу.

— Видно, нам обоим нет отдыха даже в воскресенье.

— Вы пришли расспросить меня о Ральфе Нейфилде или вас интересует еще что-нибудь? — спросил Брейд.

— О нем, о нем, профессор. Он у меня из головы не идет. Занятно! Я ведь сразу почуял, что здесь что-то неладно.

— Что вы имеете в виду — сразу? — осторожно спросил Брейд.

— Видите ли, проф, химия для меня темный лес. Я в ней ничего не смыслю. Поэтому у вас здесь в первый раз мне было трудновато. Только я уже так давно занимаюсь этими делами, что с первого взгляда замечая неладное, хоть и уговариваю сам себя: «Посторожней, Джек, тут ты не на своей территории».

— Я вас не понимаю.

— Да, это нелегко объяснить. Ну вот, возьмем хотя бы вас, профессор. Скажем, у вас в пробирке новый препарат и вы думаете: что из него получится? Ручаюсь, вы еще до опытов можете прикинуть, что от него ждать. Ну, к примеру, вы себе говорите: «Похоже, что он взорвется», или «Осторожней, это штука опасная, это яд», или «Если я добавлю к ней этот порошок, она почернеет». Ведь так?

— Разумеется, — сказал Брейд, — если мне известна структурная формула нового вещества, я могу сделать определенные выводы о его свойствах.

— И вообще-то, вы каждый раз попадаете в точку, верно?

— Да, пожалуй. Чаще всего я оказываюсь прав.

— Точно. Это дается опытом — иной раз и объяснить не можешь, только чувствуешь.

— Возможно, — с сомнением сказал Брейд.

— Так вот, профессор. Вы работаете со своими препаратами, а я уже двадцать пять лет работаю с людьми. Я изучил их так, как ни в одном университете не изучишь. И я сразу чую, чего ждать от человека, в точности как вы со своими препаратами. Бывает иногда, что я ошибаюсь — с кем не бывает? Но по большей части я оказываюсь прав.

Брейд почувствовал тревогу, но у него хватило самообладания сообразить, что этот разговор, вероятно, не имеет под собой никакой почвы и рассчитан

именно на то, чтобы встревожить его. Ровным голосом он спросил:

— К чему вы клоните?

— Я хочу сказать, что когда вы разговаривали со мной в четверг, с вами что-то творилось.

— Еще бы! Я впервые раз в жизни увидел мертвого, да еще своего аспиранта. Мне было не по себе.

— Допустим. Я вас понимаю, проф, честно, понимаю. Но послушайте! — Доэни методичными затяжками раскуривал сигару, поворачивая ее, чтобы она горела ровно. — У химии много общего со стряпней, верно? Перед вами составные части, вы их смешиваете, разогреваете, кипятите, Бог знает, что вы там с ним делаете. Химия, конечно, посложней кулинарии, но если надо представить, как работает химик в лаборатории, вспомните хозяйку на кухне, которая готовит из всякой всячины пирог. А ваш паренек тоже ведь трудился над своим пирогом, он должен был подсыпать в него (Доэни вынул из кармана карточку и быстро заглянул в нее) ацетат натрия, а вместо этого подбросил цианид натрия. Так вот, почему банка с цианидом не стояла перед ним на столе? Почему она снова очутилась на полке?

— Какая разница, где она стояла? (Брейд отлично понимал, какая, но важно было выяснить, что думает этот круглолицый, недалекий с виду человек, внезапно ставший грозным предвестником беды.)

— Может, никакой разницы нет, — рассудительно сказал Доэни, — а может, вы, например, обнаружив мертвого Ральфа, увидели на столе банку и машинально переставили ее на полку. Знаете, так, безотчетно. Не переставляли?

Брейд почувал ловушку. Лгать он не решался.

— Нет, — сказал он.

— А может, парень был из таких чудиков. Может, он каждый раз отсыпал что ему надо и топал пятнадцать шагов обратно к полке, чтобы поставить банку на место, а уж потом принимался за дело. Но только почему тогда рядом со всеми его склянками стоял какой-то пустой пузырек, а в нем на дне чуть-чуть порошка? Выходит, он работал нормально, взад-вперед не бегал. Вот что показалось мне странным.

Тонкие губы Брейда были крепко сжаты. Он молчал.

Доэни продолжал:

— Тут я и призадумался. Я снял банку с цианидом с полки, отнес ее на стол Ральфа, покопался там и спросил вас: «Слушайте, профессор, вы не замечаете здесь ничего странного?» Думал проверить, бросилось ли вам в глаза то же, что и мне. Я был уверен, что вы скажете: «Постойте! Верно! Как же банка оказалась на полке, а не на столе, рядом с ним?» Только вы так не сказали. Вы посмотрели на стол без всякого выражения. Тогда я подумал: «Слушай, Джек, что-то профессор мудрит — не так он глуп, чтобы ничего не заметить». Улавливаете мою мысль? Вы разбираетесь в своих пробирках, я — в людях.

Брейд рассердился:

— Господи! Я был взволнован, плохо соображал.

— Я бы этого не сказал, проф. Уж больно вы мне показались странным, поэтому я решил не уходить сразу, а сперва порасспросить здесь кое-кого. И знаете, что мне сказали? Что этот ацетат сразу можно отличить от цианида, как только всунешь в него шпатель. Так это, проф?

Брейд опять поколебался и опять счел ложь небезопасной.

Он сказал:

— В общем-то, да.

— Ну вот, а еще мне сказали, будто этот парень был такой дотошный, что никогда бы не мог так ошибиться. Говорят, он все проверял дважды. Верно, профессор?

— Он был очень внимательный.

— Что же получается, проф? — С красного лица Доэни не сходила добродушная улыбка. — Неужели вы так разволновались тогда, что обо всем забыли? Вы ведь и не подумали мне сказать, что этот парнишка вряд ли мог спутать банки. Больше того, с четверга прошло целых два дня, вы могли уже остыть, а вы все же не позвонили мне — мол, знаете, Доэни, я кое-что вспомнил, хотел бы вам рассказать. Вот и выходит, что нюх меня не подвел, — вы, профессор, ведете себя как-то не так.

— Ничего подобного, — внезапно вспыхнул Брейд. — Просто я в таких делах не разбираюсь. Я не сыщик, вот и все.

Дозни кивнул.

— Точно, само по себе ничего особенного. Но ведь как взглянуть! Конечно, вы были взволнованы, не в себе и все такое, но хватило же у вас соображения попросить обратно ключ Ральфа от лаборатории. Верно?

— Верно.

— Так, ну а с чего вы вдруг о нем вспомнили? Вы же могли позвонить на завтра нам, или зайти за ним в полицию, или просто оставить его нам — у вас наверняка есть свой ключ. Зачем же он вам понадобился?

Брейд был в ярости.

— Просто вспомнил. Не могу вам объяснить почему. Вспомнил и все. («Господи, — в отчаянии подумал он, — ведь так оно и было, неужели я попаду впросак?»)

Дозни поднял пухлую руку.

— Ясно, ясно. Может, так и было. Я не спорю. И все же я тогда подумал: что если тут есть и другое объяснение? Знаете, мое дело такое — вечно подыскивать разные объяснения. Я подумал, а вдруг вы почему-то хотите, чтобы без вас в лабораторию никто не мог попасть? Может, потому вы и добиваетесь, чтобы ключ не остался в полиции?

Столбик пепла на сигаре удлинился. Дозни осторожно стряхнул его в пепельницу.

— Я только так прикинул.

Брейд почувствовал, что напрасно не позавтракал днем. От запаха сигары и пустоты в желудке ему становилось нехорошо и мысли притуплялись. Он сказал:

— Уверю вас, подобных побуждений у меня не было.

— А я, проф, все-таки решил проверить. И вот я тогда не сразу убрался, а еще поболтался вокруг университета. В этом окне зажегся свет, и его не гасили довольно долго. А вы ушли только через пару часов после меня. Ну раз так, я попросил ребят

принести мне сюда парнишкин ключ, вернулся в лабораторию, и оказалось, вы здесь поработали. Я увидел на столе пробирки и склянки, которых раньше не было, да еще какие-то маленькие баночки с порошками.

Брейд с трудом откашлялся.

— Тогда я вызвал нашего химика, — продолжал Дозни. — Знаете, проф, у нас в полиции тоже есть химики. Он все осмотрел и решил, что, похоже, вы брали пробу на цианид. Он захватил к нам в лабораторию одну из ваших баночек и сказал, что в ней ацетат. Так вот, теперь скажите, профессор, что вы делали в лаборатории?

Выхода не было. Спокойно, ровным голосом Брейд рассказал Дозни, чем он занимался в четверг, рассказал про колбу с цианидом, про ее близнецов — колбы с ацетатом — и про метод работы Ральфа.

— И все это вы от нас скрыли? — спросил Дозни.

— К сожалению.

— Побоялись впутываться в дело об убийстве?

— Если вы имеете в виду, что я боялся оказаться заподозренным в убийстве, — да, боялся.

— Ну так вы себе только напортили. Теперь ваше поведение покажется еще подозрительнее.

— Почему? — с горячностью спросил Брейд. — Ведь будь я убийцей, мне не к чему было бы проверять колбы. Я бы и так все знал.

— Но если вы не убийца, зачем вам понадобилось скрытничать? Вот что насторожит присяжных. Понимаете, раз вы с самого начала что-то утаили, они и насчет того, зачем вы оставались в лаборатории, начнут сомневаться. Может, вы говорите правду, а может и нет.

— Могу поклясться.

— Приберегите свои клятвы для присяжных, если дело дойдет до суда. — Он снова стряхнул пепел и сказал: — Вся штука в том, что вы-то сразу заподозрили здесь убийство.

— Убийство или самоубийство.

— Самоубийство?

— Вы же сами говорили, что это возможно. Во всяком случае, до меня дошли слухи, что вы расспра-

шивали на факультете, какое у Ральфа было настроение перед тем, как случилось несчастье.

— Интересно, кто это вам сказал?

— Какая разница?

— Да никакой. Просто хотел узнать, не скажете ли, кто. Конечно, я расспрашивал, всегда предполагаешь любую возможность. Но самому мне в это не верится. Самоубийцы обычно оставляют записку.

— Ну, закона такого нет.

— Факт, но обычно пишут. Понимаете, ведь самоубийце, как правило, жаль себя. Он рассуждает так — вот он умрет и отравит настроение всем, кто ему при жизни досаждал. Те начнут думать, как бы они теперь себя вели, останься он жив. Такие мысли вроде как бы поддерживают в нем запал, пока он готовится отправиться на тот свет. Ему, понимаете, приятно, что он всем насолит. И между прочим, самоубийца всегда оставляет записку именно тем, кому будет поганее всего — жене или матери. Если же самоубийца не оставляет записки, значит он уверен, что все, кто нужно, пострадают и без его указаний. Но самоубийцы редко пускают дело на самотек. Лично я ни разу не сталкивался с самоубийством без записки или каких-нибудь других следов. Что же касается вашего парнишки, так тут не только нет записки, но если он и впрямь покончил собой, то, видать, немало приложил сил, чтобы его самоубийство выглядело как несчастный случай. Вы согласны, проф?

Брейд охотно согласился:

— Конечно.

— Некоторые самоубийцы так делают. Например, ради страховки. Но ведь парень не был застрахован. Или ради семьи, чтоб на нее не пало пятно из-за религиозных соображений. Но ведь у вашего ученика одна мать, и ни он, ни она с церковью не слишком считались. Я по всякому пытался это объяснить — ничего не выходит. Никакого расчета ему не было представлять самоубийство несчастным случаем. А постараться, чтобы убийство казалось несчастным случаем, у кого-то был прямой расчет. Вот кто-то и подменил ему колбу.

— Но кто? — спросил Брейд.

— Откуда я знаю? — ответил Дозни. — Может и вы.

— Но у меня не было для этого никакого повода. — Мозг Брейда работал как под наркозом, он мог рассуждать об убийстве, не испытывая никакого волнения.

— Как сказать, возможно и был. Пока я тут болтался, я кое-что разузнал. Во-первых, говорят, вы здесь на факультете не слишком прочно держитесь. Во-вторых, этот парнишка, Ральф, не слишком с вами ладил. А если ваш собственный ученик распускает слух, что вы не ахти какой руководитель, когда ваше положение и без того неустойчиво, вот вам и повод. Почему бы не позаботиться, чтобы он утихомирился, и притом навсегда.

Брейд слушал его с отвращением. Эти доводы были так нелепы, что даже оспаривать их не стоило.

— Все это так, мистер Дозни, — сказал он, — но сейчас я сделал одно открытие, после которого логичнее всего предположить, что Ральф покончил с собой, причем у него были все основания выдать самоубийство за несчастный случай.

— Вот как? Ну расскажите. — Казалось, на Дозни его слова не произвели впечатления.

— Непременно. — Брейд с грустью посмотрел на тетради Ральфа. — Ральф Нейфилд работал над одной идеей и пытался доказать ее своими опытами. Если б он сумел подтвердить свою теорию, он приобрел бы известность в науке и, вероятно, получил бы хорошее назначение. Если б его теория не подтвердилась, вряд ли он добился бы степени. Понимаете?

— Факт.

— Так вот. Сегодня утром я просматривал записи его и вскоре обнаружил, что опыты ему не удавались. Он все больше нервничал, пока не предпринял некоторые шаги, чтобы его теория подтвердилась наверняка. Он начал фальсифицировать данные. Он специально подтасовывал данные, чтобы они соответствовали его предположениям.

— Вроде как банковские чиновники подчищают банковский счет, когда мухлюют?

— Именно. В точности так же.

Дозни погрузился в размышления. Потом он спросил:

— Вы присягнете в суде, что это правда?

— Думаю, что да. Но вы понимаете, о чем я говорю? До самого конца он упорно работал над опытами, как будто что-то заставляло его прикидываться перед самим собой честным исследователем. На самом деле он давно уже им не был. То, что он сделал, чудовищно. И в конце концов он не вынес позора, отравился.

— Но зачем ему понадобилось делать вид, будто это несчастный случай?

— Если б это было явное самоубийство, все стали бы допытываться, чем оно вызвано, стали бы просматривать его записи и обнаружили бы его преступление. Если же смерть его казалась бы несчастным случаем, никому не пришло бы в голову искать причину, и память о нем могла остаться незапятнанной.

— Он мог уничтожить свои записи.

— У меня хранятся копии.

— А не мог он бояться, что вы решите продолжать его работу и обнаружите подлог?

— Пожалуй, нет, — тихо сказал Брейд. — Он мало верил в то, что мне под силу такие исследования. Наверно, он считал, что после его гибели я махну рукой на эти опыты. Вы понимаете мою мысль? Согласитесь, что теперь самоубийство представляется логичным?

Дозни с ожесточением поскреб подбородок:

— Логично не самоубийство, а убийство. Да ведь то, что вы мне рассказали, для вас гроб, профессор! Ведь выходит, что у вас был куда более веский повод покончить с парнем, чем я до сих пор прикидывал.

15

Брейд не ощутил ничего, кроме досады.

— Вы так просто отмахиваетесь самоубийство? Я же объяснил вам, почему нет записки. Вероятно, вы не представляете, что значит для ученого подделка данных? Какое это тягчайшее преступление?

Дозни, казалось, не заметил возмущения Брейда.

— Нельзя ли мне поглядеть на эти тетрадки?

Брейд подал ему одну, и Доэни начал неторопливо перелистывать страницы. Он покачал головой:

— Нет, для меня это пустой номер. Но вам-то небось сразу видно, что в этих записях концы с концами не сходятся?

— Конечно.

— Дело практики! А я вот вижу, что концы с концами не сходятся у вас, — не может это быть самоубийство. Понимаете, есть два сорта людей, готовых на насилие. Одни ненавидят сами себя, воображают себя неудачниками. Что бы ни вышло, все к худшему. Ни в чем для себя не видят пользы. Случись же что-нибудь скверное — а с ними только скверное и случается, — они считают, что сами виноваты. Такого можно ни с того ни с сего лягнуть под зад. Эти типы могут быть и в распрекрасном настроении, среди них даже весельчаки попадают, только все это до поры, до времени. Рано или поздно их скрутит хандра.

— Депрессивные маньяки, — сказал Брейд.

— Да? Их так называют? — спросил Доэни. — Ну не знаю, только такие обычно плохо кончают. Они-то и есть кандидаты в самоубийцы. Ножи да веревки от них надо прятать подальше, а то не миновать беды. Вторая категория — совсем другое дело. Слушайте, я разболтался о своей работе, а вам это, может, насколько не интересно? — Он затушил сигару. — Не смотрите, что я увлекся, скажите, если надоело.

— Нет, нет, продолжайте. Ведь, судя по всему, я имею к данному делу самое непосредственное отношение.

— Ладно, поехали дальше. Так вот, вторые — это те, кто ненавидит всех вокруг. Не себя, заметьте, а всех прочих. Чтобы с ними ни случилось, они свалят вину на других. Такой выкинет какую-нибудь дурацкую глупость и уверен, что виноват в этом кто-то за тридевять земель. Он сам вас лягнет под зад и сам же побежит жаловаться в полицию — мол, у вас в кармане брюк лежала книжка, так он ушиб палец на ноге. И еще они уверены, что все против них, все их подсиживают, все под них подкапываются.

— Параноики, — сказал Брейд.

— Возможно. Зовите их как хотите. Так вот, ваш парень ближе ко второму роду. Верно?

— Пожалуй, верно, — медленно сказал Брейд.

— Факт. А такие с собой не покончат. Они же за собой ни в чем не признают вины. Это вы, проф, отравились бы, если б смухлевали в записях. А вашему парню и в голову не приходило себя упрекать. Он был уверен, что ни в чем не виноват. Считал небось, что вынужден так делать. Спросили бы его — он бы наверняка заявил, что ему приходится спасать себя, а то даже и человечество. Как бы то ни было, такие люди убивают не себя, а других, или их убивают другие.

У Брейда перехватило горло. Хоть Дозни и понятия не имел о принятой в таких вопросах терминологии, доводы его были весьма убедительны.

Дозни продолжал:

— Давайте забудем о самоубийстве и подумаем, что было бы с его опытами, останься он жив. Предположим, он бы всю эту кухню закончил. Что могло случиться?

— Профессор Ранке мог разоблачить его на предварительной защите, то есть на обсуждении.

— Ну, а допустим, этот профессор ничего бы не заметил?

— Что ж, вполне возможно. Никому бы и в голову не пришло поставить его результаты под сомнение. Он получил бы степень и опубликовал свою работу. Правда, потом другие ученые могли повторить его опыты, выяснилось бы, что он не прав.

— И можно было бы обвинить его в подтасовке?

— Подобные подозрения могли возникнуть: уж слишком он был далек от истины!

— А лично для вас что бы все это значило, проф?

— Ничего хорошего, — пробормотал Брейд. Какой смысл отрицать очевидное?

— Вам бы это небось здорово повредило?

— Наверно.

— Вдруг кое-кто начал бы нашептывать, что и вы помогли ему в подтасовке. Могло такое случиться?

— Сомневаюсь, чтобы подобная чушь пришла ко-

му-нибудь в голову! — сердито отозвался Брейд, а сам подумал о желчном Ранке. На что он способен?

Доэни спокойно наблюдал за ним.

— А может, стали бы говорить, что парень мог у вас под носом проделывать любые фокусы, все равно вы бы не заметили. Он, мол, знал, что вы в его делах мало смыслите.

Брейд вспыхнул и пробормотал что-то невнятное.

Сыщик продолжал:

— Выходит, если бы вы обнаружили подлог не сегодня, а месяц назад...

— Но я обнаружил его сегодня, — сказал Брейд.

— Я же и говорю, предположим. Я не утверждаю, что так было. Если б вы обнаружили подлог месяц назад, вы бы должны были как-то с этим покончить. Выставлять подлог на публику вам нельзя было. Верно? Вы имели бы дурацкий вид. Пожалуй, вам оставалось одно — подстроить несчастный случай, уничтожить записи парнишки и поставить на этом деле точку.

Брейд сказал:

— До сегодняшнего дня я намеревался продолжить его работу. У меня есть свидетели.

— Свидетели, которые слышали, как вы говорили о своих намерениях? Ну, а на самом деле вы будете продолжать его работу?

— Теперь это невозможно.

— А не приди я сюда сегодня, сказали бы вы кому-нибудь, из-за чего вы не будете продолжать опыты?

Брейд сидел, плотно сжав губы.

Доэни сказал:

— Теперь вам ясно, почему я говорю, что у вас есть все основания для убийства? Чем вы докажете, что только сегодня обнаружили подлог?

Брейд гневно спросил:

— Вы собираетесь меня арестовать?

— Нет.

— Почему же? Ведь все улики против меня?

Доэни улыбнулся:

— Ну, проф, я пока не уверен, что вы убийца. Я просто нащупываю почву. Но влипли вы здорово. Так

что, если хотите выпутаться, помогайте мне. К примеру, если убили не вы, то кто?

— Не знаю.

— Никого не подозреваете? Ни за кем ничего не замечали?

— Как вам сказать! Обоснованных подозрений у меня нет, а бросаться именами, не подумав, представляется мне несправедливым, просто подлостью.

Доэни заерзал в кресле:

— Странный вы человек, проф! Обычно люди всегда не прочь наговорить гадостей про других, дай им только повод вести себя хуже крыс, но при этом считать, что они поступают благородно. Понятно? Ну, скажем, если они сами перед собой могут оправдаться, что помогают раскрыть страшное преступление. Откуда же вы такой взялись?

— А если б я стал впутывать других, помогло бы мне это, — спросил Брейд, — или повредило?

Улыбка на лице Доэни стала еще шире.

— Я вижу, проф, вы мне не доверяете. Все же давайте посмотрим, кого еще тут можно взять на заметку. Это убийство заранее тщательно обдумано, так что самозащиту или состояние аффекта надо сразу отбросить. С чего же идут на преднамеренное убийство? Бывает от страха. Ну вот, если б убили вы. Вы, значит, боялись, что если подделки парня всплывут, вашей репутации конец. Другой раз убивают от жадности, только у парнишки за душой не было ни цента и на смерти его никто бы не разжился, разве что гробовщик! Бывает, идут на убийство из-за любви или от ненависти — а в таких делах, как убийство, это одно и то же. Между прочим, говорят, здесь у вас есть одна девушка, Джин Мэкрис, так будто Ральф с ней что-то имел, а потом бросил, и она очень переживает.

Брейд удивился:

— Кто это вам сказал?

— Да многие говорят, проф. Я же вам сказал — только подкинь людям мысль, что они поступают благородно, они так и начнут поливать всех грязью и с превеликим удовольствием. Ну, так как эта Джин

Мэкрис, смогла бы она разобраться в препаратах? Ведь она просто секретарша, правда?

— Разобраться смогла бы, — неохотно ответил Брейд. (Неужели он делает то, что так явно ждет от него Дозни, — пытается выгородить себя, намеренно очернив другого?) — Секретарша в университете должна иметь примерное представление о том, с чем она ежедневно сталкивается. Думаю, она могла бы отличить цианид от ацетата.

— Это надо учесть. А насчет алиби беспокоиться нечего — ведь подменить ацетат цианидом можно было когда угодно, за несколько дней?

— Да.

— Так. Но, говорят, есть еще одна девушка, у которой была с ним любовь. Между прочим, одна из ваших аспиранток.

— Моя единственная аспирантка. Я узнал, что у них роман, только позавчера.

— Только? Что же они, скрывали?

— Видимо, были известные сомнения, как к этому отнесется мать Ральфа.

Дозни усмехнулся:

— Вот и видно, что молодежь ничего не смыслит. Мать все давно знала. Она-то мне и рассказала. Если, говорит, девушка иногда заходит к парню поговорить о химии, это может и точно химия. Но если девушка ходит насчет химии через день, тут уж ясно, о какой химии разговор.

Брейд осторожно проговорил:

— Любовь вряд ли может толкнуть на убийство, разве что намечался... разрыв...

Дозни сказал:

— Я тоже сперва так подумал. Но мать говорит, что на это непохоже. Она сказала, что видела их за день до убийства и между ними был полный порядок. Кстати, я и это проверил. Они, оказывается, любили заходить в соседнюю кондитерскую и брали там мороженое и содовую воду. Продавец их знает. Он говорит, они были у него за неделю до убийства и страшно ругались шепотом.

— Вот как! — внезапно встрепенулся Брейд.

— Интересно, да? Но спорили-то они только из-за

того, какое мороженое заказать. — Сыщик улыбнулся. — Продавец считает, что Ральф уговаривал девушку не брать слишком жирное.

— Она действительно полновата, — сказал Брейд.

— Во всяком случае, победила она. Продавец говорит, она все твердила про взбитый крем и добилась своего, заказала порцию мороженого с кремом. Он это твердо помнит, поскольку постарался взбить крем полегче, чтоб наутро она себя не ругала. Ну, о чем это говорит?

— А это должно о чем-то говорить?

— Факт! Если влюбленные ругаются из-за того, какое взять мороженое, разрывом между ними не пахнет. Если б он собирался ее бросить (а убить его она могла только из-за этого), ему было бы наплевать, сколько лишних калорий она проглотит. Потому я и считаю, что мать права, — расставаться они не собирались.

— Меня это не убеждает, — сказал Брейд. — Ральф мог просто воспользоваться любым предлогом для ссоры, чтобы отделаться от Роберты.

— Конечно, для присяжных это не доказательство, — охотно согласился Дозни. — Я и не скидываю ее со счетов. Ну, а кого еще мы могли бы подозревать, проф?

Больше Брейд не мог этого вынести. С непривычной для него резкостью он выпалил:

— Зря вы стараетесь, хватит!

— Что?

— Я отлично понимаю, зачем вы явились. Напрасно вы считаете меня болваном! Вы меня подозреваете, но доказательств «для присяжных», как вы выражаетесь, у вас нет. Вот вы и надеетесь, что, играя в откровенность, сможете вытянуть из меня в дружеской беседе какие-нибудь неосторожные признания.

— Вроде того, что записи подделаны.

Брейд медленно залился краской:

— Да, в этом роде. Но я действительно только что узнал о подделке и действительно считал, что это указывает на самоубийство. Может быть, я неправ. Но меня вам не подловить, я невиновен. Подозревайте меня сколько угодно — это ваша работа, но зачем

стараться запутать меня таким гнусным способом? Вот что меня возмущает.

Внезапно пухлое лицо сыщика стало совершенно серьезным.

— Профессор, — сказал он, — поймите меня правильно. Я и верно мог бы вас запутывать. Это тоже моя работа. Но как раз этого я и не делаю. Я на вашей стороне. Сейчас объясню, почему. Если б убийцей были вы, профессор, значит, вы загубили этого парнишку, чтобы спасти свою репутацию — репутацию человека с мозгами. А на такое способны только особые люди — этакие завзятые умники, понимаете? Их ум для них на первом месте. Они только и заботятся, чтоб все знали, до чего они умные, пусть даже самим придется об этом кричать на весь свет. Они готовы каждому тыкать свой ум в лицо и доказывать, что все остальные идиоты. И вот в четверг я встретился с вами, профессор. Вы химик, а я в химии ничего не смыслю. Вам пришлось мне все объяснять, и я ни разу не почувствовал себя преступником или тупоумным оттого, что не могу с налета понять то, что другие учат по двадцать лет. Если вы могли разговаривать с таким пентюхом, как я, не считая необходимым меня унижить, значит, вы не из тех, кто решится на убийство, лишь бы другие не узнали, что не такой уж он блестящий умник.

— Спасибо, — проговорил Брейд.

— За это вы мне нравитесь. Вот только одно, — все с таким же серьезным видом он поднялся и направился к двери, — для меня люди — все равно что для вас химия. Я в них редко ошибаюсь, хотя, конечно, и такое бывает. Ну ладно, не буду вам больше мешать! — Он махнул рукой на прощанье и вышел, а Брейд задумчиво смотрел ему вслед.

Он был занят своими мыслями, и почти весь обед прошел в молчании. Даже Джинни притихла, и Дорис чуть ли не шепотом отослала ее наверх спать.

Только потом, когда Брейд сидел, устремив невидящий взор на экран телевизора, где разыгрывалась очередная воскресная мелодрама, Дорис села напротив и спросила:

— Что-нибудь случилось сегодня? Или ты не хочешь мне говорить?

Брейд медленно перевел на нее глаза. Она была чуть бледнее обычного, но казалась спокойной. Какой-то уголок его мозга, не занятый мыслями об убийстве, еще раньше, вчера вечером, отметил, что она не сказала ни слова о сцене у Литлби. Он думал, что она будет взбешена его поведением, и ждал горьких упреков за скандал, безрассудно учиненный на глазах у Литлби в его собственном доме. Но она смолчала вчера и продолжала молчать.

И вот спокойно, подробно, без всяких попыток что-нибудь смягчить, Брейд рассказал ей обо всем, что случилось за день, начав с признаний Роберты и дневников Ральфа и кончая беседой с Дозни.

Дорис ни разу не прервала его, пока он говорил.

Когда он кончил, она только спросила:

— Что же ты теперь будешь делать, Лу?

— Доискиваться, кто убил. Правда, не знаю как.

— Надеешься найти?

— Должен.

— Ты предсказывал все это еще в четверг вечером, а я только терзала тебя своими приставаниями. Но теперь мне очень страшно, Лу.

Увидев, как она сидит, испуганная и притихшая, он вдруг преисполнился нежности и чуть ли не бегом кинулся к ней, опустился на колени перед ее стулом.

— Чего же тебе бояться, Дорис? Ты ведь знаешь, что я не виноват.

— Знаю. — Голос ее звучал сдавленно и приглушенно. Она не смотрела на него. — Ну, а вдруг все решат, что убил ты?

— Не решат, — сказал Брейд. — Я этого не боюсь.

И вдруг с изумлением понял, что не просто успокаивает жену — он действительно не боится. Острый страх, мучивший его последние три ночи, внезапно притупился, почти исчез, несмотря на то, что положение стало гораздо серьезнее.

Да, пожалуй, именно потому в нем и произошла такая парадоксальная перемена! Уверившись, что он теряет работу, он избавился от вечного страха ее потерять. А с тех пор как его действительно заподоз-

рили в убийстве, он перестал бояться, что подозрение может пасть на него.

— Дорис, нам надо как-то пережить это. И мы переживем. Не плачь, пожалуйста, не плачь.

Он взял ее за подбородок и повернул к себе лицом:

— Ты не поможешь мне, если будешь плакать.

Дорис сморгнула слезы и слабо улыбнулась.

— Этот сыщик, кажется, неплохой человек, — сказала она.

— Да, он совсем не такой, как я их себе представлял, и рассуждает иногда весьма убедительно. Забавно, он до того похож на комического сыщика из кино, что я невольно поражаюсь его логичности.

Дорис спросила:

— Не выпить ли нам? Давай выпьем немножко.

— Давай.

Она вернулась с двумя стаканами и спокойно сказала:

— Я все думаю, как точно сыщик говорил про тех, кто способен на такое убийство, про завзятых умников. Так он их называл?

— Да, это хорошо сказано, надо запомнить.

— Как, по-твоему, это не подходит к Ранке?

Брейд серьезно кивнул:

— Подходит. Но в данном случае не имеет значения. Мошенничество Ральфа ничем ему не грозило, наоборот. Он некоторым образом предвидел, что Ральф ошибается. Ему как раз было бы совершенно невыгодно скрывать подлог Ральфа. Нет, милая, под угрозой находилась только моя репутация.

Дорис тихо спросила:

— Но кто же тогда?

Брейд сидел неподвижно, глядя на стакан, который он держал в руке.

— Знаешь, я все думаю насчет одной вещи. Если Дозни передал мне все точно, слово в слово, то у меня, пожалуй, возникают кое-какие подозрения. Одно упомянутое им слово может иметь двойной смысл, и я думаю, что Дозни этого не знает. Одно его слово меня настораживает.

Дорис с надеждой спросила:

— Какое?

Минуту Брейд рассеянно смотрел на нее, затем тихо проговорил:

— А впрочем, может быть, это ерунда, не о чем и говорить. Я должен еще подумать. Давай ляжем сегодня раньше — плевать на все, надо выспаться.

Он обнял ее за плечи и тихонько прижал к себе.

Она кивнула:

— Да, завтра же у тебя лекции.

— Ну, лекции у меня каждый день, пусть это тебя не тревожит.

— Ладно. Сейчас помою посуду и будем ложиться.

— Прекрасно. И... Дорис, не волнуйся. Предоставь все мне.

Дорис улыбнулась.

16

Он вспомнил ее улыбку, лежа в ночной темноте и ощущая прохладную свежесть чистой наволочки.

Она улыбалась успокоительно, ласково. Брейд старался понять, почему вдруг она так переменилась.

Завзятые умники! (Мысли его сделали внезапный скачок.) Разумеется, Ранке именно из таких. Но почему? Репутация у него прочная. Всем известно, что он человек одаренный. Зачем же ему так навязчиво бахвалиться своим умом?

А может быть, он вовсе им не гордится? Что, если в глубине души он в него не верит? Может быть, именно неуверенность и заставляет его непрерывно демонстрировать свой ум, кокетничать им, стараться превзойти всех, кто может угрожать его положению? **Неуверенность!**

А Фостер! Всех расталкивающий, прущий напролом! У него милая молодая жена, она принимает его таким, каков он есть. Почему же он стремится вновь и вновь доказывать каждой встречной женщине, что он неотразимый мужчина? А каждому мужчине, даже в явно неравном поединке преподавателя со студентом, что остроумнее его, Фостера, нет?

Да взять даже беднягу Кэпа! Он сделал блестящую карьеру и все же боится, что имя его будет забыто. Вот он и корпит над своей книгой, которая призвана

сохранить память о нем на века. Бедный Кэп! С какой завистью он говорил о титуле, пожалованном Берцелиусу.

Брейд прикусил губу. Все они страдают от одной болезни. От неуверенности!

Человек пробкой выскакивает на свет из чрева матери и навсегда лишается защиты. Вокруг холод, свет режет глаза. Дыхание дается с трудом. Покой, тепло, уютная темнота потеряны безвозвратно. Отныне неуверенность — его удел...

Наутро Брейд спустился к завтраку в молчаливом настроении, твердо решив во что бы то ни стало сохранить хрупкую паутинку мира и доверия между собой и Дорис. Яичница с ветчиной уже ждала его на столе. Дорис быстро улыбнулась навстречу ему, но тоже ничего не сказала.

Он слышал, как наверху возится Джинни, и поспешно ел, стараясь скорее кончить, пока она не ворвалась в комнату, заполнив ее своей бьющей через край энергией. Торопливо проглотив кофе и вытирая салфеткой рот, он сказал:

— Я уйду пораньше, хорошо?

— Конечно, — отозвалась Дорис. — Слушай, Лу!

— Да?

— Ты мне позвонишь... в случае чего?

— Ну разумеется. А если не позвоню, значит, все в порядке. Да ты не беспокойся, — он вспомнил их ночной разговор, — положишься на меня.

Она улыбнулась дрожащими губами:

— Хорошо.

Он крепко поцеловал ее, но, услышав на лестнице drobный стук башмаков Джинни, поспешил к двери.

— До свиданья!

На этот раз студенты вели себя почти как обычно. Кафедра меньше привлекала их, и те, кто питал врожденную склонность к максимально удаленным рядам, уже были на пути в свое убежище.

Брейд читал лекцию немного громче, чем всегда, словно стараясь внушить своим слушателям, что ничего не произошло. И формулы на доске он писал крупнее обычного, гладко и деловито рассказывал о

продуктах присоединения карбонильной группы, но все время как бы наблюдая себя со стороны.

После лекции он задержался, отвечая на вопросы, — еще одно свидетельство возвращения к нормальному порядку вещей. Но вот он покончил и с этим, вынул из ящичка возле входа в канцелярию свои письма и начал медленно подниматься на четвертый этаж, туда, где совершилось убийство. (Уж не потому ли он намеренно не воспользовался лифтом, что хотел оттянуть возвращение в этот мир?)

Поднимаясь по лестнице, он просматривал почту.

Внимание его привлек желтый конверт, в каких обычно пересылалась факультетская переписка. На конверте была напечатана его фамилия, а вместо адреса отправителя значилось только — химический факультет. Что это еще за официальное уведомление? Неужели такая быстрая реакция на субботний срыв? Ему представилось, как Литлби спешит утром в университет, а на уме у него только одно срочное дело, с которым надо покончить без проволочки.

Он засунул остальные письма в карман и вскрыл желтый конверт. В нем оказался бланк всего с одной строчкой: «За проведение курса лекций по технике безопасности несет ответственность администрация». И внизу подпись: Литлби.

Брейд изумился. Старик вял брошенному мимоходом вызову! Естественно, об «упорядочении его положения» и речи не было, но даже такого результата Брейд никак не ожидал.

Он дошел до своего этажа и лицом к лицу столкнулся с Отто Ранке, спускавшимся с пятого.

Брейд почувствовал, как у него кровь зашумела в ушах. Ему даже показалось, что губы его напряглись, словно он сейчас оскалится и зарычит.

Первым заговорил Ранке. С несвойственным ему радушием он воскликнул:

— А, Лу! Дружище! Как живем? Вид у вас отличный!

Он быстро похлопал Брейда по плечу, показал все свои зубы и устремился дальше вниз.

Брейд, сам себе не веря, глядел ему вслед. Неужели только всего и требовалось? Рывкнуть разок для до-

казательства того, что и ты умеешь кусаться? А после этого просто оскалиться? И Ранке сразу присмирел! Он взглянул на бланк — и Литлби тоже!

Так и не придя в себя от удивления, он подошел к своему кабинету, вставил ключ в замок, но дверь оказалась незапертой. О господи, значит, пришел Кэп Энсон, а Брейду совсем не улыбалось возиться сейчас с его гениальной книгой. Ему требовалось время, чтобы поразмыслить... Он с досадой открыл дверь и остановился на пороге. В кабинете действительно был Кэп Энсон, но не один, а с каким-то незнакомцем.

Кэп Энсон, повесив трость на левую руку, стоял у застекленного шкафа и доставал картонные ящики, в которых хранились оттыски статей Брейда, его рукописи и прочие бумаги. На нижних полках располагались копии работ аспирантов, занимавшихся под руководством Брейда. Все они были аккуратно переплетены и подписаны.

«Как у примерной чистюли-домохозяйки», — подумал Брейд.

— Хвастаюсь вашими работами, Брейд! — заявил Энсон.

Но Брейд смотрел на незнакомца. Лет за шестьдесят, сутулый, загорелое лицо, седые, стального оттенка волосы, большой иронический рот. Приглядевшись, он, конечно, сразу его вспомнил. Он слышал его доклады на конференциях и не раз видел его портрет на обложках химических журналов.

Не ожидая, пока Энсон представит их друг другу, Брейд протянул руку:

— Здравствуйте, доктор Кински!

— Здравствуйте, доктор Брейд, не правда ли? Я слышал о ваших исследованиях!

Вокруг глаз и вокруг рта у него появились мелкие морщинки, он кивал головой в такт своим словам:

— С интересом слежу за вашими работами. Ведь мы оба воспитанники славного старого Кэпа, верно?

Брейд кивнул, а в душе усомнился, чтобы Кински находил время на чтение ничем не приметных работ ничем не приметного химика.

— Спасибо! — сказал он и только собрался заметить, что ему хорошо известны исследования Кински,

которые представляют гораздо больший интерес, как тот уже продолжал:

— С тех пор, как я здесь учился, конечно многое изменилось. Надеюсь, вы не сердитесь, что мы вторглись в вашу лабораторию? Это Кэп меня привел. Он же здесь полновластный хозяин. Все двери для него открыты. Ни один студент не укроется. Как в мое время!

Он огляделся, явно сожалея о прошедших студенческих днях:

— Раньше я навещал свой старый факультет, но за последние пятнадцать лет ни разу не собрался.

— Прошу вас, садитесь, — сказал Брейд. — Может быть, вы позавтракаете с нами?

— О нет, нет. Боюсь, что не смогу. Благодарю вас. У меня очень мало времени, просто хотелось взглянуть на свои пенаты. Сколько здесь прошло счастливых дней! По крайней мере сейчас все они кажутся счастливыми. Верно?

— Да, конечно, — согласился Брейд. — Что ж, обидно, что вы не можете побыть с нами подольше. А давно вы приехали?

— Больше недели. Надо было сразу зайти сюда. Да всякие семейные дела... Но я с самого начала дал себе слово оставить пару дней напоследок, чтобы провести нашего старого Кэпа!

Старый Кэп! Брейд почувствовал досаду. Конечно, Кэп стар, уже за семьдесят. Но и Кински не меньше шестидесяти.

Впрочем, Кэп ничуть не обиделся. Он смотрел на Кински с нежностью, словно муж на молодую жену или мать на одаренного любимчика сына.

Да Кински и был для Кэпа любимым учеником, столпом химии, гордостью своего учителя.

Брейду с трудом удалось заговорить спокойно:

— Я полагаю, вас вряд ли интересуют мои соображения по поводу ваших опытов с синтезом тетрациклина?

— А, какие там опыты! — иронически отмахнулся Кински. — О них и говорить не стоит. Моран-Минтер из Кембриджа намного меня опередил.

— Но он начал с другого конца. Мне кажется, вы раньше получите альдостерон.

— Вот как! Вы так думаете? Любопытно. Ведь...

Кэп Энсон перебил его:

— Молодой Джо был так внимателен, что пришел вчера ко мне и целый вечер провел над моей книгой. Она ему нравится.

Старый ученый удовлетворенно усмехнулся, радуясь своему успеху.

— О да, химикам нужна такая книга! И Кэпу она как раз по плечу, верно? Для разработки такого материала мало быть только химиком, нужно и философией интересоваться, как наш Кэп.

Кэп Энсон опять усмехнулся.

Кински добавил:

— Правда, в мое время, Кэп, вы еще не воспринимались как философ — скорее как невыносимый педант.

Брейд улыбнулся:

— Таким Кэп и остался.

— Ну вряд ли. Наверное поутих. Пора уже. Ведь в пору нашего знакомства вам было тридцать с чем-нибудь, правда, Кэп? Вы тогда так и изрыгали яд и перец. А помните, помните, как вы велели мне провести метилирование циклического соединения, а я сказал, что на это жалко тратить время? Какую вы мне тогда выволочку устроили! Вспомнить страшно! Шерсть летела клочьями! Вот оттуда-то и пошла ваша кличка. Ручаюсь, Брейд, вы даже не знаете его настоящего имени. Да наверное, никто не знает, — если понадобится, справляются в документах, правда?

— Так, значит, это вы прозвали Кэпа Кэпом? — заинтересовался Брейд.

— Я самый! А как вы думаете, почему?

— Не знаю. По-моему, был когда-то знаменитый бейсболист Кэп Энсон.

— Да, это помогло кличке пристать, но происхождение у нее другое.

— Кто-то говорил еще, что у Кэпа было когда-то судно. — Брейд почувствовал, как смешно это прозвучало. — Лодка, наверное.

Кэп Энсон слушал их разговор с нарастающим раздражением.

— Все это чушь! — воскликнул он и постучал концом трости об пол.

— Ничего подобного, — живо отозвался Кински, — просто подлинные фрагменты Энсопианы. Итак, вы разносили меня за отказ заняться метилированием. Как только вы меня не обзывали! И когда я решил, что вы набираете воздуха, чтобы разразиться новыми проклятиями, вы вдруг замолчали, пристально посмотрели и сказали: «Запомните, Кински, когда вы работаете под моим руководством, капитаном являюсь я. Можете иметь свое мнение до тех пор, пока я не скажу, что вам надо думать. После этого вы думаете так, как я велел, потому что капитан здесь я, а вы — юнга. Понятно?» С тех пор я называл вас только Кэпом. А немного погодя уже никто не звал вас иначе.

Энсон негодовал:

— Ничего этого не было! Ерунда!

Желая помочь своему уязвленному учителю, Брейд круто повернул разговор к прежней теме:

— Скажите, доктор Кински, если только вы настроены касаться этого вопроса, есть ли перспективы успешного синтеза альдостерона?

— Как сказать, как сказать! — торопливо проговорил Кински. — По-моему, перспективы весьма благоприятные. Вы, конечно, не согласны?

— Я? Да я в этом вообще не разбираюсь. Верней, почти не разбираюсь.

— Я имею в виду мнение одного из наших аспирантов. Ах, да! — Лицо его механически приняло скорбное выражение. — Очень сожалею о случившемся у вас несчастье.

— Что поделаешь! — пробормотал Брейд. — Но кто же из моих аспирантов интересуется синтезом альдостерона?

Кински удивленно сказал:

— Да тот, который погиб! Как его фамилия? Нейфилд? Он был совершенно убежден, что моим методом от альдостерона ничего не добьешься. Очень самоуверенный молодой человек. Так прямо мне и сказал!

— Что? — воскликнул ошеломленный Брейд. — Разве вы с ним встречались?

— Ну да. В прошлом году, в Атлантик-Сити, на конференции Американского химического общества.

— Верно, верно, он туда ездил. Я еще хлопотал, чтобы факультет предоставил ему средства на поездку. Он мне не говорил, что беседовал с вами.

Кински хмыкнул:

— Считал, разумеется, что этот эпизод не заслуживает упоминания. Он подошел ко мне после моего доклада, назвал себя и заявил, что изложенным мною методом я не смогу добиться синтеза. Не пожелал объяснить, в чем видит мою ошибку. Короче говоря, прямо в лицо обозвал меня ослом. Вот уже год прошел, а я все не могу забыть про это. Кстати, Брейд, что будет с его работой теперь? После его смерти?

Почудилось ли ставшему чрезмерно подозрительным Брейду, или на самом деле в глазах Кински, когда он задавал этот вопрос, блеснул хищный огонек?

17

Брейд не знал, как быть. Он смотрел то на Кински, то на Энсона, который обиженно поджал тонкие бледные губы, вероятно, сразу вспомнив их вчерашний разговор.

Брейд попробовал уклониться от ответа:

— Да знаете, доктор Кински, у меня как-то еще не было времени подумать над этим.

Но Энсон возмущенно вмешался:

— Он собирается сам продолжать исследования. И должен добавить, не считаясь с моим мнением. Я устарел, Кински! В прежние времена мои ученики прилушивались к моим советам.

— Что ж, — сказал Кински, которому, видимо стало не по себе, — все мы стареем.

Но ему не удалось сгладить неловкость, и наступило тягостное молчание.

Наконец Кински поднялся и начал прощаться:

— Очень был рад познакомиться с вами, Брейд. Если окажетесь в наших краях, непременно заходите.

— Спасибо, обязательно, — пожал ему руку Брейд. Голос Энсона все еще звучал раздраженно:

— Не забудьте, Брейд, в пять часов мы встречаемся насчет лекции по технике безопасности. Ровно в пять.

— Хорошо, в пять, — согласился Брейд. Как это характерно для Энсона — он и мысли не допускает, что в пять часов у Брейда могут быть другие дела!

— И если Кэп говорит в пять, — сказал Кински, — значит ровно в пять и ни минутой позже. Или он изменился?

— Нет, ничуть, — ответил Брейд.

Оставшись один, Брейд почувствовал странную горечь, будто вдруг лишился отца, хотя до сих пор не подозревал, что имеет его. А ведь Кэп действительно был ему чем-то вроде отца!

Он только сейчас понял это, когда увидел его со старшим сыном, с любимцем, принесшим ему почести и славу, с сыном, который следует его советам и вытягивается в струнку, когда капитан его распекает.

А он, Брейд, — неудачник, застрял на одном месте и даже на нем не сумел удержаться. Он молча упирается, когда Кэп пробует направить его по новому пути. Бедный Кэп! Он сумел достичь к старости известности и признания и все же кончает жизнь, мучаясь от неуверенности. А эта его книга!

Брейд подумал: «Я снова обрел Дорис, но теряю все остальное. Аспиранты мои умирают, исследования обрачиваются подделкой. Я лишился работы, а Кэп Энсон... — он горько усмехнулся самому себе, — а мой отец меня не любит».

Он поднялся и открыл дверь в свою лабораторию. Конечно, проходящая здесь реакция окисления не вносила особого вклада в науку, но, как говорил Кэп Энсон, приятно проделывать опыты собственными руками.

Однако сейчас он с грустью глядел на свою несколько шаткую установку и сомневался, доставит ли ему работа удовольствие. В данную минуту вид заброшенных приборов вызывал в нем только неприязнь. Неприятным казался сосуд с застывшей смесью, неприятны были и связанные с ним воспоминания. Он

не прикасался к установке с того вечера в четверг, когда отправился к Ральфу за кислотой и нашел его мертвым. Все так и осталось подготовленным для опыта — и колба, и пластиковые трубки, и бледно-зеленый баллон со сжатым кислородом.

Брейд машинально взглянул на баллон. Странно!

Разве он пуст? Он твердо помнил, что сменил его незадолго до опыта. Манометр высокого давления должен показывать не меньше чем тысяча восемьсот фунтов на квадратный дюйм. Но стрелка стояла на нуле.

В чем дело?

Неужели он забыл закрыть баллон и газ вытек? Манометр низкого давления тоже показывал нуль. Брейд проверил кран — он оказался завинченным. Утечки быть не могло.

Возможно, он закрыл вентиль на баллоне, выпустил из редуктора то небольшое количество кислорода, которое в нем содержалось, а потом закрутил кран?

Так полагалось поступить, но Брейд не помнил, чтобы он все это проделал.

Он положил руку на вентиль и попробовал повернуть его слева направо. Вентиль не поддавался. Очевидно, он был закрыт. Пальцы его напряглись, чтобы повернуть вентиль в обратном направлении, пустить кислород в редуктор и увидеть, как двинутся стрелки манометров, но он остановился.

И жизнь его, висевшая в эту секунду на волоске, была спасена. Его наметанный глаз химика, внутреннее чутье, выработавшееся за двадцать пять лет практики, бессознательно отметили что-то неладное и заставили его остановиться.

Это «что-то» при внимательном рассмотрении оказалось едва уловимым поблескиванием, следом маслянистой жидкости на крышке резьбы между редуктором и баллоном. Он поскреб резьбу ногтем и поднес палец к носу.

Ему почудилось, что он остался один в бездонной, звенящей тишине. Он потянулся к гаечному ключу и начал отворачивать шестигранную гайку. Она поддавалась с непривычной легкостью. Брейд снял редуктор и убедился, что резьба влажная. Он не мог определить точно, что это за жидкость, но по консистенции она

походила на глицерол. Если бы он не остановился и повернул вентиль справа налево, взрыв разнес бы лабораторию.

Брейд выпустил из рук редуктор, со звяканьем ударившийся о стол, и бессильно опустился на стул.

От сознания, что он едва избежал смерти, его била дрожь.

Он не заметил, сколько времени прошло, прежде чем дрожь улеглась. Он встал, удостоверился, что дверь в коридор заперта, и запер дверь, ведущую в кабинет. Пусть думают, что он вышел позавтракать. (Завтрак? Его мутило при одной мысли о еде!)

Он поймал себя на том, что сидит, уставившись на редуктор, на маслянисто-влажную, несущую смерть резьбу.

Последний раз он пользовался системой в четверг, в тот день, когда погиб Ральф. По всем признакам баллон в тот день был в порядке. С тех пор он не подходил к установке, но за это время в его лаборатории мог побывать кто угодно. Но не Ральф. В лучшем случае он запирает дверь своего кабинета в пять часов, уходя домой, а иногда и вовсе забывал запереть. Отправляясь на занятия со студентами, в библиотеку или позавтракать, он всегда оставлял дверь незапертой.

Конечно, в лабораторию после четверга дважды заходил Кэп Энсон. (Он на секунду представил себе, как Кэп убивает непокорного ученика, посмеявшегося ему возразить, и против воли улыбнулся.) Во второй раз он приводил с собой Кински. Если Роберта была в лаборатории Ральфа, она могла пройти к нему. Господи! Да кто угодно мог войти в его лабораторию!

Невольно он снова вернулся мыслями к Кински. Кински встречался с Ральфом. Ральф хвалился, что докажет своими опытами несостоятельность теории Кински. Может быть, Кински как раз из тех завзятых умников, что готовы на все ради своей репутации, даже на убийство? Вдруг это он убил Ральфа? А потом задумал прикончить и Брейда, чтобы он не смог завершить работу своего ученика. Он так встревоженно спрашивал, не собирается ли Брейд продолжать исследования, а баллон был уже смазан. Может быть,

он удалил бы глицерол, если б узнал, что Брейд не будет работать над этой проблемой? Или он уже ничего не мог изменить и спрашивал просто от извращенного любопытства? Да нет! Невероятно! Правда, Кински уже был в городе, когда умер Ральф, но откуда он мог знать про его опыты, чтобы так тщательно продумать убийство?

А вдруг покушение на Брейда вовсе не связано со смертью Ральфа? (Два разных убийства за неделю? Такое совпадение невозможно!) Но, предположим, кто-нибудь хотел свести с ним счеты. Ведь в конце концов он оскорбил в субботу Фостера и... Ранке. Неужели они настолько уязвлены, что могли бы решиться на убийство?

Он с содроганием вспомнил, как необычайно приветлив был Ранке, когда они встретились сегодня на лестнице. Что, если это благодушная снисходительность убийцы к жертве? Он уже считал Брейда мертвым — стоило ли расходовать на него эмоции! А Литлби? Ведь и его Брейд щелкнул по носу, значит, сегодняшнее уведомление о лекциях по безопасности тоже снисходительная подачка убийцы? В голове у Брейда мысли вертелись с бешеной скоростью. Господи! Да он сходит с ума! Как он может допустить, что Литлби способен на подобный шаг. Хватит!

Во всяком случае нужно сейчас же сообщить обо всем Дозни — ведь теперь ясно: кто бы ни был неизвестный преступник, на этот раз заподозрить его, внештатного помощника профессора Льюиса Брейда, никак нельзя! А если убийца всего один, то с Брейда снимаются подозрения и относительно Ральфа.

Почти хладнокровно он снял трубку, набрал номер. Будничный голос отозвался:

— Девятый полицейский участок. Офицер Мартинелли.

Стараясь говорить спокойно, Брейд сказал:

— Можно попросить полицейского Дозни? А когда он будет? Понятно. Нет, нет. Мне нужен именно он. Нет, ничего срочного. Будьте добры, когда он придет, передайте, что звонил профессор Брейд. Он меня знает. Скажите, что мне нужно как можно скорее пого-

ворить с ним. Мой номер — университет 2-1000. Добавочный 125. Да, да, спасибо.

Он повесил трубку и долго сидел, глядя на телефон. Потом подумал: пожалуй, надо поесть.

Он не поехал завтракать, а быстро, стараясь ни с кем не встречаться, сходил за бутербродами. Он не мог решиться покинуть кабинет, пока не узнает, кто на него покушался. Здесь, за закрытыми дверями...

Но ведь именно здесь, за закрытыми дверями, его подстерегала смерть.

Брейд выпил кофе прямо из банки, хотя он еще обжигал, и только потом вспомнил про сливки. Тут он заметил, что уже скоро час, и подумал: надо идти к студентам.

Уходя, он запер дверь, несколько раз проверил замок (интересно, сможет ли он когда-нибудь еще оставить свою дверь незапертой?) и направился через весь коридор к студенческой лаборатории.

Чарльз Эммит готовился к демонстрации образования семикарбазона под давлением. Брейд взглянул на часы. Без пяти час. Через пять минут лабораторию заполнят студенты.

Он грустно размышлял о том, как вся жизнь преподавателя подчинена часам, разбита на лекции, семинары, лабораторные занятия, заседания.

Минутная стрелка приблизилась к двенадцати. В лабораторию, надевая через голову черный резиновый фартук, вошел студент, вежливо сказал: «Здравствуйте, профессор Брейд!», положил на стол свои тетради и книги, открыл обожженный кислотой учебник.

В этот момент из его книги вывалилась пачка листов. Посмотрев на нее сначала недоуменно, а потом озабоченно, студент направился в конец лаборатории к Эммиту.

— Мистер Эммит, — сказал он, — я, оказывается, забыл вам отдать отчет о моем первом самостоятельном опыте в пятницу. Ничего, если я сдам сейчас?

Он выглядел встревоженным.

Эммит, видимо чувствуя на себе взгляд Брейда, грубовато распорядился:

— Хорошо, положите. Я потом взгляну. Но больше не забывайте.

Брейд рассеянно наблюдал, как студент отдает Эммиту свои записи.

В лабораторию быстро входили остальные студенты. Стрелки показывали час. Стрелки, которые дробят весь день преподавателя на куски и пригвождают его к часам, словно распятого.

Да, часы, время... Впрочем, что это он сейчас наблюдал?

«Боже! — подумал Брейд... И студенты, и лаборатория вдруг исчезли, он остался один — наедине с невозможной, дикой догадкой.

Он круто повернулся и поспешил в свой кабинет. Несколько пар глаз с любопытством уставились ему вслед, но он уже ничего не замечал.

Он снова держал в руке телефонную трубку, только на этот раз ему пришлось поискать номер по справочнику.

— Но мне необходимо, — доказывал он уверенному молодому голосу, который ему ответил. — Разговор совершенно безотлагательный и займет не более двух минут. Нет, нет, я никак не могу ждать до трех.

Он действительно не мог. Он должен был узнать все сейчас же. Сию минуту.

Ожидание было невыносимо и, стараясь отвлечься, он представлял себе, какое смущение и страх вызвал его звонок.

Тихий, запыхавшийся голос, раздавшийся в трубке, и в самом деле звучал испуганно.

— Это точно? — настойчиво спрашивал Брейд. — Так оно и было? Слово в слово?

Он переспрашивал снова и снова, пока не испугался, что его настойчивость может довести до истерики. Спросив в последний раз: «Это точно?» — он повесил трубку. Теперь он знал. Знал все — причину, план, последовательность событий. Во всяком случае, думал, что знает.

Но ведь он не полицейский, опыта у него нет. Как доказать свои подозрения? Или, что вернее для данного случая, как доказать истину?

Он сидел, погружившись в размышления, пока солнце, спускаясь все ниже, не начало светить ему прямо

в глаза. Пришлось встать, чтобы опустить штору. И тут в дверь негромко постучали.

На этот раз Брейд сразу же узнал приземистую фигуру за матовым стеклом и поспешно распахнул дверь.

— Входите, мистер Дозни. — Он тщательно запер дверь снова.

Дозни сказал:

— Привет, проф! Мне передали, что вы звонили, да было уже вроде поздно, вот я и решил зайти прямо сюда. Жаль, что меня не было на месте.

— Ничего.

— Я не помешаю вашим занятиям?

— Нет.

— Ну ладно. Что случилось, проф? Я ведь понимаю, такой человек, как вы, зря звонить в полицию не станет — не иначе что-то стряслось.

— Боюсь, что вы правы. — Брейд подождал, пока коренастый сыщик плотно уселся напротив него. — Знаете, на меня совершенно покушение.

И вдруг Дозни, собиравшийся достать сигару из кармана пиджака, застыл как вкопанный. С лица его сразу сошло добродушное выражение, взгляд стал холодным, и он сказал:

— Вот оно что! Вы не пострадали?

— Нет. Мне удалось предотвратить несчастье. Но еще минута, и меня бы не было.

— Ясно. Что называется, «спаслись чудом»?

— Именно.

Но внутри у Брейда похолодело. Сомнений не было, сыщик смотрел на него враждебно. Больше того, впервые он смотрел на него так, будто наконец укрепился в мысли, что профессор мог убить Ральфа.

Брейд помедлил, но все-таки начал рассказывать, как он обнаружил, что баллон с кислородом поврежден.

Дозни слушал его, полузакрыв глаза. Он проявил интерес только раз, когда Брейд сказал, что жидкость, которой смазывали редуктор, это «глицерол»,

более широко известный под неверным названием «глицерин». Руки Доэни на краю стола сразу напряглись, и он спросил:

— Глицерин? Это что, вроде нитроглицерина?

Брейд подавил раздражение:

— Да нет же. Глицерин, то есть глицерол, сам по себе совершенно безвреден. Им пользуются в кулинарии и в косметике.

— Безвреден? Тогда почему же...

— Безвреден при обычных условиях. Но если бы я повернул вентиль, чистый кислород под давлением тысяча восемьсот фунтов на квадратный дюйм устремился бы в маленькое пространство внутри редуктора. Чтоб вам легче было все это представить, могу сказать, что давление кислорода в атмосфере вокруг нас равно трем фунтам на квадратный дюйм. И вот под воздействием кислорода под высоким давлением обычно безвредный глицерол начинает мгновенно и бурно реагировать, освобождая в большом количестве тепло.

— То есть происходит взрыв?

— Да. Вентиль баллона мгновенно вылетает, весь остальной кислород вырывается наружу и баллон превращается в своего рода бомбу. Лабораторию разнесло бы, и, разумеется, не уцелел бы и я.

Доэни глубоко вздохнул и жестким ногтем поскреб толстую щеку.

— А не могла эта смазка оказаться там случайно?

— Нет, — твердо ответил Брейд. — Резьбу на баллоне с кислородом никогда не смазывают, и я не допускаю, чтобы кто-нибудь сделал это по незнанию. Сам баллон в прошлый четверг был в полном порядке, так что повредили его специально.

— Чтобы убить вас, профессор? Да?

— Очевидно. Другой причины я не вижу. Баллоном пользуюсь один я. Вопрос заключался только в том, когда я поверну вентиль. Я и на самом деле чуть не повернул его.

Доэни кивнул. Холодность его не проходила.

— Ну и что же это означает? Думаете, тот, кто убил парнишку, испакостил и ваш баллон?

— Трудно предположить, что здесь у нас орудуют двое убийц, — ответил Брейд.

— Ясно. Так что, по-вашему, раз вы теперь сами жертва, убийцей вас считать нельзя?

— Я...

— Но, если говорить начистоту, какая же вы жертва, проф? Живы, здоровы, будто весь день провели в церкви. Ведь вентиль-то вы не повернули! Скажите, а может, вы сами обмазали баллон этой дрянью?

— Что? Послушайте...

— Нет, это вы послушайте. А мне уже тошно! Выходит, я все же просчитался. Я-то поверил, что вы ни при чем, несмотря на все улики. А теперь вы сами себя выдали с головой и с ногами. И все почему? Не могли сидеть тихо.

Он распалялся все больше:

— Когда человек на подозрении, он может затаиться и ждать, что будет, авось полиция не найдет доказательств. Это, пожалуй, самая правильная политика, но, конечно, самая тяжелая. Вам она не под силу. У вас же воображение! Вам нравится придумывать всякие страхи да трепать себе нервы. Другой путь — смыться, замести следы. Тоже неглупо. Но это не для вас. У вас семья, положение. Состряпать разные лжедоказательства и выгородить себя. Но для такого дела надо твердо верить, что вы куда смекалистей полиции. Профессору это нетрудно. Ведь потому вы и профессор, что у вас голова хорошо варит. Верно?

Брейд решительно прервал его:

— Уверяю вас, ко мне ваши доводы не имеют никакого отношения.

— Ладно, профессор. Это я уже слышал. Дайте мне кончить. Чаще всего лжедоказательства подстроены так, чтобы виновный выглядел жертвой. Если, к примеру, где-нибудь грабят и мы считаем, что воры живут по соседству, бывает, что их дома тоже оказываются обчищенными. Вор пострадал, значит к нему не придерешься. Не может же он сам себя обобрать! Понятно?

— Значит, я сам повредил баллон и вызвал вас?

— Слушайте, профессор, вы мне нравитесь, но, по моему, вы именно так и сделали.

Брейд поднял редуктор и спокойно спросил:

— Как вещественное доказательство он вас не интересует?

— Он же ничего не доказывает.

Брейд кивнул.

Мягкой тряпкой, смоченной в спирте, он промыл резьбу на редукторе и баллоне, затем протер ее эфиром и продул сжатым воздухом.

— Как следует обработаю потом. — Резким поворотом гаечного ключа он закрепил редуктор на баллоне.

Положив ключ на место, Брейд повернулся к Дозни, который внимательно наблюдал за ним.

— Вы применяете ко мне психологический нажим, но я вижу ваши приемы насквозь, — сказал он. — Вы пытаетесь внушить мне, будто запутали меня в паутину логических доводов, и воображаете, что я не выдержу, вы вырвете у меня признание, и у вас в руках окажутся ваши драгоценные доказательства для присяжных. Ничего не выйдет!

— Отчего же?

— Потому что это может получиться только с виновным, а я не виноват. Больше того, я даже знаю убийцу.

Дозни широко улыбнулся:

— Теперь вы взялись за психологический нажим?

— Я не знаю, как это делается.

— Ладно. Кто же убийца?

Брейд почувствовал, что приходит в исступление, — уж больно покровительственно, словно с неразумным ребенком, обращается с ним Дозни. Он сказал:

— Мне тоже нужны доказательства. И я вам их представлю. Вы только сидите и наблюдайте.

Он быстро взглянул на часы, подошел к телефону, набрал внутренний номер:

— А, это вы. Очень хорошо. Говорит профессор Брейд. Второй час лабораторных уже кончается, правда? Не зайдете ли сразу ко мне в кабинет? Хорошо.

Он повесил трубку.

— Еще несколько секунд, мистер Дозни.

В дверь тихо постучались, и Брейд впустил Роберту. Ее лицо казалось померкшим, словно жизнь в ней едва тлела. Взгляд блуждал.

«Бедняга!» — невольно подумал Брейд.

Он сказал:

— Роберта, этот джентльмен — мистер Джек Доэни.

Глаза ее на секунду обратились к Доэни. Она пробормотала:

— Здравствуйте.

Брейд продолжал:

— Это инспектор, ведущий дело Ральфа.

Веки девушки дрогнули, и в глазах загорелся интерес:

— Значит, случай с Ральфом расследуется?

— Мистер Доэни полагает, что смерть Ральфа не была несчастным случаем. Я с ним согласен. Ральф убит.

Роберта вся вспыхнула:

— Что вы говорите!

Теперь она уже не отрывала взгляда от Доэни:

— Я знала, что он не мог так глупо ошибиться! Но кто его убил? Кто?

Брейд подумал — как быстро она приняла эту версию! Даже не усомнилась.

Он ответил:

— Вот это мы и пытаемся узнать. А пока хотелось бы выяснить еще одно обстоятельство. Должен сказать, что мистеру Доэни известно о вашей дружбе с Ральфом.

Роберта сказала с презрительным безразличием:

— Это меня не удивляет.

— Вот как!

— Миссис Нейфилд, мать Ральфа, говорила, что полиция ее расспрашивала. — Она повернулась к Доэни: — Вы могли спросить прямо у меня. Я бы вам все сказала.

Доэни улыбнулся и ласково объяснил:

— Не хотелось, мисс, беспокоить вас без надобности. Я думаю, вам и без нас не сладко.

— Еще бы!

— Мистер Доэни выяснил, что вы с Ральфом ссорились, — сказал Брейд.

— Когда? — удивилась Роберта.

Брейд попросил:

— Сядьте, Роберта. Я хочу кое-что уточнить, и вы можете помочь мне. Пожалуйста, сядьте.

Роберта поколебалась и медленно села на стул у самой двери.

— О какой ссоре идет речь, профессор Брейд?

— О вашей ссоре в кондитерской.

На лице ее выразилось изумление, на лице Доэни тоже — правда, в меньшие степени.

Брейд пояснил:

— Вы спорили из-за того, какой сорт мороженого вам следует заказать.

Роберта покачала головой:

— Не помню ничего подобного. Кто вам сказал? — Она переводила взгляд с одного на другого, затаившаяся и настороженная.

Доэни не пришел ей на помощь. Брейд подумал: «Он протягивает мне спасительную веревку, отпускает дюйм за дюймом и ждет, что я вот-вот сорвусь и закачаюсь с петлей на шее».

Он сказал:

— Я слышал, что вы хотели заказать мороженое с кремом, из-за этого вы и поссорились.

— Нет.

— Во всяком случае продавец слышал, как вы спорили шепотом, и ясно различил слова «взбитый крем», а потом вы заказали себе порцию мороженого со взбитым кремом.

Брейд сделал паузу. Роберта молчала, но лицо ее побледнело, глаза заволоклись слезами и казались огромными.

Брейд продолжал:

— Прошу вас, Роберта, объясните мистеру Доэни, что продавец, по-видимому, превратно понял услышанное. Объясните, пожалуйста, что вы имели в виду, говоря о взбитом креме.

Роберта молчала.

Брейд сказал:

— В каком значении употребляют это слово студенты?

Роберта молчала.

Брейд настаивал:

— Роберта, правильно ли я считаю, что «взбитый крем» означает у студента подделку? Вы спорили не о сорте мороженого, а о подтасованных данных?

— Нет, — выдохнула она.

— Вчера я застал вас в лаборатории Ральфа. Вы просматривали его записи. Вы действительно выбирали, что взять себе на память, или искали подтасованные результаты? Вероятно, вы хотели уничтожить подделку и спасти его доброе имя?

Роберта смогла лишь отрицательно покачать головой.

— Роберта, скрывать бесполезно, — сказал Брейд. — Я тоже просмотрел вчера его записи и обнаружил подлог.

— Нет! — в отчаянии выкрикнула Роберта. — Я хочу сказать, вы не понимаете! Все совсем не так, как вы говорите! Ральф был в отчаянии. Он сам не знал, что делает!

Брейд нахмурился:

— Боже мой, Роберта, конечно он прекрасно знал, что делает. Его махинации тянулись несколько месяцев. Не оправдывайте его. Для такого поступка оправдания нет.

— Я же говорю вам, он не способен был рассуждать нормально. Ему нужна была степень! Во что бы то ни стало! Он так верил в свою теорию — он был убежден, что со временем получит точные данные, и тогда...

— А пока он их подделывал, чтобы иметь что-нибудь про запас, если точных данных так и не будет. Да?

— Профессор Брейд, я могу поклясться, что он никогда бы не воспользовался этими данными. Я хочу сказать... — Она беспомощно вытянула вперед руки, словно стараясь найти слова. Судорожно глотнув, она продолжала: — Он рассказал бы вам. Он бы все вам рассказал, прежде чем решиться на защиту.

— Он сам так говорил? — спросил Брейд. Жалость к ней одолевала его, он никак не мог с этим справиться.

— Я уверена, что он поступил бы так.

Наконец вмешался Дозни. Он облокотился на стол:

— Позвольте, профессор, я на минуту прерву вас. Мисс, скажите мне только одно: откуда вы узнали про этот мухлеж? Не может же быть, чтобы ваш друг пришел и все вам выложил?

— Нет, нет. — С минуту она невидящим взором смотрела на сыщика. Потом произнесла: — У меня есть ключ от его лаборатории. Иногда я заходила, когда он меня не ждал. Один раз я подошла к нему сзади на цыпочках. Ну, понимаете...

Дозни кивнул:

— Понятно, понятно. Хотели напугать его, закрыть глаза ладонями, подшутить как-нибудь. Ясно, продолжайте.

— Он сидел над записями. Я увидела, чем он занимается. Он брал цифры прямо с потолка и подгонял их под уравнение. Я вскрикнула: «Что ты делаешь?» Она закрыла глаза, вспоминая.

Дозни спросил:

— И он вам сказал?

Она покачала головой:

— Нет. Он меня ударил. В первый раз. Единственный. Он вскочил со стула, ударил меня и вообще как будто сошел с ума. А потом тут же раскаялся и стал меня обнимать, но...

— Но вы уже поняли, чем он занимается.

— Да.

— Когда это было?

— Недели три назад, кажется.

— Об этом вы и спорили в кондитерской? Вы хотели заставить его бросить это дело и начать все заново?

— Да.

Дозни снова откинулся назад и поднял брови. Он сказал Брейду:

— Этот раунд выиграли вы, проф. Вы, я смотрю, не зеваете. — Казалось, он немного повеселел. — Ну что, припасли еще что-нибудь?

— Я не совсем уверен, — начал было Брейд, но дверь в лабораторию отворилась.

Брейд поднял глаза.

На пороге, держа в одной руке ключ, в другой трость, стоял Кэп Энсон.

Старый ученый с явным неудовольствием оглядел присутствующих и, не удостоив их даже кивком, сказал:

— Мы с вами договаривались встретиться, Брейд.

— Господи, верно! — воскликнул Брейд и покаянно взглянул на часы. Было ровно пять. — Кэп, слушайте, разрешите задержать вас еще на десять минут? А? Посидите чуть-чуть, мы сейчас кончим.

Он поднялся, обошел Энсона, запер дверь и, ласково взяв своего старого учителя за плечо, усадил его.

— Мы быстро.

Кэп Энсон многозначительно посмотрел на часы:

— У нас много вопросов.

Брейд кивнул и повернулся к Роберте:

— Я вот что еще хотел узнать, Роберта. Как это все отразилось на ваших отношениях с Ральфом? После того, как вы узнали, что он подгоняет данные?

Энсон подался вперед и вмешался:

— Что еще за подгонка данных?

Брейд объяснил ему:

— По всей видимости, Ральф подтасовывал результаты своих опытов, чтобы они соответствовали его теории. Кстати, познакомьтесь: это инспектор Дозни, ведущий наше дело. Профессор Энсон.

Энсон не обратил никакого внимания на представленного ему Дозни. Он гневно спросил:

— Тогда чего же ради вы толковали мне в субботу, что собираетесь продолжить работу этого мальчишки?

— Я обнаружил подделку только вчера, в воскресенье, — сказал Брейд. — Итак, Роберта, вы мне не ответили. Как это отразилось на ваших отношениях?

— Ну, мы спорили, вот и все. Я понимала, что с ним просходит. Я знала, что он не воспользуется подделкой, что он все исправит.

— Он обещал вам это?

Роберта молчала.

Брейд настаивал:

— Послушайте, Роберта. Вы же знали Ральфа. Он был так подозрителен! Всех готов был считать своими врагами. Не правда ли?

— Он прожил очень тяжелую жизнь.

— Я его не осуждаю. Я только хочу констатиро-

вать факт. Вы принадлежали к тем немногим, кого он признавал, кому пытался довериться. И вдруг вы его выследили, обвиняете его, надоедаете упреками. Вы превратились в его преследователя, во врага. Вы понимаете, к чему я это говорю?

Доэни снова вмешался:

— Знаете, проф, получается, будто вы хотите доказать, что ваш парень убил эту молодую леди. Но она-то жива-здорова.

— Я знаю, — быстро отозвался Брейд. — Но если Роберта стала казаться Ральфу врагом, он не обязательно должен был убивать ее. Однако он несомненно отдалился от нее и мог разорвать помолвку. У него на счету достаточно брошенных девушек — не так уж трудно предположить, что он собирался бросить и Роберту.

Роберта покачала головой:

— Нет.

Брейд жестко продолжал:

— И не так уж трудно предположить, что покинутая девушка может по-своему свести с ним счеты.

— Что вы хотите сказать? — воскликнула Роберта.

— Что убить Ральфа могли вы.

— Да вы с ума сошли!

— А вы полагаете, что его мог убить кто-нибудь другой? Из-за чего? Из-за подтасованных данных? — холодно спросил Брейд. — Кто, кроме вас, знал о них? Разве кто-нибудь мог вас подслушать?

Он поднялся и склонился над девушкой.

Она отшатнулась:

— Нет, то есть не знаю.

— Вы когда-нибудь спорили об этом громко у него в лаборатории? Вечером?

— Да... однажды.

— Мог вас кто-нибудь услышать? Кто был в коридоре? Кому был слышен ваш спор?

— Да никому! Я не знаю. Никому!

Кэп Энсон не выдержал:

— Послушайте, Брейд, зачем вы терзаете бедную девушку?

Брейд отмахнулся от него. Он настаивал:

— Кто мог вас слышать? Кто, Роберта?
— Но я же говорю вам, что никто! Откуда я знаю!
— А может быть, он? — и Брейд резко ткнул пальцем в сторону Кэпа Энсона.

Кэп Энсон гневно воскликнул:

— Это еще что?

И на секунду все замерли, словно живая картина: Брейд с вытянутым указательным пальцем, возмущенный Энсон с приподнятой тростью, Роберта, вот-вот готовая разрыдаться, и Доэни, бесстрастно наблюдающий за ними.

Брейду пришлось опустить руку. Он был в отчаянии. А как старательно он импровизировал! Зная, что Энсон придет ровно в пять, он пытался к этому моменту довести Роберту до нужного состояния, сбил с толку, запугал, запутал и только в самый напряженный момент переложил всю тяжесть вины с нее на Энсона.

Чего он ждал? Что Энсон не выдержит и признается? А он тем самым добудет необходимые доказательства для присяжных? Да, выходит, он ждал именно этого. Доэни сказал:

— Вас правильно спрашивают, проф: это еще что?

С тяжелым сердцем Брейд проговорил:

— Это сделал Кэп.

— Что сделал? — накинулся на него Энсон.

— Убил Ральфа. Это сделали вы, Кэп.

— Клевета! — возмутился Энсон.

— Это правда, — сокрушенно сказал Брейд. Что предпринять, чтобы в его слова поверили? — Вы слышали спор Ральфа и Роберты. Кто, кроме вас, бродит вечерами по коридорам? Это ваша давняя привычка. Вы узнали, что Ральф подделывает результаты своих опытов.

— Ваши слова ничего не доказывают, Брейд! Но предположим, да, я узнал. Что из этого следует?

— Из этого следует, что Ральф был моим учеником, а я вашим, Кэп.

Брейд поднялся, встал напротив старого профессора и посмотрел на него в упор. На минуту они забыли обо всем — только они и их скрещенные взгляды имели значение

— Поведение Ральфа бросало тень на меня, а это, в свою очередь бросало тень на вас. Ваша профессиональная честь оказалась под угрозой.

— Моя профессиональная честь, — звенящим голосом возразил Энсон, — здесь ни при чем. Ей ничто не может повредить.

— Я в этом не убежден. Мне кажется, вы всю жизнь судорожно цепляетесь за нее обеими руками. Вспомните, что сегодня утром рассказывал Кински. Вы любили сравнивать себя с капитаном корабля — корабля научных экспериментов. Вы капитан, ваши ученики — команда. А в открытом море капитан вправе распоряжаться жизнью своей команды. Не так ли, капитан?

— Я не понимаю, о чем вы.

— Вам всегда хотелось распоряжаться жизнью ваших учеников. Может быть, вы и сами этого не сознавали, но только почему же вы так дорожили прозвищем «Кэп»? И вдруг вы узнаете, что ваш ученик, то есть аспирант вашего ученика и, следовательно, все-таки ваш ученик, совершил тягчайший из грехов. Непростительный, смертельный грех. Нарушил основную заповедь науки. И вы приговорили его к смерти. Вы были вынуждены. Если бы он остался в живых и все открылось, ваша репутация...

Внезапно подал голос Доэни, и от неожиданности все вздрогнули:

— Вы считаете, проф, что этот старичок пробрался к вашему парню в лабораторию и подстроил номер со склянками?

— У него есть специальный ключ, — сказал Брейд.

— А откуда он знал, как ваш паренек надумал проводить опыт? Что ж, он регулярно лазил к нему и рылся в его записях?

— В этом не было необходимости. Энсон постоянно бывал в моей лаборатории. Заходил, например, в пятницу, когда я вернулся с лекции. Я застал его здесь и сегодня утром. Да он только что вошел сюда на ваших глазах. А копии записей Ральфа, со всеми его подтасовками, хранятся у меня. Ральф подробнейшим образом вел описания своих опытов, в них есть упоминание и о заготовленных заранее колбах. Кэп пре-

красно знал, как ему поступить. Его собственная тщательность помогла ему использовать во зло тщательность Ральфа.

— Ваши обвинения не имеют под собой никакой основы, — заявил Энсон, — я не намерен отвечать вам.

Брейд иступленно продолжал:

— А когда вы узнали, что работу Ральфа собираюсь продолжать я, — он на секунду остановился передохнуть, вынул платок и обтер лоб, — вы пытались отговорить меня. Помните, в Зоологическом саду, в субботу? Вы надеялись заинтересовать меня сравнительной биохимией. Но у вас ничего не вышло, тогда вы приговорили к смерти и меня. Я мог опозорить вас, вот вы и решили...

Широкое лицо Дозни стало вдруг озабоченным, он встал.

— Спокойней, спокойней, профессор, — воззвал он к Брейду. — Не все разом. Закончим про вашего паренька.

Брейд еще раз провел платком по лицу.

— Хорошо, — сказал он, — закончим про паренька. Я приведу вам один факт, который доказывает, что я прав. Этот человек — он снова указал на Энсона, но палец его дрожал, — раб времени. Все мы, педагоги, зависим от времени, но он больше всех. Он не признает даже минутных опозданий. Вот и сегодня он явился сюда ровно в пять.

— Я заметил, — сказал Дозни.

— Мы все стараемся под него подладиться. Если надо с ним встретиться, никто не посмеет хоть на секунду опоздать. Он к этому привык и не прощает неточности. Но вот в прошлый четверг мы договорились встретиться в пять часов, а я не смог прийти, потому что обнаружил убитого Ральфа. Мне пришлось остаться в университете. Скажите, Кэп, откуда же вы узнали, что именно в этот день я задержусь? Ведь я всегда приходил к вам минута в минуту. Разве я когда-нибудь заставлял вас ждать? Почему же вы решили, что в этот раз я буду неточен?

— Не понимаю вас, — презрительно сказал Энсон.

— В прошлый четверг, — продолжал Брейд, — ровно в пять вы подошли к моему дому и встретили на улице мою дочь. В этот день вы не были в университете. Никто не мог вам сообщить о смерти Ральфа. И все же вы вручили Джинни свою рукопись и сказали: «Отдай отцу это, когда он придет домой». Откуда вы знали, что меня нет дома?

— Но вас же не было, — сказал Энсон, — вы же не станете этого отрицать?

— Конечно, но вы-то откуда это знали? Ведь вы не спросили Джинни, дома ли я. Вы не входили в дом. Просто отдали Джинни рукопись и сказали: «Отдай это отцу, когда он придет домой». Когда! Вам было отлично известно, что меня нет дома. Вы знали, что я в лаборатории, дежурю наедине со смертью. Откуда вы знали это Кэп? Откуда?

— Пожалуйста, не кричите, — попросил Энсон.

— Вы сами подстроили мне эту встречу со смертью. Вы знали, что Ральф мертв, — ведь вы же сами подменили колбу, предназначенную на четверг. Вы знали, что я обнаружу его мертвым, когда зайду попрощаться с ним перед уходом. Сомнения, зайду ли я, у вас быть не могло — ведь обычай прощаться с учениками перед уходом я перенял у вас. Но даже зная все это, вы не могли изменить своей привычке не пропускать назначенных встреч и пришли передать мне рукопись.

— Совершеннейшая нелепость, — заявил Энсон, — ваша дочь сказала мне, что вас нет дома.

— Вы ее не спрашивали.

— Спросил.

— Нет, Кэп. Она тогда сразу сказала, что вы просили передать мне рукопись, когда я вернусь. Сегодня я вспомнил об этом и решил, что она, может быть, передала мне не весь разговор. Я позвонил ей в школу, заставил повторить все слово в слово. Переспрашивал десять раз. Вы не поинтересовались, дома ли я. Вы знали, что меня нет.

Энсон повернулся к Дозни:

— Я полагаю, поверят все же мне, а не ребенку. Девочка просто не помнит. И не удивительно — как можно помнить случайный разговор, имевший место четыре дня тому назад?

Дозни сказал:

— Профессор Брейд, этот профессор дело говорит. Присяжные вам не поверят

— Но я разработал вам всю схему, — ответил Брейд, — и повод, и обстоятельства. И последовательность событий. Все сходится

— Сходиться-то сходится, — согласился Дозни, — только мало ли что может сойтись. Я вам могу сочинить такую историю, что выйдет, будто убийца вы, или эта молодая леди, или еще кто-нибудь. Ведь и у вас в химии небось так же? Разве нельзя под один опыт подвести самые разные теории?

— Можно, — безразлично ответил Брейд.

— Но вам же нужно выбрать такую, какую вы сумеете доказать не одним опытом, а многими! Сестра да придумать логическую версию нетрудно. Только вы увидите, что из нее сделает защитник обвиняемого.

Брейд опустил голову. Он сделал все, что мог, и не доказал ничего.

Дозни продолжал:

— Конечно, я могу задержать профессора Энсона, начать дознание. Но ведь неудобно получится, если он невиновен? Он человек известный, на хорошем счету. Чтобы его задержать, мне одной логики мало. Мне надо улики посolidней, вроде вот этой штуки. — Он стукнул кулаком по баллону, так что тот гулко загудел. — Такие улики, чтоб держались крепко, как их ни верти. — Он схватился за вентиль, и Энсон в ужасе вскочил, яростно замахнувшись тростью:

— Прочь руки, идиот!

Трость его просвистела в воздухе.

Метнувшись, Дозни перехватил трость и притянул старика к себе.

— Что такое, профессор Энсон? Разве баллон в неисправности? — тихо спросил он. — Что вам об этом известно?

Лицо профессора Энсона стало вдруг безмерно старым, словно на нем проступили признаки близкого конца.

— Откуда вам известно, что баллон не в порядке? — еще раз спросил Дозни.

— Это он отравил Ральфа! Он! — закричала Роберта и бросилась на Энсона. Брейд задержал ее и крепко схватил за руки.

Энсон резко повернул голову и посмотрел на девушку.

— Он заслужил смерть. Он предал науку, — хрипло проговорил он.

— Значит, это вы его отравили? — спросил Дозни. — Учтите, профессор, здесь свидетели. Можете ничего не говорить.

— Мне надо было сначала разделаться с ним! — Энсон указал на Брейда и разразился криком: — Неудачник! Я вам правильно сказал после его смерти — это вы во всем виноваты! Только такой идиот, как вы, мог допустить подтасовку данных! Из-за вас он был осужден на смерть. — С яростного крика он вдруг перешел на шепот: — Да, Ральфа Нейфилда отравил я, — и упал на стул.

Брейд и Дозни остались одни в кабинете. Дозни вымыл руки и энергично вытирал их бумажным полотенцем.

— Что с ним будет? — спросил Брейд. Теперь, когда напряжение, владевшее им до сих пор, спало, Кэп опять стал для него Кэпом, любимым старым учителем, почти отцом, чудаком, но великим химиком. Представить его себе униженным, в тюрьме...

— Думаю, до суда он не дотянет. — Дозни постучал себя по лбу корявым указательным пальцем.

Брейд печально кивнул.

— Знаете, проф, — сказал Дозни, — очень я рад, что с самого начала не ошибся насчет вас. Вы уж простите, что под конец я засомневался.

— Сомневаться — ваша профессия.

— Это точно. И здорово же вы во всем разобрались! Не хуже настоящего следователя.

— Правда? — Брейд слабо улыбнулся.

— Факт! Вы же докопались до самой сути. Может, и я бы до этого додумался, знай я то, что знали вы, но навряд ли так же быстро да так ловко.

Брейд задумчиво произнес:

— Знаете, наверно, в глубине души я понял все еще с тех пор, как моя дочка передала мне слова

Кэпа. Но я никак не мог поверить, что убийство совершил Кэп, вот я и гнал от себя эти мысли.

Он опустил голову.

— И когда же до вас наконец дошло? — спросил Доэни.

— Сегодня, на лабораторных занятиях. И причина-то пустяковая. Я размышлял, как мы, педагоги, зависим от времени, и сразу, как всегда, вспомнил Кэпа. А в эту минуту один из студентов передавал лаборанту свои записи и это напомнило мне анлогичную ситуацию с Кэпом, как он передавал Джинни свою рукопись. Стоило мне это вспомнить, и все встало на свои места.

— Я же говорю, здорово у вас получилось! Только один раз вы дали промашку — слишком разговорились. Понимаете, о чем я?

— Нет.

— Вот и видно, что вы не спец. Вы же чуть не выложили этому старикану все, что знали. А зачем? Если он виноват, ему и без вас это известно. Так что рассказывать при нем все подряд никак не полагалось. Понятно? Что-то надо было приберечь. Вот как с этим баллоном! Про баллон вы ему не должны были говорить. А если б я вас не удержал, вы бы ему все раскрыли. Что бы мы тогда делали? Нет, никогда нельзя рассказывать обвиняемому все. Про что-то надо умолчать. А он от волнения не сможет сообразить, о чем вы говорили, о чем нет. Тут-то и нужно так повернуть, чтобы преступник сам выболтал то, что нам надо. Ясно? Тогда ему конец, вот как этот профессор выдал себя с баллоном.

— Да, большое вам спасибо за это, мистер Доэни.

Сыщик пожал плечами:

— Простой профессиональный трюк. Старый, между прочим. Да, наверное все хорошие трюки старые. Ну что ж, проф, пора нам распрощаться. Надеюсь, что больше не встретимся. В смысле — по таким делам.

Брейд рассеянно пожал ему руку и оглядел свой кабинет, словно видел его впервые.

— Подумайте, — сказал он, — ведь эта история продолжалась меньше ста часов. Только и всего.

— А вам небось показалось, куда больше?

— Целую вечность! — ответил Брейд.

Дозни склонил голову набок и спросил:

— А на работе у вас из-за этого ничего не будет?

— Что? А вы знаете, — Брейд коротко рассмеялся, и в смехе его послышалось смятение, — мне это все равно. Как только я узнал, что лишаюсь места, у меня словно гора с плеч свалилась. Раз я его потерял, то теперь и беспокоиться не о чем. Я даже почувствовал облегчение. Наверно, это звучит дико.

— Дико, не дико, а я вас понимаю.

— Когда Кэп сказал мне, что меня лишат места... — внезапно Брейд задумался: а правду ли сказал Кэп? Правда ли, что Литлби решил не оставлять его на будущий год? Может быть, Кэп применил такой ход, чтобы отвратить Брейда от работы Ральфа? Возможно, что это был маневр в психологической войне? Ведь Литлби как раз сегодня утром прислал компромиссное извещение... Впрочем, какая разница?

И Брейд с наслаждением понял, что ему совершенно наплевать, так это или не так.

— Наплевать! — громко сказал он. — Хватит! Всю жизнь я старался сдерживаться и не привлекать к себе внимания. Давать сдачи гораздо приятнее! Когда я высказал Ранке и Фостеру все, что думаю о них, мне стало ясно, чего можно добиться, когда остерегаться больше не надо и можно позволить себе драться. Но вряд ли вам ясно, о чем я говорю.

Дозни наблюдал за ним с напряженным интересом исследователя человеческих душ. Глаза его блестели.

— В этой заварухе вы, проф, дрались здорово — от начала до конца.

С неожиданной энергией Брейд сказал:

— Вы правы: от начала до конца. (Именно. Ему пришлось сражаться за все решительно. Начиная с того, чтобы сохранить семью и место, и кончая тем, чтобы не угодить на электрический стул.)

Он медленно произнес:

— И я победил!

— Еще бы, профессор!

Брейд облегченно засмеялся. Он подумал о Литлби. У бедного слюнятя свои проблемы. Теперь у него на факультете и убийца, и убитый сразу! Придется пред-

стать перед ректором (тиран и отпетый эгоист с кошачьей улыбочкой). А там совет членов правления, а там газеты!

Снизу доверху, по всей цепочке, никто не знает уверенности. Каждый сражается со своим пугалом.

И везет тому, у кого хватает мужества ввязаться в драку. Как сделал он, Брейд.

Брейд встрепенулся:

— Опять задержался, а надо обо всем рассказать Дорис.

— О супруге не беспокойтесь, — отозвался Дозни. — Я решил, что вы слишком взвинчены и забудете ей позвонить. Вот я и позвонил сам, сообщил, что все в порядке, только вы можете немного задержаться. Я думал, наши ребята захотят, чтобы вы к ним зашли, решат задать вам парочку вопросов.

— Вот как?

— Но похоже, что они уже не позвонят, так что идите домой. Если понадобится еще чего, я знаю, где вас найти.

— Конечно! И большущее вам спасибо, мистер Дозни!

Они снова пожали друг другу руки. И вместе вышли из здания.

Брейд свернул к лестнице, ведущей к автомобильной стоянке. Он оглянулся еще раз:

— Знаете, мистер Дозни, как странно! После всех этих долгих лет я наконец получил утверждение. Неважно, что будет с моим местом на факультете. Я утвержден в другом месте, самом важном. Здесь! — Он постучал себя по груди.

И гремя каблуками, побежал вниз по лестнице, не заботясь, понял ли его Дозни.

Он спешил домой, к Дорис, — пусть знает, что он утвержден.

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ НИКОГДА НЕ ЛГАЛ

Когда Роджер Халстед появился на верхней ступеньке лестницы в день встречи клуба Черных Вдовцов (а встречались они раз в месяц, регулярно), за столом уже сидели юрисконсульт по вопросам патентов Авалон и писатель Рубин. Оба шумно приветствовали вошедшего.

Рубин сказал:

— Ты наконец дошел до той кондиции, когда можешь снова встречаться со своими друзьями, а? — Он побежал навстречу Халстеду, протягивая ему обе руки и широко улыбаясь. От этого его клокостая, спутанная борода встала торчком. — Ты где ж это пропал? Почему не пришел на две встречи?

— Привет, Роджер, — произнес Джеффри Авалон, сияя улыбкой с высоты своего роста.

Халстед скинул пальто.

— Ну и холодина на улице! Генри, принеси-ка...

Генри, единственный официант, которого допускали к себе Вдовцы, уже протягивал ему бокал:

— Рад видеть вас вновь, сэр.

Халстед взял бокал, благодарно кивнув головой.

— Кто сказал, что нельзя дважды войти в одну реку? А вы знаете, что я надумал?

— Решил бросить математику и начать честную жизнь? — спросил Рубин.

Халстед вздохнул:

— Преподавание математики в младших классах средней школы — это один из самых честных способов зарабатывать деньги. Потому-то и платят за эту работу так мало.

— В таком случае, — произнес Авалон, слегка рас-

качивая бокалом из стороны в сторону, — труд свободного писателя — дело бесчестное, чистый рэкёт?

— Ничего подобного! — запротестовал свободный писатель Рубин, мгновенно приходя в ярость.

— Так чем же ты надумал заняться, Роджер? — спросил Авалон.

— Я решил осуществить грандиозный проект, мечту всей моей жизни, — ответил Халстед. Над его бровями белым куполом вздымался крутой лоб без малейших следов волос, которые еще десять лет назад, возможно, обнаружить бы удалось. Впрочем, довольно густая растительность и сейчас покрывала его виски и затылок. — Итак, я собираюсь написать «Илиаду» и «Одиссею», но в форме лимериков*. Каждой из сорока восьми глав этих двух книг будет соответствовать один стишок.

Авалон кивнул головой:

— И что, уже есть результаты?

— До сих пор я бился над песнью первой «Илиады». Вот что у меня вышло:

Агамемнон и храбрый Ахилл
Как-то спорили что было сил.
Царь держал себя грубо.
Возмущенный сугубо,
С ним Ахилл этикет позабыл.

— Недурно, — сказал Авалон. — Даже очень недурно. Лимерик практически полностью передает суть и основное содержание песни. Правда, имя героя «Илиады» — Ахиллес, а не Ахилл. Точнее, даже...

— Такое произношение приведет к нарушению метра и рифмы в стихотворении, — возразил Халстед.

— Верно, — сказал Рубин. — Читатель наверняка решит, что две лишние буквы — опечатка, и ничего, помимо этого, из произведения не вынесет.

На лестнице возник запыхавшийся от быстрой ходьбы Марио Гонсало, профессиональный художник. На этой встрече ему предстояло быть хозяином.

— Кто-нибудь еще пришел?

* Традиционная, известная с давних времен форма английской поэзии — пятистишие с определенным ритмом и чередованием рифмующихся строк, как правило, юмористического содержания. (*Примеч. перевод.*)

— Кроме нас, стариков, никого, — ответил Авалон.

— Тот человек, которого я пригласил, вот-вот появится. Весьма любопытная личность. Он должен поправиться нашему Генри, ибо никогда в своей жизни не лгал.

Генри поднял одну бровь, доставая бокал для Марио.

— Только не надо уверять меня в том, что ты пригласил сюда дух самого Джорджа Вашингтона, — сказал Халстед.

— Роджер?! Очень приятно видеть тебя опять. Кстати! Джима Дрейка с нами сегодня не будет. Он вернул пригласительную карточку. Сообщил, что у него какое-то семейное торжество и он должен там непременно присутствовать. А моего гостя зовут Сэнд, Джон Сэнд. Я знаю его довольно давно, хотя и не очень близко. Чокнутый парень. Помешан на скачках и всегда режет чистую правду. Я сам слышал, как он это делает. Кажется, его добродетели на этом и заканчиваются. — Гонсало моргнул.

Авалон согласно закивал головой.

— Да, это настоящая заслуга. Однако, когда становишься старше...

— Уверен, нынешнее наше заседание будет интересным, — быстро добавил Гонсало с ясной целью предотвратить очередное пространное рассуждение Авалона. — Я рассказал ему о нашем клубе, о том, что в последние два раза перед нами тоже стояли весьма непростые головоломки...

— Головоломки? — воскликнул Халстед с внезапно проснувшимся любопытством.

— Ты член клуба и занимаешь в нем далеко не последнее положение, поэтому имеешь право быть в курсе. Но пускай лучше Генри все тебе расскажет. В обоих случаях главной фигурой оказался именно он.

— Генри? — Халстед оглянулся через плечо, не скрывая легкого удивления. — Они и тебя вовлекли в свои идиотские игры?

— Уверяю вас, мистер Халстед, я сопротивлялся, — ответил Генри.

— Он сопротивлялся! — не выдержал Рубин. —

Да Генри на прошлых двух заседаниях показал себя истинным Холмсом! Он...

— Важно другое, — сказал Авалон. — Ты, Марио, мог выболтать лишнее. Что ты рассказал о нас своему приятелю?

— Как понять твои слова — «мог выболтать лишнее»? Я не Мэнни Рубир, тебе это известно? Я осторожно намекнул Сэнду, что мы — как священники в исповедальне. Мы все как один, держимся вместе, когда речь идет о тайнах. А он заявил, что хочет прийти к нам, потому что попал в беду и с ума сходит от безвыходности положения. Я ответил, что он может присутствовать на ближайшей встрече Вдовцов, поскольку мне предстоит быть на ней хозяином и я вправе пригласить одного человека. Да вот он и сам!

По ступенькам поднимался статный мужчина с толстым шарфом, обмотанным вокруг шеи. Стройность его фигуры стала еще более очевидной, когда он снял пальто. Под шарфом оказался кроваво-красного цвета галстук, который словно светился, бросая багряные отблески на худое, необычайно бледное лицо этого человека. На вид ему было лет тридцать.

— Джон Сэнд, — произнес Марио, манерно представляя незнакомца.

Ему однако, пришлось прерваться: на лестнице послышалась тяжелая поступь Томаса Трамбелла, специалиста по уголовному праву. Через секунду раздался его громкий возглас:

— Генри! Виски с содовой для человека при смерти!

— Том, — обратился к нему Рубин, — если бы ты не прилагал такое количество усилий, чтобы непременно опаздывать на каждое заседание, то ты наверняка пришел бы сегодня чуть раньше.

— Чем позже я прихожу, — парировал Трамбелл, — тем меньше я слышу твоих глупых замечаний. Ход твоих мыслей никогда не принимал такого направления?

Когда наконец гостю был представлен и Трамбелл, все уселись по своим местам.

Меню на этот раз было составлено крайне небреж-

но: первым блюдом подавались артишоки. Естественно, видя такое положение, Рубин тут же пустился в пространные изложения правил приготовления подбоающего соуса. Когда же Трамбелл заметил брезгливо, что единственным верным способом обращения с артишоками было бы опустить их в мусорный жбан возможно большего объема, Рубин сказал:

— Это справедливо в том случае, когда они поданы без надлежащего соуса.

Сэнд ел без всякого аппетита и оставил нетронутым не меньше трети своего безукоризненного бифштекса. Халстед, который имел склонность к полноте, кидал на этот кусок алчные взгляды. Его собственная тарелка опустела самой первой. Обглоданная кость и немного жира — вот и все, что в ней осталось.

Сэнд, по-видимому, заметил интерес Халстеда к недоеденному бифштексу и сказал:

— По правде говоря, я стараюсь не есть слишком много. Не позаботитесь ли вы о моем бифштексе?

— Кто? Я? Нет, премного благодарен, — уग्रюмо произнес Халстед.

Сэнд улыбнулся:

— Я могу быть с вами откровенным?

— Разумеется. Если вы внимательно слушали, о чем шла речь за этим столом, вы должны были заметить, что откровенность здесь в порядке вещей.

— Это хорошо. В любом случае я был бы с вами искренен, ибо правдивость — мой фетиш. Вы лжете, мистер Халстед. Конечно же, вы не прочь съесть остатки моего бифштекса и непременно бы так и поступили, будь вы уверены, что этого никто не заметит. Ведь так? Но общественные условности вынуждают вас лгать. Вам не хочется казаться жадным. Не хочется прослыть человеком, пренебрегающим элементарными нормами гигиены: на мясе, возможно, имеются частички слюны незнакомого вам человека.

Халстед нахмурился:

— Ну а если бы перед нами была обратная ситуация? Что тогда?

— То есть если бы на вашем месте был я?

— Да.

— Я не стал бы доедать ваш бифштекс исключительно из соображений чистоплотности, но и скрывать

своих желаний тоже бы не стал. Едва ли не всякая ложь происходит от желания оградить себя от неприятностей или же из страха перед общественными условностями. Я же полагаю, что ложь вряд ли может быть действенной формой защиты. А общественные установки меня не интересуют вовсе.

— Ложь, — вмешался Рубин, — может оказаться очень эффективным средством обороны, если она носит принципиальный, глобальный характер. Беда заключается в том, что люди чаще всего прибегают к вранью по пустякам.

— Ты что, недавно «Майн кампф» перечитывал? — спросил Гонсало.

Брови Рубина мгновенно взлетели вверх.

— Неужели ты полагаешь, что Гитлер первым воспользовался приемом большой лжи? Можно вспомнить Наполеона Третьего. Или еще пример — Юлий Цезарь. Тебе доводилось читать его «Комментарии»?

Генри уже принес ромовые бабы и теперь осторожно разливал по чашечкам кофе. В это время Авалон сказал:

— Вернемся к нашему достопочтенному гостю.

— Как хозяин и председатель настоящего собрания, — произнес Гонсало, — я бы хотел отменить процедуру допроса. Наш гость находится в затруднительном положении, и я попрошу его посвятить нас в подробности.

Одновременно он набрасывал карандашом шарж на обратной стороне меню, где Сэнд был изображен с вытянутым, грустным лицом и очень походил на породистую ищейку.

Сэнд прочистил горло.

— Насколько я понимаю, все сказанное в этом помещении будет сохранено в строжайшей тайне. Вместе с тем...

Трамбелл проследил за направлением взгляда Сэнда, после чего недовольно прорычал:

— По поводу Генри можете не беспокоиться. Он, пожалуй, самый достойный из нас всех. Если уж вам так угодно, можете сомневаться в порядочности любого из присутствующих, но не его.

— Благодарю вас, сэр, — пробормотал Генри, расставляя на буфете стаканы из-под бренди.

— Джентльмены, — начал Сэнд, — моя проблема заключается в том, что меня подозревают в совершении преступления.

— Какого именно? — строго спросил Трамбелл.

Обычно в его обязанности входило допрашивать клиентов. Одного взгляда на этого человека было достаточно, чтобы понять, что такой не упустит предоставленной ему возможности.

— Кражи, — ответил Сэнд. — Из сейфа компании, в которой я тружусь, исчезла определенная сумма денег и целая пачка ценных бумаг — облигаций. Я принадлежу к числу тех сотрудников, которые знают шифр, и у меня действительно была возможность незаметно для других открыть сейф. Были и мотивы для преступления: накануне я проигрался на скачках и испытывал крайнюю нужду в деньгах. В общем, все оборачивается не в мою пользу.

— Но он этого не делал, — с жаром вмешался Гонсало. — В этом-то весь фокус!

Авалон раскачивал наполовину пустым бокалом, который, видимо, и не собирался допивать. Он сказал:

— Я полагаю, нам следует позволить мистеру Сэнду рассказать все от начала до конца.

— Верно, — произнес Трамбелл. — Но тебе-то откуда известно, что он этого не совершал, Марио?

— Вот черт, да в этом-то и суть! — ответил Гонсало. — Ведь он говорит, что не делал, а раз так, то и не делал. Других доказательств мне не нужно. Конечно, у присяжных на этот счет может быть свое мнение по любой, кто знает этого человека, поверит ему. Я не раз слышал, как он признавался в таких неприглядных вещах, о которых ни один другой...

— Погоди. Позволь, я сам задам ему вопрос, хорошо? — сказал Трамбелл. — Вы брали из сейфа деньги и бумаги, мистер Сэнд?

Сэнд выдержал паузу. Его голубые блестящие глаза переходили с одного лица на другое. Затем он сказал:

— Джентльмены, я говорю вам чистейшую правду. Денег и бумаг я не брал.

Халстед быстро провел ладонью от лба до затылка, словно пытаясь стряхнуть с себя сомнения.

— Мистер Сэнд, — сказал он, — по-видимому, ваши коллеги вам доверяют. Вы всегда можете открыть сейф с ценными бумагами. И в то же время вы играете на скачках.

— Ну и что? На скачках играют многие.

— Но вы проигрываете.

— Это произошло непреднамеренно.

— А вы не рискуете потерять таким образом работу?

— У меня есть одно преимущество, сэр. Оно состоит в том, что я работаю под началом своего дяди. Он знает о моей слабости, но знает и о том, что я никогда не лгу. Он понимал также, что средства, и возможность украсть у меня были. Знал о моих долгах. Я сам рассказал ему о них. Все, буквально все восстало против меня. Но дядя задал мне один-единственный вопрос: виновен ли я в пропаже, — и я ответил так же, как и вам: денег или бумаг я не брал. Дядя знает меня не первый год. И верит.

— В таком случае как удалось вам расплатиться с кредиторами?

— Мне крепко повезло, и опять-таки на скачках. Такое иногда случается. И произошло это незадолго до того, как была обнаружена пропажа из сейфа. Я расплатился со всеми букмекерами.

— Значит, мотивов у тебя все же не было?.. — сказал Гонсало.

— Этого нельзя утверждать. Кража могла произойти еще за две недели до того дня, когда ее обнаружили. Никто не заглядывал в отделение сейфа за все это время. Кроме самого вора, естественно. Мне могут возразить, мол, уже после того, как я взял деньги и облигации, мне повезло на бегах и кража потеряла свой смысл, но было уже слишком поздно.

— Вам могут также сказать, — заметил Халстед, — что вы воспользовались украденными деньгами для того, чтобы сделать крупную ставку.

— Кстати, ставки вовсе не были такими уж большими, а у меня имелись другие источники денег. Но вы правы: ваш довод тоже нельзя исключать.

Тут вмешался Трамбелл:

— Но если вы по-прежнему работаете там же, — а я полагаю, так оно и есть, — и раз уж ваш дядюшка не возбудил против вас дела, — я также верю, что он не возбудил, — то поставил ли он хотя бы в известность полицию?

— Нет. Он в состоянии компенсировать пропавшую сумму, а полиция... Он чувствует, что полиция свяжет инцидент только со мной. В то же время он убежден, что я не лгу ему.

— Господи, но в чем же тогда проблема?

— Просто нет никого другого, кто мог бы это совершить. Дядя даже не представляет, как иначе можно объяснить пропажу. Я тоже ума не приложу. А пока он не увидит какой-нибудь альтернативы, его не покинет чувство тревоги и подозрительности, пусть он даже и не будет высказывать их открыто. Он невольно станет следить за мной, не будет доверять. Работы я не потеряю, но повышения уже не получу. В конце концов вынужден буду уйти сам. И тогда мне нечего рассчитывать на доброжелательную рекомендацию. А получить от родного дяди рекомендательный документ иного содержания будет для меня слишком большим ударом.

— Выходит, вы пришли сюда, мистер Сэнд, — нахмурился Рубин, — по той причине, что мы решаем головоломки. Так сказал вам Гонсало. И теперь вы хотите услышать от нас, кто же в действительности взял эти деньги?

Сэнд пожал плечами:

— Не обязательно. Я даже не знаю, смогу ли предоставить в ваше распоряжение столько информации, сколько может понадобиться. Ведь вы не детективы, и не можете, скажем, отправиться на место преступления, допросить кого нужно и так далее. Но если бы вы сказали мне, как это могло случиться, — я был бы вам чрезвычайно признателен. Тогда я отправился бы к дяде и сказал ему: «Скорей всего, кража произошла вот так, так и эдак». Пускай даже ваша версия не будет соответствовать действительности; предположим, мои слова так и не убедят дядю; допустим, деньги и облигации нам вернуть так и не

удастся. Но такая версия по меньшей мере развеяла бы его подозрения. Его бы, возможно, перестали мучить мысли о том, что я единственный вероятный преступник.

— Что ж, — сказал Авалон, — я полагаю, мы могли бы попытаться поразмышлять логически. Какие люди окружают вас и вашего дядю на службе? Могли кто-либо из них сильно нуждаться в деньгах?

Сэнд покачал головой:

— Настолько сильно, чтобы рисковать собственной репутацией? Не знаю. Возможно, кто-то задолжал крупную сумму. Или кто-то намеревался откупиться от шантажистов. Или просто жадность кого-то одолела. Появилась возможность взять деньги, и у человека не хватило сил устоять против соблазна. Если бы я был сыщиком, я бы стал подробно расспрашивать их, проверил бы все до единого документы и... Что еще делают в таких случаях детективы? Но я не...

— Разумеется, — сказал Авалон. — И мы не можем воспользоваться такими приемами. Итак, вы говорили, что у вас были и средства, и возможности. Только ли у вас?

— По меньшей мере трое наших сотрудников имеют доступ к сейфу, причем еще более простой, нежели я. Но ни один из них не знает шифра, а следов взлома на сейфе не было никаких. Кроме меня и моего дяди, шифром владеют еще двое, но один из них все это время находился в больнице, а другой — такой пожилой и надежный член фирмы, что не может вызывать ни малейших подозрений.

— Ага! — воскликнул Марио Гонсало. — Вот этот, скорее всего, нам и нужен!

— Ты, Марио, начался Агаты Кристи, — оставил его Рубин. — Дело в том, что при разбирательстве почти каждого преступления именно тот, кого подозревают больше остальных, и оказывается преступником.

— К нашему делу это отношения не имеет, — сказал Халстед. — И потом... Это попросту неинтересно. Перед нами же задача исключительно логического свойства. Поэтому пускай мистер Сэнд расскажет нам все, что знает о сотрудниках фирмы, о каждом из

них. А мы попытаемся представить возможные мотивы и способы совершения преступления кем-то одним.

— Проклятье, — прервал его Трамбелл. — Разве кто-то сказал, что преступление было совершено одним человеком? Вот вы говорите, что кто-то из сотрудников лежал в больнице. Что с того? Ведь есть телефоны. Этот человек мог без труда сообщить шифр сообщнику.

— Хорошо, хорошо, — поспешно произнес Халстед. — Мы должны проработать все возможные варианты, из которых некоторые окажутся более правдоподобными, нежели другие. После того, как мы тщательнейшим образом обсудим и продумаем эти оставшиеся гипотезы, мистер Сэнд выберет из них одну, наиболее вероятную, и перескажет ее своему дяде.

— Разрешите сказать мне, сэр? — произнес Генри так быстро и настолько громко (куда делась его манера бормотать?), что все тут же обернулись к нему. — Хотя я и не принадлежу к числу Черных Вдовцов... — продолжал он уже тише.

— Ты не прав, — сказал Рубин. — Ты ведь знаешь, что являешься одним из нас. По сути дела, ты единственный, кто не пропустил ни одного заседания клуба.

— В таком случае позвольте обратить ваше внимание, джентльмены, на то, что если мистер Сэнд воспользуется вашими выводами, какими бы они ни оказались в конце концов, то он таким образом вынесет сказанное за пределы этих стен и нарушит конфиденциальность наших заседаний.

Наступило феловкое молчание. Первым заговорил Халстед:

— В интересах защиты репутации ни в чем не повинного человека, конечно же...

Генри слегка покачал головой:

— Но какой ценой мы спасем эту репутацию? Подозрение падет на других людей — одного или нескольких, которые могут быть так же невинны.

— У Генри явно что-то на уме, — сказал Ава-лон. — А мы, кажется, зашли в полный тупик.

— Это так, — подтвердил Генри. — Нам нужно

прийти к определенному решению, которое будет отвечать правилам клуба и никак не коснется постоянных людей.

— Ладно, Генри, выкладывай, — сказал Трамбелл.

— Позвольте объяснить все по порядку. Как заметил еще до начала нашего ужина мистер Гонсало, мне, именно мне было особенно интересно встретиться с человеком, который никогда не лжет.

— Послушай, Генри, — произнес Рубин, — ты сам — образец патологической правдивости. И знаешь это. Мы все в этом не раз убеждались.

— Возможно, — ответил Генри. — Но я, бывает, тоже лгу.

— Ты сомневаешься в искренности слов Сэнда? — удивился Рубин.

— Уверяю вас!.. — начал было Сэнд с неподдельной болью в голосе.

— Не стоит, — сказал Генри. — Я верю каждому слову мистера Сэнда. Денег или бумаг он не брал. В то же время элементарная логика указывает только на него. Его карьера под угрозой. С другой стороны, положение можно спасти, если будет найдено разумное альтернативное объяснение случившемуся, даже если такое объяснение не приведет к решению загадки. А поскольку этот господин не в состоянии придумать такую версию сам, он обращается к нам за помощью. Я глубоко убежден, джентльмены, что все это — истина.

— Благодарю вас, дружище, — кивнул головой Сэнд.

— И все же, — продолжал Генри, — зададим себе вопрос: что есть истина? Возьмем конкретный случай. Мистер Трамбелл, если быть откровенным, то я считаю, что ваша неизменная манера опаздывать и входить сюда с криком «Виски с содовой человеку при смерти!» свидетельствует о невоспитанности и грубости ее носителя. Но хуже другое: это уже попросту действует на нервы и, кажется, не мне одному. — Щеки Трамбелла запылали, но Генри продолжал так же твердо: — Однако если у меня кто-то случайно спросит, имею ли я что-либо против вашей привычки, я отвечу «нет». Строго говоря, это будет ложью, но вы

правитесь мне по ряду других причин, которые значительно перевешивают эту вашу нелепую фразу. Таким образом, если бы я говорил о вас чистую правду всякий раз, когда вы входите в это помещение, это привело бы к еще большей лжи. Поэтому я предпочитаю молчать, то есть в известной степени лгать, выражая таким образом истину — мою симпатию к вам, мистер Трамбелл.

— Что-то твоя симпатия ко мне не очень симпатична мне самому, Генри, — негромко проворчал Трамбелл.

— Или другой пример. Мистер Халстед сочинил лимерик по мотивам песни первой «Илиады». Мистер Авалон прав: имя героя должно звучать как «Ахиллес», а не «Ахилл»; по-гречески, кажется, даже «Ахиллеус». Но мистер Рубин тут же возразил, отметив, что правда в данном случае будет воспринята как типографская опечатка, что наверняка испортит эффект от восприятия стишка. Вновь буквальная истина создает дополнительные проблемы! Теперь о мистере Сэнде. Он утверждает, что любая ложь происходит от желания оградить себя или же от страха перед общественными установками. Но разве может человек игнорировать всю жизнь эти важные категории? Если мы утратим способность лгать, мы заставим саму истину делать это за нас.

— Кажется, ты теряешь нить рассуждений, Генри, — сказал Гонсало.

— Я так не думаю, мистер Гонсало. Лишь немногие из нас воспринимают слова в их буквальном значении. А ведь часто происходит так, что дословная правда несет в себе обман. И лучше всех это знают те, кто никогда не лжет.

Бледные щеки Сэнда слегка тронул румянец — или, возможно, так только казалось из-за красного галстука на его шее.

— Куда вы клоните, черт подери? — не выдержал он.

— Я бы хотел задать вам один вопрос. Если, конечно, члены собрания не возражают.

— А мне плевать, возражают они или нет, — сказал Сэнд, сверкая очками на Генри. — Если вы не-

медленно не оставите своего тона, я вообще отвечать откажусь.

— Как вам будет угодно, — произнес Генри. — Дело в том, что, отрицая свою причастность к преступлению, вы всякий раз делали это одними и теми же словами. Я не мог не обратить внимания на эту особенность, поскольку заранее настроился вслушиваться в буквальный смысл ваших слов. Ведь вы никогда не лжете. Итак, вы несколько раз повторили: «Денег или бумаг я не брал».

— И это чистейшая правда! — почти выкрикнул Сэнд.

— Несомненно. В противном случае вы бы этого не сказали, — согласился Генри. — А теперь мой вопрос. Скажите, вы, случайно, не брали деньги и бумаги?

На несколько секунд воцарилась полная тишина. Затем Сэнд поднялся со стула и проговорил:

— Где мое пальто? Прощайте. Прошу всех помнить о том, что сказанное здесь не должно получить огласки.

Когда он ушел, Трамбелл произнес:

— Ну надо же! Будь я проклят!

На что Генри ответил:

— Не будете, мистер Трамбелл. Не стоит отчаиваться.

ЧТО ЗНАЧИТ ИМЯ?*

Если вы полагаете, будто раздобыть цианистый калий очень уж трудно, вы судите опрометчиво. Я стоял и держал в руке пол-литровую бутылку. Темное стекло, опрятная четкая этикетка с надписью: «Цианистый калий ХЧ» (последние буквы, мне сказали, означают «химически чистый»), под которой был изображен небольшой череп и скрещенные кости. Человек, которому принадлежала эта бутылка, протер очки и заморгал, глядя на меня с выражением полного безразличия на лице к тому обстоятельству, что у меня в руке достаточно яду, чтобы отправить на тот свет целый полк.

— Вы хотите сказать, профессор, что эта штука запросто стоит у вас на полке? — спросил я.

— В общем да... — Он потер подбородок. — Мне известно, что у меня есть эта бутылка.

— Ну а если, предположим, кто-то вошел бы сюда и отсыпал себе столовую ложку этого зелья? Вы бы заметили?

— Вряд ли. — Профессор Родни покачал головой.

— И все же, профессор, зачем вы держите его здесь в таком количестве? Травите крыс?

— Что вы, господь с вами! — От этой мысли его, казалось, покорило. — Цианистый калий иногда используется в органических реакциях: для образования промежуточных соединений, для обеспечения соответствующей основной среды, как катализатор...

* «Что значит имя?» — слова Джульетты из трагедии «Ромео и Джульетта» У. Шекспира (акт 2, сц. 2).

— Понятно, понятно. Ну и в каких же других лабораториях цианистый калий столь же доступен?

— Да чуть ли не во всех, — не раздумывая, ответил профессор. — Даже в студенческих. В конце концов, это же рядовой химический препарат, обыкновенно применяемый при синтезе.

— А вот сегодняшнее его применение я бы обыкновенным не назвал.

— Да уж, пожалуй, нет, — со вздохом согласился он, потом задумчиво добавил: — Их называли «Библиотечные двойняшки».

Я кивнул. Происхождение этого прозвища было очевидно: две девушки-библиотекарши были очень похожи. Не при внимательном рассмотрении, разумеется. У одной был небольшой острый подбородок и круглое личико, а у другой — квадратная челюсть и длинный нос. И все же, когда они обе склоняются над конторкой, вы видите медово-золотистые волосы с пробором посередине и с одинаковой завивкой. Бросьте беглый взгляд на их лица, и прежде всего вам, вероятно, запомнятся широко поставленные глаза одного и того же синего цвета. Посмотрите, как они стоят на порядочном расстоянии от вас, и вы, наверное, скажете, что они одного роста, а бюстгальтеры у них одного размера и фасона. У обеих были тонкие талии и стройные ноги. А сегодня они даже оделись одинаково — в синее.

Правда, теперь уже спутать их было невозможно: девушка с маленьким подбородком и круглым личиком была напичкана цианистым калием и совершенно мертва.

Эта схожесть прежде всего и поразила меня, когда я прибыл на место происшествия со своим напарником Эдом Хэтуэем. Одна девушка, мертвая, с выпученными глазами, обмякла на стуле, рука у нее повисла, а на полу под ней, как точка под вопросительным знаком, лежала разбитая чашка. Ее звали, как выяснилось, Луэлла-Мэри Буш. Там же находилась вторая девушка (ни дать ни взять ожившая первая): невидящим взором она смотрела прямо перед собой, как бы позволяя занятым работой полицейским обтекать ее со всех сторон. Ее звали Сюзн Мори.

— Родственницы? — был мой первый вопрос.

Нет. Даже не троюродные сестры.

Я оглядел библиотеку. К счастью, в тот день народу оказалось мало.

Ровным невыразительным тоном Сюзн Мори рассказала нам, что произошло.

Пожилая миссис Неттлер, старший библиотекарь, взяла полдня за свой счет и оставила этих двух девушек приглядывать за хозяйством. Очевидно, ничего необычного в этом не было. В два часа, плюс-минус пять минут, Луэлла-Мэри удалилась в заднюю комнату за конторкой библиотекаря. Там, кроме новых книг, ожидавших каталогизации, и стопок журналов, находилась также небольшая электроплитка, чайник и все необходимое для приготовления чая. Значит, чай в два часа, очевидно, был делом привычным.

— А Луэлла-Мэри готовила чай каждый день? — спросил я.

Сюзн посмотрела на меня своими пустыми синими глазами.

— Иногда этим занимается миссис Неттлер, но обычно варила Лу... Луэлла-Мэри.

Когда чай был готов, Луэлла-Мэри позвала ее, и они пошли пить чай.

— Обе? — резко спросил я. — А кто же присматривал за библиотекой?

— А нам видно через открытую дверь. Если бы кто-то подошел к конторке, одна из нас могла выйти.

— А кто-нибудь подходил к конторке?

— Никто. Сейчас тут почти никого нет. Весенний семестр уже кончился, а летняя сессия еще не началась.

Рассказывать больше было почти нечего. Мешочки с чаем уже были вытащены из чашек, сахар положен.

— Вы обе пьете с сахаром? — спросил я ее.

— Да, — неторопливо ответила Сюзн, — но в моей сахара не оказалось.

— Не оказалось?

— Я сделала глоток-другой и как раз хотела потянуться за сахаром, когда...

Когда Луэлла-Мэри издала страшный сдавленный крик, уронила чашку и через минуту умерла. После

чего Сюзн пронзительно завизжала, а потом пришли и мы.

Все шло по заведенному порядку: сделали снимки, взяли отпечатки пальцев, записали фамилии и адреса мужчин и женщин, находившихся в здании, и отправили их по домам. Причина смерти была очевидна: цианистый калий, а в роли преступника выступала сахарница. Взяли образцы для официальной экспертизы.

В момент убийства в библиотеке находилось шесть человек. Пятеро из них — студенты; они казались испуганными, смущенными, больными — в зависимости, я полагаю, от их характеров. Шестым был мужчина средних лет, причем нездешний, который говорил с немецким акцентом и вообще не имел никакого отношения к университету. Он казался испуганным, смущенным и больным — все сразу. Мой напарник Хэтуэй как раз выводил их из библиотеки. Один из студентов оторвался от группы и прошел мимо, даже не взглянув на меня. Сюзн бросилась ему навстречу и схватила за рукава выше локтей.

— Пит, Пит!

Пит был скроен как игрок в американский футбол — вот только профиль у него был чрезмерно красив. Пит смотрел куда-то мимо девушки, а лицо расплзлось, пока вся краса не потонула в гримасе тревоги и ужаса.

— Как же это Лолли... — сказал он хриплым сдавленным голосом. Сюзн ахнула.

— Не знаю... — она норовила поймать его взгляд. Он так ни разу и не взглянул на Сюзн, а смотрел куда-то через ее плечо. Тут он почувствовал руку Хэтуэя у себя на локте и позволил себя увести.

— Дружок? — спросил я.

Сюзн оторвала взгляд от уходящего студента.

— Что?

— Он ваш друг?

Она посмотрела на свои не находящие покоя руки.

— Мы встречались.

— Насколько это серьезно?

— Довольно серьезно, — прошептала она.

— А другую девушку он тоже знает? Он ведь назвал ее Лолли.

Она пожала плечами.

— Ну...

— Давайте выразимся так: он ходил с ней гулять, да?

— Иногда.

— Серьезно?

— Откуда я знаю? — вспыхнула она.

— Успокойтесь, пожалуйста. Она ревновала его к вам?

— Что все это значит?

— Кто-то подсыпал цианистого калия в сахарницу и положил эту смесь только в одну чашку. Предположим, Луэлла-Мэри настолько приревновала, что решила попробовать вас отравить, чтобы никто не мешал ей гулять с вашим дружкой Питом. И, предположим, она по ошибке сама взяла не ту чашку.

— Это безумие, — возразила Сюзн. — Луэлла-Мэри никогда бы такого не сделала.

Но ее губы превратились в тонкую ниточку, глаза блеснули. И я никогда не обманываюсь, если слышу в чьем-то голосе нотки ненависти.

В библиотеку вошел профессор Родни. Он был первым, кого я встретил в этом здании, и я по-прежнему относился к нему с прохладцей.

— Миссис Неттлер у меня в кабинете, — сообщил он, появившись в библиотеке. — Видимо, она услышала о случившемся по радио и сразу же явилась. Она очень взволнована. Побеседуете с ней? — В его устах это прозвучало как приказание.

— Приведите ее, профессор. — Я постарался, чтобы это прозвучало как разрешение.

Миссис Неттлер, что типично для пожилых дам, не знала, как себя держать. После того, как она заглянула во внутреннюю комнату, она мешком опустилась в кресло и расплакалась.

— Я и сама пила здесь чай, — простонала она. — Это могла оказаться и...

Я произнес тихо и как мог успокаивающе:

— Когда вы пили здесь чай, миссис Неттлер?

Она повернулась в кресле, подняла глаза.

— Господи... господи... да, по-моему, в самом начале второго. Помню еще, что предложила чашечку профессору Родни. Пошел ведь как раз второй час, правда, профессор Родни?

На лице Родни промелькнула тень недовольства. Он сказал мне:

— Я забежал сюда на минутку, чтобы навести одну справочку. Миссис Неттлер действительно предложила мне чашку чаю. Но я был слишком занят, чтобы принять приглашение или заметить точное время.

Я хмыкнул и снова повернулся к старушке.

— Вы пьете с сахаром, мисс Неттлер?

Она кивнула и снова расплакалась. Подождав, я спросил:

— А вы не заметили, в каком состоянии была сахарница?

— Она была... она была... — неожиданно удивившись этому вопросу, она вскочила на ноги. — Она была пуста. Я сама насыпала из двухфунтовой коробки сахарного песка, помню еще, сказала, что, когда бы мне ни захотелось сахару, его не оказывается, и пожалела, что девочки... — Она снова расплакалась, употребив слово «девочки».

Очевидно, между часом и двумя кто-то опорожнил сахарницу, а затем насыпал немного сахару, тщательно подмешав туда отраву.

Возможно, появление миссис Неттлер вернуло Сюзн обычную строгость библиотекаря, потому что, когда Хатуэй потянулся за сигарой — спичку он уже зажег, — девушка сказала:

— В библиотеке не курят, сэр.

Хатуэй так удивился, что задул спичку, а сигару сунул обратно в карман. Девушка быстро прошла к одному из длинных столов и протянула руку за большим раскрытым томом, но Хатуэй опередил ее.

— Что это вы хотите сделать, мисс?

Она удивилась.

— Поставить книгу обратно на полку.

— Зачем? А что это? — он взглянул на раскрытую страницу. К тому времени я тоже уже оказался у стола. Я заглянул через его плечо. Книга была немец-

кая. Я не читаю на этом языке, но узнаю его, когда вижу тексты. Шрифт был мелкий, страница пестрела какими-то геометрическими фигурами и разрозненными строчками букв. Тут и моих познаний хватило, чтобы догадаться, что это химические формулы. Заложив страницу пальцем, я закрыл книгу и посмотрел на корешок.

— Это том Байлштайна, — сказал профессор совершенно невыразительным голосом, будто стоял на кафедре с указкой и мелом в руках. — Нечто вроде энциклопедии органических соединений. Тут их перечислено несколько сотен тысяч.

— В этой книге? — спросил Хатуэй.

Профессор похлопал книгу таким дружеским жестом.

— Берясь за какое-нибудь неизвестное вещество, — сказал он, — не мешает сперва справиться о нем у Байлштайна. У него вы найдете способы приготовления этого вещества, его свойства, справочную литературу и все такое прочее. Вещества выстроены по ясной, но не сразу заметной логической системе. В своем курсе по органическому синтезу я отвожу несколько лекций методике нахождения того или иного вещества в любом из этих шестидесяти томов.

Я пришел туда вовсе не для того, чтобы изучать органический синтез, и резко сказал:

— Профессор, я хочу побеседовать с вами в вашей лаборатории.

И вот я стою, держа в руках фунт цианистого калия и понимая, что всяк, кому не лень, мог взять любое его количество, просто попросив, а то и без всякого спросу. А профессор задумчиво говорит:

— Их называли «Библиотечные двойняшки».

Я кивнул.

— Ну и что?

— А только то, что это доказывает, сколь поверхностны суждения большинства людей. В них не было совершенно ничего похожего, кроме волос и глаз. Вы, наверное, полагаете, что умершая девушка сама замышляла убийство?

Я пока не собирался высказывать свои мысли вслух.

— А вы разве так не думаете? — спросил я.

— Нет. Она не была способна на такое. Она исполняла свои обязанности с неизменной вежливостью и готовностью помочь. Кроме того, с чего бы вдруг ей это делать?

— А из-за одного студентика, — ответил я. — Его имя Питер.

— Питер Ван-Норден, — сразу же сказал он. — В меру смывленный, но почему-то никудышный студент.

— Девушки оценивают людей по иным меркам, профессор. Обе библиотечарши, похоже, очень им интересовались. Сюзи, вероятно, добила больших успехов, и Луэлла-Мэри, возможно, решила действовать.

— А потом взяла по ошибке не ту чашку? Я в это не верю.

— Что же тогда, профессор? Сахар был отравлен после того, как миссис Неттлер пила чай в час дня. Сделала ли это миссис Неттлер?

Он быстро поднял глаза.

— А какой у нее может быть мотив?

Я пожал плечами.

— Может быть, она боялась, что девушки займут ее место.

— Вздор. Она уходит на пенсию перед началом нового учебного года.

— Вы тоже были там, — мягко сказал я.

К моему удивлению, он воспринял это совершенно спокойно.

— Мотив? — спросил он.

— Вы не так уж стары, профессор, и могли заинтересоваться Луэллой-Мэри. Предположим, она грозила сообщить декану о том, что вы когда-то сказали или сделали.

Профессор горько улыбался.

— Как же я мог наверняка знать, что цианистый калий достанется тому, кому он предназначен? И почему одна чашка должна оказаться вовсе без сахара? Я мог отравить сахар, но не я же заваривал чай.

Мое мнение о профессоре Родни начало меняться. Он даже не подумал изображать возмущение. Он просто указал на логический изъян моего утверждения, и я сразу оставил его в покое. Это мне понравилось.

— Что же, по-вашему, тут произошло? — спросил я.

— Зеркальное отображение, — сказал он. — Не-что прямо противоположное. Я полагаю, оставшаяся в живых все перевернула. Предположим, что парень достался Луэлле-Мэри, а Сюзн это не понравилось. Скорее было так, а не наоборот. Предположим, что на этот раз именно Сюзн готовила чай, а Луэлла-Мэри сидела за конторкой. В таком случае девушка, заваривающая чай, взяла бы нужную чашку и осталась невредимой. И все было бы логично.

Это-то все и решило. Этот человек пришел к тому же выводу, что и я, так что в конечном счете мне понравился, хотел я того или нет.

— Это надо неопровержимо доказать, — продолжал я. — Но как? Я думал, что доступ к цианистому калию имел кто-то один, а не кто угодно. Но доступ был у всех. И что же мне теперь делать?

— Проверьте, какая девушка на самом деле сидела за конторкой в два часа, пока готовился чай, — предложил профессор.

Мне стало ясно, что он читает детективные истории и оттого доверяет свидетельствам очевидцев. Я такими делами не занимался, но тем не менее встал.

— Что ж, профессор, так я и поступлю.

— Могу ли я присутствовать при этом? — спросил профессор, словно речь шла о настоятельной необходимости.

Я задумался.

— А зачем? Ответственность перед деканом?

— В некотором смысле. Хочу, чтобы все это поскорее кончилось.

— Идемте, — сказал я, — если считаете, что это поможет.

Эд Хатуэй поджидал меня в пустой библиотеке.

— Я понял, — сказал он, — как все это произошло. Я вывел это методом дедукции.

— О-о?!

На профессора Родни он не обращал никакого внимания.

— Цианистый калий пришлось протаскивать со стороны. Кто же это сделал? Тот случайный посетитель, который говорил с акцентом, как там его... —

Он стал копаться в карточках, на которые занес сведения о свидетелях.

Я знал, кого он имеет в виду, и сказал:

— Ничего, имя не имеет значения. Что значит имя? Продолжай.

Это мое высказывание доказывает лишь, что и я могу быть так же глуп, как и любой другой.

— Он немец, книга тоже немецкая. Он, возможно, был с нею знаком. Он положил конвертик на заранее выбранную страницу, согласно какой-то особой формуле, заранее выбранной... Профессор говорил, что есть какой-то способ найти любую формулу. Верно, профессор?

— Верно, — холодно ответил тот.

— Ну вот. Библиотекарша знала формулу, так что могла найти эту страницу. Она берет цинистый калий и высыпает его в чай. От волнения забывает закрыть книгу...

— Послушай, Хатуэй, с чего бы этот человек стал заниматься такими делами? Как он объясняет свое присутствие здесь?

— Говорит, что он скорняк, и его интересуют репелленты моли и инсектициды. Вы когда-нибудь слышали подобную чушь?

— Конечно, слышали. Твоя версия, к примеру, — сказал я. — Послушай, ну кто станет прятать конверт с цианистым калием в книге? Стоит снять том с такой «закладкой» с полки, как он сам раскроется на нужной странице. Ничего себе тайничок!

Хатуэй понемногу становился похожим на дурачка, а я беспощадно довершал разгром:

— Кроме того, цианистый калий вовсе не обязательно протаскивать сюда тайком с улицы. Тут его навалом, чуть ли не тонны. Любой, кому нужен фунт-другой, может запросто взять. Спроси у профессора.

Глаза Хатуэя полезли на лоб, он порывлся в кармане пиджака, вытащил какой-то конверт и извлек из него печатную страницу с немецким текстом.

— Это из того немецкого тома, который...

Профессор Родни вдруг побагровел.

— Вы вырвали страницу из Байлштайна! — выкрикнул он пронзительным голосом, что чертовски

меня удивило. Ни за что бы не подумал, что он способен кричать.

— Я думал, — оправдывался Хатуэй, — попробов-
вать ее на отпечатки пальцев с клейкой лентой. А
может, удалось бы обнаружить крупинки цианистого
калия.

— Дайте ее сюда! — завопил профессор. — Неве-
жественный болван!

Он разгладил страницу, осмотрел обе ее стороны,
убеждаясь, что текст цел.

— Вандал! — прорычал он, и я уверен, что в тот
миг он мог бы запросто убить Хатуэя.

Профессор Родни, возможно, был убежден в винов-
ности Сюзн, и, если уж на то пошло, я тоже. Однако
уверенность присяжным не представишь. Нужны до-
казательства. Поэтому, не доверяя свидетелям, я ре-
шил нанести удар, сыграв на единственной слабости
возможного виновника.

Я позвал Сюзн и задал ей ряд новых вопросов.
Если же вопросы не помогут изобличить ее, думал я,
то, возможно, девушку подведут нервы.

Но первым я допросил маленького скорняка-немца,
который был страшно напуган.

— Я ничего не сделал, — лопотал он. — Пожа-
луйста, у меня работа. Сколько мне здесь оставаться?

— Вы пришли сюда незадолго до двух часов,
верно?

— Да. Мне хотелось почитать о репеллентах моли...

— Хорошо. Когда вы вошли, вы направились к
конторке, верно?

— Да. Я назвал свою фамилию, сказал, кто я, что
мне нужно...

— Кому сказали? — задал я главный вопрос.

Маленький человечек устался на меня. У него
были курчавые волосы и запавший рот, из-за которого
он казался беззубым. Но когда он говорил, отчетливо
были видны маленькие пожелтевшие зубки.

— Ей, — сказал он. — Я сказал ей, девушке, ко-
торая там сидела.

— Совершенно верно, — невыразительным голосом
подтвердила Сюзн. — Он разговаривал со мной.

— Вы уверены, что говорили именно с этой девушкой? — обратился я к скорняку.

— Да, — подтвердил он; — я назвал ей свою фамилию и сказал, что мне нужно, и она улыбнулась. Она показала мне, где найти книги по инсектицидам. Затем, когда я отходил от конторки, вон оттуда вышла еще одна девушка.

— Прекрасно! — сказал я. — Вот фотография другой девушки. Скажите, вы говорили вот с этой девушкой за конторкой, а из задней комнаты вышла та, которая на фотографии? Или вы говорили с той девушкой, которая на фотографии, а девушка, сидящая сейчас за конторкой, вышла из задней комнаты?

Долгую минуту скорняк пристально разглядывал сначала девушку, потом фотографию.

— Они же совсем одинаковые.

Я выругался про себя. На губах Сюзн заиграла едва заметная улыбка, которая почти тут же исчезла. Должно быть, на этом она и строила свои расчеты. В библиотеке почти никого не было из студентов, чужой вряд ли станет вглядываться в библиотекаря — такую же принадлежность читального зала, как книжные полки.

Теперь я уже знал, что она виновна, но знание еще ничего не значит.

— Ну так которая же? — спросил я.

— Я говорил с ней, с той, которая за конторкой, — ответил он с видом человека, которому хочется покончить с допросом.

— Совершенно верно, — невозмутимо подтвердила Сюзн.

Я уже успел до дна исчерпать свои надежды на ее слабые нервы.

— А вы могли бы присягнуть в этом? — спросил я скорняка.

— Нет, — тут же ответил он.

— Что ж, Хатуэй, уведи его и отправь домой.

Профессор Родни подался вперед и тронул меня за локоть.

— Почему она улыбнулась этому человеку, когда он сказал, какие книги ему нужны? — прошептал он.

— А почему бы и нет? — шепнул я в ответ, но все

равно задал девушке этот вопрос. Брови у нее слегка вздрогнули.

— Обыкновенная вежливость. Что в этом дурного?

Она прямо ликовала, я мог бы в этом поклясться. Профессор слегка покачал головой и снова шепнул мне:

— Она не из тех, кто улыбается незнакомцам, с которыми надо возиться. За конторкой наверняка сидела Луэлла-Мэри.

Я пожал плечами, представив себе, как выкладывая подобные доказательства комиссару.

Четверо студентов ничего не видели, и их допрос почти не отнял времени. Они занимались исследованиями, знали, какие им нужны книги и где они стоят. Они не задерживались у конторки, не могли сказать, кто и когда за ней сидел. Никто даже не поднимал глаз от книг, пока пронзительный крик не всполошил всех и вся.

Пятым был Питер Ван-Норден. Он вперил взор в большой палец своей правой руки. Ноготь на нем был жутко изгрызен. На Сюзн он даже не взглянул. Я дал ему немного посидеть и прийти в себя. Наконец я спросил:

— Что вы здесь делаете в такое время года? Насколько я понял, сейчас каникулы.

— У меня через месяц кандидатский минимум, — пробормотал он. — Я занимаюсь. Если я сдам экзамен, то смогу работать над своей диссертацией, понимаете?

— Я полагаю, вы задержались у конторки, войдя сюда?

— Нет, не думаю. По-моему, я не задерживался, — ответил он так же тихо, как и прежде.

— Странно, не правда ли? Я полагаю, вы хороший друг как Сюзн, так и Луэллы-Мэри. Разве вы не говорите им «привет»?

— Я волновался. Я думал об экзамене. Мне надо было заниматься. Я...

— Выходит, у вас даже не нашлось времени сказать «привет»?

Я посмотрел на Сюзн, чтобы узнать, как все это

действует на нее. Она побледнела. Но ведь мне могло и показаться.

— Однако вы были чуть ли не обручены с одной из них. Разве не так? — спросил я.

Он поднял глаза, в которых отразилась смесь тревоги и возмущения.

— Нет! Я не могу обручиться, пока не получу степень. Кто вам сказал, что я обручен?

— Я сказал «чуть ли не обручены».

— Нет! Может, мы и встречались раз-другой, но что значат одно-два свидания?

— Полноте, Пит, — вкрадчиво сказал я. — Которая же из них была вашей подружкой?

— Говорю вам, ничего подобного не было! — Он так усердно умывал руки от этого дела, что казалось, весь погрузился в невидимую пену.

— Ну так как? — вдруг спросил я Сюзн. — Остановливался он у вашей конторки?

— Он помахал рукой, когда проходил, — сказала она.

— В самом деле, Пит?

— Не помню, — угрюмо ответил он. — Может, и помахал. Ну и что?

— А ничего, — сказал я.

В душе я жалел Сюзн. Если ради этого типа она убила человека, ее старания канули втуне. Я был уверен, что отныне он на нее и внимания не обратит, даже если она рухнет ему на голову с крыши двухэтажного дома. Она, должна быть, тоже это поняла. Судя по взгляду, брошенному ею на Питера Ван-Нордена, его можно было считать вторым кандидатом на угощение цианистым калием. Если, конечно, все сойдет ей с рук. А дело к тому и шло...

Было уже около шести, и я не представлял себе, что еще можно сделать. Выходило, что никто даже не опровергал утверждений Сюзн. Будь у нее преступное прошлое, уж мы бы смогли выжать истину, если не напором, то измором. Но к ней такие способы неприменимы. Я повернулся к профессору, готовый высказать это вслух, но он неотрывно смотрел на карточки Хатуэя. Во всяком случае, на одну из них, которую держал в руках. Знаете, рассказывают, будто у кого-

то там руки дрожат от волнения, но видеть такое приходится нечасто. Рука Родни дрожала как молоточек старомодного будильника. Он прокашлялся.

— Позвольте мне задать ей один вопрос.

— Валяйте, — сказал я. Терять было уже нечего. Он посмотрел на девушку и положил карточку на стол чистой стороной вверх.

— Мисс Мори, — неуверенно сказал он. Казалось, он намеренно избегал обращения по имени. Сюзн воззрилась на него. На какое-то мгновение она, казалось, занервничала, но это прошло, и она снова была спокойна.

— Да, профессор?

— Вы улыбнулись, когда скорняк сказал, что ему нужно. Почему?

— Я же сказала вам, профессор Родни. Это была простая вежливость.

— А может, в том, что он сказал, было нечто особенное, смешное?

— Я старалась быть вежливой, — повторила она.

— Возможно, вам показалась забавной его фамилия, мисс Мори?

— Не особенно, — безразлично сказала она.

— Ну что ж, его фамилию еще никто не упоминал. Я не знал ее, пока случайно не взглянул на эту карточку. Так какая же у него была фамилия, мисс Мори? — вдруг воскликнул он полным волнения голосом.

— Не помню, — помолчав, ответила она.

— Ах, не помните? Он же назвал свою фамилию, разве нет?

В ее голосе зазвучало раздражение:

— Ну и что, если назвал? Фамилия, она фамилия и есть. Вряд ли после всего случившегося можно ожидать, что я запомню какую-то там иностранную фамилию, которую слышала раз в жизни.

— Значит, она была иностранная?

Она резко дала задний ход, избегая ловушки.

— Не помню. Мне кажется, это была типично немецкая фамилия. Да мне все равно, как его звали, пусть хоть Джон Смит.

— Что вы пытаетесь доказать, профессор Родни? — спросил я.

— Я пытаюсь доказать, — твердо заявил он, — а фактически уже доказываю, что именно Луэлла-Мэри сидела за конторкой, когда вошел скорняк. Он назвал свою фамилию, и эта фамилия вызвала у Луэллы-Мэри улыбку. И именно мисс Мори выходила из задней комнаты, когда он отворачивался от конторки. Именно мисс Мори, вот эта девушка, только что заварившая и отравившая чай.

— Вы основываете свое утверждение на том факте, что я не могу запомнить имя какого-то человека, — пронзительно вскричала Сюзн Мори. — Это смешотворно!

— Нисколько, — отвечал профессор. — Будь вы за конторкой, вы бы запомнили его фамилию, вы бы просто не смогли забыть ее. Если бы вы сидели за конторкой, — он поднял карточку. — Фамилия этого скорняка Байлштайн. Байлштайн!

Из Сюзн вышел весь дух, как будто ее пнули ногой в живот. Она побледнела как мел. Профессор увлеченно продолжал:

— Ни один сотрудник химической библиотеки ни за что не забыл бы фамилию человека, который заявляет, что он Байлштайн. Эта шестидесятитомная энциклопедия, которую мы сегодня упоминали раз пять, неизменно именуется по фамилии ее редактора, Байлштайна. Эта фамилия для сотрудника химической библиотеки все равно, что Джордж Вашингтон или Христофор Колумб. Для него она привычнее любого из этих имен. Если эта девушка утверждает, что забыла фамилию, значит, она ее вовсе не слышала. А не слышала она ее потому, что не сидела за конторкой!

Я встал и мрачно сказал:

— Ну, мисс Мори, что вы на это ответите?

Она так пронзительно завизжала в истерике, что у нас чуть не полопались барабанные перепонки. Полчаса спустя она во всем призналась.

Ловушка для
ПРОСТАКОВ

КОСМИЧЕСКИЕ ТЕЧЕНИЯ

ПРОЛОГ. ГОД НАЗАД

Человек с Земли пришел к решению. Решение зарождалось медленно, но было твердым.

Вот уже несколько недель он не чувствовал надежной кабины своего корабля, не видел холодной черноты пространства вокруг. Сначала он хотел сделать быстрое сообщение в Межзвездное Космоаналитическое Бюро и вернуться в космос. Но его задерживали здесь. Это было почти как тюрьма.

Он допил чай и взглянул на человека по другую сторону стола:

— Я не останусь здесь дольше!

Другой человек тоже пришел к решению. Оно зарождалось медленно, но было твердым.

Нужно время, нужно много времени. Ответа на первые письма нет. Значит, он не должен выпустить из рук человека с Земли. Он потрогал черный гладкий стержень у себя в кармане.

— Вы не понимаете всей щекотливости этой проблемы.

— Речь идет об уничтожении целой планеты, — возразил землянин. — И потому я хочу, чтобы вы передали подробности по всему Сарку, всем обитателям.

— Мы не можем. Это вызовет панику.

— Но раньше вы говорили, что можете.

— Я обдумал все. Теперь мне стало ясно: это невозможно.

— А представитель МКБ — он все еще не был? — помолчав, спросил землянин.

— Нет. Они заняты организацией нужных мер. Еще день-два...

— Опять день-два! Неужели они настолько заняты, что не могут уделить мне ни минутки? Они даже не видели моих расчетов!

— Я предлагал вам передать им эти расчеты. Вы не согласились.

— И не соглашусь. Они могут прийти ко мне, или я к ним. Вы не верите мне. Не верите, что Флорина будет уничтожена.

— Я верю. Вы зря горячитесь.

— Да, горячусь. Что в этом удивительного? Или вы только и думаете, что на меня, бедняжку, космос подействовал? По-вашему, я сумасшедший?

— Чепуха!

— Не притворяйтесь: вы так думаете. Вот почему я хочу видеть кого-нибудь из МКБ. Они увидят, сумасшедший я или нет!

— Вам сейчас нехорошо. Я помогу вам.

— Нет, не поможете! — истерически вскричал землянин. — Я сейчас уйду. Если вы хотите остановить меня, то убейте! Только вы не посмеете. Кровь всего населения Флорины падет на вас, если вы меня убьете!

— Я не убью вас!

— Вы меня свяжете. Вы запрете меня здесь! Вот чего вам хочется! А что вы будете делать, когда МКБ начнет искать меня? Мне полагается регулярно отсылать сообщения, как вам известно.

— Бюро знает, что вы в безопасности, у меня.

— Знает? А знает ли оно, опустил ли я вообще на планету или нет? Получены ли мои первые сообщения? — Голова у него кружилась, тело начало цепенеть.

Его собеседник встал. Он медленно обошел большой стол, направляясь к землянину.

Слова прозвучали необыкновенно ласково:

— Ради вашего же блага.

Из кармана появился черный стержень. Землянин прохрипел:

— Психозонд!

Он попытался встать, но едва смог пошевелиться.

Сквозь стиснутые судорогой зубы он прохрипел:

— Зелье!

— Зелье, — согласился другой. — Послушайте, я не причиню вам вреда. Но вы так возбуждены и встревожены. Я удалю тревогу. Только тревогу.

Землянин уже не мог говорить. Мог только сидеть. Только тупо думать: «Великий космос, меня опоили». Ему хотелось закричать, убежать, но он не мог.

Другой уже подошел к нему. Он стоял, глядя на него сверху вниз. Землянин взглянул снизу вверх. Глазные яблоки у него еще двигались.

Психозонд был автоматическим прибором. Нужно только присоединить его концы к соответствующим точкам на черепе и действовать. Землянин смотрел в ужасе, пока мышцы глаз у него не оцепенели. Он даже не почувствовал, как острые, тонкие проволочки впивались в черепные швы.

Молча, мысленно он вопил:

«Нет, вы не понимаете! Это целый мир, населенный людьми! Разве вы не видите, что нельзя рисковать жизнью сотен миллионов людей?»

Слова другого доносились глухо, удаляясь в какой-то тоннель, длинный и черный:

— Вам не будет больно. Через час вам станет хорошо, совсем хорошо. Вы вместе со мной посмеетесь над этим.

Мрак опустился и окутал все. Полностью он так и не развеялся никогда. Понадобился год, чтобы завеса поднялась хоть отчасти.

НАЙДЕНЬШ

Рик вскочил. Он дрожал так, что должен был прислониться к голой молочно-белой стене.

— Я вспомнил!

Шум жующих челюстей затих. Лица у всех были одинаково чистые, одинаково бритые, лоснящиеся и белые в тусклом свечении стен. В глазах не было интереса, только рефлекторное внимание, возбужденное внезапным, неожиданным возгласом.

Рик закричал снова:

— Я вспомнил свою работу! У меня была работа! Кто-то крикнул ему:

— Замолчи!

Кто-то добавил:

— Сядь!

Лица отвернулись, жевание возобновилось. Рик ту-по смотрел вдоль стола. Он услышал слова «сумасшедший Рик», увидел пожатие плечами. Увидел палец, покрутившийся у виска. Все это не означало для него ничего.

Он медленно сел. Снова взял ложку с острым краем и с зубцами на переднем конце, так что ею можно было одинаково неуклюже хлебать, резать и протыкать. Для раба с плантаций этого было достаточно. Он повернул ложку и уставился на свой номер, выбитый на ее ручке. У всех прочих, кроме номеров, были и имена. А у него кличка — Рик. На жаргоне плантаций это означало что-то вроде идиота.

Но, может быть, теперь он будет вспоминать все больше и больше. Впервые с тех пор, как он появился на фабрике, он вспомнил нечто бывшее до того. Если бы только подумать!..

Когда он шел вечером с фабрики, его догнала Валона Марч.

— Я слышала, за завтраком была какая-то неприятность?

Рик пробормотал:

— Ничего не было, Лона.

Она настаивала:

— Я слышала, ты вспомнил что-то. Верно, Рик?

Она тоже называла его Риком. А он старался изо всех сил вспомнить свое имя. Однажды Валона раздобыла рваную адресную книгу и прочла из нее все имена. Ни одно не показалось ему более знакомым, чем другие.

Он взглянул ей прямо в лицо и сказал:

— Я должен бросить фабрику

Валона нахмурилась:

— Не знаю, сможешь ли ты. Это нехорошо.

— Я должен вспомнить побольше о себе.

Валона облизнула пересохшие губы:

— Не знаю, нужно ли это

Рик отвернулся. Это она устроила его на фабрику и спасла жизнь. Но все-таки он должен...

— Опять головные боли?

— Нет. Я действительно вспомнил что-то. Вспомнил, какая работа была у меня раньше... Поедем в поля, Лона.

— Уже поздно.

— Прошу тебя! Только за черту поселка.

...Через полчаса они свернули с шоссе на извилистую, плотно усыпанную песком дорогу. Молчание было тяжелым, и Валона почувствовала, как ее охватывает страх.

Что, если Рик покинет ее? Во многих отношениях он еще походил на ребенка. Но, прежде чем его лишили разума, он был, конечно, образованным человеком. Образованным и очень важным.

В свое время она испугалась при первых его словах. Они прозвучали так неожиданно и странно после долгих несвязных жалоб на головную боль. Уже тогда Лона боялась, что он может вспомнить слишком много и бросить ее. Она была только Валоней Марч, по прозвищу Большая Лона. Крупная, большеногая девушка с красными от работы руками. Девушка, которой никогда не найти мужа. Она лишь смотрела с тупой досадой на парней. Она была слишком крупная, чтобы хихикать и подмигивать им. У всех других женщин один за другим появлялись дети, а она могла только протискиваться к ним, чтобы взглянуть на красное, безволосое существо с зажмуренными глазками и резиновым ротиком.

Но вот в ее жизни появился Рик — своего рода младенец. Его нужно было кормить, окружать заботами, выносить на солнце, убаюкивать, когда головная боль терзала его, защищать.

А ее кулаков боялись даже взрослые. В тот день, когда она впервые привела Рика работать на фабрику, она одним ударом свалила своего мастера, который сказал о них какую-то непристойность.

Поэтому ей хотелось, чтобы Рик перестал вспоминать. Она знала, что ничего не может предложить ему: с ее стороны было эгоизмом желать, чтобы он навсегда оставался беспомощным и умалишенным. Просто она никому еще не была нужна до такой степени. Просто она боялась вернуться в одиночество.

Она спросила:

— Ты уверен, что вспоминаешь, Рик?

— Да. Я могу доверять своим воспоминаниям, Лона, когда они возвращаются. Ты это знаешь. Например: ты не учила меня говорить. Я сам вспомнил. Верно? А теперь я вспоминаю, каким я был раньше. У меня должно было быть это «раньше», Лона!

«Должно было». При этой мысли у нее стало тяжело на сердце. Это было другое «раньше», другой мир. Она знала это, потому что единственным словом, которого он не мог вспомнить, было слово «кырт». Ей, Лоне, пришлось учить его слову, обозначававшему на Флорине то, что важнее всего в мире.

— Что ты вспоминаешь? — спросила она.

Возбуждение Рика вдруг упало. Он заколебался.

— Это не очень понятно, Лона. Только то, что у меня была работа, и я знаю какая. По крайней мере знаю отчасти. Я анализировал Ничто.

Она никогда в жизни не слышала слово «анализировал» и все же спросила:

— Но, Рик, что это может быть за работа: а-нали-зи-ро-вать ничего? Это не работа!

— Я не говорил «ничего». Я сказал: анализировал Ничто. С большого «Н».

— Разве это не одно и то же?

— Нет, конечно. — Он глубоко передохнул. — Но боюсь, что не смогу объяснить тебе. Это все, что я вспомнил. Но я чувствую, какая это была важная работа. Не может быть, чтобы я был преступником!

Это уже было, когда он впервые заговорил. Заговорил так внезапно, что испугал ее. Она не посмела посоветоваться даже с Резидентом. В ближайший свободный день Лона повезла Рика в город к доктору.

После обследования доктор вышел к ней.

— Когда ты встретила этого человека?

Она рассказала ему, очень осторожно, без всяких подробностей, ничего не сказав ни о Резиденте, ни о патрульных.

— Значит, ты ничего не знаешь о нем?

— О том, что было раньше, — ничего.

— Этот человек был подвергнут психозондированию. Ты знаешь, что это такое?

Сначала она опять покачала головой, потом прошептала тихо:

— Это то, что делают с сумасшедшими, доктор?

— И с преступниками. Чтобы излечить расстройство или изменить в нем то, что заставляет их красть и убивать.

— Но Рик никогда ничего не крал, — растерялась Лона.

— Откуда ты знаешь, что он делал до того, как ты его встретила? Сейчас это очень трудно выяснить. Зондирование было глубокое и грубое. Неизвестно, какая часть разума удалена полностью, а какая только затуманена шоком. Его нужно держать под наблюдением.

— Нет, нет! Он останется со мной! Я хорошо забочусь о нем, доктор!

Он нахмурился, но заговорил еще ласковее:

— Да, но я и думал о тебе, девушка. Может быть, из него удалено не все злое. Не хочешь же ты, чтобы когда-нибудь он обидел тебя.

В эту минуту сестра привела Рика, успокаивая его ласковым воркованием, как младенца. Рик приложил руку к голове и глядел бессмысленно, пока его взгляд не остановился на Валоне. Он протянул к ней руки и слабо закричал:

— Лона!

Она кинулась к нему, крепко обняла, прижимая его голову к своему плечу. Потом посмотрела на доктора.

— Он никогда, ни за что не обидит меня.

— И все-таки о нем нужно сообщить. Не знаю, как ему удалось ускользнуть из-под надзора в таком состоянии.

— Значит, его отнимут у меня, доктор?

— Боюсь, что да. Таков закон.

На обратном пути она ехала тяжело и слепо, в отчаянии прижимая Рика к себе.

Через неделю по гипервидео было известие об одном докторе, погибшем в катастрофе когда прервался один из местных электрических лучей. Имя показалось ей знакомым, и она в своей

комнате она сравнила его с записанным на бумажке. Имена совпадали.

Позже, когда Рик стал понимать больше, она рассказала ему о том, что говорил доктор, и посоветовала оставаться в поселке, если он хочет быть в безопасности...

— Я не мог быть преступником, — повторил Рик, — если у меня была такая важная работа! Надо уйти. Другого пути нет. Я должен бросить фабрику и поселок и узнать о себе побольше.

— Рик! Это опасно! Если даже ты анализировал Ничто, почему это важно настолько, чтобы тебе узнать больше?

— Потому что я вспомнил еще кое-что.

— Что, что ты вспомнил?

— Не скажу, — прошептал Рик.

— Ты должен сказать кому-нибудь. Иначе опять забудешь.

Он схватил ее за руку.

— Это верно. Ты никому не скажешь, правда, Лона? Ты будешь моей памятью, на случай, если я забуду?

— Конечно, Рик.

Рик огляделся. Мир был прекрасен. Валона как-то рассказала ему, что в Верхнем Городе, в нескольких милях над ним, есть огромная светящаяся надпись:

ФЛОРИНА — САМАЯ ПРЕКРАСНАЯ ПЛАНЕТА
В ГАЛАКТИКЕ

И сейчас, оглядываясь, он мог поверить этому.

— То, что я вспомнил, ужасно. Но когда я вспоминаю, то всегда правильно. Это мне припомнилось в конце дня.

— Да?

Он в ужасе пристально смотрел на нее:

— Все на этой планете должны погибнуть. Все, кто живет на Флорине.

Мирлин Теренс доставал книгу-фильм с полки, когда к нему позвонили. Резидент неторопливо подошел к двери, на ходу заглаживая верхний прорез рубашки. Даже одежда у него была похожа на одежду

Сквайров. Иногда он почти забывал, что родился на Флорине.

На пороге стояла Валона Марч. Она опустилась на колени и склонила голову в почтительном приветствии.

Теренс широко распахнул дверь.

— Войди, Валона. Садись. Час отбоя давно уже прошел. Надеюсь, патрульные не видели тебя?

— Кажется, нет, Резидент.

— Ты чем-то расстроена. Опять Рик?

— Да, Резидент. — Она сидела, как всегда, спрятав свои большие руки в складках платья; но он заметил, что ее сильные короткие пальцы переплелись и слегка вздрагивают.

— Что бы это ни было, я слушаю тебя, — сказал он негромко.

— Вы помните, Резидент, как я пришла к вам и рассказала о городском докторе и о том, что он говорил?

— Да, Валона, помню. И еще помню, что велел тебе никогда не делать ничего подобного, не посоветовавшись со мной. А ты помнишь это?

Глаза у нее расширились. Ей не нужно было напоминаний, чтобы снова ощутить его гнев.

— Я никогда больше не сделаю ничего такого, Резидент. Я только хотела напомнить вам, что вы обещали сделать все, чтобы помочь мне удерживать Рика.

— Я так и сделаю. Значит, патрульные спрашивали о нем?

— Нет. О, Резидент, по-вашему, они могут спросить?

— Я уверен, что нет. — Он начал терять терпение. — Ну же, Валона, рассказывай, в чем дело!

— Он говорит, что вспоминает разные вещи.

Теренс подался вперед и чуть не схватил девушку за руку.

— Разные вещи? Какие?

В памяти Теренса ожил день, когда нашли Рика. Он увидел толпу ребят у одного из оросительных каналов, как раз за чертой поселка. Они пронзительно кричали, окликая его: «Резидент! Рези-

дент!», и показывали на какую-то белую шевелящуюся массу.

Это был взрослый мужчина, почти голый; изо рта у него текла слюна, и он слабо повизгивал, бесцельно двигая руками и ногами. На мгновение его глаза встретились с глазами Теренса и стали как будто осмысленнее... Потом рука у человека приподнялась и большой палец очутился во рту.

Кто-то из ребят засмеялся:

— Резидент, да он сосет пальцы!

Простертое тело сотряслось внезапным криком, лицо покраснело и сморщилось. Раздался тихий, бесслезный плач, но палец так и остался во рту.

Теренс стряхнул с себя оцепенение.

— Вот что, ребята, нечего бегать по кыртовому полю, нечего портить урожай. Сами знаете, что будет, если рабочие с плантаций поймут вас, расходитесь и молчите обо всем. Эй, вон ты, сбегай-ка к доктору Дженксу и попроси его прийти сюда.

Доктор Дженкс помог Теренсу уложить человека в тележку и как можно незаметнее привезти в поселок. Вдвоем они смыли с него засохшую грязь.

Дженкс тщательно осмотрел Рика.

— Инфекции, по-моему, нет, Резидент. И он сытый. Ребра не выпирают. Не знаю, что с ним делать. Как вы думаете, куда его девать теперь?

— Боюсь, что не знаю.

— Он не умеет даже ходить. Он как младенец. И похоже, что все позабыл.

— Может быть, это после болезни?

— По-моему, нет. Возможно, это психическое заболевание. Но я полный профан в психиатрии, подобных больных я посылаю в город. Вы никогда не видели нашего города, Резидент?

— Я здесь только месяц.

Дженкс вздохнул, полез за платком.

— Да. Старый Резидент — тот был молодее. Держал нас хорошо. Я живу тут почти шестьдесят лет, а этого парня никогда не видел. Он, верно, из другого поселка. Посмотрим, что скажут патрульные.

Патрульные, конечно, явились. Избежать этого было невозможно. Их было двое, этих наемников, носящих громкое имя Членов Флорианского Патруля. Они глядели равнодушно и скучно.

— Кто этот умалишенный? — спросил один из них у Теренса.

— Кто его знает! Его нашли позавчера в канаве на кыртовом поле.

— А документы у него были?

— Нет, сударь. Только тряпка на теле.

— Что с ним такое?

— По-моему, просто идиот.

— И охота вам возиться с такой дрянью? — Член Флорианского Патруля зевнул, спрятал свою книжку и сказал: — Ладно, об этом даже рапортовать не стоит. Нам до него дела нет.

И оба ушли.

Посоветовавшись с доктором Дженксом, Резидент отдал Рика под присмотр Валоне Марч. В конце концов лишняя пара рабочих рук, притом бесплатных, — это не так уж и плохо.

...Теренс стал их неофициальным опекуном. Он добился для Валоны дополнительного пайка, добавочных талонов на одежду — всего, что нужно, чтобы двое взрослых (из них один незарегистрированный) прожили на жалованье одного. Он помог ей устроить Рика на фабрику. Смерть врача в городе избавила его от тревоги, но он оставался наготове.

Было естественно, что Валона обращалась со всеми своими затруднениями к нему. И теперь он ждал, чтобы она ответила на его вопросы.

— Он говорит, что все в мире умрут.

— А говорит ли он почему?

— Он не знает. Он говорит, что когда-то у него была важная работа, но я не пойму какая.

— Как он ее описывает?

— В общем он.. анализировал Ничто. Но, Резидент, как можно делать что-нибудь с Ничем?

Теренс встал и улыбнулся.

— Как, Валона, разве ты не знаешь, что все во Вселенной состоит почти из ничего?

Валона не поняла этого, но согласилась. Резидент был очень ученым человеком. С неожиданным приливом гордости она вдруг увидела, что ее Рик еще учение.

— Идем. — Теренс протягивал ей руку. — Идем к Рик.

В хижине у Валоны было темно, и они вошли туда ощупью.

В свете маленького, прикрытого рукой фонарика Теренс заметил, что один угол комнаты отгорожен старенькой ширмой.

Эту ширму он сам недавно добыл для Валоны, когда Рик стал гораздо больше похож на взрослого, чем на ребенка.

Из-за ширмы доносилось ровное дыхание.

— Разбуди его, Валона.

Валона постучалась в ширму.

— Рик! Рик! Детка!

Послышался легкий вскрик.

— Это я, Лона, — быстро сказала она. Они зашли за ширму, и Теренс осветил фонариком себя и Валону, потом Рика.

Рик заслонился от света рукой.

— Что случилось?

Теренс сел на край кровати.

— Рик, — произнес он, — Валона сказала, что ты начинаешь вспоминать кое-что.

— Да, Резидент. — Рик держался смиренно с Резидентом, самым значительным из когда-либо виденных им людей. С Резидентом был вежлив даже управляющий фабрикой. Рик сообщил Теренсу о тех крохах, что извлекла его память в течение дня.

— Вспомнил ли ты что-нибудь еще?

— Больше ничего, Резидент.

Теренс задумался.

— Хорошо, Рик, можешь спать.

Валона проводила его за порог. Он видел, как подергивалась у нее щека и как она вытерла себе глаза тыльной стороной кисти.

— Покинет он меня, Резидент?

Теренс взял ее за руки и заговорил серьезно:

— Будь взрослой, Валона. Он поедет со мной ненадолго, но я привезу его обратно.

— А потом?

— Не знаю. Ты должна понять, Валона. Сейчас нам важнее всего, чтобы Рик мог вспомнить побольше. Валона спросила вдруг:

— Неужели правда, что все на Флорине умрут, как он говорил?

Теренс крепче сжал ее руки.

— Не говори этого никому, Валона, иначе патрульные заберут его навсегда.

Он повернулся и медленно направился к своему дому, даже не замечая, что руки у него дрожат. Дома он тщетно пытался уснуть, и через час пришлось настроить наркополе. Это был один из немногих приборов, которые он привез, когда впервые вернулся с Сарка на Флорину, чтобы стать Резидентом. Прибор плотно надевался на голову, как шапочка из тонкого черного фетра. Теренс поставил его на 5 часов и включил контакт.

Он еще успел уютно улечься в постели, прежде чем замедленная реакция замкнула накоротко центры мозга и мгновенно погрузила его в сон без сновидений.

БИБЛИОТЕКАРЬ

Они вышли из диамагнитного роллера на стоянке за чертой города. Рик ждал, пока Теренс запрет кабину стоянки и опечатает ее прикосновением подушечек пальцев. В новом комбинезоне Рик чувствовал себя не очень удобно. Он неохотно последовал за Резидентом под одну из высоких мостоподобных структур, поддерживающих Верхний Город. Ибо Город был двойным: его строго делил горизонтальный слой сталесплава площадью 50 квадратных миль, опиравшийся на 20 тысяч стальных решетчатых колонн. Внизу, в тени, жили «туземцы». Наверху, на солнце — Сквайры. В Верхнем Городе трудно было поверить, что ты находишься на Флорине. Население было почти исключительно саркианское, включая немного-

численных патрульных. Это был высший класс в самом буквальном значении этого слова.

Теренс хорошо знал дорогу. Он шел быстро, избегая взглядов прохожих, смотревших на его резидентскую одежду со смешанным выражением зависти и досады. Солнце светило, и его лучи, падая сквозь правильно распределенные отверстия в сталесплаве, еще более сгущали окружающую темноту.

В полосах света сидели в подвижных креслах старики, наслаждаясь теплом и двигаясь вместе с движением луча. Иногда они засыпали и оказывались в тени, пока не просыпались от скрипа колесиков при перемене позы. Там, где не было стариков, матери почти сплошь перегораживали светлую полосу своими отпрысками в колясках.

— Ну, Рик, держись, — сказал Теренс. — Сейчас мы поднимемся.

Они остановились перед сооружением, занимавшим промежуток между четырьмя колоннами, вознесенными от земли до самого Верхнего Города. Это и был лифт.

Когда они поднялись наверх, дверь открылась в совершенно новый мир. Как и все города на Сарке, Верхний Город был чрезвычайно ярким и пестрым. Отдельные строения, будь то жилые дома или общественные здания, пестрели сложной, многоцветной мозаикой, которая вблизи выглядела бессмысленной путаницей, но издали сливалась в яркую гамму красок, менявшихся и переливавшихся вместе с изменениями угла зрения.

— Идем, Рик, — произнес Теренс.

Рик смотрел, широко раскрыв глаза. Ничего живого, никаких растений! Только огромные массы камня и красок. Он никогда не знал, что дома бывают такими величественными. Что-то мгновенно шевельнулось у него в мозгу. На секунду огромность перестала казаться странной... А потом память снова закрылась.

Мимо промелькнул экипаж.

— Это Сквайры? — прошептал Рик.

Он успел лишь взглянуть. Коротко стриженные волосы, широкие, развевающиеся рукава из блестящей ткани ярких цветов, от синего до фиолетового, корот-

кие бархатистые штаны и длинные чулки, блестящие, словно сотканые из медной проволоки.

— Молодые, — сказал Теренс. Он не видел их так близко с тех самых пор, как покинул Сарк. И он снова вздрогнул, подавляя бесполезный трепет ненависти.

Сзади раздалось шипение двухместного экипажа со встроенным воздушным управлением. Машина повисла над дорогой; ее блестящее, гладкое дно было со всех сторон загнута кверху, чтобы снизить сопротивление воздуха. Этого было достаточно, чтобы появилось характерное шипение, первый признак патрульных.

Они были рослые, как и все патрульные: широкие лица, плоские щеки, длинные черные волосы, светло-коричневая кожа. Их черные блестящие мундиры, подчеркнутые ярким серебром пряжек и орнаментальных пуговиц, сглаживали различие в лицах и еще больше подчеркивали одинаковость.

Один из них сидел за пультом управления. Другой легко перепрыгнул через низкий борт экипажа.

— Удостоверения! — Патрульный мгновенно взглянул на документы и вернул их Теренсу. — Что вы тут делаете?

— Я хотел посетить библиотеку, офицер. Это моя привилегия.

— У твоего дружка нет резидентских привилегий, — отрезал патрульный.

— Я поручусь за него.

Патрульный пожал плечами.

— Как угодно. У резидентов есть привилегии, но резиденты не Сквайры. Помните об этом... Вон то здание — библиотека. Полетели, Кред!

С того места, где они стояли, библиотека казалась пятном яркой киновари, темнеющей до пурпура к верхним этажам. По мере того как они подходили, пурпур сползал все ниже.

— По-моему, это некрасиво, — сказал Рик.

Теренс быстро и удивленно взглянул на него. Он привык ко всему этому еще на Сарке, но тоже находил кричащие цвета Верхнего Города несколько вульгарными.

Они остановились у спирального помоста, ведущего

к главному входу. Цвета были распределены так, чтобы давать иллюзию ступенек; это придавало библиотеке надлежащий архаический вид, по традиции свойственный «ученым» зданиям.

Главный холл был просторный, холодный и почти пустой. Библиотекарша удивленно взглянула на них и поднялась с места.

— Я — Резидент. Особые привилегии. Я отвечаю за этого туземца. — Бумаги у Теренса были наготове, и он протянул их.

Библиотекарша села и приняла строгий вид. Она раскрыла удостоверение и сунула его в контрольную щель, где на мгновение мелькнул тусклый фиолетовый свет.

— Комната двести сорок два, — сказала она.

Эта комната походила на кабинет технического секретаря. Искусственный свет, принудительная вентиляция, никаких украшений. Два диктофона и через всю стену — огромный тусклый стенд, где снизу вверх шел длинный список алфавитного материала, названий, авторов, каталожных номеров.

— Я знаю, что это такое, — вдруг произнес Рик. — Надо нажать цифры и буквы нужной книги на этих маленьких кнопках, и книга появляется вон на том экране.

Теренс повернулся к нему.

— Откуда ты знаешь? Ты вспомнил?

— Может быть. Я не уверен.

— Ну что ж, назовем это разумной догадкой.

Он набрал какую-то комбинацию букв и цифр. Экран вспыхнул: «Энциклопедия Сарка, том 54, Алмаз — Анод».

— Ну вот, смотри, Рик. Я не хочу тебе ничего подсказывать. Но ты должен просмотреть этот том и останавливаться на всем, что покажется тебе знакомым. Ты понял?

— Да.

— Хорошо. Теперь смотри...

Минуты шли. Вдруг Рик ахнул и закричал:

— Я увидел, Резидент! Я увидел!

Это была статья об анализе Космоса.

— Я знаю, что там сказано, — продолжал Рик. Он с трудом переводил дыхание. — Вот смотрите, это всегда тут говорится!

Он прочел вслух медленно, но гораздо лучше, чем можно было бы объяснить отрывочными уроками, полученными им от Валоны:

— «Не удивительно, что по своему темпераменту Космоаналитик является интровертированным и довольно часто не приспособленным к жизни субъектом. Посвятить большую часть своей жизни одиноким наблюдениям ужасной пустоты межзвездных пространств — это больше, чем можно потребовать от вполне нормального человека. Отчасти понимая это, Институт Космического Анализа принял в качестве официального девиза не слишком правильную формулировку: «Мы анализируем Ничто».

Рик закончил чтение, почти вскрикнув.

— Ты понимаешь то, что прочел? — спросил Теренс. Тот взглянул на него пылающими глазами.

— Там сказано: «Мы анализируем Ничто». Это я и вспомнил. Я был одним из них.

— Ты был Космоаналитиком?

— Да! — заорал Рик. Потом добавил потише: — Голова болит. — Он смотрел, наморщив лоб. — Я должен вспомнить больше. Есть опасность. Огромная опасность!.. Я не знаю, что делать.

— Библиотека в нашем распоряжении, Рик. — Теренс смотрел на него внимательно и взвешивал каждое слово. — Посмотри каталог сам и поищи тексты по Космоанализу. Посмотрим, куда это приведет тебя...

— Как насчет «Трактата об инструментальном Космоанализе» Врийта? — спросил после долгих размышлений Рик. — Это правильно?

— Тебе решать, Рик.

Рик нажал кнопку, но на экране засветилось: «О данной книге спросить лично у библиотекаря».

Теренс протянул руку и погасил экран.

— Попробуй найти другую книгу, Рик.

— Но... — Рик поколебался, выполнил приказание. После новых поисков в каталоге он нашел «Состав пространства» Эннинга.

На экране снова появилось требование обратиться к библиотекарю. Теренс чертыхнулся и погасил экран.

Из маленького репродуктора над диктофоном слышался тонкий сухой голос библиотечарши, от которого оба похолодели:

— Комната двести сорок два! Есть кто-нибудь в комнате двести сорок два?

— Что вам надо? — хрипло ответил Теренс.

— Какая книга вам нужна?

— Никакая. Благодарю вас. Мы только пробовали аппарат.

Наступило молчание, словно там происходило какое-то невидимое совещание. Потом голос сказал немного резко:

— В записях стоит требование на «Трактат об инструментальном Космоанализе» Врийта и на «Состав пространства» Эннинга. Это верно?

— Мы набирали номера наугад, — сказал Теренс.

— Могу ли я узнать ваши основания для затребования этих книг? — Голос был неумолим.

— Говорю вам, они нам не нужны... Молчать! — Это относилось к Рику, начавшему жалобно шептать что-то.

Снова пауза. Потом голос произнес:

— Если вы подойдете к столу, то сможете получить эти книги. Они оставлены для вас, и вам нужно только заполнить формуляр.

Теренс протянул руку к Рику.

— Пойдем.

— Может быть, мы нарушили правила, — пробормотал Рик.

— Чепуха, Рик. Мы уходим.

Теренс спешил, увлекая за собою Рика. Они вышли в главный холл. Библиотечарша взглянула на них.

— Подождите! — крикнула она, вскочив и держась за стол. — Одну минуту! Одну минуту!

Они не останавливались. Но перед ними очутился патрульный.

— Вы здорово спешите, парни.

Библиотечарша подбежала к ним, слегка задыхаясь.

— Вы из комнаты двести сорок два, верно?

— Послушайте, — твердо произнес Теренс, — почему нас задерживают?

— Вы запрашивали о некоторых книгах? Мы можем достать их для вас.

— Слишком поздно. В другой раз. Разве вы не поняли, что книги нам не нужны? Я вернусь завтра.

— Библиотека всегда стремится удовлетворить читателей, — чопорно произнесла женщина. — Книги будут получены за две минуты. — На скулах у нее вспыхнули два ярких красных пятна. Она повернулась и бросилась к маленькой двери, открывшейся при ее приближении.

— Офицер, если вы не возражаете... — начал было Теренс. Но патрульный прервал его, показав короткий нейронный хлыст — прекрасное оружие дальнего действия.

— Парень, тебе лучше подождать, пока вернется эта дама. Будь вежливым.

Лоб Теренса покрылся потом. Каким-то образом он недооценил положение. Он был так уверен в своем анализе событий, во всем. И вот к чему это привело. Не нужно было быть таким настойчивым. Виновато его проклятое любопытство, желание войти в Верхний Город, пройти по коридорам библиотеки, словно бы он был саркитом...

На одно безумное мгновение ему захотелось прыгнуть на патрульного — и вдруг, совсем неожиданно, это не понадобилось.

Сначала промелькнуло что-то движущееся. Патрульный хотел обернуться, но опоздал.

Нейронный хлыст оказался вырванным у него из рук. Офицер успел лишь хрипло вскрикнуть, когда хлыст прикоснулся к его виску.

Рик взвизгнул от радости, а Теренс воскликнул:

— Валона! Клянусь всеми демонами Сарка, — Валона!

МЯТЕЖНИК

Теренс пришел в себя почти тотчас же. Он сказал: — Скорей отсюда. Живо! — и пошел прочь.

На мгновенье ему захотелось оттащить бесчувственное тело патрульного в тень за колоннами главного холла, но на это явно не было времени.

Они вышли на лестницу, где послеполуденное солнце разливало в окружающем мире теплоту и яркость. Краски Верхнего Города сдвинулись к оранжевым тонам.

— Идемте скорее! — тревожно сказала Валона.

Теренс удержал ее за локоть. Он улыбнулся, но голос у него был низкий и твердый:

— Не беги. Иди, как всегда, и следуй за мной. Держи Рика. Не давай ему бежать...

Несколько шагов. Они двигались, словно сквозь клей. Шум в библиотеке? Или это только кажется? Теренс не смел оглянуться.

— Сюда, — сказал он.

Знак над тротуаром слегка мигал в солнечном свете, не в силах соперничать с ним: Вход в амбулаторию.

Женщина в форменном платье взглянула на них издали. Она заколебалась, нахмурилась, начала приближаться. Теренс не стал ее ждать. Он резко свернул в сторону, прошел по одному коридору, потом по другому. Все равно их вот-вот остановят. Почти не бывало случаев, чтобы туземцы ходили без надзора по верхнему ярусу больницы. Что с ними будет?

Конечно, в конце концов их остановят.

Поэтому сердце у Теренса забилося спокойнее, когда он увидел малозаметную дверь с надписью: «На нижний ярус». Лифт оказался наверху. Теренс втолкнул в него Валону и Рика.

Так было проще всего попасть в Нижний Город, избежав больших товарных лифтов с их медленным ходом и чересчур внимательными лифтерами. Правда, туземцам запрещалось пользоваться больничными лифтами, но это добавочное преступление было ничтожным по сравнению с нападением на патрульного.

Они вышли на нижнем ярусе.

— Я не могла не прийти, Резидент, — быстро шептала Валона. — Я так беспокоилась о Рике! Я думала, вы не привезете его обратно, и...

— Но как же ты попала в Верхний Город?

— Я шла за вами и видела, как вы поднимались в лифте. Когда он вернулся, я сказала лифтеру, что отстала от вас, и он взял меня наверх.

— Просто так?

— Я немножко потрясла его.

— Демоны Сарка! — простонал Теренс.

— Так пришлось, — смиренно пояснила Валона. — Потом я видела, как патрульные показывают вам здание. Я подождала, пока они улетят, и тоже пошла туда. Только я не посмела войти и пряталась, пока не увидела, что вы выходите, а патрульный хочет остановить вас...

Они были уже на улице, в полутени Нижнего Города. Вокруг кишели звуки и запахи Туземного квартала, и верхний ярус опять стал только крышей над ними. Но они зашли слишком далеко, и отныне их везде подстерегала только опасность.

Эта мысль еще не успела покинуть Резидента, когда Рик крикнул:

— Смотрите!

Теренс ощутил в горле соленость.

Самое страшное зрелище, какое могли увидеть туземцы Нижнего Города. Словно гигантская птица спустилась в одно из отверстий из Верхнего Города. Она закрыла солнце и углубила зловещую тень в этой части квартала. Машина с вооруженными патрульными.

Туземцы завопили и начали разбегаться. Может быть, у них и не было особых поводов бояться, но все же они разбегались.

Теренс колебался, а Рик и Валона ничего не могли сделать без него. Внутренняя тревога Резидента усилилась до лихорадки. Если они побегут, то куда? Если останутся на месте, то что смогут сделать?

Какой-то широкоплечий детина приближался к ним тяжелой рысцой. На мгновение он приостановился рядом с ними, словно в нерешительности. Потом сказал равнодушно:

— Пекарня Хорова вторая налево, за прачечной. — И круто повернул обратно.

— В пекарню, — прохрипел Теренс.

Размышлять было поздно.

Он бежал весь в поту. Сквозь шум он слышал лающую команду из динамика патрульных. Он взглянул через плечо. С полдюжины патрульных рванулись из машины, рассыпаясь веером. А он, Теренс, в своей

проклятой резидентской одежде замечен так же, как любой из столбов, поддерживающих Верхний Город.

Двое патрульных бежали прямо к ним. Теренс не знал, увидели его или нет, да это и неважно. Оба столкнулись с тем широкоплечим, который только что сказал им о пекарне. Все трое были достаточно близко. Теренс услышал хриплый бас широкоплечего, громкие ругательства патрульных и толкнул Валону и Рика за угол.

Над пекарней висела сильно вылинявшая надпись из светящейся пластмассы, поломанной во многих местах. Из распахнутой двери струился восхитительный запах. Когда они вбежали внутрь, то не сразу различили затемненное мукой свечение радарных печей. Из-за бункера выглянул какой-то старик.

Теренс начал было: «Широкоплечий человек...» — и расставил руки для пояснения, как вдруг снаружи послышались крики: «Патруль! Патруль!»

— Сюда! Скорей! — проскрипел старик. — Залезайте в эту печь.

— Туда? — отшатнулся Теренс.

— Она ненастоящая. Скорее!

Сначала Рик, потом Валона, потом Теренс пролезли сквозь дверку печи. Что-то слабо щелкнуло, задняя стенка печи сдвинулась и свободно повисла на петлях. Они толкнули ее и прошли в маленькую, тускло освещенную комнату.

Они ждали. Вентиляция была плохая, и запах печеного хлеба усиливал голод. Валона все время улыбалась Рiku, механически время от времени похлопывая его по руке. Рик тупо смотрел на нее.

Прошла целая вечность.

В стенке щелкнуло. Теренс напрягся. Сам того не сознавая, поднял сжатые кулаки.

Сквозь отверстие протискивались огромные плечи. Они едва помещались там. Широкоплечий взглянул на Теренса и улыбнулся:

— Легче, приятель. Мы не будем драться. — Рубашка едва держалась у него на плечах, на скуле была красная ссадина. — Поиски окончились. Если вы голодны, можете заплатить и получите всего доволь. Что скажете?

Огни Верхнего Города освещали небо на целые мили, но в Нижнем стояла густая тьма. Окна пекарни были плотно завешены, чтобы скрыть свет.

— Я Матт Хоров, но меня называют Пекарем, — представился широкоплечий. — А вы кто?

— Ну, мы... — Теренс пожал плечами.

— Вижу. То, чего я не знаю, никому не повредит. Возможно. Однако в этом вы можете мне довериться. Я спас вас от патрульных, не так ли?

— Да. Благодарю. — Теренсу не удавалось придать своему голосу сердечность. — Как вы узнали, что они гонятся за нами? Там разбегались все.

Тот улыбнулся.

— Ни у кого не было такого лица, как у вас. Ваши лица можно было бы размолоть на известку...

Теренс попытался улыбнуться.

— Но вы рисковали жизнью. И я благодарю вас за спасение.

— Я делаю это каждый раз, когда могу. Если патрульные гонятся за кем-нибудь, я не могу не вмешаться. Я ненавижу патрульных.

— И попадаете в неприятности?

— Конечно. Вот зачем я построил эту поддельную печь. С нею патрульные не могут поймать меня и затруднить мне работу. Вы знаете, сколько на Флорине сквайров? Десять тысяч. А сколько патрульных? Может быть, двадцать тысяч. А нас, туземцев, — пятьсот миллионов. Если все мы встанем против них... — Он прищелкнул пальцами.

Теренс возразил:

— Мы встали бы против иглоружей и плазменных пушек. Пекарь.

— Нам нужно завести свои. Вы, резиденты, жили слишком близко к сквайрам. Вы их боитесь.

Мир Валоны переворачивался кверху дном. Этот человек дрался с патрульными, а сейчас говорил так уверенно и небрежно с Резидентом. Когда Рик схватил ее за рукав, она разжала его пальцы и велела ему спать.

— Даже имея иглоружья и плазменные пушки, сквайры могут владеть Флориной только при одном условии: это помощь ста тысяч резидентов

Теренс вскипел:

— Прежде всего я ненавижу сквайров еще больше, чем вы. И все-таки...

— Продолжайте, — хохотнул Пекарь. — Я не выдам вас за вашу ненависть к сквайрам. Итак: почему же патрульные погнались за вами?

Теренс не ответил.

— Осторожность, конечно, не мешает, но бывают и такие вещи, как чрезмерная осторожность, Резидент. Вам понадобится помощь. Они знают, кто вы.

— Нет, не знают, — поспешно сказал Теренс.

— Они должны были видеть ваши документы в Верхнем Городе.

— Кто вам сказал, что я был в Верхнем Городе?

— Я догадался.

— Мою карточку смотрели, но не так долго, чтобы прочесть мое имя.

— Достаточно долго, чтобы признать в вас Резидента. Им остается только найти Резидента, который отсутствовал в своем городе сегодня. Наверно, все провода на Флорине гудят сейчас об этом. Итак: вам нужно помочь?

Они говорили шепотом. Рик свернулся в углу и уснул. Взгляд Валоны переходил с одного из говоривших на другого.

— Нет, спасибо. — Теренс покачал головой. — Я... я выпутаюсь сам.

Пекарь расхохотался.

— Интересно посмотреть как. И все-таки подумайте над этим до утра. Может быть, вы и решите, нужна ли вам помощь.

— Валона.

Голос был так близко, что легкое дыхание шевелило ей волосы, и так тих, что она едва расслышала его. Она была прикрыта только простыней и сжалась от страха и смущения.

Это был Резидент.

— Молчи. Только слушай. Я ухожу. Дверь не заперта. Но я вернусь. Ты слышишь? Ты понимаешь?

Она протянула руку в темноту, нашла его руку, сжала ее.

— И следи за Риком. Не теряй его из виду. Валона... — Он долго молчал. — Не доверяй слишком этому Пекарю. Я его не знаю. Ты поняла?

Послышался легкий шорох, потом еще более легкий, отдаленный скрип, и он ушел. Она приподнялась на локте, но, кроме дыхания Рика и своего собственного, не услышала ничего.

Она сомкнула веки, сжала их в темноте, пытаясь думать. Почему Резидент сказал так о Пекаре, который ненавидит патрульных и спас их троих? Почему, когда все запуталось как нельзя больше, этот Пекарь явился и действовал так быстро и уверенно? Может быть, все подстроено заранее, и Пекарь давно уже ожидал того, что случилось потом?..

— Алло! Вы еще здесь!

Она окаменела, когда луч света упал прямо на нее. Потом медленно опомнилась и натянула простыню до шеи. Луч погас. Ей не нужно было догадываться о том, кто спрашивал. Его широкие плечи смутно рисовались в полусвете, просачивающемся сзади.

— Я думал, ты ушла вместе с ним.

— С кем, сударь? — слабо спросила Валона.

— С Резидентом. Ты знаешь, девушка, что он ушел. Не пробуй притворяться.

— Он вернется, сударь.

— Он сказал, что вернется? Он ошибся. Патрульные поймают его. Он не очень хитер, твой Резидент, иначе бы он увидел, что я оставил дверь открытой нарочно. Ты тоже собираешься уходить?

— Я подожду Резидента.

— Как угодно. Ждать придется долго. Уйдешь, когда захочешь.

Снова вспыхнул луч и заскользил по полу, пока не нашел худое, бледное лицо Рика. Веки у Рика судорожно сжались от света, но он продолжал спать.

— А вот этого человека тебе лучше оставить здесь. Если ты решила уйти, дверь открыта, но не для него.

— Он только бедный, больной парень... — начала Валона высоким, испуганным голосом.

— Да? Ну, так я собираю бедных, больных парней, и этот останется тут. Помни это!

Луч света словно приковался к спящему лицу Рика.

Доктор Селим Джунц терял терпение уже целый год, но к нетерпению нельзя привыкнуть даже со временем. Скорей наоборот. Тем не менее этот год научил его, что Саркитскую Разведку нельзя торопить; тем более что сами сотрудники были по большей части переселенными флоринианами и поэтому страшно дорожили своим достоинством.

Однажды он беседовал со стариком Эблом — транторианским посланником, прожившим на Сарке так долго, что его башмаки пустили корни здесь; Джунц спросил, почему саркиты позволяют служить в своих собственных государственных учреждениях тем самым людям, которых они так искренне презирают.

Эбл прищурился над кубком зеленого вина.

— Политика, Джунц, — сказал он. — Политика. Все дело в практической генетике, проводимой с саркитской логикой. Сами по себе они мелкие, не стоящий народ, эти саркиты, и важны лишь постольку, поскольку владеют неистощимой золотой россыпью — Флориной. Поэтому они каждый год снимают сливки с флоринианских городов и поселков и привозят цвет тамошней молодежи на Сарк для обучения. Посредственных сажают заполнять бланки и подписывать заявления, а по-настоящему умных отправляют обратно на Флорину, чтобы они стали резидентами, этими туземными правителями городов. Самые разумные элементы на Флорине искренне преданы делу саркитов, так как пока они служат Сарку, о них хорошо заботятся, а как только они от Сарка отвернутся, то самое большее, на что они смогут надеяться, — вернуться к флоринианскому существованию. А это неважная вещь, друг мой, совсем неважная.

Старый дипломат одним глотком допил вино и продолжал:

— Далее. Ни резиденты, ни сотрудники учреждений на Сарке не могут иметь детей, не теряя своего положения. Даже от флоринианских

женщин. О смешанных браках с саркитами и говорить нечего. Таким образом, лучшая часть флоринианских генов все время уходит из обращения, так что в конце концов Флорина будет населена только дровосеками и водоносами.

— Но тогда сами саркиты останутся без служащих, не так ли?

— Это дело будущего.

Итак, сейчас доктор Джунц, космоаналитик, сидел в одной из внешних приемных Департамента по флоринианским делам и нетерпеливо ждал минуты, когда его вызовут, пока низшие служащие-флориниане беспрерывно спешили по бюрократическим лабиринтам. Наконец его провели в роскошно обставленный кабинет и указали кресло перед столом Клерка Младшего Секретаря. Ни один флоринианин не мог быть чем-либо большим, чем Клерк, независимо от того, сколько нитей подлинного действия держит он в своих руках. Младший и Старший Секретари по флоринианским делам были, конечно, саркитами, но хотя Джунц мог встречаться с ними в обществе, он знал, что никогда не встретит их в учреждении.

Клерк тщательно просматривал картотеку, разглядывая каждый мелко исписанный листок так, словно там содержались секреты всей Вселенной. Он был молодой, вероятно, недавно кончил школу; как у всех флориниан, у него были очень светлые волосы и кожа. Наконец, он отложил в сторону бумаги и произнес:

— Судя по записям, вы бывали в этом учреждении и раньше?

— Да, бывал, сударь, — сказал с некоторой резкостью доктор Джунц.

— Но не в последнее время?

— Но не в последнее время.

— Вы все еще разыскиваете одного космоаналитика, исчезнувшего... — Клерк перебрал листки, — ...более одиннадцати месяцев назад?

— Совершенно верно.

— За все это время, — продолжал Клерк, — не встречалось никаких следов этого человека и не было

доказательств, что он когда-нибудь вообще находился на саркитской территории.

— Последнее сообщение от него, — произнес ученый, — было получено из пространства близ Сарка.

Клерк взглянул на него; бледно-голубые глаза на мгновение сосредоточились на Джунце, потом опустились.

— Возможно, но его присутствие на Сарке не доказано.

Не доказано! Губы у Джунца плотно сжались. Именно этот ответ, все более и более категоричский, он получал от Межзвездного Космоаналитического Бюро за последние месяцы.

«Нет доказательств, доктор Джунц. Нам кажется, что вы могли бы найти лучшее применение своему времени, доктор Джунц. Бюро позаботится о том, чтобы поиски продолжались, доктор Джунц».

Все это означало: «Перестаньте швыряться деньгами, Джунц!»

Это началось, как правильно сказал Клерк, одиннадцать с половиной месяцев назад по Межзвездному стандартному времени. За два дня до того, как Джунц опустился на Сарк, намереваясь произвести обычную инспекцию отделений Бюро на этой планете. Его встретил представитель МКБ, молодой человек, непрестанно жевавший какой-то эластичный продукт химической промышленности Сарка.

Инспекция почти уже закончилась, когда местный представитель, вспомнив о чем-то, отправил свою эластичную жвачку за коренные зубы и сказал:

— Сообщение от одного из наблюдателей, доктор Джунц. — И протянул листок.

Джунц прочел вслух:

— Прошу сохранять прямую кодированную ленту Главштаба МКБ для подробного сообщения о деле чрезвычайной важности. Затронута вся Галактика. Делаю посадку по минимальной траектории.

Агент развеселился.

— Представьте только, сударь! «Затронута вся Галактика». Это здорово, даже для наблюдателя. Я вызвал его по межзвездной связи, когда получил сообщение и хотел добиться толку, но мне не удалось. Он твердил только, что в опасности находится жизнь каждого из обитателей Флорины. Понимаете, там полмиллиарда человек. Он был похож на психопата. Поэтому, откровенно говоря, мне не хочется встречаться с ним наедине, когда он опустится. Что вы предлагаете?

— У вас есть запись вашего разговора?

— Да, сударь. — Он порылся в карманах. — Вот.

Это был кусочек ленты. Джунц пробежал его в аппарате и нахмурился.

— Это копия, да?

— Я послал оригинал в Бюро Межпланетного Транспорта на Сарке. Я думал, лучше всего будет встретить его с каретой «Скорой помощи». Ему, наверно, было очень плохо.

Джунцу хотелось согласиться с молодым человеком. Когда одинокие аналитики космических глубин сходят с ума, то реакции у них могут быть очень сильными. Джунц задумался.

— Погодите. Вы сказали так, словно он еще не сел?

Агент казался удивленным.

— Я думаю, он сел, но мне никто не сообщал об этом.

— Ну так вызовите Транспорт и спросите о подробностях. Психопат он или нет, но подробности должны быть записаны.

Джунц пришел туда на следующий день для последней проверки перед отлетом. У него было много дел на других планетах, и он спешил. Почти уже уходя, он спросил оборачиваясь:

— Ну, что с нашим наблюдателем?

— Ах да, я совсем забыл, — спохватился агент. — Транспорт о нем ничего не знает. Я послал энергетический спектр его гиператомного двигателя, и они сказали, что его корабля нет нигде в пространстве.

Джунц решил отложить свой отъезд на сутки.

На следующий день он побывал в Бюро Межпланетного Транспорта в городе Сарке, столице планеты. Тут он впервые встретился с флоринианскими бюрократами, но те качали головами ему в ответ. Они получили сообщение о предполагаемой посадке одного аналитика из МКБ. Да, но корабль не садился.

— Но это важно, — настаивал Джунц. — Человек очень болен.

Получили ли они копию записи его разговора с агентом МКБ? Они широко раскрывали глаза. Копию? Никто не мог вспомнить, что получал что-нибудь. Они сожалеют, если человек болен, но никакой корабль МКБ не опускался здесь.

Джунц вернулся к себе в отель и долго размышлял обо всем этом. Пришел еще один срок, назначенный им для отъезда. Он сменил свою комнату на другую, более приспособленную к длительному пребыванию. Он устроил себе свидание с Людиганом Эблом, транторианским посланником.

Следующий день он провел, читая книги по истории Сарка; и когда время встречи с Эблом пришло, то его сердце билось с тихой, еле сдерживаемой яростью. Это не пройдет им даром...

Старый Посланник принял его, как гостя, потряс ему руку, вызвал механического бармена и на первых двух стаканах не допускал никаких разговоров о делах. Джунц воспользовался случаем для полезной болтовни, спросил о Флоринианской Гражданской Службе и выслушал лекцию о практической генетике на Сарке. Гнев его усилился. И все-таки он спокойно начал излагать историю, рассказывая ее экономно-скупно. Эбл не перебивал.

Когда Джунц кончил, он спросил:

— Послушайте, вы знаете этого исчезнувшего?

— Нет.

— И не встречали его?

— С нашими наблюдателями-аналитиками трудно встретиться.

— У него раньше бывали такие иллюзии?

— Это первая, судя по записям в центральном управлении МКБ, — если только это иллюзия.

— Но что я могу сделать?

— Дайте мне объяснить. Саркианское Бюро Межпланетного Транспорта проверило ближайшее пространство на энергетический спектр двигателей нашего наблюдателя и не нашло следов его. В этом они лгут не будут. Я не хочу сказать, что саркиты брезгают ложью, но они брезгают бесполезной ложью, и они-то уж знают, что я могу устроить проверку пространства в два-три часа.

— Правильно. Так что же?

— Есть два случая, когда энергетический спектр нельзя обнаружить. Один — это когда корабля нет в ближайшем пространстве, так как он проскочил гипер-пространство и ушел в другую область Галактики; второй — когда его вовсе нет в пространстве, так как он опустился на планету. Я не могу поверить, что этот человек передумал. Если его утверждения относительно опасности для Флорины и важности для Галактики являются мегаломаническими иллюзиями, то ничто не мешает ему опуститься на Сарк и сообщить об опасности. Он не мог бы передумать и улететь снова. У меня пятнадцатилетний опыт работы в этой области. Если же его заявление оказалось бы правдой, то дело было бы слишком серьезно, чтобы он мог бы передумать и уйти из ближнего пространства.

Старый транторианин поднял палец и сказал, слегка покачивая им:

— Значит, вы заключаете, что он находится на Сарке?

— Вот именно. Опять-таки тут есть две возможности. Во-первых, если он действительно охвачен психозом, то он мог высадиться на планете в любом месте, кроме космопорта. Он может блуждать где-нибудь, больной, наполовину амнотический. Это очень необычно, даже для наших наблюдателей, но это случается. В таких случаях амнезия обычно бывает временной. Когда она проходит, то жертва вспоминает подробности своей работы. В конце концов работа для космоаналитика — это сама жизнь. Часто такого больного обнаруживают потому, что он заходит в публичную

библиотеку и ищет литературу по космическому анализу.

— Понимаю. Так вы хотите, чтобы я помог вам получить от Комитета библиотекарей сообщение о таком случае?

— Нет, потому что здесь я не предвижу никаких трудностей. Я попрошу, чтобы некоторые стандартные работы по космическому анализу были поставлены в спецхранение и чтобы всякого, кто спросит о них, если он не может доказать, что он настоящий саркит, задержали и допросили. Это для меня сделают, потому что будут знать — или будет знать начальство, — что такой план мне ничего не даст вообще.

— Почему не даст?

— Я уверен, что наш человек высадился в космопорту Сарка, как и намеревался, а затем саркианские власти посадили его в тюрьму или даже убили.

— Вы шутите?

— Какие шутки? И жизнь, и богатство, и власть саркитов зависят от обладания Флориной. Вы не хуже меня знаете, что богатство Сарка заключено в кыртовых плантациях Флорины. И вот появляется человек — неважно, в здравом уме или нет — и говорит, что какое-то обстоятельство галактической важности угрожает жизни всем обитателям Флорины. Взгляните на эту копию последней передачи нашего наблюдателя.

Эбл взглянул на обрывок ленты, брошенный Джунцем ему на колени.

— Это немного.

— Конечно. Здесь сказано, что опасность есть. Что это какая-то огромная опасность. Вот и все. Но такое нельзя было посылать саркитам. Даже если космоаналитик ошибался, разве могло саркитское правительство позволить ему распространять свое безумие, если только это было безумием, и наполнять им всю Галактику? Не говоря уже о панике, которая могла бы подняться на Флорине, о помехах в производстве кыртового волокна, очевидно, что вся грязь политических взаимоотношений между Сарком и Флориной откры-

лась бы перед Галактикой во всей своей красе. А чтобы всего этого избежать, они должны отделаться только от одного человека. Поколеблется ли Сарк перед убийством в подобном случае? Планета с такими, как вы описали, генетическими экспериментаторами колебаться не станет.

— Так что же вы хотите, чтобы я сделал? Пока мне еще ничего не ясно в этой истории. — Эбл казался невозмутимым.

— Найдите, кто его убил, — мрачно произнес Джунц. — У вас должна быть организация для шпионажа здесь. О, не будем играть в прятки. Я шатаюсь по Галактике достаточно долго, чтобы выйти из политического отрочества. Докапывайтесь до сути, пока я буду отвлекать их внимание своими библиотечными разговорами. А когда вы изобличите их как убийц, то я хочу, чтобы Трантор показал, что ни одно правительство в Галактике не должно рассчитывать на безнаказанность, убивая людей из МКБ.

Так окончилась его первая встреча с Эблом.

Джунц был прав в одном: саркитские власти были очень любезными, пока это касалось библиотечных дел. Но во всем остальном он был, по-видимому, не прав. Проходили месяцы, а агенты Эбла не могли найти на Сарке следов исчезнувшего наблюдателя, живого или мертвого.

Так продолжалось более одиннадцати месяцев. Джунц начал чувствовать, что готов отказаться от всего. Он решил подождать конца двенадцатого месяца и не ждать больше. А потом появился проблеск, и он был вовсе не от Эбла, а от подставного лица. Пришло сообщение из Публичной библиотеки Сарка, и Джунц оказался сидящим через стол от сотрудника Отдела по флоринианским делам.

Клерк закончил свои мысленные расчеты и взглянул на посетителя.

— Итак, что я могу сделать для вас?

Джунц заговорил сухо и точно:

— Вчера, в 4.22 пополудни, мне сообщили, что

Флоринианский филиал Публичной библиотеки Сарка задерживает для меня человека, который пытался получить две стандартные работы по космическому анализу и который не был прирожденным саркитом. С тех пор из библиотеки никаких сообщений не было. — Он слегка повысил голос, чтобы заглушить какое-то возражение, начатое было Клерком. — В бюллетене теленовостей, принятом на общественном аппарате, который находится в отеле, где я сейчас живу, и помеченном 0.05 пополудни, вчера, сказано, что во Флоринианском филиале Публичной библиотеки Сарка сбит и находится в бессознательном состоянии член Флоринианского патруля и что ведется преследование трех флоринианских туземцев, считаемых ответственными за этот проступок. Позже, в передаче новостей, этот бюллетень не был повторен. Так вот, я не сомневаюсь в том, что обе части сообщений связаны между собою. Я не сомневаюсь в том, что человек, которого я разыскиваю, находится в руках патруля. Я просил разрешения лететь на Флорину и получил отказ. Я запрашивал Флорину о том, чтобы прислать этого человека на Сарк, и не получил ответа. Я прихожу в Отдел по флоринианским делам, чтобы просить у него содействия в этом направлении. Либо я полечу туда, либо его пришлют сюда.

Безжизненный голос Клерка произнес:

— Правительство Сарка не принимает ультиматумов от сотрудников МКБ. Мое начальство предупредило меня, что вы, вероятно, будете расспрашивать меня об этом деле, и я получил соответствующие инструкции. Человек, о котором сообщалось, что он хотел получить книги из спецхранения, и двое его спутников, Резидент и флоринианская женщина, действительно совершили проступок, о котором вы говорили, и патруль преследовал их. Однако они не были схвачены.

Джунца охватило горькое разочарование. Он не попытался скрыть его.

— Они бежали?

— Не совсем. Они были прослежены до пекарни некоего Матта Хорова.

Джунц поразился.

- И им позволили остаться там?
- Беседовали ли вы в последнее время с его светлостью Людиганом Эблом?
- Что в этом общего с...
- Нам известно, что вас часто видели в транторианском посольстве.
- Я не видел посла уже с неделю.
- Тогда я предлагаю вам повидаться с ним. Мы дозволили преступникам оставаться в лавке Хорова вследствие щекотливости наших межзвездных взаимоотношений с Трантором. Мне поручено сказать вам, если понадобится, что Хоров, чему вы, вероятно, не удивитесь... — на бледном лице Клерка появилось что-то очень похожее на насмешливую гримасу, — хорошо известен нашему Отделу безопасности как транторианский агент.

ПОСЛАННИК

За десять часов до разговора Джунца с Клерком Теренс выскользнул из пекарни Хорова. Теренс осторожно пробирался по переулкам. Его рука касалась шершавой поверхности рабочих хижин. Кругом был полный мрак, если не считать бледного света, периодически падавшего из Верхнего Города.

Нижний Город походил на спящее ядовитое чудовище, лоснящиеся кольца которого скрывались под блестящим покровом Верхнего. Кое-где, вероятно, шла призрачная ночная жизнь, но не здесь, не в трущобах.

Теренс отпрянул в пыльную улочку (даже ночные дожди Флорины едва могли проникнуть в обитель тени под сталесплавом), услышав звук отдаленных шагов. Огни фонариков появились, скользнули мимо, исчезли, растворились во тьме.

Патрульные ходили взад и вперед всю ночь. Внутреннего ими страха было вполне достаточно, чтобы поддерживать порядок почти без применения силы.

Теренс спешил; на лицо ему падали белые блики, когда он проходил под отверстиями в сталесплаве вверху, и он не мог удержаться, чтобы не поглядеть наверх.

Сквайры недоступны!

Действительно ли они были недоступны? Сколько раз уже менялось его отношение к саркитским Сквайрам. Ребенком он не отличался от прочих детей. Патрульные были черно-серебряными чудовищами, от них нужно было убежать, все равно, провинился ты или нет. Сквайры были туманными, мистическими сверхлюдьми, чрезвычайно добрыми, жившими в раю под названием Сарк и терпеливо, бдительно охранявшими благосостояние глупых обитателей Флорины.

Десятилетним мальчишкой он написал в школе сочинение о том, как представляет себе жизнь на Сарке. Это был чистый вымысел. Он помнил очень немного, только один абзац. Там описывались Сквайры, они собираются каждое утро в огромном зале, окрашенном как цветы кырта, и стоят там в своем 20-футовом великолепии, рассуждая о преступлениях флориниан и сетуя о необходимости карать их, дабы вернуть к добродетели.

Учительнице его сочинение очень понравилось, и в конце года, когда другие мальчики и девочки проходят короткие курсы чтения, письма и морали, его перевели в специальный класс, где он учился арифметике, галактографии и истории Сарка. В 16 лет его взяли на Сарк.

Теперь Теренс приближался к окраинам города. Случайный ветерок доносил до него густой ночной аромат цветов кырта. Через несколько минут он будет в сравнительной безопасности среди открытых полей, где нет регулярных обходов патруля и где сквозь клочковатые ночные облака он снова увидит звезды. Даже ту яркую желтую звезду, которая была солнцем для Сарка.

Она была солнцем и для него много лет подряд. Когда он впервые увидел ее в иллюминаторе корабля уже не как звезду, а как невыносимо яркий белый шарик, ему захотелось упасть на колени.

Мысль о том, что он приближается к раю, прогнала даже парализующий страх первого космического перелета.

Он высадился в раю, и его поручили старику флоринианину, который проследил за тем, чтобы он хорошо вымылся и прилично оделся. Его привели в большое здание, и по пути туда старый проводник низко поклонился проходившей мимо фигуре.

— Кланяйся! — сердито шепнул старик юному Теренсу.

Теренс повиновался и был смущен.

— Кто это?

— Сквайр, деревенщина!

— Это — Сквайр?

Он резко остановился, и его пришлось подогнать. Так он познакомился со Сквайрами. Они оказались обыкновенными людьми. Другие юные флориниане, быть может, и оправились бы после такого разочарования, похожего на удар, но Теренс не мог. Что-то внутри его изменилось, переменилось навсегда.

Больше пяти лет проработал он в Гражданской Службе, и его, как обычно, перебрасывали с места на место, чтобы проверить его способности.

Однажды к нему пришел пухлый, мягкий флоринианин, дружески улыбнулся, похлопал по плечу и спросил, что он думает о Сквайрах.

Теренс подавил желание повернуться и убежать. Он подумал, не отпечатались ли его тайные мысли на его лице в виде какого-то таинственного кода. Он покачал головой, забормотал что-то насчет добродетели Сквайров.

Но пухлый человек поджал губы и сказал:

— Вы не думаете этого. Приходите сюда ночью. — И дал ему маленькую карточку, которая через несколько минут истлела и превратилась в пепел.

Теренс пришел. Ему было страшно, но и очень интересно. Он встретил нескольких знакомых, они глядели на него таинственно. Оказалось, что он не был одинок.

Эти люди тоже считали Сквайров низкими

скотами, выжимающими богатства из Флорины для собственных никчемных развлечений и оставляющими тяжело работающих туземцев умирать в нищете и невежестве. Он узнал, что приближается время, когда против Сарка будет поднято гигантское восстание и богатства Флорины будут отданы их законным владельцам.

— Но Сквайры и патрульные вооружены... — недоумевал Теренс.

И ему рассказали о Транторе, о гигантском государстве, непрерывно расширявшемся за последние столетия, так что теперь в него входит половина всех обитаемых планет в Галактике. Трантор, сказали ему, разобьет Сарк с помощью флориниан.

— Но, — сказал Теренс сначала себе, потом другим, — если Трантор так велик, а Флорина так мала, — не станет ли Трантор еще более крупным и тираническим хозяином? Если это единственный выход, то лучше уж терпеть Сарк.

Но над ним посмеялись и прогнали его, угрожая смертью, если он когда-либо проговорится о том, что слышал.

Теренс даже провел некоторое время в Отделе Безопасности, на что могли надеяться лишь немногие из флориниан. Здесь Теренс увидел, к своему удивлению, что нужно бороться и с настоящими заговорами. Люди на Флорине каким-то образом сходились и начинали готовить восстание.

Обычно их поддерживали деньги Трантора. Иногда предполагаемые мятежники действительно думали, что Флорина может победить без посторонней помощи.

А потом появился этот незначительный с виду человек, который был когда-то космоаналитиком, а теперь бормотал о чем-то, угрожающем жизни каждого из обитателей Флорины...

Теренс был теперь в полях, где прошел ночной дождь и звезды мерцали из облаков. Он глубоко вдыхал запах кырта — сокровища и проклятия Флорины.

У него не было иллюзий. Да, он уже не Резидент. И даже не свободный флоринианский крестьянин. Да, он беглый преступник, беглец, который должен скрываться. Но за последние сутки у него в руках было величайшее оружие против Сарка. Сомнений не было. Он знал, что Рик вспомнил правильно, что Рик был когда-то космоаналитиком, что он был психозондирован почти до идиотизма.

Но Рик в толстых руках человека, который выдает себя за флоринианского патриота, а на самом деле это транторианский агент, в чем нельзя было сомневаться с первого же мгновения. Кто еще из жителей Нижнего Города смог бы построить поддельную радарную печь?

Как бы то ни было, нельзя оставлять Рика в руках Трантора. У него уже созрел план дальнейших действий. Надо только подождать рассвета.

Через десять часов после своего собеседования с Клерком Джунц снова встретился с Людиганом Эблом.

Посланник приветствовал Джунца со своей обычной сердечностью, хотя и с явным чувством вины. При первой встрече (это было давно, прошел почти Стандартный год) Эбл не обратил внимания на его рассказ о космоаналитике. Тогда он думал лишь об одном: поможет ли это Трантору?

Трантор! Он всегда был первым в его мыслях, но Эбл был не из тех глупцов, которые обожают звездный рай или желтый значок транторианских военных сил с солнцем и космическим кораблем.

Словом, он не был патриотом в обычном смысле этого слова, и Трантор как Трантор не значил для него ничего.

Но он был поклонником мира; тем более что он старел и любил свой кубок с вином, атмосферу, наполненную тихой музыкой, послеобеденный сон и спокойное ожидание смерти. Он считал, что так должны поступать все, но люди предавались войне и разрушению. Они умирали, замороженные пус-

тотой космического пространства, испаряясь во вспышке взорвавшихся атомов, голодая на осажденных обстреливаемых планетах.

В кабинете у Эбла висела карта Трантора — кристально прозрачный свод с трехмерной схемой Галактики. Звезды были белыми алмазными искрами, туманности — пятнами светлого или темного тумана, а глубоко в недрах мерцало несколько синих огоньков, представлявших собой Транторрианскую Республику.

Карта была историческая, с десятью кнопками, так что через каждые 50 лет можно было проследить, как вокруг Трантора загоралось множество звезд.

Простое нажатие десяти кнопок — и проходит полтысячи лет, и господство Трантора распространяется, пока не охватывает половины Галактики.

По мере того как Транторрианская Республика превращалась в Транторрианское Содружество, ее путь проходил сквозь чащу погибших людей, погибших кораблей, погибших миров. Но все это придавало Трантору силу.

А сейчас Трантор трепетал на грани нового превращения: из Транторрианского Содружества в Галактическое, когда его господство поглотит все звезды и настанет вселенский мир. И Эблу хотелось именно этого.

Итак, поможет ли это Трантору? — вот о чем думал осторожный Посланник год назад при первом разговоре с доктором Джунцем.

— ...Нет, я вовсе не сержусь на ваших агентов, пущенных за мной по пятам, — говорил Джунц. — Вероятно, вы осторожны и не должны доверять никому и ничему. И все-таки: почему мне не сообщили, когда местопребывание разыскиваемого мною человека было обнаружено? Или вы тоже не знали, что искать его на Сарке было бессмысленно, поскольку весь этот год он был на Флорине? Но теперь вы нашли его, и я хочу с ним поговорить.

— Я сожалею, но вы не сможете этого сделать.

— Почему?

— Хорошо, я отвечу вам. Потому что двенадцать часов назад Матт Хоров, транторианский агент, был убит членом флоринианского патруля. Двое флориниан, которых он прятал у себя, женщина и мужчина, — по всей вероятности, разыскиваемый вами наблюдатель, — ушли, исчезли. Очевидно, они попали в руки Сквайров.

Джунц приподнялся с кресла.

Эбл спокойно поднял к губам стакан с вином и произнес:

— Официально я ничего не могу сделать. Убитый был флоринианином, а исчезнувшие, пока мы не сможем доказать обратного, тоже флориниане.

ПАТРУЛЬНЫЙ

Рик проснулся в серой мгле рассвета. Долгие минуты он лежал, проверял свой разум. Что-то в нем зажило за ночь; что-то срослось и стало цельным. Это готово было случиться еще с той минуты, два дня назад, когда он начал «вспоминать». Процесс продолжался весь вчерашний день. Поездка в Верхний Город, библиотека, нападение на патрульного, а потом бегство и встреча с Пекарем — все это действовало на него как фермент. Ссохшиеся волокна мозга, так давно замершие, начинали вынужденную болезненную деятельность. Теперь, после сна, в них чувствовалась слабая пульсация. Он думал о пространстве и звездах, о долгих одиноких странствиях, о великом молчании. Наконец, он повернул голову и окликнул:

— Лона!

Она мгновенно очнулась, приподнялась на локте, взглядываясь в его сторону.

— Я чувствую себя прекрасно, Лона. Я вспомнил еще больше. Я был в корабле и знаю в точности...

Но она не слушала его. Натянула платье, стоя к нему спиной, загладила передний шов-застежку и нервно потрогала пояс. Потом подошла на цыпочках.

— Тсс, не говори так громко. Все в порядке.

— Где Резидент?

— Его нет. Он... он ушел.

В комнате стало светло, и появилась массивная фигура Пекаря. Его толстые губы растянулись в улыбке.

— Вы рано проснулись.

Они молчали.

— Сегодня вы уйдете.

Она помнила, как он смотрел на Рика после того, как Резидент ушел.

— О вас сообщено кому следует. Вы будете в безопасности.

Он вышел, но вскоре вернулся, неся пищу, одежду и два таза с водой. Одежда была новая и казалась совершенно незнакомой.

Он смотрел, как они едят, потом сказал:

— Я дам вам новые имена и новые биографии. Вы должны внимательно слушать, чтобы ничего не забыть. Вы не флориниане, поняли? Вы брат и сестра с планеты Вотекус. Вы посетили Флорину..

Он продолжал, рассказывая подробности, задавая вопросы, слушая ответы.

Рику было приятно, что он может продемонстрировать свою память, свою способность к восприятию, но Валона казалась обеспокоенной.

Пекарь заметил это.

— Послушай, девушка. Если ты начнешь куражиться, я отошлю его одного, а ты останешься здесь.

— Нет, нет... — затрепетала Валона. — Я не причину вам никаких затруднений.

Солнце стояло уже высоко, когда Пекарь вывел их на улицу. Рик с изумлением оглядел себя, насколько мог. Он не знал, что одежда может быть столь диковинной. Валона совсем не походила на работницу с плантаций. Даже ноги покрывал какой-то тонкий материал, а каблуки были такие высокие, что ей приходилось очень осторожно балансировать на ходу.

Собрались прохожие, разглядывая их, окликая друг друга, переговариваясь. В большинстве это были дети, женщины, идущие на рынок, мрачные и оборванные бездельники. Пекарь словно не замечал их. В руках он сжимал толстую палку.

И тут дальние окраины окружающей толпы воз-

бужденно заволновались, и Рик различил черную с серебром форму патрульных.

Вот тогда это и случилось. Оружие, выстрел, упавший Пекарь и снова безумное бегство. Неужели черные тени патрульных будут вечно гнаться за ними?

Они очутились в трущобах одного из дальних пригородов. Валона тяжело дышала, на ее новом платье проступали влажные пятна пота.

Рик задохнулся:

— Я не могу больше бежать!

— Нужно!

— Подожди. — Он уперся, но она тянула его. — Слушай меня.

Страх и паника постепенно покидали его.

— Лона, куда мы бежим, зачем? На нас же косяты жителей другой планеты... Смотри, это дал нам Пекарь. — Рик возбужденно достал из кармана маленький прямоугольник, разглядывал его с обеих сторон и пытался раскрыть, как книгу. Ему это не удалось. Тогда он ощупал его края. Когда пальцы сжались на одном из углов, что-то щелкнуло, и одна сторона прямоугольника стала молочно-белой. Мелкие буквы на ней были непонятными, хотя он пытался медленно прочесть их по складам.

Наконец он сказал:

— Это паспорт. Значит, можно улететь отсюда. Ведь Пекарь хотел, чтобы мы покинули Флорину. На корабле. Давай так и сдадем.

— Рик, но нас поймают!

— Не поймают, если полетим не на том корабле, на котором он хотел нас отправить. Там нас будут подстерегать. Нам нужно лететь на другом корабле. На любом другом.

Корабль! Любой корабль. Эти слова пели у него в ушах. Была ли его идея удачной или нет — ему все равно. Ему хотелось быть на корабле. Хотелось быть в пространстве.

— Ладно, Рик! Я знаю, где тот космопорт. Когда я была маленькой, мы иногда в свободные дни ездили туда и смотрели издали, как корабли взлетают.

Контролер с улыбкой посмотрел на остановившихся

перед ним мужчину и женщину, неловких и вспотевших в своем странном одеянии, сразу выдавшем в них чужеземцев. Женщина протягивала паспорт сквозь прорез.

Взгляд на нее, взгляд на паспорт, взгляд на список забронированных мест. Он нажал нужную кнопку, и из автомата выскочили две прозрачные ленты.

— Ступайте, — нетерпеливо сказал он. — Наденьте их себе на руки и идите.

— А где наш корабль? — вежливым шепотом спросила женщина.

Это ему понравилось. Чужеземцы не часто попадались в космопорте Флорины. В последние годы они встречаются все реже и реже. Но когда они появляются, то это тебе не патрульные и не Сквайры. Они не знают, что ты только флоринианин, и разговаривают с тобой вежливо.

— Вы найдете его на площадке №17, сударыня. Желаю вам приятного перелета на Вотекс. — Он сказал это с пышной учтивостью.

Потом он вернулся к любимому занятию: звонить своим друзьям, пытаться незаметно подключаться к частным разговорам по энергетическим лучам в Верхнем Городе. Прошло несколько часов, прежде чем он понял, какую ошибку совершил.

Этот корабль был гораздо меньше, чем стоявший у площадки №17, на который были действительны их билеты. Он выглядел более полированным. Его четыре воздушных шлюза были открыты, главный вход зиял, и ведшая от него лесенка походила на высунутый язык, достигающий земли.

— Его проветривают, — сказал Рик. — Пассажирские корабли всегда проветривают перед полетом, чтобы избавиться от запаха сжатого кислорода, много раз уже использованного.

Валона взглянула на него.

— Откуда ты знаешь?

Рик почувствовал нарастающую в нем гордость.

— Просто знаю. Там сейчас никого нет. На сквозняках никому не приятно. — Он тревожно оглянулся. — Странно, почему народу так мало.

Струя воздуха устремилась им навстречу, когда они вошли в шлюз корабля. Платье у Валоны вздулось, и ей пришлось держать подол руками.

— Это всегда так бывает? — спросила она. Ей никогда не случалось бывать в космическом корабле, она даже не мечтала об этом. Губы у нее сжались и сердце стучало.

— Нет. Только во время продувки.

Рик радостно двинулся по твердым металлическим мосткам, жадно оглядывая пустое помещение.

— Вот, — сказал он. — Это кухня. Впрочем, пища не так важна. Некоторое время мы можем обойтись и без нее. Вода важнее.

Он начал возиться среди утвари, расположенной в уютных, компактных гнездах, и раздобыл большой контейнер с крышкой. Поискал взглядом водяной кран и облегченно ухмыльнулся, когда раздались мягкие вздохи насоса и журчанье воды.

— Теперь возьмем несколько жестянок. Не нужно много. Нельзя, чтобы это заметили.

Рик нашел маленькую комнатку, занятую пожарным оборудованием, аварийными медицинскими запасами и аппаратами для сварки.

— Устроимся здесь, Лона, — сказал он не очень уверенно. — Сюда не заглядывают, разве что в крайних случаях. Нам нельзя будет зажигать свет, чтобы они не заметили утечки энергии, и пользоваться туалетом: придется выжидать периодов отдыха и не попадаться на глаза ночным сменам.

Ток воздуха внезапно прекратился. Мягкое, монотонное журчание сменилось тишиной.

— Скоро они погрузятся, и тогда мы полетим, — сказал Рик.

Если Рик почувствовал себя человеком, когда проснулся сегодня на рассвете, то сейчас он был гигантом и руки его протягивались через всю Галактику. Звезды были мячиками, а туманности — клочьями паутины, которые нужно снять.

Он был на корабле! Воспоминания хлынули широким потоком, вытесняя друг друга. Он забывал о кыртовых полях, о фабрике, о Валоне, ворковавшей в темноте. Это были лишь мгновенные разрывы в кар-

тине, которая возвращалась теперь и оборванные концы которой медленно соединялись.

Корабль!

Если бы Рика раньше поместили на корабль, ему не пришлось бы ждать так долго, пока зарубцуются клетки, выжженные в мозгу.

— Не волнуйся, Валона, ты почувствуешь вибрацию и услышишь шум, но это будут только двигатели. Ты ощутишь на себе большую тяжесть. Это ускорение!

— А что это такое: ус-ко-ре-ни-е?

— Не бойся, Лона. Просто тебе будет неприятно, ведь у нас нет аппаратуры, воспринимающей давление. Ты прислонись к этой стене, а когда почувствуешь, что тебя прижимает к ней, не сопротивляйся. Чувствуешь: это уже начинается!

Он втиснулся в стену; и по мере того, как раскаты гиператомных двигателей нарастали, тяжесть все увеличивалась.

Валона тихонько застонала, потом умолкла, тяжело дыша. В горле у нее свистело; ее грудная клетка, не защищенная ремнями и гидравлическими буферами, старалась впустить в легкие хоть немного воздуха.

Рику удалось произнести, задыхаясь, несколько слов, не вдумываясь в их значение, но Валона должна чувствовать, что он здесь, рядом. Пусть ее покинет острый страх перед неизвестностью, который переполняет ее. Это был только корабль, только чудесный корабль; но ведь она никогда раньше не бывала на корабле.

— Валона, будет еще прыжок, когда мы войдем в гиперпространство и сразу покроем большую часть расстояния между звездами. Ты даже не заметишь, как это случится. Только чуть дернется что-то внутри, и готово. — Рик добывал слова медленно, слог за слогом, и они заняли много времени.

Тяжесть медленно исчезла, и, наконец, невидимые цепи, приковывавшие их к стене, ослабели и упали. Задыхаясь, Рик и Валона опустились на пол.

— Не ранен ли ты, Рик?

— Я, ранен? — Он еще не отдышался, но засмеялся при мысли, что может быть раненным на кораб-

ле. — Когда-то я месяцами не опускался ни на какую планету.

— Почему? — спросила она. Подползла поближе и приложила руку к его щеке, чтобы увериться, что ее Рик здесь.

— Такая у меня была работа.

— Да, — подтвердила она. — Ты анализировал Ничто.

— Правильно. Именно это я и делал. Ты знаешь, что это значит?

— Нет.

Он знал: она ничего не поймет, но должен был говорить. Должен был насладиться воспоминаниями, опьяниться тем, что может вспоминать прошлое.

— Видишь ли, все материалы во Вселенной состоят из сотни различных веществ. Мы называем эти вещества элементами. Железо и медь — элементы.

— Я думала, что металлы.

— Да, но они же и элементы. И кислород, и азот, и углерод, и палладий. Важнее всех водород и гелий. Они самые простые и встречаются чаще всех.

— Я никогда не слыхала об этом, — сказала Валона.

— Девяносто пять процентов всей Вселенной — это водород, а большая часть остального — гелий. Даже в пространстве.

— Мне говорили когда-то, — сказала Валона, — что пространство — это пустота. Там ничего нет. Правильно?

— Не совсем. Нет почти ничего. Но, видишь ли, я был космоаналитиком; это значит, что я носился в пространстве, брал из него очень маленькие количества элементов и анализировал их. Я определял, сколько там водорода, сколько гелия, сколько других элементов.

— Зачем?

— Ну, это сложно. Ведь распределение элементов в пространстве неодинаково. В некоторых районах встречается больше гелия, в других — больше натрия, и так далее. Такие области с особым аналитическим составом движутся в пространстве, как течения. Это

космические течения. Если изучить их особенности и направление, можно представить, как возникла Вселенная и как она развивалась.

— А как это можно узнать?

Рик поколебался.

— Никто не знает в точности... — Он продолжал говорить, опасаясь, что запас знаний, в которых сейчас блаженно купался его разум, может иссякнуть. — Потом мы определяем плотность, то есть густоту космического газа во всех районах Галактики, чтобы корабли могли точно рассчитать свой прыжок в гиперпространство. Это похоже на... — Голос у него замер.

Валона напряглась и нетерпеливо ждала продолжения. Но Рик умолк. Ее голос прозвучал хрипло в полном мраке:

— Рик? Что с тобой, Рик? — Снова молчание. Ее руки впились в его плечо, затрясли его. — Рик! Рик!

И ответил ей почему-то голос прежнего Рика. Тихий, испуганный, без всякой радости и уверенности:

— Лона, мы сделали что-то плохое.

— В чем дело? Что плохого мы сделали?

— Нам не нужно было убегать. Не нужно было прятаться на этом корабле.

Он весь дрожал, и Валона тщетно пыталась обтереть ему рукой влажный лоб.

— Почему? — спрашивала она. — Почему?

— Ведь если Пекарь хотел вести нас по городу среди бела дня, то, значит, он не ждал помех от патрульных. Ты помнишь патрульного? Того, что застрелил Пекаря?

— Да.

— Ты помнишь его лицо?

— Я не посмела смотреть.

— А я посмел, и в нем было что-то странное, в этом лице. Но тогда я не думал... Лона, это был не патрульный! Это был Резидент, Лона! Это был Резидент, переодетый патрульным!

Разгневанная Сэмия Файфская быстро шагала из конца в конец комнаты. Темные волосы Сэмии были собраны в пышную массу, тонкие каблучки делали ее чуть выше ростом. Ее узкий, четко раздвоенный подбородок дрожал.

— О нет, — шептала она, — этого он со мной не сделает. Этого он не сможет сделать... Капитан!

Голос у нее был резкий и властный. Капитан Рэйсти склонился перед ней.

— Моя госпожа?

— Мне нельзя приказывать, — торжественно сказала она. — Я взрослая. Я сама себе хозяйка. Я предпочитаю остаться здесь.

— Прошу вас понять, госпожа моя, — сказал осторожно капитан. — Это не мои приказы. Моего мнения не спрашивали. Мне попросту сказали, что я должен сделать. Вот копии приказов.

— Меня не интересуют ваши приказы. — Сэмия отвернулась и быстро отошла от него, застучав каблучками.

Он последовал за нею и произнес мягко:

— В приказе сказано, что, если вы не пожелаете лететь, я должен, простите меня, увести вас на корабль силой.

— Вы не посмеете! — Она резко повернулась к нему.

— Приказ таков, что я осмелюсь на все.

Она попыталась успокоить его.

— Но, капитан, ведь настоящей опасности нет. Это смешно, совершенно бессмысленно. Город спокоен. Все, что случилось, — это то, что вчера вечером в библиотеке сбили одного патрульного.

— Другой патрульный убит сегодня утром, и снова флоринианами.

— Что общего между ними и мною? Я не патрульный.

— Госпожа моя, корабль уже на старте. Вскоре он отлетит. Вы должны быть на нем.

— А моя работа? Мои исследования? Вы понимаете... Нет, вы не поймете.

Капитан не сказал ничего. Она отвернулась. Мерцающее платье из медного кырты с прожилками мо-

лочного серебра обрисовывало необычную теплую округленность ее плеч и рук. Капитан Рэйсти взглянул на нее с чем-то большим, чем убогая учтивость и смиренная бесстрастность, с какими простой саркит обязан смотреть на Высокородную Даму. Он всегда удивлялся, почему такая прелестная крошка предпочитает тратить свое время, притворяясь погруженной в университетские премудрости.

Сэмия очень хорошо знала: за это серьезное увлечение наукой ее, Сэмию Файфскую, слегка презируют те, кто привык думать, что удел аристократических Высокородных Дам Сарка — блистать в обществе и, кроме того, производить на свет не меньше (но и не больше) двух будущих саркитских Сквайров.

Они приходили к ней и говорили:

— Вы действительно пишете книгу, Сэмия? — и просили ее показать и хихикали.

Это женщины. Мужчины были еще хуже со своим любезным снисхождением и с явной убежденностью, что достаточно только взгляда с их стороны или мужской руки вокруг ее талии, чтобы излечить Сэмию от этого вздора и обратить ее мысли к действительно важным вещам.

Это началось давно. Сэмия всю жизнь была влюблена в кырт, хотя большинство людей принимало его как нечто должное. Кырт! Царь, император, бог тканей!

Химически это всего лишь разновидность целлюлозы. Химики клялись в этом. Но со всеми своими инструментами и теориями они не могли объяснить, почему на Флорине, и только на Флорине из всей Галактики, целлюлоза становится кыртом. Все дело в физическом состоянии, говорили они. Но спросите их, чем именно кырт отличается от целлюлозы, и они лишаются речи.

Когда-то, ослепленная блеском кыртовых волокон, она спросила у своей няньки:

— Почему он блестит, няня?

— Потому, что это кырт, Миаканс.

— Почему другие вещи не блестят так, няня?

— Другие — это не кырт, Миаканс.

Вот и все. Двухтомная монография на эту тему была написана три года назад. Она внимательно прочла ее. Все сводилось к нянькиному объяснению. Кырт — это кырт, потому что он кырт.

Правда, кырт не блестел сам по себе, но если спрясть его, как должно, то он будет сиять на солнце любым цветом или всем спектром сразу. Другой вид обработки придавал нити алмазное сверканье. Несложная обработка делала материал непроницаемым для 600 градусов и инертным почти ко всем химическим веществам. Волокна можно было превращать в тончайшие нитки для тончайших тканей, и те же волокна обладали прочностью на растяжение, с которой не мог соперничать никакой из известных стальных сплавов.

Кырт имел более широкое, более разнообразное применение, чем любое другое известное человеку вещество. Не будь он так дорог, он мог бы заменить стекло, пластмассу или металл во всех бесчисленных областях их применения в технике. Он был единственным материалом для нитяных крестов в оптических инструментах, для изложниц гидрохронов, применяемых в гиператомных моторах, для всех прочных сооружений — везде, где металл оказывался хрупким и слишком тяжелым.

Но кырта было мало, очень мало. Фактически весь сбор кырта шел на ткани, из которых выделялись самые сказочные одеяния в Галактике. Флорина одевала аристократию на миллионе планет, так что урожай приходилось распределять весьма скупо.

Когда Сэмия стала старше, она пришла к отцу.

— Что такое кырт, папа?

— Это хлеб и масло, Миа.

— Для меня?

— Не только для тебя, Миа. Это хлеб и масло для всего Сарк.

Она узнала, что не было планеты в Галактике, которая не пыталась бы выращивать кырт на своей собственной почве. Сначала Сарк принял

закон о смертной казни для всякого, кого поймут на контрабандном вывозе семян кырта с планеты. Это не помешало успехам контрабанды и Сарку стало ясно, что закон нужно отменить. Всякий, откуда бы он ни явился, мог покупать семена кырта, но ценою веса готовой кыртовой ткани. Ибо оказалось, что на любой планете Галактики, кроме Флорины, вместо кырта вырастал простой хлоп. Белый, тусклый, непрочный и бесполезный.

— Перепробовано было все. Брались образцы флоринианской почвы. Строились искусственные источники света, воспроизводящие спектр флоринианского солнца. Инопланетную почву заражали флоринианскими бактериями. А кырт всегда вырастал белым, тусклым, непрочным и бесполезным.

Вот уже пять лет Сэмия Файфская мечтала написать настоящую книгу по истории кырта: о планете, где он рос, и о людях, которые его выращивают.

Это была мечта, окруженная глумливым смехом, но Сэмия дорожила ею. Она настояла на том, чтобы полететь на Флорину. Она собиралась провести сезон в полях и несколько месяцев на фабрике. Она хотела...

Но не все ли равно, чего она хотела? Ей было приказано возвращаться. Что ж, она полетит на Сарк! Но она, Сэмия Файфская, вернется еще на Флорину. Через день, через два, через неделю!

Сэмия оставалась у иллюминатора, пока Флорина не перестала казаться едва заметным шариком...

— Госпожа, не угодно ли вам удалиться в вашу каюту?

Она взглянула на капитана Рэйсти и сказала без сарказма:

— Какие новые приказы вы получили, капитан? Уж не пленница ли я?

— Конечно, нет. Это только предосторожность. Космопорт перед нашим взлетом был необычно пуст. Повидимому, этот флоринианин убил еще кого-нибудь, и

весь гарнизон космопорта помогает патрульным ловить преступника по всему Городу.

— А при чем тут я?

— Мне кажется, на наш корабль проникли нежелательные лица.

— Зачем?

— Пока я этого не знаю.

— Вы придумываете, капитан.

— Боюсь, что нет, госпожа моя. Правда, наши энергометры были бесполезны в пределах планетарного расстояния от флоринианского солнца, но теперь они действуют, и мне кажется, что из аварийных складов исходит излишек теплового излучения.

— Это вы серьезно?

Неподвижное лицо капитана на мгновение стало высокомерным. Он сказал:

— Излучение равновелико тому, какое могли бы дать двое обыкновенных людей.

— Или нагревательная установка, если кто-нибудь забыл ее выключить.

— Наши энергетические запасы не тронуты, госпожа моя. Впрочем, мы готовы произвести расследование, но я прошу вас сначала удалиться в каюту.

Она молча кивнула и вышла.

Когда Мирлин Теренс, переодетый в форму патрульного, увидел на улице Пекаря, Рика и Валону, он понял, что действовать надо быстро и решительно. У него не было выбора: он потянулся к оружию, и Пекарь упал перед ним, мертвый и страшный.

Позже, когда толпа кипела и струилась, когда Рик и Валона растворились в толпе, а летательные машины настоящих патрульных появились в воздухе, как коршуны, что еще он мог сделать?

Первым его импульсом было бежать за Риком и Валоней, но он быстро подавил его. Он никогда не пробьется к ним сквозь эту сумасшедшую толпу, а вероятность того, что патрульные его поймают, была слишком велика. Он поспешил в другую сторону, к пекарне.

На рассвете он подошел к патрульной станции. Одиноким скучающий дежурный был смесью равноду-

шие и свирепости. Теренсу было приказано удостоверять свою личность и род занятий. Вместо документов Резидент вынул из кармана пластиковый брусок, вырванный из какой-то полуразрушенной хижины на окраине города.

Он ударил патрульного бруском по голове, потом обменялся с ним платьем и оружием. Список его преступлений был уже достаточно велик, и он не встревожился, когда увидел, что патрульный не только оглушен, но и убит.

А он все еще был на свободе, и ржавая машина патрульного правосудия до сих пор напрасно скрежестала, разыскивая его.

Он был у пекарни. Пожилой помощник Пекаря, стоявший на пороге, тонко пискнул при виде страшной формы патрульного и юркнул в лавку. Резидент кинулся за ним, схватил за осыпанный мукой воротник и скрутил его.

— Где Пекарь?

Губы старика раскрылись, но звука не было.

— Говори. Две минуты назад я убил человека. Мне ничего не стоит убить еще одного.

— Сжальтесь! Я не знаю, сударь.

— Ты умрешь за то, что не знаешь.

— Но он ничего не сказал мне. Я слышал, как один раз он упомянул о Вотексе и о каком-то космическом корабле.

Теренс оттолкнул его.

Значит, Пекарь достал билеты для них. Корабль будет ждать. Рик и Валона придут туда. Они не могут не прийти. Но как ему, Резиденту, среди бела дня пробраться на космодром?.. Да, положение было отчаянное. Если он потеряет Рика, если он потеряет это потенциальное оружие против тирании Сарка, то его жизнь будет ничтожной добавочной потерей. Все остальное не значило ничего...

И потому он вышел на улицу, вышел бестрепетно, хотя патрульные уже искали человека в форме патрульного, хотя их воздушные машины были еще на виду.

Теренс знал, куда он идет. Из многочисленных космопортов Флорины был только один, предназначен-

ный для обычных путешественников, для саркитов победнее, для флоринианских служителей и немногих чужеземцев, которым удалось получить разрешение посетить Флорину.

Контролер у ворот порта следил за приближающимся Теренсом со всеми признаками горячего интереса. Незнание вокруг него стала нестерпимой.

— Приветствую вас, сударь, — сказал он. В голосе у него звучала робкая жалость. — Большое волнение в Городе, не так ли?

Теренс кинул на приманку. Он низко опустил дугообразное забрало шляпы и застегнул верхнюю пуговицу мундира.

— Проходили ли здесь двое, мужчина и женщина, направляющиеся на Вотекс? — спросил он резко и ворчливо.

Контролер поразился. С минуту он прочищал горло, потом ответил гораздо смиреннее:

— Да, офицер. С полчаса назад. Может быть, еще меньше. — Он вдруг покраснел. — Связаны они как-нибудь с...? Офицер, билеты у них были в порядке. Я бы не пропустил чужих без надлежащего разрешения.

Теренс не обратил на это внимания. Надлежащее разрешение! Пекарь раздобыл его за ночь. «О, Галактика, — подумал он, — как глубоко проник транторианский шпионаж в саркитскую администрацию!»

— Как они называли себя?

— Гарет и Ханса Барн.

— Отлетел ли их корабль? Быстро!

— Н-нет, сударь.

— Какая платформа?

— Семнадцатая.

У главного шлюза корабля стоял межпланетник в офицерской форме. Теренс слегка задохнулся. Он спросил:

— Вошли ли в корабль Гарет и Ханса Барн?

— Нет, не входили, — флегматично ответил межпланетник. Для него, саркита, патрульный был просто человеком в мундире.

— Так они не вошли? — теряя терпение, спросил Теренс.

— Я уже сказал. И ждать мы их не будем. Мы отправляемся по расписанию, с ними или без них.

Теренс снова пошел к контролеру.

— Улетели они?

— Улетели? Кто, сударь?

— Барны. Те, что с Вотекса. Они не сели на корабль. Так что же, они ушли обратно?

— Никто не выходил, сударь.

— Отлетел ли какой-нибудь корабль с тех пор, как они вошли?

Контролер посмотрел в расписание.

— Один, — сказал он. — Лайнер «Отважный». — И, желая задобрить гневного патрульного добровольной информацией, добавил: — «Отважный» идет специальным рейсом на Сарк, чтобы вернуть с Флорины Высокородную Сэмию Файфскую.

Теренс медленно отошел. Устрани невозможное, и остальное, даже самое невероятное, будет правдой. Рик и Валона вошли в космопорт. Они не были схвачены, иначе сторож наверняка знал бы об этом. Они не взошли на корабль, куда действительны их билеты. Они не ушли из порта. Единственным кораблем, взлетевшим с тех пор, был «Отважный». Следовательно, Рик и Валона — на нем. Они либо пленники, либо беглецы.

И то и другое равноценно. Если они беглецы, то скоро станут пленниками. Только флоринианской крестьянке и умалишенному неизвестно, что на современном космическом корабле спрятаться невозможно. Но самое поразительное: из всех космических кораблей они выбрали именно тот, на котором летит дочь самого Сквайра Файфского!

СКВАЙР

Сквайр Файф был самым важным лицом на Сарке, и потому он не любил стоять. Торс у него был массивный, а голова, несомненно, величавая, но торс был посажен на коротенькие ножки, вынужденные ходить под этой тяжестью, неуклюже переваливаясь

Вот почему Великий Сквайр всегда сидел за сто-

лом, и никто не видел его в другом положении, кроме дочери, личных слуг и жены, когда она была еще жива.

Сквайр позировал и знал это. Он изгнал всякое выражение с лица, а его руки, широкие, сильные, с короткими пальцами, слегка держались за край стола, гладкая, полированная поверхность которого была совершенно голой. Не было ни бумаг, ни слуховой трубки, ни украшений.

Он говорил своему бледному, белому, как рыба, секретарю тем особым, безжизненным тоном, которым обращался только к механическим слугам и флоринианским служителям:

— Полагаю, все это принято?

Секретарь отвечал столь же безжизненным тоном:

— Сквайр Бортский заявил, что обязательства по прежним деловым свиданиям помешают ему явиться раньше чем в три.

— А вы сказали ему?

— Я сказал, что задержки нежелательны.

— Результат?

— Он будет здесь, господин. Остальные согласились без оговорок

Файф улыбнулся. Великие Сквайры слишком чувствительны к своей независимости.

Теперь он ждал. Комната была большая, места для всех приготовлены. Большой хронометр, чья крошечная животворная искорка радиоактивности ни разу не задерживалась и не угасала за тысячу лет, бесстрастно показывал время.

А повидал он за тысячелетие немало. Когда он отсчитывал свои первые минуты, Сарк был новой планетой с возведенными вручную городами, с сомнительными связями среди прочих, более старых планет. В те времена хронометр висел на стене в старом кирпичном здании, самые кирпичи которого с тех пор превратились в прах. Он одинаково ровно отмечал три кратковременные саркитские «империи», когда недисциплинированным солдатам Сарка удавалось более или менее длительно править полудюжиной соседних миров. Его радиоактивные атомы распадались в строгой статистической последовательности в те два пе-

риода, когда политику Сарку диктовали чужие звездные флоты.

Пятьсот лет назад он отметил спокойное время, когда Сарк обнаружил, что в почве ближайшей планеты, Флорины, скрыты неисчислимые сокровища. Затем две победоносные войны и торжественное провозглашение победного мира. Сарк отказался от своих империй, прочно поглотил Флорину и стал настолько могущественным, что даже Трантор не осмеливался соперничать с ним.

Трантору нужна была Флорина, как была она нужна и другим правительствам. Столетия превратили Флорину в лакомый кусок, к которому протягивались из космоса жадные руки. Но схватили ее руки Сарка, и Сарк скорее допустил бы Галактическую войну, чем выпустил свою добычу.

Трантор знал об этом! Трантор знал об этом!

Беззвучный ритм хронометра словно повторялся этим припевом в мозгу у Сквайра.

Было 2.23.

Около года назад уже состоялась встреча пятерых. Тогда, как и теперь, Сквайры, рассеянные по лицу всей Планеты, каждый на своей материке, встретились в трехмерной проекции.

Подлинная особа Сквайра Руне находилась у антиподов, на единственной материке, где в это время была ночь. Кубическое пространство, окружавшее его изображение в зале у Файфа, светилось холодным и искусственным светом, тускневшим в более ярком дневном свете.

В этом зале собрался, во плоти или в изображении, весь Сарк. Руне был лысый, розовый, жирный, а Балле — седой, морщинистый, высохший. Стин, напудренный и нарумяненный, сохранял безнадежную улыбку совершенно обесиленного человека, притворяющегося, что еще обладает жизненной силой, но уже лишенного ее, а Борт доводил безразличие к жизненному комфорту до того неприятного уровня, что красовался двухдневной щетиной на лице и грязными ногтями.

Пятеро Великих Сквайров.

Они были верхней из трех ступенек правящих сил на Сарке. Нижняя — Флоринианская Гражданская Служба — оставалась самой устойчивой среди всех эксцессов, отмечавших возвышение и падение отдельных благородных домов на Сарке. Именно она фактически смазывала оси и вращала колеса управления. Выше находились министры и начальники департаментов, назначаемые наследственным (и безвредным) Главой Государства. Их имена, как и имя самого Главы, были необходимы на государственных бумагах, чтобы придать им законную силу, но их единственная обязанность состояла в том, чтобы подписывать свои имена. И вот, наконец, эти пятеро, каждому из которых остальные четверо молчаливо предоставляли один из материков. Они были главами семейств, контролировавших большую часть торговли кыртом. Власть на Сарке давалась и политика диктовалась деньгами. И эти деньги были у них. А из всех пятерых самым богатым был Файф...

Вот что сказал при прошлой встрече Сквайр Файф остальным хозяевам второй по богатству планете Галактики (второй после Трантора, извлекавшего прибыли из полумиллиона миров):

— Я получил странное сообщение. Если вы не возражаете, я прочту его вслух. — И стал читать сладким голосом, придавая словам драматичность: — «Вы — Великий Сквайр Сарка, и никто не может соперничать с вами по власти и богатству. Но эта власть и богатство покоятся на утлом основании. Вы думаете, что будете вечно владеть всей мировой добычей кырта. Но спросите себя: долго ли просуществует Флорина? Вечно ли?»

Нет! Флорина может быть разрушена завтра же. Не моими руками, конечно, но так, что вы не сможете предсказать или предусмотреть этого. Подумайте о гибели Флорины. Подумайте также о том, что ваше богатство и власть уже исчезли, так как я требую большую часть их. У вас будет время подумать, но не очень много времени.

Если вы станете медлить, я заявлю всей Галактике и особенно всей Флорине истину о ее

близкой гибели. После этого у вас не будет ни кырта, ни власти, ни богатства. Не будет их и у меня, но к этому я привык.

Я требую: отдайте большую часть ваших владений мне, и вы сможете безопасно владеть тем, что у вас останется. Это будет лучше, чем ничто, ожидающее вас в противном случае. Не презирайте того, что у вас останется. Флорина может просуществовать до самой вашей смерти, а вы сможете жить если и не роскошно, то хотя бы комфортабельно».

Забавное письмо, — закончил Сквайр Файф. — Подписи нет, а общий тон, как вы слышали, напыщен и ходулен. Что вы думаете обо всем этом, Сквайры?

— Очевидно, это дело рук человека недалеко ушедшего от психоза. — На красном лице Руне отражалось недовольство. — Он словно пишет исторический роман. Откровенно говоря, Файф, я не понимаю, зачем ради такой чепухи надо нарушать традиции материков и созывать нас всех.

Файф сложил вместе свои короткие пальцы.

— Я собрал вас не для того, чтобы прочесть сумасшедшее письмо. Это, надеюсь, вы понимаете. Я боюсь, что перед нами встала серьезная проблема. Прежде всего я спросил себя: почему дело касается только меня одного? Конечно, я самый богатый из Сквайров, но я один контролирую только треть торговли кыртом. А впятером мы контролируем ее всю. Сделать пять копий ленты так же легко, как и сделать одну.

— Вы употребляете слишком много слов, — пробормотал Борт. — Я получил копию этого письма и уверен: эти трое получили тоже. Хотите знать, что я сделал со своим? Выбросил его. В мусоропровод. Советую сделать то же и с вашим. Покончим с этим. Я устал.

Его рука потянулась к выключателю, который должен был прервать контакты и погасить изображение, находящееся у Файфа.

— Погодите, Борт! — Голос у Файфа стал резким. — Не делайте этого. Я еще не кончил. Вы не захотите, чтобы мы принимали меры и

приходили к решениям без вас. Я уверен, что не захотите.

— Потерпим, Сквайр Борт, — посоветовал Ру-не мягким тоном, хотя его маленькие, заплывшие жиром глазки отнюдь не были любезными. — Я удивляюсь, почему Сквайр Файф кажется обеспокоенным пустяками.

— Ну что же, — произнес Балле сухим, скрипучим тоном, — может быть, Файф думает, что у нашего пишущего письма друга есть сведения о нападении Трантора на Флорину.

— Фи, — гневно сказал Файф, — откуда ему знать это, кто бы он ни был? Наша разведка знает свое дело, уверяю вас. И как он сможет остановить нападение, получив наше богатство в качестве взятки? Нет, нет. Он говорит о гибели Флорины так, словно думает о физическом уничтожении, а не о политическом.

— Это просто безумие, — сказал Стин.

— Да? — возразил Файф. — Значит, вы не постигаете значения событий за последние две недели?

— Каких событий? — спросил Борт.

— По-видимому, исчез один космоаналитик. Все вы прекрасно информированы об этом. Так вот, вы читали копию его последнего сообщения с базы на Сарке, перед тем как он исчез?

— Мне показывали сообщение. Я не обратил внимания.

— А остальные? — взгляд Файфа вызывал их одного за другим. — Вашей памяти хватает на неделю?

— Я читал, — произнес Ру-не. — Я помню. Действительно! Там тоже говорилось об уничтожении. Вы к этому и ведете?

— Слушайте, — пронзительно заговорил Стин, — там было множество неприятных намеков, а смысла никакого. Об этом и говорить-то не стоит.

— Ничего не поделаешь, Стин, — сказал Файф. — Мы должны говорить об этом снова. Космоаналитик сообщал об уничтожении Флорины. Вместе с его исчезновением мы получаем письма,

тоже грозящие уничтожением Флорине. Неужели это совпадение?

— Вы хотите сказать, что космоаналитик посылал шантажирующие письма? — прошептал старик Балле.

— Маловероятно. Почему он говорил сначала от своего имени, а потом анонимно?

— Когда он говорил сначала, — сказал Балле, — он сообщался со своим местным начальством, а не с нами.

— Пусть даже так. Шантажист сообщается только со своей жертвой, если может.

— В чем же дело?

— Он исчез. Будем считать космоаналитика честным. Но он передал опасные сведения. Потом аналитик попадает в лапы негодяев, и они-то нас и шантажируют.

— Кто же это?

Файф мрачно откинулся в кресле; губы у него едва шевельнулись.

— Вы спрашиваете меня серьезно? Это Трантор!

— Трантор!

— Почему бы нет? Есть ли лучший способ, чтобы завладеть Флориной? Это одна из главных целей их внешней политики. И если они могут сделать это без войны, то тем лучше для них. Послушайте, если мы поддадимся этому невозможному ультиматуму, то Флорина будет принадлежать им. Они предлагают нам оставить немного, но надолго ли мы сохраним даже это? С другой стороны, предположим, что мы игнорируем это письмо, и у нас фактически нет другого выбора. Что сделает тогда Трантор? Будет распространять среди флориниан слухи о близком конце света. Те впадут в панику, и что может за этим последовать, кроме катастрофы? Какая сила может заставить человека работать, если он думает, что конец света наступит завтра же? Урожай погибнет. Склады опустеют. А Трантор только и ждет признаков беспокойства на Флорине. Если Сарк окажется не способным гарантировать поставку кырта, то для них самым естественным

будет двинуться на поддержание того, что они называют порядком. И свободные миры Галактики, вероятно, поддержат их ради кырты. Особенно если Трантор решил нарушить монополию, повысить производство и понизить цены. Потом, конечно, все изменится, но пока что они получают поддержку.

Единственный логический вывод: Трантор сможет завладеть Флориной. Если бы они просто применили силу, то вся свободная Галактика вне сферы влияния Трантора присоединилась бы к нам из одного чувства самосохранения.

— А при чем здесь космоаналитик? — спросил Руне. — Если ваша теория верна, вы должны объяснить это.

— Думаю, что верна. Эти космоаналитики бывают обычно людьми неуравновешенными, а этот построил какую-то сумасшедшую теорию. Неважно какую. Трантор не может обнародовать ее, иначе Бюро Космического Анализа ее разгромит. Но если они схватили этого человека и узнали от него какие-то подробности, то это могло дать им нечто, имеющее для неспециалистов поверхностную важность. Они могут использовать эту жимеру, придать ей реальный вид. Бюро — это транторианская марионетка, и его отрицания, когда история распространится путем псевдонаучных слухов, не смогут быть достаточно энергичными, чтобы бороться с ложью. Но мы узнали об опасности. Мы найдем космоаналитика, если сможем. Мы должны держать всех известных нам транторианских агентов под строгим наблюдением, не мешая им. Так можно узнать о готовящихся событиях. Надо тщательно подавить на Флорине любые слухи о гибели планеты. На первый же слабый шепот мы должны ответить самым энергичным противодействием. А пока будем ждать следующего хода...

Это было год назад. Они расстались, и тут последовало самое полное и самое странное фиаско, кото-

рое когда-либо выпадало на долю Сквайра Файфского.

Второго хода не было. Никто больше не получал писем. Космоаналитик так и не был найден, а Трантор продолжал притворные поиски. Не было и следа апокалипсических слухов на Флорине; сбор и переработка кырта шли гладко, как всегда.

Файф снова созвал совещание. Сквайры явились вовремя. Сначала Борт, сжав губы, царапая толстым, обломанным ногтем щетину на небритой щеке. Потом Стин, только что смывший краску с лица, бледный, с нездоровым видом. Балле, равнодушный и усталый, со впалыми щеками, окруженный подушками, со стаканом молока рядом. Последним — Руне, опоздавший на две минуты, надутый, с влажными губами.

Файф начал:

— Сквайры! Прошлый раз я говорил об отдаленной и сложной опасности. Делая это, я попал в ловушку. Опасность существует, но она не так уж далеко. Она близко, очень близко. Один из вас уже знает, о чем я говорю. Остальные скоро узнают.

— О чем же вы говорите? — отрывисто спросил Борт.

— О государственной измене!

БЕГЛЕЦ

Мирлин Теренс покинул космодром и погрузился, наконец, в благословенную тень Нижнего Города. Он шел уверенно и чопорно, как и положено патрульному. И крепко сжимая свой нейрохлыст. Улицы пусты. Туземцы прячутся по хижинам. Тем лучше. Его ни о чем не спрашивают. Никто не задерживается, чтобы взглянуть в его бледное флоринианское лицо, не изучает его внешности. Черно-серебряного мундира вполне достаточно.

Но теперь пора перестать быть патрульным.

И другое. Отныне он не будет в безопасности нигде на Флорине. Убийство патрульного — величайшее преступление, и даже через 50 лет, если он сможет

так долго скрываться, охота на него будет продолжаться с жаром. Значит, нужно покинуть Флорину.

Как?

Что ж, он дал себе еще сутки жизни. Это щедро. Значит, нужно рисковать так, как ни один человек в здравом уме рисковать не сможет...

Отряд патрульных повернул на улицу как раз в тот момент, когда дверь подъемника закрылась за Резидентом. Систематические поиски, вероятно, уже начались.

Он вышел из лифта в Верхнем Городе. Здесь не было укрытий, колонн, сталесплава, закрывающего его, Мирлина Теренса, сверху.

Ни одного патрульного. Проходившие мимо Сквайры смотрели сквозь него. О географии Верхнего Города у него были смутные понятия. Где-то в этой части должен находиться парк. Самое логичное — спросить о дороге, затем войти в любое высокое здание и посмотреть с верхних террас. Первое просто невозможно. Патрульному не нужны никакие указания. Второе слишком опасно. Внутри здания патрульный станет заметнее. Слишком заметным.

Он попросту доверился направлению, подсказанному памятью о случайно виденных им картах Верхнего Города. Путь оказался правильным. Вскоре Теренс достиг парка.

В мягком климате Флорины парк зеленел круглый год. Там были лужайки, рощицы, каменные гроты. Был прудик с красивыми рыбками и пруд побольше, чтобы плескаться детям. Ночью парк пылал цветной иллюминацией, пока не начинался дождь. Были танцы, трехмерное кино, извивающиеся тропинки, где блуждали парочки.

С полчаса Теренс бесцельно шагал по дорожкам. Никто не видел его. Никто не замечал. В этом он был уверен. Пусть спросят у Сквайров, проходивших мимо него: «Видели ли вы вчера в парке патрульного?» И Сквайры лишь удивленно вытаращат глаза. Это все равно, что спросить их, видели ли они кузнечика, проскакавшего через дорожку.

И тут он увидел то, что искал.

Человек! Вернее, Сквайр. Он быстро шагает назад и вперед. Докуривает сигарету резкими затяжками, сует

ее во впадинку скалы, где она мгновение лежит спокойно, потом исчезает в быстрой вспышке. Смотрит на свои часы. Теренс оглянулся. По лестнице за ним не пришел никто. Пора действовать!

Он подошел к Сквайру и быстро извлек свой нейрохлыст. Сквайр так и не увидел этого. Хлыст слабо зажужжал, Сквайр окаменел, парализованный, и рухнул наземь.

Вокруг все еще не было никого. Он оттащил одеревенелое, таращившееся стеклянными глазами тело в ближайшую пещеру. Он доволоч его до самого дальнего конца и раздел Сквайра, с трудом стаскивая одежду с окаменелых рук и ног. Сбросил свою запыленную, пропотевшую патрульную форму и надел белье Сквайра. Впервые в жизни он ощутил кыртовую ткань всем телом.

Облачившись в одежду Сквайра, Мирлин Теренс натянул ермолку. Они не были особенно модными среди молодежи, но некоторые носили их, к счастью, этот Сквайр тоже. Без ермолки светлые волосы Теренса сделали бы маскарад невозможным.

Потом он настроил пистолет на максимальную мощность и направил его на Сквайра. Вскоре от того осталась лишь дымящаяся обугленная масса. Это должно затруднить преследование.

Он превратил форму патрульного в мелкий белый пепел и выбрал из кучки почерневшие серебряные пуговицы и пряжки. Это тоже затруднит погоню.

Он вышел из парка, шагая безо всякой цели. Прошло еще полчаса.

— Но что же дальше?

Он остановился на небольшой площади, где посреди лужайки бил фонтанчик. Вода пенилась и переливалась радугой. Он оперся об ограду, спиной к заходящему солнцу, и медленно, по кусочку, уронил почерневшее серебро пуговиц в бассейн. Потом подумал о Нижнем Городе, и мгновенная судорога раскаяния исчезла в нем.

Он медленно обыскал свои карманы, стараясь, чтобы это выглядело небрежно. Связка пластинчатых ключей, несколько монет, удостоверение личности (Святой Сарк, они есть даже у Сквайров! Но Сквайры

не обязаны предъявлять их всякому встречному патрульному).

Его новое имя было, по-видимому, Алстэр Димон. Он надеялся, что ему не придется им пользоваться. В конце концов вероятность встретить того, кто бы знал Димона лично, невелика, но ею нельзя пренебрегать.

Ему 29 лет. Он ощутил легкую дурноту при мысли о том, что оставил в пещере, но поборол ее. Сквайр — это Сквайр. Сколько 29-летних флориниан погибло от их рук или по их приказу? В самом деле — сколько?

Он продолжал рыться в карманах. Копия свидетельства водителя яхты. У всех зажиточных саркитов есть яхты, все умеют водить их. Это нынешняя мода. Несколько листов саркитских кредиток. Они могут пригодиться.

Ему вспомнилось, что он ничего не ел с прошлого вечера, когда был у Пекаря. И тут его озарило: яхта сейчас на месте, а ее владелец мертв. Это его яхта! Ангар № 26, порт 9. Хорошо...

А где этот порт 9? У него не было ни малейшего понятия.

Он оперся головой о холодный гладкий парапет вокруг фонтана. Что делать? Что делать?

Голос, раздавшийся над ним, заставил его вздрогнуть.

— Алло, — сказал голос, — вы нездоровы?

Теренс взглянул. Это был пожилой Сквайр. Он курил длинную папиросу с ароматическими листьями внутри, а с его золотого браслета свисал крупный зеленый камень.

— Я только отдыхаю, — сказал Резидент. — Решил пройтись и забыл о времени. Боюсь, что опаздываю на совещание.

Он неловко помахал рукой. Теренс довольно хорошо подражал саркитскому акценту — недаром общался с ними так долго, — но позаботился о том, чтобы не преувеличивать его. Преувеличение заметить легче, чем недостаток.

Не смотрит ли он на Теренса как-то странно? Резиденту пришло вдруг в голову, что, может быть, одежда сидит на нем плохо. Он быстро сказал:

— Погодите! Я, кажется, немного заблудился. Мне

нужен порт 9. Посмотрим... — Он неопределенно оглядывался.

— Посмотрим. Это улица Реккет. Вам нужно только спуститься к улице Триффис и повернуть налево, а тогда идти до самого порта. — Он машинально показал направление.

Теренс улыбнулся.

— Вы правы. Мне нужно перестать мечтать и начать мыслить. Благодарю вас, сударь.

— Вы можете взять мой скитер.

— Вы очень любезны, но... — Теренс уже уходил, чуть-чуть поспешно, махая рукой. Сквайр глядел ему вслед.

Может быть, завтра, когда труп в пещере будет найден и начнутся розыски, Сквайр вспомнит об этой встрече. Он может сказать: «В нем было что-то странное, если вы меня понимаете. Он говорил как-то странно и словно бы не знал, где находится. Я поклялся бы, что он не знает, где улица Триффис».

Но это будет завтра.

Он направился туда, куда Сквайр указал ему. Дошел до блестящего знака «Улица Триффис», почти тусклого на фоне оранжевого радужного здания. Свернул налево.

Порт 9 кишел молодежью в спортивных костюмах, с высокими, остроконечными шляпами и вздувающимися на бедрах штанами. Теренс чувствовал себя заметным, но никто не обратил на него внимания. Воздух был полон разговоров, наспигованных терминами, которых он не понимал.

Он нашел ангар 26, но выждал несколько минут, прежде чем приблизиться. Ему не хотелось, чтобы какой-нибудь Сквайр торчал поблизости, чтобы у кого-нибудь была яхта в соседнем ангаре, чтобы кто-нибудь знал Алстэра Димона в лицо и удивился незнакомцу, занявшемуся Димоновым кораблем.

Наконец он вошел в ангар, где матовым сияньем струились длинные тела яхт.

А дальше что?

За последние 12 часов он убил трех человек. Он возвысился от флоринианского резидента до патрульного, от патрульного до Сквайра. Он пришел из Ниж-

него Города в Верхний, из Верхнего — в космопорт. Судя по всем признакам, он владел яхтой, кораблем, достаточно надежным в пространстве, чтобы безопасно увезти его на любую обитаемую планету в этом секторе Галактики.

Было только одно «но».

Он не умеет водить яхту.

Он устал до смерти и вдобавок голоден. Он пришел сюда, но не может двинуться дальше. Он был у края пространства, но перешагнуть через этой край не мог.

Сейчас патрульные, должно быть, решили, что в Нижнем Городе его нет. Они начнут обыскивать Верхний, как только до их тупых мозгов дойдет мысль, что флоринианин *может осмелиться*. А когда они найдут тело, поиски примут новое направление. Патрульные начнут искать поддельного Сквайра.

И найдут его. Он забрался в самый конец тупика и, прижавшись спиной к стене, может только ждать, пока далекие звуки погони будут становиться все громче и громче, пока ищейки в конце концов не кинутся на него.

36 часов назад в руках у него была величайшая возможность всей его жизни. Теперь возможность исчезла, а вскоре за нею последует и жизнь.

КАПИТАН

— Госпожа моя, как я могу позволить вам беседовать с ними наедине?

— Разве они вооружены, капитан?

— Конечно, нет. Это неважно. Но нельзя же рассчитывать, что они поступят разумно.

— Тогда зачем вы все время пугаете их? Вы окружили этих несчастных здоровенными космолетчиками с пистолетами, капитан. Я не забуду этого.

— Но что я скажу вашему отцу, госпожа, если он узнает, что я позволил вам находиться без охраны в присутствии двух отчаянных преступников?

— Отчаянных преступников! О Великий Космос! Двое жалких глупцов, которые попытались бежать со

своей планеты и не нашли ничего лучшего, как спрятаться в корабле, идущем на Сарк!

И капитан сдался.

— Хорошо, госпожа, но я сам буду при этом присутствовать. Я — это не трое парней с пистолетами. Иначе... — Он, в свою очередь, придал своему голосу решительность: — Иначе я буду вынужден отказать вам в просьбе.

— Великолечно. Но если они не смогут говорить из-за вас, то я позабочусь, чтобы вы больше не были капитаном ни на одном корабле.

Валона быстро прикрыла рукой глаза Рик, когда Сэмия вошла в каюту.

— Он лишен разума, госпожа. Он не знает, что вы Высокородная Дама. Он мог бы взглянуть на вас.

— Так ты с Флорины, девушка? — спросила Сэмия. Валона покачала головой.

— Мы с Вотека.

— Вам не нужно бояться. Неважно, если вы и с Флорины. Вас никто не обидит.

— Мы с Вотека.

— Тогда почему ты закрыла ему глаза?

— Ему нельзя смотреть на Высокородную Даму.

— Даже если он с Вотека? — засмеялась Сэмия.

Валона молчала.

— Только флоринианам нельзя смотреть на Высокородных Дам. Так что ты призналась, что вы с Флорины.

Валона вспыхнула.

— Он — нет!

— А ты?

— Я — да. Но он — нет. Не делайте ему ничего! Он вправду не флоринианин. Его только нашли однажды на Флорине. Я не знаю, откуда он, но он не флоринианин.

Сэмия удивленно взглянула на нее.

— Хорошо, я поговорю с ним. Как тебя зовут, юноша?

— Рик. Кажется, Рик.

— Ты флоринианин?

— Нет. Я был на корабле. Я прибыл сюда откуда-то из других мест. — Рик не мог оторвать взгляда от

Сэмии, он словно видел вместе с нею корабль. Маленький, очень уютный корабль. — На корабле я прибыл на Флорину, а раньше жил на планете.

— На какой планете?

Воспоминание с болью пробивалось по мысленным каналам, слишком тесным для него. И наконец, Рик закричал, радуясь звуку, принесенному его голосом:

— Земля! Я прибыл с Земли!

Рик повернулся к Валоне, схватил ее за локоть, вцепился в рукав.

— Лона, скажи им, что я прибыл с Земли! Это так! Это так!

Глаза у Валоны расширились от тревоги.

— Мы нашли его однажды, госпожа, и у него вовсе не было разума. Он не мог ни одеваться, ни говорить, ни ходить. Не умел ничего. С тех пор он вспоминает, мало-помалу. — Она кинула испуганный взгляд на лицо капитана.

— Он действительно мог прибыть с Земли?

— В этом есть что-то странное, — сказала Сэмия, по-женски настраиваясь на романтический лад. — Я уверена в этом... Почему он был так беспомощен, девушка, когда его нашли? Он был ранен?

— Доктор сказал, что Рик был психозондирован.

— Психозондирован! — Сэмия ощутила волну легкого отвращения. — Значит, он был психопатом? — Она встала и неуверенно поглядела на Рика.

Рик вскочил.

— Погодите!

— Прошу вас, госпожа. Думаю, вам все стало ясно, — произнес капитан, открывая перед нею дверь. — Мои люди успокоят их.

— Госпожа! Госпожа! — вскричал Рик. — Я могу доказать это! Я с Земли!

Сэмия нерешительно остановилась.

— Послушаем, что он может сказать.

Рик весь горел. От усилия вспомнить губы у него растянулись в гримасу вроде улыбки.

— Я помню Землю. Она была радиоактивна. Я помню Запретные Зоны и голубое сияние на горизонте по ночам. Почва светилась, и ничто на ней не росло. Было лишь немного мест, где люди могли жить. Вот

почему я был космоаналитиком. Вот почему я хотел оставаться в пространстве. Моя планета была мертвой планетой.

— Идемте, капитан. Он попросту бредит, — сказала Сэмия.

Но на этот раз капитан Рэйсти остановился, приоткрыв рот.

— Радиоактивная планета? — пробормотал он. — Но где он узнал об этом?

— Каким образом планета может быть радиоактивной и необитаемой? — недоумевала Сэмия.

— Но такая планета есть. Это Земля.

— Это Земля! — произнес Рик гордо и уверенно. — Древнейшая планета в Галактике. Это планета, с которой произошло все человечество.

— Так и есть! — тихо прошептал капитан. Внезапно решившись, он подошел к Рику.

— Что еще ты помнишь?

— Больше всего корабль, — сказал Рик, — и космический анализ.

— Значит, все это правда? — недоумевала Сэмия. — Но как же могло случиться, что его психозондировали?

— Эй, ты, туземец, или инопланетный, или кто ты там еще! — сказал капитан Рэйсти. — Как случилось, что тебя психозондировали?

Рик казался смущенным.

— Вы все говорите это. Даже Лона. Но я не знаю, что значит это слово... Я был на корабле... Там была опасность. Я уверен в этом. Большая опасность для Флорины, но подробностей я не помню.

— Опасность для планеты? — Сэмия бросила быстрый взгляд на капитана.

— Да. В течениях.

— В каких течениях? — спросил капитан.

— В космических.

Капитан развел руками, потом уронил их.

— Это безумие!

— Нет, нет! Пусть он продолжает! — Губы у Сэмии приоткрылись, темные глаза блеснули. — Что такое космические течения?

— Различные элементы, — неопределенно ответил

Рик. Он объяснял это раньше. Ему не хотелось повторяться. Он продолжал быстро, почти бессвязно, высказывая мысли по мере того, как они приходили, подгоняемый ими: — Я послал сообщение местной базе на Сарке. Это я помню очень хорошо. На Флорину надвигалась опасность. Да. И даже больше, чем на Флорину. На всю Галактику. Нужна была большая осторожность.

Почему-то, — продолжал он, задыхаясь, — мое сообщение было перехвачено каким-то служащим на Сарке. Это было ошибкой. Я не знаю, как это случилось... Я уверен, что послал сообщение местному Бюро на его собственной длине волны. Как вы думаете, можно ли перехватить субрадио? — Он даже не удивился тому, что слово «субрадио» вспомнилось ему так легко. — Во всяком случае, когда я высадился на Сарке, меня ожидали.

Снова пауза, на этот раз длинная и вдумчивая. Капитан не сделал ничего, чтобы прервать его.

— Кто тебя ждал? Кто? — не вытерпела Сэмия.

— Не... не знаю. Не могу вспомнить. Это было не в Бюро. Это было где-то на Сарке. Я помню, что говорил с ним. Он знал об опасности. Он говорил о ней. Я уверен, что говорил. Мы сидели за столом вместе. Я помню стол. Он сидел напротив меня. Это ясно, как Космос. Мы разговаривали. Кажется, я не спешил давать подробности. Я уверен в этом. Я хотел говорить сначала в Бюро. А тогда он...

— Да? — поторопила его Сэмия.

— Он сделал что-то. Он... Нет, я больше ничего не помню. Ничего не вспомню!

Он прокричал эти слова, и наступило молчание, прерванное жужжанием коммуникатора на руке у капитана.

— Сообщение с Сарка для капитана. Крайне секретно. Личный прием.

Из коммуникатора поползла тонкая прозрачная фольга с красными строчками. Сэмия склонилась к руке капитана.

«Двое флориниан тайком, незаконно, пробрались на ваш корабль. Схватите их немедленно. Один из них будет называть себя космоаналитиком, не флориниан-

ским туземцем. Не делайте по этому поводу ничего. Вы строго отвечаете за сохранность этих людей. Задержите их для передачи охране безопасности. Крайне секретно. Крайне спешно».

СЫЩИК

Четверо Великих Сквайров глядели на Сквайра Файфа каждый по-своему: Борт — гневно, Руне — с улыбкой, Балле — с досадой, Стин — испуганно.

Руне заговорил первым:

— Государственная измена? Не пытаетесь ли вы испугать нас фразой? Что это значит? Измена — кому? Борту? Мне самому? Кто изменяет и как? И ради всего Сарка, Файф, эти совещания нарушают нормальные часы моего сна!

— Результаты, — возразил Файф, — смогут помешать многим часам сна. Я не говорю об измене кому-нибудь из нас, Руне. Я говорю об измене Сарку.

— Сарку? — повторил Борт. — Но что это такое, если не мы сами?

— Назовите это мифом. Назовите чем-нибудь, во что верят простые саркиты.

— Я не понимаю, — простонал Стин. — Вы все, как всегда, стараетесь заговорить друг друга до смерти. Право! Я хотел бы покончить с этим.

— Я согласен со Стином, — сказал Балле.

Файф произнес:

— Я хочу объясниться немедленно. Вы слышали, вероятно, о недавних беспорядках на Флорине. Итак...

Неожиданное требование на книги по космическому анализу. Потом нападение на пожилого патрульного, умершего через два часа с проломленным черепом. Потом погоня, закончившаяся перед тайником транторианского агента. Потом убийство второго патрульного, причем убийца ускользнул в патрульном мундире, а транторианский агент был, в свою очередь, убит еще через несколько часов.

Если вы хотите получить самый последний кусочек новостей, — закончил Файф, — можете добавить к этим видимым пустякам еще кое-что. Несколько часов

назад в городском парке на Флорине был найден труп, вернее, останки трупа.

У меня уже лежит доклад врачей, исследовавших строение скелета. Он не принадлежит ни патрульному, ни флоринянину. Это скелет саркита.

Стин вскричал: «Браво!» Балле широко раскрыл свои старые глаза; металлические зубы Руны, поблескивание которых придавало жизненность кубу сумрака, где он сидел, исчезли, когда он закрыл рот. Даже Борт казался пораженным.

— Я продолжаю, — сказал Файф. — Тот, кто убил саркита, хотел, чтобы золу приняли за остатки одежды этого саркита, снятой и сожженной до убийства, которое мы могли бы тогда принять за самоубийство или за результат частной вражды, без всякой связи с нашим другом-самозванцем. Убийца не знал, что анализ золы всегда может отличить кырт саркитской одежды от целлюлита патрульного мундира.

Итак, где-то в Верхнем Городе скрывается живой Резидент в одежде саркита. Наш флоринянин, пробыв патрульным достаточно долго и находя, что опасность слишком велика, решил стать Сквайром. И он сделал это единственным способом, каким мог.

— Поймали его? — хрипло спросил Борт.

— Нет, не поймали.

— Почему? Клянусь Сарком, почему?

— Его поймут, — равнодушно произнес Файф. — Сейчас у нас есть заботы поважнее. Это последнее преступление — пустяки в сравнении с ними.

— Перейдите к делу! — немедленно потребовал Руна.

— Терпение! Прежде всего позвольте спросить вас, помните ли вы об исчезновении космоаналитика в прошлом году? В этих событиях есть прямая связь. Ведь все началось с того, что во Флоринянской библиотеке были затребованы книги по космическому анализу. Начну с описания трех человек, замешанных в библиотечном инциденте, и прошу вас несколько минут не перебивать меня.

Во-первых, Резидент. Он самый опасный из троих. На Сарке о нем были прекрасные отзывы, как о

разумном и надежном материале. К сожалению, он обратил свои способности против нас. Несомненно, он виновен во всех четырех убийствах. Хороший рекорд для кого угодно.

Второе лицо — женщина. Она простая работница, непривлекательная и малограмотная. Но ее родители были членами «Души Кырта», если вы помните этот смешноватый крестьянский заговор, без труда ликвидированный лет двадцать назад. Это приводит нас к третьему лицу, самому необычному.

Его историю нельзя проследить дальше чем за десять с половиной месяцев. Его нашли в поселке близ столицы Флорины в состоянии полного идиотизма. Он не мог ни ходить, ни говорить, ни даже есть самостоятельно.

Заметьте теперь, что он появился впервые через несколько недель после исчезновения космоаналитика. Заметьте, что за несколько месяцев он научился говорить и даже выполнять работу на кыртовой фабрике. Какой идиот мог бы научиться этому так быстро? Остается одно — психозондирование.

Его можно было произвести только на Сарке или в Верхнем городе на Флорине. Для полноты картины были обследованы все врачебные кабинеты в Верхнем Городе. Потом один из наших агентов догадался проверить записи всех врачей, умерших с тех пор, как идиот появился. Я позабочусь о том, чтобы агента повесили за эту идею.

Мы нашли запись о нашем идиоте только в одном из таких кабинетов. Идиот был привезен для физического обследования месяцев шесть назад. Его привозила женщина, вторая в нашем трио. По-видимому, это было сделано тайно. Врач обследовал идиота и отметил явные признаки вмешательства психозонда.

И вот тут интересная деталь. Доктор был одним из тех, кто держит кабинеты и в Верхнем и в Нижнем Городе. Этот идеалист считал, что туземцы достойны первоклассной медицинской помощи.

Будучи человеком педантичным, он заносил в картотеку обоих кабинетов — я подчеркиваю: обоих кабинетов — сведения о всех пациентах, не делая различий между флоринианами и саркитами. Так вот,

агент сличил все карточки в одном кабинете с их идентичными копиями в другом. И что же оказалось? Единственная карточка без копии — нашего идиота. Причем найдена она в кабинете Верхнего Города. А в Нижнем? В конце концов этот человек был флоринианином, привезла его флоринианка, и обследование было проведено именно в Нижнем Городе — обо всем этом есть запись в карточке идиота. Итак: куда девалась другая карточка, копия первой?

На эту загадку может быть только один ответ. Она была уничтожена кем-то, кто не знал, что останется копия с нее. Но об этом после.

Вместе с записью о нашем идиоте есть отметка о включении ее данных в ближайший периодический доклад доктора Отделу Безопасности. Это было правильно. Всякий случай психозондирования касается либо преступника, либо извращенного человека. Но такое сообщение сделано не было. Меньше чем через неделю врач погиб в уличной катастрофе. Не правда ли, отличный детективный сюжет?

Рассмотрим эту историю с другой стороны. Забудем пока об идиоте и вспомним о космоаналитике. Первое, что мы слышали о нем, — это сообщение в Бюро Транспорта, что его корабль вскоре опустится на планету; кроме того, было получено сообщение, сделанное им раньше.

Космоаналитик так и не прибывает. Его не находят нигде в ближнем пространстве. Кроме того, исчезает посланное им сообщение, о котором говорило Бюро. МКБ заявляет, что мы намеренно скрываем это сообщение. Отдел Безопасности считает, что сообщение выдуманно в пропагандистских целях. Теперь мне думается, что и те и другие были правы. Сообщение было послано, но оно не было получено правительством Сарка.

Представим себе, что Некто (пока назовем его просто Икс) имеет доступ к записям Бюро Транспорта. Икс узнает о космоаналитике и его сообщении. Он устраивает так, чтобы послать секретную субрадиограмму на корабль космоаналитика, направляя его для посадки на маленький частный порт. Космоаналитик так и делает. Икс встречает его там. Какими бы

несвязными, безумными, невероятными ни были его речи, Икс увидел в них превосходный материал для пропаганды. Он послал свои шантажирующие письма Великим Сквайрам — нам. Его поведение и планы были, вероятно, именно такими, какие я тогда приписывал Трантору. Если мы не договоримся с ним, он намеревался разрушить производство на Флорине слухами о гибели и вынудить нас сдаться.

Икс мог бы убить космоаналитика, но я думаю, что он был ему нужен как источник дальнейшей информации (в конце концов он сам ничего не знал о космическом анализе и не мог основывать свой шантаж на чистом блефе) или, возможно, как выкуп в случае окончательного поражения. Так или иначе, он прибег к психозондированию. После этого у него в руках был не космоаналитик, а идиот, не причиняющий ему пока никаких затруднений. А через некоторое время его разум восстановился бы.

Что дальше? Нужно было сделать так, чтобы целый год никто не нашел космоаналитика, никто из значительных лиц вообще не видел его. Поэтому он поступил гениально просто. Он перевез свою жертву на Флорину, и космоаналитик стал полоумным туземцем, работавшим на фабрике кырта.

Я полагаю, что в течение этого года Икс или его доверенный навещал те места, куда он «пересадил» космоаналитика, чтобы убедиться в его здоровье и безопасности. При одном из таких посещений он каким-то образом узнал, что психозондированного идиота возили к врачу, который наверняка доложил о нем наверх. Поэтому врача немедленно убрали, а его запись исчезла, по крайней мере из кабинета в Нижнем Городе. Это был первый просчет Икса. Он никогда не думал, что где-то может оказаться копия.

И тут он сделал второй просчет. Идиот начал слишком быстро приходить в разум, а у местного Резидента оказалось достаточно мозгов, чтобы увидеть, что это больше, чем простой бред. Быть может, девушка, возившая идиота к врачу, рассказала Резиденту о психозондировании. Это догадка.

Вот вам вся история.

Файф сцепил свои сильные руки и ждал реакции слушателей.

— Насколько я вижу, — медленно произнес Балле, — вы сочинили историю, столь же невозможную, как и в прошлом году. Это на девять десятых догадки.

— Чепуха! — отрезал Борт.

— А кто это Икс? — спросил Стин. — Пока вы не узнаете, кто такой Икс, во всем этом нет смысла. — И он деликатно зевнул, прикрывая зубы согнутым пальцем.

— По крайней мере одному из вас ясно, в чем дело! — рявкнул Файф. — Центр истории — в личности Икса. Рассмотрим черты, которыми Икс должен обладать, если мой анализ правилен. Прежде всего Икс — это человек, связанный с Разведкой. Он — человек, могущий приказать произвести мощную кампанию шантажа. Он — человек, могущий без всяких помех доставить космоаналитика с Сарка на Флорину. Он — человек, могущий подстроить смерть врача. Он наверняка не первый встречный. Значит, он должен быть Великим Сквайром. Разве не так?

Борт вскочил. Стин засмеялся высоким, истерическим смехом. Глаза Руне, полуутонувшие в мягких складках жира, горячно заблестели. Балле медленно покачал головой.

— Во имя Космоса, кого вы обвиняете, Файф? — взвизгнул Борт.

— Пока никого. — Файф остался невозмутимым. — Никого в частности. Давайте посмотрим. Нас пятеро. Никто на Сарке не мог бы сделать того, что сделал Икс. Только мы пятеро. Это нужно считать доказанным. Но кто из пятерых? Прежде всего это не я.

— Мы можем поверить вам на слово, не так ли? — фыркнул Руне.

— Вам не нужно верить мне на слово, — возразил Файф. — Лишь у меня одного для этого нет мотивов. Икс хочет получить контроль над кыртовой промышленностью. У меня этот контроль есть. Я законно владею третьей флоринианских земель. Мои фабрики, заводы и флот так сильны, что могли бы вытеснить

всех и каждого из вас из промышленности, если бы я захотел. Мне не нужно прибегать к сложному шантажу. У остальных есть любые мотивы. Руне владеет самым маленьким из материков и самой малой долей вкладов. Я знаю: это ему не нравится. Он не может притворяться, будто ему это нравится. Балле происходит из древнейшего рода. Было время, когда его род правил Сарком. Он, вероятно, не забыл об этом. Барту не нравится то, что на совете он всегда остается в меньшинстве и не может поэтому вести на своих территориях политику хлыста и пистолета, какую ему хотелось бы. У Стина вкусы расточительные, а финансы в плохом состоянии. Необходимость добывать средства — жестокая необходимость. Ну, вот вам. Все возможные мотивы. Зависть. Жажда власти. Алчность. Вопросы престижа. Так кто же из вас?

В старых глазах Балле неожиданно сверкнула злоба.

— Вы подозреваете нас? А кого именно?

— Это неважно. Икса испугало наше первое совещание, на котором я говорил о необходимости единых действий. Икс был на нем. Икс был и остается одним из нас. Он знал, что единство действий означает для него поражение.

Мы должны быть едины, и для этого есть только один безопасный путь, учитывая, что Икс — один из нас. С автономией материков нужно покончить. Это роскошь, которую мы не можем себе позволить, ибо козни Икса окончатся только с экономическим поражением нас остальных или со вмешательством Трантора. Я сам — единственный, кому я могу доверять, и отныне я становлюсь во главе объединенного Сарка. Идете ли вы со мной?

Они вскочили со своих мест, крича и размахивая кулаками. Увы, физически они ничего не могли сделать. Файф улыбнулся. Каждый из них — на другом материке. Он может сидеть у себя за столом и смотреть, как они истекают пеной.

— У вас нет выбора. За год, прошедший после нашего первого совещания, я подготовил все. Пока вы спокойно присутствовали на совещании и слушали меня, преданные мне офицеры завладели флотом.

— Измена! — вскричали они.

— Измена автономии материков, — возразил Файф. — Верность Сарку. Через двадцать четыре часа я узнаю, кто такой Икс. Космоаналитик, о котором мы все время говорили, находится в моих руках.

Файф хихикнул.

— Вы удивляетесь, кто из вас может оказаться Иксом? Один из вас знает это наверное, будьте спокойны. А через сутки узнаем и все мы. И помните, господа: вы почти беспомощны. Военные корабли — мои. До свиданья.

Его жест был прощальным жестом.

Один за другим они исчезли, как звезды в глубине пространства исчезают с экрана, когда их заслоняет проплывающая мимо невидимая глыба разбитого звездолета.

ЯХТСМЕН

Генро шел медленно, с полупогасшей папиросой, свисающей из угла рта.

Он останавливался у каждого занятого ангара, зорко вглядываясь внутрь.

У ангара № 26 он выказал повышенный интерес. Заглянул через низкую балюстраду и произнес:

— Сквайр?

У Сквайра, появившегося изнутри, вид был непрезентабельный. Прежде всего Сквайр был в спортивном костюме. Во-вторых, он давно не брился, а довольно неприятная с виду ермолка была надвинута безобразно, словно он стремился закрыть пол-лица. Наконец, в поведении этого Сквайра была какая-то подозрительная осторожность, отнюдь не свойственная Сквайрам.

— Я Маркис Генро. Это ваша яхта, сударь?

— Да, моя. — Слова звучали медленно и напряженно.

— Вы не возражаете, если я войду?

Сквайр колебался и отступил. Генро вошел.

— Какой у вас двигатель, сударь.

— Почему вы спрашиваете?

— Откровенно говоря я хочу купить новый корабль.

— То есть вы интересуетесь этим?

— Не знаю. Что-то в этом роде, возможно, если цена будет подходящая. Но, во всяком случае, вы не возражаете, если я посмотрю управление и двигатели?

Сквайр стоял молча.

— Ну, как вам угодно. — Генро повернулся уходить.

— В конце концов я могу продать, — сказал Сквайр. — Можете войти в корабль, если хотите.

— Спасибо. Покажете дорогу?

Сквайр снова порылся в карманах и достал связку ключей.

— После вас, сударь.

Генро взял ключи, перебрал их, ища условные значки корабля. Собеседник не делал никаких попыток помочь ему.

— Кажется, этот, — сказал он наконец.

Медленно, беззвучно шлюз открылся и Генро вошел в темноту...

У Мирлина Теренса не было выбора. Три долгих отчаянных часа он оставался близ Димонова корабля, ожидая, не будучи способным ни к чему другому. А теперь этот человек пришел и осматривает корабль. Иметь с ним дело — вообще безумие. Вот-вот ему станет ясно, что он, Мирлин Теренс, — самозванец.

И все же неплохо, что на этой посудине нашлась пища. Пока настойчивый покупатель бродит по кораблю, Теренс принялся за консервированные мясо и фрукты. С жадностью напился. Через коридор от кухни был душ. Он заперся и вымылся. Было приятно снять тесную ермолку хотя бы на время. В неглубоком шкафу он нашел смену одежды.

Наконец Генро вернулся.

— Скажите, вы не будете против, если я попробую вести этот корабль?

— Не возражаю. Вы справитесь с этой моделью? — спросил Теренс с превосходно разыгранной беспечностью.

— Думаю, что да, — ответил тот с легкой улыбкой. — Я умею обращаться с любой из нынешних моделей. Во всяком случае, я беру на себя смелость

запросить у контрольной башни о свободном взлетном колодце. Вот мои права яхтсмена, если вы хотите взглянуть на них перед стартом...

Скоро они уже были в пространстве. Сначала звезды на экране двигались туда и сюда, пока длинные, тонкие пальцы яхтсмена играли на кнопках управления. Наконец, поверхность экрана заполнилась толстым оранжевым сегментом планеты.

— Неплохо, — сказал Генро. — Вы держите корабль в хорошем состоянии, Димон. Он невелик, но у него есть свои достоинства.

— Я думаю, вы захотите испытать его на скорость и маневренность, — сказал осторожно Теренс. — Я не возражаю.

— Очень хорошо. Куда бы нам направиться, по-вашему? Что, если... — Он колебался, потом закончил: — Ну да, почему бы и не на Сарк?

Дыхание у Теренса слегка ускорилося. Он ожидал этого. Он был готов поверить, что живет в мире волшебства.

— Почему бы и нет, Генро? — сказал он порывисто.

— Значит, на Сарк.

С нарастающей скоростью диск Флорины соскользнул с экрана...

Теренс просыпался медленно, с туманом в глазах. Несколько долгих минут у него не было ни малейшего представления об окружающем.

— Я, кажется, уснул, — позевывая, сказал он.

— Кажется, да. Вот Сарк. — Генро кивнул на большой белый полумесяц на экране.

— Когда мы опустимся?

— Примерно через час.

И вдруг Теренс заметил, что серый металлический предмет в руке у Генро — изящное дуло иглоружья.

— Что, в чем дело? — начал было Теренс, вставая.

— Садитесь, — сдержанно произнес Генро. В другой руке у него была ермолка.

Теренс поднял руку к голове, и его пальцы вцепились в светлые волосы.

— Да, — отчеканил Генро. — Это очевидно. Вы туземец.

Теренс молча смотрел перед собой.

— Я знал, что вы туземец, еще раньше, чем взошел на корабль бедного Димона. Вашей основной ошибкой, Резидент, была мысль, будто вы можете бесконечно хитрить с организованной полицейской силой. Что можно чувствовать, Резидент, хладнокровно убив человека, например, Димона?

— Я не выбирал его, — прохрипел Теренс. Он задышался. И пробормотал, сквозь красный туман гнева и разочарования: — Вы, саркиты, убили миллионы флориниан. Женщин. Детей. Вы разбогатели на этом. Эта яхта...

— Димон не виноват, что родился господином, а не слугой, — сказал Генро. — Будь вы саркитом, что бы вы сделали? Отказались от имущества, если бы оно у вас было, и пошли работать на кыртовых полях?

— Ну, так стреляйте! — корчась, закричал Теренс. — Чего ждете?

— Спешить незачем. У меня много времени, чтобы окончить рассказ. У нас не было уверенности относительно личностей убитого и убийцы, но я кое о чем догадывался. Необходимо было убедить Безопасность, что я один смогу доставить вас на Сарк. Без шума и затруднений. Вы должны согласиться, что именно это я и сделал. Признаться, сначала я сомневался: действительно ли вы тот, кого мы ищем. Вы, находясь на территории порта, были одеты в обычный костюм. Это невероятно дурной вкус. «Никто, — подумал я, — не станет притворяться яхтсменом, не нося соответствующего костюма».

Я подумал, что вас нарочно выставили, как приманку, что вы стараетесь быть арестованным, в то время как преступник ускользает в другом направлении.

Я колебался и испытывал вас другими способами. Я возился с ключами от корабля не там, где нужно. Нет такого корабля, который открывался бы с правой стороны воздушного шлюза. Все они всегда и неизменно открываются с левой. Вы не выказали удивления при моей ошибке. Никакого!

Потом я спросил вас, может ли ваш корабль проделать путь от Флориды до Сарка меньше чем за шесть часов. Вы сказали, что да. Это поразительно!

Рекордное время для такого перелета — свыше девяти часов.

Я решил, что вы вовсе не приманка. Ваше неведение было чересчур велико... Кстати, вы знаете, почему я рассказываю вам все это? — неожиданно мягко закончил Генро.

Теренс молчал.

— Во-первых, — сказал Генро, — мне нравится видеть, как вы страдаете. Я не люблю убийц, и особенно не люблю, когда туземцы убивают саркитов. Мне было приказано доставить вас живым, но в моих инструкциях ничего не сказано о том, чтобы сделать перелет приятным для вас. Во-вторых, вам необходимо ознакомиться с ситуацией сейчас, поскольку позже, когда мы опустимся на Сарк, следующие шаги вы должны будете сделать сами.

Теренс взглянул на него.

— Не понимаю.

— Безопасность знает, что вы прибываете. Флорианский отдел сообщил им об этом, как только мы вышли из атмосферы планеты.

— Не понимаю, — безнадежно сказал Теренс.

— Я сказал: вас ждут на Сарке. Но я подразумевал не Отдел Безопасности. Я подразумевал Трантор...

РЕНЕГАТ

За кофе Эбл рассказал Джунцу о случившемся за последние 36 часов.

Джунц был поражен. Он поставил свою наполовину выпитую чашку и сказал:

— Допустим, что из всех кораблей они смогли спрятаться именно в этом. Но ведь их могут и не обнаружить. Если вы пошлете людей навстречу этому кораблю при посадке...

— Ба! Вы и сами знаете: на любом из нынешних кораблей нельзя не обнаружить лишнего теплоизлучающего тела.

— Этого могли просто не заметить. Приборы, разумеется, непогрешимы, но люди — нет.

— Напрасно вы так думаете. Послушайте, в то

самое время, когда корабль с космоаналитиком на борту приближается к Сарку, были получены вполне надежные сведения о том, что Сквайр Файф общается с прочими Великими Сквайрами. Эти межконтинентальные совещания бывают редко, как звезды в Галактике. Совпадение? Странное совпадение!

— Как вы узнали все это?

— Что «все»?

— Все. Как и когда космоаналитик спрятался. Как и каким образом Резидент ускользал от поимки. Или вы собираетесь хитрить со мной?

— Дорогой мой доктор Джунц!

— Вы признали, что ваши люди следили за космоаналитиком независимо от меня. Вы позаботились безопасно устранить меня с дороги, не предоставляя ничего случая.

— Всю эту ночь, доктор, я держал постоянную связь с некоторыми из своих агентов...

— Чтобы узнать все это, вам нужно было бы иметь разведчиков в самом правительстве Сарка.

— Ну, разумеется... Один такой человек, мой лучший агент, работает в Отделе Безопасности на Сарке. Кстати, сейчас он везет мне Резидента.

— Вы говорили, Резидент схвачен.

— Отделом Безопасности. Но мой агент — он еще и агент Безопасности.

— Что вы планируете теперь?

— Почти не знаю сам. Прежде всего мы должны получить своего Резидента. Я уверен только в том, что он опустится в порту. А потом? Ведь Сквайры тоже будут ждать Резидента.

Строго говоря, инопланетные посольства по всей Галактике имели права экстерриториальности. Практически это означало, что действительно независимым на территории своих посольств был только Трантор.

Территория транторианского посольства занимала почти квадратную милю, и эту площадь контролировали патрули в форме и со значками Трантора. Ни один саркит не мог войти иначе, как по приглашению, а вооруженный саркит — ни в коем случае. Все отчетливо сознавали, что за патрулями стояла караю-

шая сила миллиона организованных планет. Посольство оставалось неприкосновенным.

Оно даже сообщалось с Трантором, минуя саркитские порты прибытия и отправления. Из трюмов транторианского корабля-матки, парящего как раз за пределами стомильной высоты, означающей границу между «планетным пространством» и «свободным пространством», могли выскальзывать маленькие гирокорабли, снабженные направляющими лопастями для полета в атмосфере, и опускаться на площадку территории посольства.

Гирокорабль, появившийся сейчас над посольством, не шел по расписанию и не был транторианским. По сигналу тревоги в воздух ринулись маленькие истребители посольства. Подняла к небу свой сморщенный ствол иглопушка. Задвигались, поднимаясь, энергетические экраны.

— Требую убежища! Меня собьют через две минуты, если вы не позволите мне опуститься.

— Кто вы такой?

— Мне нужно говорить с посланцем! — Коротковолновый приемник закашлялся, и полуистерический голос закричал: — Есть тут кто-нибудь? Я спускаюсь, вот и все! Я не могу ждать ни секунды, говорю вам!

Гирокорабль опустился вертикально, быстрее, чем должен был бы, поскольку руки, державшие управление, были скованы ужасом. Эскадрилья саркитских кораблей, появившаяся над ним минут через десять, держала грозную стражу два часа, потом исчезла.

Они сидели за обедом: Эбл, Джунц и новоприбывший, Сквайр Стин. Эбл держал себя как непринужденный хозяин, воздерживаясь от распросов, зачем Великому Сквайру понадобилось убежище. За вином Сквайр, наконец, заговорил.

— Вам интересно, почему я покинул материк?

— Я не могу догадаться, — согласился Эбл, — зачем Сквайру Стину пришлось убегать от саркитских кораблей.

— Сегодня было межконтинентальное совещание.

— В самом деле? — удивился Эбл.

Он выслушал рассказ о совещании, не дрогнув и бровью.

— И он дал нам двадцать четыре часа, — возмущенно сказал Стин. — Теперь уже осталось шестнадцать. Право!

— А вы Икс! — вскричал Джунц, беспокойство которого нарастало во время рассказа. — Вы Икс! Вы прилетели сюда потому, что он поймал вас. Ну что ж, это замечательно! Эбл, вот вам доказательство относительно космоаналитика. Мы можем заставить их выдать нам нашего человека.

— Ну, право! Право! Вы с ума сошли! Перестаньте! Дайте мне сказать, говорю вам... Ваша светлость, я не могу вспомнить имя этого человека.

— Это доктор Селим Джунц, Сквайр.

— Послушайте, доктор Селим Джунц, я никогда в жизни не видел этого идиота, космоаналитика или как там его... Я никогда не слышал такой чепухи. Я не Икс. Право! Я буду вам благодарен, если вы перестанете называть меня этой дурацкой буквой. Подумать только, вы поверили смешной мелодраме Файфа! Он считает нас дураками и идиотами. Право! Он сочинил всю эту гадкую ерунду про идиотов и космоаналитиков. Я не удивлюсь, если туземец, якобы убивающий патрульных дюжинами, окажется попросту одним из агентов Файфа в рыжем парике. Так вот, никакого Икса вообще нет, но если Файфа не остановить, то он завтра же заполнит все субрадио известиями о заговорах, требованиями чрезвычайного положения и, наконец, объявит себя Вождем. У нас на Сарке Вождей не было уже пятьсот лет, но Файфа это не остановит. Он просто перечеркнет конституцию... Как только совещание окончилось, я велел проверить свой личный порт, и, знаете ли, он был захвачен его людьми. Это явное нарушение автономии материков. Это было сделано так подло. Право! Но хоть он и гадкий человек, он не очень умен. Он думал, что некоторые из нас попытаются бежать, и велел стеречь космопорты, но... — тут Стин улыбнулся по-лисьему и чуть слышно хихикнул, — ему не пришло в голову стеречь гиropopты. Вероятно, он думал, что на всей

планете нет безопасного места для нас. Он забыл о транторианском посольстве. И вот я здесь.

— Вы оставили семью, — осторожно начал Эбл. — Подумали ли вы, что у Файфа все-таки может быть оружие против вас?

— Конечно, я не мог запихнуть всех моих любимых в свой гироплан. — Стин слегка покраснел. — Файф не посмеет тронуть их! Кроме того, я завтра вернусь на мой материк.

— Как? — спросил Эбл.

Сквайр в замешательстве взглянул на него, тонкие губы его приоткрылись.

— Я предлагаю союз, ваша светлость. Вы не можете притвориться, будто Трантор не интересуется Сарком. Вы наверняка скажете Файфу, что всякая попытка изменить конституцию Сарка повлечет за собой вмешательство Трантора.

Эбл сложил вместе свои узловатые пальцы и смотрел на них.

— Я не могу поверить, Сквайр Стин, что вы действительно хотите объединить свои силы с Трантором.

По слабому, улыбающемуся лицу Стина прошла мгновенная тень пылкой ненависти.

— Лучше Трантор, чем Файф! — воскликнул он.

— Мне не хочется угрожать силой. Не можем ли мы подождать некоторого развития событий?

— Нет, нет! — вскричал Стин. — Ни одного дня. Право! Если вы не решитесь сейчас, немедленно, то потом будет поздно. Как только срок пройдет, он увидит, что зашел слишком далеко, чтобы отступить с достоинством. Если вы поможете мне сейчас, остальные Великие Сквайры присоединятся ко мне. Если вы промедлите хотя бы день, Файфова машина пропаганды заработает. Я буду заклеен как перебежчик.

— А если мы попросим у него разрешения поговорить с космоаналитиком?

— Какая от этого польза? Он будет вести двойную игру. Он скажет мам, что флоринианский идиот — это космоаналитик, но вам он скажет, что космоаналитик — это флоринианский идиот. Вы не знали этого человека. Он ужасен!

Эбл раздумывал. Он напевал про себя, тихонько отбивая пальцем такт. Потом произнес:

— Резидент в наших руках, знаете ли.

— Какой Резидент?

— Тот, который убил патрульных и саркита.

— О? Ну, право! Вы думаете, Файфу это будет интересно, когда он готовится захватить весь Сарк?

— Думаю, что да. Видите ли, дело не в том, что Резидент в наших руках. Дело в обстоятельствах его захвата. Я думаю, Сквайр, что Файф выслушает меня, и выслушает весьма смиренно.

Впервые за все время своего знакомства с Эблом Джунц ощутил, что холодность в голосе у старика уменьшилась и ее заменяет удовлетворение, почти торжество.

ПЛЕННИК

В конце концов Высокородная Сэмия Файфская была вынуждена перейти от выражения своих желаний к заявлению своих прав, как самая обыкновенная саркитка.

— Я полагаю, что имею право встречать любой прибывающий корабль, какой захочу, — капризно сказала она.

Начальник порта высказался вполне определенно:

— Госпожа моя, мы совсем не хотим ущемлять вас. Дело в том, что мы получили от Сквайра, вашего отца, специальные распоряжения: помешать вам встретить этот корабль.

— Может быть, вы хотите приказать мне покинуть порт, да?

— Нет, госпожа. Нам не было приказано удалить вас из порта. Если угодно, вы можете оставаться. Но при всем уважении к вам мы должны задержать вас, если вы захотите подойти к колодцам поближе.

Он ушел, а Сэмия сидела в бесполезной роскоши своей машины, остановившейся неподалеку от самого внешнего входа порта.

Со стороны отца это было просто нечестно. Они всегда обращались с нею, как с ребенком. Вот и сегодня...

...Едва Сэмия рассказала отцу о психозондированном космоаналитике и об опасности, надвигающейся на Флорину, как Файф, даже не дав дочери договорить, резко спросил:

— Откуда ты знаешь, что он космоаналитик, Миа?

— Он так говорит.

— А подробности об этой опасности?

— Он не знает. Он был психозондирован. Разве ты не видишь, что это самое лучшее доказательство? Он знал слишком много. Кому-то было нужно скрыть это. — Ее голос инстинктивно понизился и зазвучал конфиденциально. — Видишь ли, если бы его теории были неверны, его не нужно было бы психозондировать.

— Почему же его не убили в таком случае?

— Если ты прикажешь Отделу Безопасности, чтобы мне позволили говорить с ним, то я узнаю это. Он мне верит. Я знаю, что верит. Я узнаю от него больше, чем может Отдел Безопасности. Пожалуйста, прикажи допустить меня к нему, папа. Это очень важно.

Файф нежно сдвигал ее сжатые кулачки и улыбнулся.

— Не время, Миа. Не время. Скоро в наших руках будет третий человек. Тогда — может быть.

— Третий? Туземец-убийца?

— Вот именно. Корабль, на котором его везут, опустится примерно через час.

— И до тех пор ты не сделаешь ничего с космоаналитиком и с туземкой?

— Ничего.

— Хорошо! Я встречу корабль.

— Очень важно, чтобы о прибытии этого человека никто не знал. Ты будешь в порту слишком заметна.

— Ну и что?

— Я не могу объяснять тебе государственную политику, Миа.

— Политику, фи! — Она наклонилась к нему, клюнула его в середину лба быстрым поцелуем и исчезла.

А теперь она сидела беспомощно в своей машине на территории порта, пока высоко в небесах росла какая-то точка, черная на фоне яркого полуполуденного неба.

Сэмия нажала кнопку, открыла боковой шкафчик и достала оттуда бинокль. Она поднесла его к глазам, и точка превратилась в крошечный кораблик с ясно видимым красноватым сиянием кормовых дюз.

Сарк заполнял весь экран.

— Космопорт не будет строго охраняться, — сказал Генро, не отрываясь от управления. — Это тоже было мое предложение. Я сказал, что всякий необычный прием корабля может внушить Трантору какие-нибудь подозрения. Я сказал, что успех зависит от того, насколько Трантор не догадается об истинном положении вещей, пока не станет слишком поздно.

— Сарк, Трантор, — угрюмо произнес Теренс, — какая разница...

— Для вас большая. Я воспользуюсь колодцем, ближайшим к восточным воротам. Вы выйдете через аварийный шлюз на корме, как только я сяду. Идите к воротам, быстро, но не слишком. Предоставляю вам свободу действий, если встретится препятствие. Судя по вашей истории, в этом на вас можно положиться. За воротами будет ждать машина, которая повезет вас в посольство. Вот и все...

Улыбка Генро была холодной и невеселой.

— Когда увидят, что вы бежали, меня могут в худшем случае расстрелять, как изменника. Если же меня найдут совершенно беспомощным и физически неспособным задержать вас, то просто уволят, как дурака. Последнее, кажется, предпочтительнее, так что я попрошу вас, перед тем как уйти, применить ко мне нейрохлыст.

Они садились. Уже можно было различить что-то вроде радуги саркитского города.

— Надеюсь, — сказал Генро, — вы не собираетесь делать что-нибудь сами. Сарк не место для этого. Либо Трантор, либо Сквайры. Помните. Если Трантор не получит вас через час, то Сквайры поймут вас

еще до конца дня. И тогда... Впрочем, вы и сами знаете, что они сделают с вами...

Порт стойко держался на экране, но Генро больше не смотрел на него. Он переключил приборы, направляя пульсолуч книзу.

Корабль медленно поворачивался в воздухе на высоте мили и опускался хвостом вниз.

В сотне ярдов над колодцем двигателя запели высоким тоном. Теренс ощущал их вибрацию, сидя на гидравлических пружинах. Голова у него закружилась.

— Берите хлыст. Быстро. Каждая секунда на счету. Аварийный шлюз закроется за вами. Встречающим понадобится пять минут, чтобы удивиться, почему я не открываю главный шлюз, еще пять — чтобы прорваться сюда, еще пять — чтобы найти вас. В вашем распоряжении пятнадцать минут: выйти из порта и сесть в машину...

Теренс ощутил холодок саркитской осени. Он провел годы в этом суровом климате, но почти забыл о нем в мягком вечном лете на Флорине. И вдруг прошлое нахлынуло на него так, словно он никогда не покидал планеты Сквайров.

Но теперь Теренс был беглецом, и на нем горело клеймо величайшего преступления — убийства Сквайра.

Видел ли кто-нибудь, как он выходил из корабля?

Он слегка притронулся к шляпе. Она еще была надвинута ему на уши, и маленький медальон, украшавший ее теперь, был гладким на ощупь. Генро сказал, что это нужно для его опознания. Люди с Трантора будут искать именно этот медальон, сверкающий на солнце.

Он мог бы снять его, уйти самостоятельно, найти путь на какой-нибудь другой корабль, как-нибудь. Он мог бы покинуть Сарк, как-нибудь. Мог бы бежать, как-нибудь.

Слишком много «как-нибудь»! В глубине сердца он знал, что дошел до конца. Как и говорил Генро: либо Трантор, либо Сарк. Он боялся Трантора или ненавидел его, но знал, что выбора нет: ни в коем случае он не может выбрать Сарк.

— Вы! Эй, вы! — Молодая женщина выглядывала из окна сверхроскошной машины. — Подите сюда.

Теренс подошел.

— Вы прибыли на корабле, который только что опустился, да?

Он молчал.

— Ну, что же вы?

— Да. Да, — выдавил из себя Теренс.

— Тогда садитесь.

Она открыла дверцу перед ним. Внутри машина была еще роскошнее.

— Вы из команды?

«Испытывают», — подумал Теренс. И спокойно сказал:

— Вы знаете, кто я. — На мгновение он поднял пальцы к медальону.

Машина попятилась и повернула.

У ворот, где стояла охрана, Теренс вжался в мягкую, крытую кыртом спинку. Но для тревоги не было никаких причин. Его благодетельница повелительно произнесла:

— Этот человек со мной. Я Сэмия Файф.

Усталому Теренсу понадобились секунды, чтобы услышать и понять это. Когда он напряженно подался вперед, машина уже мчалась по экспресс-полосе, делая сотню миль в час.

Их видел рабочий на территории порта. Он увидел их и коротко пробормотал что-то в лацкан своей куртки. И через несколько минут за пределами порта один агент Трантора сказал в машине досадливо другому:

— Человек с медальоном только что покинул порт в роскошной машине. Это машина Высокородной Сэмии! Значит, мы его прохлопали. Великий Космос, что делать?

— Следовать за ними.

— Но Высокородная Сэмия...

— Она для меня ничто. Она не должна быть ничем и для тебя. Иначе, что ты здесь делаешь?

— Откуда мы знаем, что убийца Сквайров с нею? Может быть, это притворство, чтобы заставить нас покинуть пост.

— Я знаю, что Файф не послал бы свою дочь, чтобы устранить нас. В конце концов достаточно отряда патрульных.

— Может быть, это вовсе не Сэмия...

— Все равно. Быстрее! Еще быстрее!..

— Я хочу поговорить с вами, — сказала девушка.

— Я готов говорить.

— Вы были на корабле, привезшем туземца с Флорины? Того, которого ловят за убийства?

— Я сказал, что да.

— Очень хорошо. Так вот, я привезла вас сюда для того, чтобы нам никто не помешал. Допрашивали ли туземца по пути на Сарк?

«Такая наивность, — подумал Теренс, — не может быть поддельной. Сэмия действительно не знала, кто он такой». Он сказал осторожно:

— Да.

— Вы присутствовали при допросе?

— Да.

— Хорошо. Я так и думала. Кстати, почему вы ушли с корабля?

— Я должен был доставить специальный отчет...

Он заколебался. Она быстро ухватилась за его слова.

— Моему отцу? Не беспокойтесь об этом. Я полностью оправдаю вас. Скажу, что вы приехали со мной по моему приказанию.

— Хорошо, госпожа моя.

Слова «госпожа моя» глубоко поразили его самого. Она была Высокородной, самой высокой в стране, а он флоринианин. Но человек, убивающий патрульных, легко может научиться убивать Сквайров, а убийца Сквайров может взглянуть Высокородной в лицо.

Он взглянул на нее твердо и испытующе.

Она была чрезвычайно красива.

И он понял вдруг, что убийство Сквайра в конце концов не было тягчайшим из преступлений.

Он даже не сознавал, что двигается. Но ее фигурка очутилась в его объятиях, и она напряглась и на мгновение вскрикнула, и тогда он заглушил ее крик поцелуем...

Ее руки покоились у него на плечах, когда в спину подул холодным ветром и дверца машины открылась.

Сэмия молча смотрела, приоткрыв рот, как взбешенный саркит вытаскивал Теренса из машины.

— И она позволила ему, — бормотал он. — Позволила ему...

Сэмия беспомощно отодвинулась в сторону, насколько могла, а потом быстро закрыла лицо обеими руками, прижав пальцы так, что кожа под ними побелела.

— Что мы с нею сделаем?

— Ничего.

— Она видела нас. Она бросит за нами всю планету, раньше чем мы проедем хоть милю.

— Ты хочешь убить Высокородную Даму?

— Нет. Но мы можем испортить ей машину. К тому времени, как она доберется до радиофона, мы будем в безопасности.

— Не нужно. — Агент наклонился в машину. — Госпожа моя, у меня мало времени. Вы слышите меня?

Она не шевельнулась.

— Вам лучше выслушать меня. Сожалею, что помешал вам в нежную минутку, но, к счастью, эту минутку я использовал. Я действовал быстро и успел запечатлеть эту сцену с помощью стереоскопического фотоаппарата. Вы меня поняли? — Он повернулся к спутнику. — Она ничего не скажет обо всем этом. Ни словечка. Идите за мной, Резидент.

Теренс последовал за ним. Он не мог обернуться на белое, осунувшееся личико в машине.

Что бы теперь с ним ни случилось, он совершил чудо. Он целовал самую гордую даму на Сарке, ощущал беглое прикосновение ее нежных, ароматных уст.

ОБВИНЯЕМЫЙ

В своей частной жизни Эбл предпочитал обходиться без дипломатических двусмысленностей. Соединившись личным лучом с Файфом, он мог быть просто пожилым человеком, любезно беседующим за стаканом вина.

— Трудно было добиться вас, Файф.

Файф улыбнулся. Он выглядел спокойно и беззаботно.

— Я был занят, Эбл.

— Да. Я кое-что слышал об этом.

— От Стина?

— Отчасти. Стин пробыл у нас часов семь.

— Знаю. Моя ошибка. Вы намерены выдать его нам?

— Боюсь, что нет.

— Он преступник.

Эбл коротко засмеялся и передвинул свой кубок, следя за медленно поднимающимися пузырьками.

— Я думал, мы можем назвать его политическим эмигрантом. Космический закон защищает его на территории Трантора.

— Ваше правительство поддерживает вас?

— Думаю, что да, Файф. Я пробыл на иностранной службе около четырех десятилетий и знаю, что Трантор поддержит, а что нет.

— Мне кажется, у вас есть какое-то предложение...

— Есть. У вас находится наш человек.

— Какой ваш человек?

— Космоаналитик. Уроженец планеты Земля, которая, кстати, входит в состав владений Трантора. У меня есть Стин, у вас землянин. В некотором смысле мы равны. Прежде чем начать выполнять свои планы, прежде чем истечет ваш ультиматум и произойдет ваш переворот, почему бы не посоветоваться насчет общего положения с кыртом?

— Не вижу необходимости. То, что происходит сейчас на Сарке, целиком его внутреннее дело. Я лично готов гарантировать, что в кыртовой промышленности перебоев не будет, независимо от политических событий здесь. Думаю, это удовлетворит законные интересы Трантора.

Эбл задумчиво сказал:

— Кажется, у нас есть еще один политический эмигрант. Любопытный случай. Кстати, это один из ваших флоринианских подданных. Резидент. Называет себя Мирлином Теренсом.

Глаза у Файфа вдруг загорелись.

— Мы наполовину подозревали это. Клянусь Сарком, Эбл, есть пределы открытого вмешательства Трантора на этой планете. Человек, похищенный вами, — убийца. Вы не можете давать ему политическое убежище.

— Этот человек вам нужен?

— У вас на уме какой-то обмен? Что вы предлагаете?

— Совещание, о котором я говорил.

— Ради флоринианского убийцы? Конечно, нет!

— Но способ, каким Резиденту удалось ускользнуть от вас к нам, довольно любопытен. Вам должно быть интересно...

Уже занимался рассвет. Джунцу хотелось бы уснуть, но он знал, что ему опять понадобится сомни.

— Я мог бы пригрозить силой, как советовал Стин, — сказал Эбл Джунцу. — Это было бы плохо. Риск велик, результаты — неверны. Пока Резидента не доставили к нам, у меня не было другого выбора, кроме политики ничегонеделания.

— А что дальше? — угрюмо сказал Джунц. — Шантажировать Файфа этим пикантным снимком?

— Называйте это как угодно: шантажировать, вести не совсем честную игру. Это не имеет значения. Высокородная Сэмия виновна только в некоторой податливости и известной наивности. Я уверен, что ее целовали и раньше. Если она поцелуется снова, если поцелуется несчетное число раз с кем угодно, кроме флоринианина, никто ничего не скажет. Но она поцеловалась с флоринианином.

Неважно, если она не знала, что он флоринианин. Неважно, что он поцеловал ее насильно. Если мы опубликуем имеющийся у нас снимок, то для нее и для ее отца жизнь станет невыносимой. Я видел, какое лицо было у Файфа, когда он смотрел на копию.

— О чем же договорились в конце концов? — Джунц вздохнул.

— Мы встретимся завтра в полдень.

— Значит, он отсрочил свой ультиматум?

— До бесконечности. Я буду в его кабинете лично.

— И вы рискнете?..

— Риск тут небольшой. Будут свидетели. И мне очень хочется самому увидеть космоаналитика, которого вы ищете так долго.

— Надеюсь, я могу быть при встрече? — спросил Джунц.

— О да! Резидент тоже будет. Он нам понадобится, чтобы опознать космоаналитика. Стин тоже. Все вы будете присутствовать в трехмерной проекции.

— Благодарю.

С усовершенствованием трехмерной передачи важные совещания редко происходили лицом к лицу. Файф ощущал материальное присутствие старого посла как элемент явной непристойности.

Эбл! Старый скряга в потертом платье и с миллионом планет за спиной.

Джунц! Темнокожий, шерстистоволосый надоедала, чье упрямство ускорило кризис.

Стин! Предатель! Не смеет взглянуть ему в глаза!

Резидент! Смотреть на него было всего тяжелее. Туземец, оскорбивший его дочь своим прикосновением, но остающийся живым и неприкосновенным за стенами транторианского посольства.

— Совещание навязано мне насильно, — мрачно сказал Файф. — Я не вижу необходимости говорить что-нибудь. Я здесь для того, чтобы слушать.

— Я думаю, Стин хотел бы высказаться первым, — ответил Эбл.

Тогда Стин закричал:

— Вы заставили меня обратиться к Трантору, Файф! Вы нарушили принцип автономии. Не ждите, чтобы я благодарил вас за это. Я не претендую на звание сыщика, каким считает себя Сквайр Файф, но думать я умею. Право! И я думал! Вчера Файф рассказывал нам историю насчет таинственного преступника, которого он называет «Икс». Я вижу: это была только болтовня с целью объявить чрезвычайное положение. Я не был одурачен ни на минуту!

— Так никакого Икса нет? — спокойно спросил Файф. — Тогда почему вы бежали? Если человек бежит, ему не нужно других обвинений.

— Вот как? — вскричал Стин. — Ну, а я могу бежать из горящего дома, даже не будучи поджигателем?..

— Продолжайте, Стин, — произнес Эбл.

— И продолжу!.. Так кто же этот Икс? Я знаю, что не я! И все же не сомневаюсь: предатель — Великий Сквайр. Но кто из Великих Сквайров знал об этом больше всех? Кто пытался использовать историю с космоаналитиком, чтобы запугать остальных и вынудить их к «объединенным действиям», этой капитуляции перед диктаторством Файфа? Я вам скажу, кто этот Икс. — Стин встал; его темя касалось верхнего края куба приемника и сделалось плоским. Он указал дрожащим пальцем. — Икс — это он! Это — Сквайр Файф! Он нашел космоаналитика. Он устранил его, когда увидел, что не произвел на нас впечатления своими глупыми рассказами на первом совещании, а теперь вытаскил снова, когда уже подготовил военный переворот!

Файф устало повернулся к Эблу.

— Кончил он? Если да, убедите его: он невыносимое оскорбление для всякого порядочного человека.

— Стин сказал, что хотел, — ответил Эбл. Но ближе к делу. Мы хотели бы видеть космоаналитика.

— У нас под стражей есть человек с пониженным интеллектом, называющий себя космоаналитиком. Я прикажу привести его!

Такое Валоне Марч никогда в жизни не снилось. Вот уже больше суток прошло с того момента, как они опустились на эту планету, а она не переставала удивляться. Даже тюремные камеры, куда ее и Рика поместили отдельно, были сказочно великолепны. Вода шла из отверстия в трубе, стоило только нажать кнопку. От стен исходило тепло, хотя воздух снаружи был холоднее, чем она считала возможным для воздуха. И всякий, кто говорил с нею, был так роскошно одет.

А вот теперь ее привели в эту большую и светлую комнату. Тут находилось несколько человек. Один, сурового вида, за столом, и другой, гораздо старше, весь сморщенный, в кресле, и еще трое...

И одним из них был Резидент!
Она вскочила и кинулась к нему.
— Резидент! Резидент!

Она пробежала прямо сквозь него. Ее ноги прошли сквозь тяжелое кресло, где сидел Резидент. Она увидела его ясно, отчетливо. Она протянула дрожащую руку, и рука погрузилась в обивку, которой она тоже не ощутила.

Она вскрикнула и упала. Резидент машинально протянул руки, чтобы поддержать ее, и она упала сквозь них, как сквозь воздух телесного цвета...

Она снова была в кресле, и Рик крепко держал ее за руку, а морщинистый старик наклонялся над нею.

— Не бойся, милая. Это только изображение. Как фотография, знаешь ли.

Она указала пальцем на Резидента.

— Его здесь нет?

— Это трехмерная проекция, Лона, — вдруг вмешался Рик. — Резидент находится в другом месте, но мы видим его здесь.

Валона покачала головой. Если Рик говорит так, значит все в порядке. Она потупилась. Она не смела смотреть на людей, которые одновременно и есть и нет.

Эбл обратился к Рику:

— Так вы знаете, что такое трехмерная проекция, молодой человек?

— Да, сударь. — Этот день был потрясающим и для Рика, но в то время, как Валону он ошеломлял, Рик находил окружающее все более знакомым и понятным.

— Где вы узнали о ней?

— Не знаю. Я знал раньше. Раньше, чем забыть.

— Обратите внимание, Файф, — вмешался Эбл, — ваш флоринианин с пониженным интеллектом хорошо знаком с трехмерной проекцией.

— Его хорошо надрессировали, я думаю, — отрезал Файф.

— Допрашивали его со времени прибытия на Сарк?

— Конечно.

— И что же?

— Ничего нового.

Эбл обратился к Рику:

— Как вас зовут?

— Рик — единственное имя, которое я помню, — ответил тот спокойно.

— Знаете ли вы кого-нибудь из присутствующих?

Рик без страха переводил взгляд с одного лица на другое.

— Только Резидента. И Лону, конечно.

— Это, — сказал Эбл, указывая на Файфа, — величайший из Сквайров, какие когда-нибудь жили. Ему принадлежит целая планета. Что вы думаете о нем?

— Я землянин, — ответил Рик. — Я-то ему не принадлежу.

— Слушайте, Рик, — снова заговорил Эбл. — Расскажу вам одну историю. Я хочу, чтобы вы слушали ее всем своим разумом и думали. Думали и думали! Вы понимаете?

Рик кивнул.

Эбл говорил медленно, повторяя ход событий.

Он рассказывал о сообщении относительно опасности, о его перехвате, о встрече Рика с Иксом, о психозондировании, о том, как Рика нашли и выхаживали на Флорине, о враче, который поставил ему диагноз, а потом умер, обо всем остальном.

— Вот и вся история, Рик. Знакомо ли вам что-нибудь в ней?

— Я помню последнюю часть, — медленно произнес Рик. — Последние несколько дней. Я вспоминаю кое-что из прошлого... Это очень смутно... Но это все.

— Но вы вспоминаете прошлое? Вы вспоминаете опасность для Флорины?

— Да, да. Это первое, что я вспомнил.

— А что было потом? Вы опустились на Сарке и встретили одного человека...

— Не могу. Не могу вспомнить! — Рик застонал.

— Попробуйте! Попробуйте!

Рик взглянул на него, весь побелев, с мокрым лицом.

— Я помню одно слово.

— Какое слово, Рик?

— У него нет смысла.

— Все равно скажите.

— Оно связано со столом. Давно, очень давно. Очень смутно. Я сидел. Кажется, кто-то другой тоже сидел. Потом он встал и смотрел на меня сверху вниз. И тут было слово.

Эбл спросил терпеливо:

— Какое слово?

Рик сжал кулаки и прошептал:

— Файф!

ОВВИНИТЕЛЬ

— Покончим с этой комедией! — прорычал Файф.

— Почему вы называете это комедией? — почти закричал Эбл.

— А разве это не так? Я согласился на эту встречу главным образом потому, что вы говорили об опасности для Флорины. Я отказался бы, если бы предвидел, что на этом совещании меня самого будут судить предатели и убийцы, играющие роль и прокурора и судьи.

Эбл произнес с ледяной учтивостью:

— Это не суд, Сквайр. Доктор Джунц пришел, чтобы выручить члена МКБ, это его право и обязанность. Я — для того, чтобы защищать интересы Трантора в смутное время. У меня нет сомнений относительно этого человека, Рика: он и есть пропавший космоаналитик. Мы можем окончить эту часть совещания немедленно, если вы согласитесь отдать Рика доктору Джунцу для дальнейших исследований, включая проверку медицинских характеристик. Разумеется, нам понадобится ваша дальнейшая помощь. Нужно найти преступника, произведшего зондирование, и установить гарантии против повторения таких актов в будущем.

— Вот так речь! — усмехнулся Файф. — Ваши планы видны насквозь. Что будет, если я выдам этого человека? Тогда, наверное, МКБ сумеет найти в нем именно то, что хочет найти. Оно называет себя межзвездным учреждением без всяких местных связей. Но разве не факт, что Трантор финансирует две трети годового бюджета МКБ?

И что же оно найдет? Это тоже очевидно. Память вернется к этому человеку медленно. МКБ будет выпускать ежедневные бюллетени. Мало-помалу он будет вспоминать все новые и новые нужные подробности. Сначала мое имя. Потом мою внешность. Потом мои точные слова. Меня торжественно признают виновным. Будут потребованы репарации, и Трантор будет вынужден оккупировать Сарк. Временно, разумеется. Потом оккупация станет постоянной.

Но есть границы, которых не может перейти никакой шантаж. Ваш шантаж, господин посланник, дошел до них. Если этот человек нужен вам, пусть за ним прилетит весь флот Трантора!

— О силе не может быть и речи, — сказал Эбл. — Но я замечаю, что вы тщательно избегаете отрицать значение того, что космоаналитик сказал под конец.

— Это ничего не значит. Имя Файфа — великое имя на Сарке. Даже если предположить, что так называемый космоаналитик правдив, у него в распоряжении был целый год, чтобы услышать это имя на Флорине. Он прибыл на Сарк на корабле, везшем мою дочь, это еще лучшая возможность, чтобы услышать имя Файфа. Разве не естественно, что это имя слилось с его смутными воспоминаниями? Конечно, он может и не говорить правды. Эти постепенные откровения могут быть и заученными.

— Слушайте, слушайте! — закричал Рик, вырвавшись из цепких рук Валоны.

— Еще одно откровение, кажется, — заметил Файф.

— Слушайте. Мы сидели за столом. В чае было зелье. Мы ссорились. Не помню, из-за чего. Потом я не мог шевелиться. Мог только сидеть. Не мог говорить. Мог только думать: «Великий Космос, меня опили». Мне хотелось вскочить, и закричать, и убежать, и я не мог. Потом другой, Файф, подошел ко мне. Он стоял и возвышался надо мной. А я не мог ничего сказать. Не мог ничего сделать. Мог только смотреть, поднимая на него глаза.

— Повернитесь и взгляните на него! — быстро сказал Джунц. — Вы его знаете?

Рик обернулся к Сквайру Файфу. С минуту он пристально смотрел на него, потом отвернулся.

— Теперь вы вспоминаете?

— Нет! Нет!

Файф свирепо улыбнулся.

— Ваш человек забыл свою роль, или же его история станет более вероятной, если он вспомнит мое лицо в следующий раз?

— Я никогда не видел этого человека, и никогда не говорил с ним, — возразил Джунц. — Я ищу только правду.

— Тогда могу ли я задать несколько вопросов?

— Задавайте.

— Благодарю вас за любезность. Теперь ты, Рик, или как там тебя зовут...

— Да, сударь?

— Ты помнишь человека, который подходил к тебе из-за стола, пока ты сидел, оглушенный и беспомощный?

— Да, сударь.

— Последнее, что ты помнишь, это то, что человек смотрел на тебя сверху вниз?

— Да, сударь.

— А ты смотрел на него снизу вверх или пытался смотреть?

— Да, сударь.

— Сядь.

Рик повиновался.

Некоторое время Файф не делал ничего. Безгубый рот у него сжался, мускулы под иссиня-черной тенью на щеках и подбородке напряглись. Потом он соскользнул с кресла.

Соскользнул вниз! Словно опустился под столом на колени. Но он вышел из-за стола, и тогда стало ясно, что он стоит.

Голова у Джунца закружилась. Человек, такой большой и величественный, пока сидел, внезапно превратился в жалкого карлика.

Уродливые ноги Файфа двигались с усилием, неуклюже неся его крупное тело и голову. Лицо у него налилось кровью, но глаза сохранили высокомерное выражение.

Рик сидел, Файф стоял, но они смотрели друг другу в глаза на одном уровне.

— Могу ли я быть этим человеком? — спокойно спросил Файф.

— Нет, сударь.

— Ты уверен?

— Да, сударь.

— Ты все-таки говоришь, что помнишь имя «Файф»?

— Я помню это имя, — настойчиво ответил Рик.

— Значит, кто бы это ни был, он ложно воспользовался моим именем?

— Да, должно быть.

Файф повернулся, медленно, с достоинством вернулся к столу и вскарабкался на свое кресло.

— С тех пор как я стал взрослым человеком, я никому еще не позволял видеть меня стоящим. Есть у вас основания продолжать совещание?

Вот тогда заговорил Джунц:

— Мне кажется, надо продолжать совещание. Ведь Рика подвергли зондированию не просто потому, что он космоаналитик!

— Вот и спросите его сами: почему его психозондировали, — сказал Файф.

— Разумеется, он не вспомнит, — гневно возразил Джунц. — Психозонд действует всего сильнее на наиболее логические цепи суждений, хранящиеся в мозгу. И все же стоит спросить у него об опасности, нависшей над Флориной. Итак, что вы помните, Рик?

— Только то, что была опасность и что она связана с космическими течениями, — пробормотал Рик.

Наступило молчание, которое снова нарушил Джунц:

— Вы говорили, что не доверяете показаниям, как вы их называете, туземцев. Но у нас есть один человек — не простой туземец. Мне кажется, он показал достаточно ясно, что не похож на почтительного флоринианина. Пора уже задать и ему несколько вопросов. Если он окажется упрямым или ненадежным, мы можем рассмотреть заявление о его выдаче Сарку.

Теренс, до сих пор упрямо рассматривавший пальцы на своих сжатых руках, бросил беглый взгляд на Джунца.

— Рик был в вашем поселке с тех пор, как его впервые нашли на Флорине, не так ли?

— Да.

— И вы были в поселке все это время? То есть вам не приходилось уезжать по делам надолго, да?

— Резиденты не ездят по делам. Все их дела — в поселке.

— Кто именно из Сквайров посещал ваш поселок в прошлом году?

— Откуда мне знать? Я не могу ответить на этот вопрос: Сквайры — это Сквайры, а туземцы — туземцы. Для вас я Резидент, для них всегда туземец. Я не встречаю их у ворот и не проверяю документы.

— Кому принадлежат ваши земли?

— Сквайру Файфу.

Стин вмешался совершенно неожиданно:

— О, послушайте! Право! С такими расспросами вы играете на руку Файфу, доктор Джуниц. Разве вы не видите, что никуда не придете? Неужели Файф заинтересован в слежке за этим человеком, неужели он возьмет на себя труд летать на Флорину и обратно? А зачем тогда патрульные?

— В подобном случае, — сказал Джуниц, — когда экономика и, быть может, физическая сохранность планеты зависят от мозга одного человека, тот, кто применил зондирование, естественно, не станет доверять патрульным.

— Даже если он уничтожил этот мозг? — спросил, улыбаясь, Файф.

Эбл выпятил нижнюю губу и нахмурился. Его последняя ставка уплывала, как и все прочие, в руки Файфа.

Помощь пришла неожиданно со стороны угрюмо молчавшей Валонь:

— Я хочу сказать что-то.

— Говори, девушка. В чем дело? — сказал Джуниц.

— Я только крестьянская девушка. Пожалуйста, не сердитесь на меня. Мне просто кажется, что все может быть по-другому. Был ли мой Рик таким важным? Ну, этим, космоаналитиком?

— Я думаю, был.

— Тогда это должно быть так, как вы говорили. Тот, кто поместил его на Флорину, не смел потом ни на минуту потерять его из виду. Я хочу сказать, чтобы Рика не бил начальник на фабрике, чтобы дети не забрасывали его камнями, чтобы он не заболел и не умер. Его не оставили бы беспомощным в поле, где он мог умереть раньше, чем его найдут, верно? Не полагались бы только на удачу, чтобы он остался жив. — Она говорила напряженно и жадно.

— Продолжай, — сказал Джунц, наблюдая за ней.

— Потому что есть один человек, следивший за Риком с самого начала. Он нашел его в полях, он устроил так, чтобы я заботилась о нем, он знал о каждом его дне. Он даже знал все о докторе, потому что я рассказала ему. Это он! Это он! — Ее голос поднялся до крика, а рука твердо указывала на Мирлина Теренса, Резидента.

И на этот раз даже сверхчеловеческое спокойствие Файфа изменило ему. Его руки сжались на краю стола, массивное тело приподнялось над креслом, а голова быстро повернулась к Резиденту.

ПОБЕДИТЕЛИ

Все были поражены словно параличом.

Потом раздался пронзительный смех Стина.

— Я верю, — хохотал Стин. — Я все время говорил это. Я говорил, что туземец был нанят Файфом. Теперь вы видите, что за человек Файф. Он нанял туземца, чтобы...

— Это адская ложь!

Говорил не Файф, а Резидент. Он вскочил, и глаза у него пылали от возбуждения.

— Что — ложь? — спросил Эбл.

Теренс некоторое время смотрел на него, не понимая, потом ответил, задыхаясь:

— То, что сказал Сквайр. Никто из саркитов не платит мне.

— А то, что сказала девушка? Это тоже ложь?

— Нет. Правда. Психозонд применил я. Не смотри на меня так, Лона! Я не хотел повредить Рiku. Я не хотел ничего того, что случилось.

— Все подстроено, — возмутился Файф. — Не знаю в точности ваших замыслов, Эбл, но для этого преступника явно невозможно включить в свою биографию и это преступление. Как известно, только Великий Сквайр может обладать достаточными познаниями и возможностями. Или вы хотите спасти своего наемника, Стин, подстраивая ложные признания?

— Я не беру денег и от Трантора, — сказал Резидент. — Но если хотите знать, что произошло, я расскажу вам. В конце концов либо Сарк, либо Трантор, так что пропадай все! По крайней мере у меня будет случай высказаться. — Он указал на Файфа. — Вот это — Великий Сквайр. Только Великий Сквайр, говорит Великий Сквайр Файф, может обладать достаточными познаниями и возможностями, чтобы сделать то, что сделал преступник. Он сам верит в это. А что он умеет? Что умеет любой из саркитов?

Они не участвуют в управлении. Управляют флориниане! Управляет Флоринианская Гражданская Служба. Флориниане получают бумаги, пишут бумаги, раскладывают бумаги. А бумаги управляют Сарком. Конечно, большинство из нас слишком забито, чтобы даже писать, но знаете ли вы, что мы можем сделать, если захотим, под самым носом у наших проклятых Сквайров? Ну вот, посмотрите, что сделал я.

Год назад я временно был начальником движения в космопорте. Это записано в моем послужном списке. Вам придется немножко порыться, чтобы найти это, так как официальным начальником движения был саркит. Официальное звание было у него, а всю работу делал я. Мое имя можно отыскать лишь в специальном отделе с пометкой «Туземный персонал». Ни один саркит не стал бы пачкать глаза, заглядывая туда.

Когда местное население МКБ прислало сообщения космоаналитика, предлагая встретить корабль с каретой «Скорой помощи», эти сообщения получил я. Согласитесь: не так уж часто приходится слышать о гибели Флорины.

Я договорился встретиться с космоаналитиком в маленьком пригородном порту. Сделать это было лег-

ко. Все рычаги и нити, приводившие в движение Сарк, были у меня в кулаке.

Я встретил космоаналитика, спрятал его и от Сарка и от МКБ. Я выжал из него все сведения, сколько мог, и решил использовать их ради Флорины и против Сарка.

У Файфа невольно вырвался вопрос:

— Так это ты посылал первые письма?

— Я посылал эти первые письма, Великий Сквайр, — спокойно произнес Теренс. — Я думал, что смогу овладеть достаточной долей кыртовых площадей, чтобы поставить Трантору свои условия и прогнать саркитов с моей планеты.

— Ты с ума сошел!

— Возможно. Во всяком случае, ничего не получилось. Я сказал космоаналитику, что я Файф. Это было необходимо, ибо он знал, что Файф — крупнейший человек на планете, и, пока он считал меня Файфом, он говорил открыто.

К несчастью, у него терпения было еще меньше, чем у меня. Он упорно требовал свидания с представителем МКБ. Мне было трудно справиться с ним, пришлось прибегнуть к зондированию. Зонд я смог достать. Как с ним обращаться, я видел в госпиталях. Я знал о нем немного. К несчастью, недостаточно. Я настроил зонд так, чтобы убрать страх и тревогу из верхних слоев его разума. Это была простая операция. Я до сих пор не знаю, что произошло. Вероятно, страх и тревога лежали глубже, очень глубоко, и зонд автоматически следовал за ними, попутно разрушая весь сознательный разум. На руках у меня осталось лишенное разума существо... Я сожалею, Рик... Итак, космоаналитик остался совершенно беспомощным. Нельзя было позволять, чтобы его нашел кто-нибудь, кто мог бы разузнать насчет его личности. Нельзя было и убивать его. Я был уверен, что память к нему вернется, а мне его знания еще были нужны.

Я устроил так, что меня послали на Флорину Резидентом, и взял с собою космоаналитика с поддельными документами. Я устроил так, что его нашли, и выбрал Валону, чтобы ходить за ним. С тех пор опасностей не было, кроме одного раза с доктором.

Тогда мне пришлось пойти на силовые станции Верхнего Города. Там инженерами были саркиты, но у входа стояли флориниане. На Сарке я узнал о механизмах энергии достаточно, чтобы закоротить силовую линию. С тех пор убивать мне стало легко. Но я никогда не думал, что доктор держит копии карточек в обеих половинах своего кабинета. А подумать было бы нужно. Потом, сто часов назад, — а кажется, будто сто лет, — Рик начал вспоминать снова. Ну, вот и все. Джунц прав.

Теперь смотрите. Только я знаю, где находятся бумаги Рика. Ни один саркит, ни один транторианин никогда не найдут их. Если они вам нужны, вы должны мне дать политическое убежище. Саркит или транторианин могут называть себя патриотами; почему не может флоринианин?

— Мы не отдадим вас Сарку, — сказал Джунц. — За вред, нанесенный космоаналитику, вас будут судить. Я не могу гарантировать исхода, но если вы пойдете нам навстречу сейчас, то это зачтется в вашу пользу.

Теренс испытующе поглядел на Джунца.

— Попытаюсь верить вам, доктор... По словам космоаналитика, солнце Флорины вошло в стадию, предшествующую взрыву новой звезды.

— Как! — Это восклицание вырвалось у всех, кроме Валоны.

— Оно готово бабахнуть и взорваться, — насмешливо произнес Теренс. — А когда это случится, то вся Флорина исчезнет, как облачко табачного дыма.

— Я не космоаналитик, но слышал, что невозможно предсказать, когда звезда взорвется, — сказал Эбл.

— Это верно. Объяснял ли вам Рик, почему он так думает? — спросил Джунц.

— Вероятно, в его бумагах это сказано. Я помню только что-то об углеродном течении.

— Что такое?

— Он все время твердил: «Углеродное космическое течение. Углеродное космическое течение». Это и еще что-то о «каталитическом эффекте». Вот и все.

Стин хихикнул. Файф нахмурился. Джунц широко открыл глаза.

Потом Джунц пробормотал:

— Простите, я сейчас вернусь. — Он вышел из куба приемника и исчез.

Он вернулся через четверть часа.

Вернувшись, Джунц изумленно огляделся. В комнате были только Эбл и Файф.

— Мы ждали вас, доктор Джунц, — сказал Эбл. — Космоаналитик и девушка находятся на пути в посольство. Совещание окончено.

— Окончено? Великий Космос, мы только начали! Я хочу объяснить вам условия взрыва новой звезды.

Эбл смущенно задвигался в кресле.

— В этом нет надобности, доктор.

— Это очень нужно. Это необходимо. Дайте мне пять минут.

— Пусть говорит, — произнес Файф. Он улыбался.

— Начнем сначала. В самых ранних научных записях Галактической цивилизации уже отмечалось, что звезды получают свою энергию от ядерных превращений в своих недрах. Было известно также, что, насколько мы знаем относительно условий в недрах звезд, их энергия получается от двух, и только двух, типов ядерных реакций. Оба ведут к превращению водорода в гелий. Первая реакция — прямая: два ядра водорода соединяются с двумя нейтронами, давая одно ядро гелия. Вторая — косвенная, в несколько фаз. Она кончается тем, что водород превращается в гелий, но в промежуточных фазах участвуют ядра углерода. Эти ядра не используются, но снова образуются в ходе реакции, так что ничтожное количество углерода участвует в ней снова и снова, служа для превращения в гелий огромных количеств водорода. Иначе говоря, углерод действует как катализатор. Все это было известно еще в доисторические времена, еще когда человечество было привязано к одной планете, если такое время когда-нибудь было.

— Если это известно всем, — заметил Файф, — вы лишь тратите время.

— Но это все, что мы знаем. Идет ли в звездах только одна из этих реакций или обе, это никогда не

было известно. Всегда существовали школы, предпочитавшие либо ту, либо другую теорию. Но обычно общее мнение склонялось к непосредственному превращению водорода в гелий, как к более простому.

Так вот, теория Рика должна была быть следующей. Непосредственное превращение водорода в гелий — это нормальный источник звездной энергии, но в некоторых условиях начинает участвовать и углеродный катализ, подстегивая этот процесс, ускоряя его, разогревая звезду.

В пространстве есть течения. Вы это тоже знаете. Некоторые из них — углеродные. Звезды, проходя сквозь течения, захватывают из них несчетные количества атомов. Однако общая масса захваченных атомов микроскопически мала в сравнении с массой самой звезды и ничуть не влияет на нее. Кроме углерода! Звезда, проходящая сквозь течение с повышенным содержанием углерода, становится неустойчивой. Я не знаю, сколько лет, или столетий, или миллионолетий нужно, чтобы атомы углерода просочились в недра земли, но для этого, вероятно, нужно много времени. Это означает, что углеродное течение должно быть широким, а звезда — входить в него под малым углом. Во всяком случае, как только количество углерода, просочившегося в звезду, перешло известный критический уровень, излучение звезды внезапно и резко возрастает. Внешние слои разлетаются в чудовищном взрыве, и рождается новая звезда. Что вы скажете?

Джунц ждал.

— Вы придумали все это за две минуты, на основании туманной фразы, которую, судя по воспоминаниям Резидента, космоаналитик произнес год тому назад?

— Да. Да. В этом нет ничего удивительного. Космический анализ готов к этой теории. Если бы ее не выдвинул Рик, то вскоре выдвинул бы кто-нибудь другой. Действительно, подобные теории предлагались и раньше, но их никогда не принимали всерьез. Их выдвигали еще до того, как развилась техника космического анализа, и ни одна не была в состоянии объяснить внезапный рост содержания углерода в данной звезде.

Но теперь мы знаем: углеродные течения существуют. Мы можем нанести их пути на карту, узнать, какие звезды входили в них за последние десятки тысяч лет, проверить и сравнить это с нашими записями появления новых звезд и изменений радиации. Именно это должен был сделать Рик. Таковы должны были быть расчеты и наблюдения, которые он пытался показывать Резиденту. Но все это сейчас неважно. Важно вот что: надо начать немедленную эвакуацию Флорины.

— Я так и думал, что дойдет до этого, — сдержанно произнес Файф.

— Простите, Джунц, — сказал Эбл, — но это невозможно.

— Почему невозможно?

— Когда взорвется солнце Флорины?

— Не знаю. Судя по тревоге Рика год назад, я сказал бы, что времени у нас мало.

— Но вы можете установить срок?

— Конечно, нет.

— Когда вы сможете установить его?

— Не могу сказать. Даже если мы получим расчеты Рика, их все нужно будет проверить.

— Можете ли вы ручаться, что теория космоаналитика окажется верной?

Джунц нахмурился.

— Я лично в этом уверен, но никакой ученый не станет ручаться за теорию заранее.

— Тогда выходит, что вы требуете эвакуации Флорины на основании простых рассуждений!

— Я думаю, что жизнь населения всей планеты — это не такая вещь, которой можно рисковать.

— Если бы Флорина была обычной планетой, я согласился бы с вами. Но Флорина — это источник кырта для всей Галактики. То, чего вы требуете, невозможно.

— Господа, тайна дешевого кырта скоро будет у нас в руках. Через год кыртовой монополии не станет.

— Что вы хотите сказать?

— Вот теперь совещание дошло до самого существенного, Файф. Из всех обитаемых планет кырт растет только на Флорине. Так что весьма вероятно, что

кырт и предвзрывная стадия идут рука об руку. Ведь другого солнца, готового взорваться, в Галактике нет, как, впрочем, и других кыртовых планет.

— Чепуха, — сказал Файф.

— Разве так? Должна же быть какая-то причина, почему кырт — это кырт на Флорине и хлопок — на всех других мирах. Ученые давно пытались получить кырт искусственно на других планетах, но эти попытки шли вслепую, а потому не удались. Теперь мы будем знать, что здесь влияют факторы, связанные с предвзрывным состоянием звезды.

— Они пытались повторить картину излучений солнца Флорины, — гневно сказал Файф.

— Да, с помощью электрических дуг, дававших только видимую и ультрафиолетовую часть спектра. А что можно сказать об инфракрасной части и за ее пределами? О магнитных полях? Об эмиссии электронов? О влиянии космических лучей? Я не физический биохимик, так что тут могут быть и такие факторы, о которых я ничего не знаю. Но этим займутся — и по всей Галактике — люди, знакомые с физической биохимией. Через год, ручаюсь вам, решение будет найдено.

— Блеф! — проворчал Файф.

— Сквайр Файф, через год ваши владения на Флорине потеряют всякую ценность, с новой звездой или без нее. Продайте их. Продайте всю Флорину. Трантор заплатит.

— Купить целую планету? — в отчаянии спросил Эбл.

— Почему бы нет? Средства у Трантора есть, а симпатии населения всей Галактики окупят расходы тысячекратно. Вы спасете сотни миллионов жизней, дадите всем дешевый кырт.

— Я подумаю, — произнес Эбл.

Он взглянул на Файфа. Глаза Сквайра опустились. После долгого молчания он тоже сказал:

— Я подумаю.

Джунц хрипло засмеялся.

— Не думайте слишком долго. История с кыртом распространится быстро. Ее ничем не остановить. А

тогда ни у кого из вас не будет свободы действий. Лучше поторгуйтесь сейчас!

Резидент выглядел подавленным.

— Это действительно верно? — повторял он. — Действительно так? Флорины не будет?

— Это верно, — сказал Джунц.

Теренс протянул руки, потом уронил их.

— Если вам нужны Риковы бумаги, то они спрятаны в статистических карточках у меня дома. Я взял старые карточки, за сто лет назад или больше. Никому и в голову не пришло бы заглядывать в них.

— Послушайте, — сказал Джунц. — Я уверен: мы можем договориться с МКБ. Нам нужен человек на Флорине, человек, знающий флориниан, могущий объяснить им все факты, знающий, как организовать эвакуацию, как выбрать самые подходящие планеты для переселения. Хотите помочь нам?

— То есть загонять дичь для вас? И спасти шкуру от кары за убийство? Почему нет? — Глаза Резидента вдруг наполнились слезами. — Но я все-таки теряю. У меня не будет дома, не будет планеты. Мы все теряем. Флориниане теряют планету, саркиты теряют богатство, Трантор — возможность захватить это богатство. Выигрыша нет ни у кого.

— Если только не считать, — мягко произнес Джунц, — что в новой Галактике — в Галактике, избавленной от угрозы неустойчивых звезд, в Галактике, где кырт есть для всех, в Галактике, так приблизившейся к политическому объединению, — выигрыш все-таки есть. Целый квадрильон их. Обитатели Галактики — вот победители!

ЭПИЛОГ. ЧЕРЕЗ ГОД

— Рик! Рик! — Селим Джунц кинулся к кораблю, протягивая руки. — И Лона! Я бы никогда не узнал вас обоих. Как живете? Как поживаете?

— Как нельзя лучше. Наше письмо попало к вам, я вижу, — сказал Рик.

— Конечно. Расскажите мне, что вы обо всем этом думаете?

Они возвращались вместе, шли к кабинету Джунца.

Валона сказала печально:

— Мы были сегодня утром в своем поселке. Поля такие пустые!

Она была одета скорее как женщина Империи, чем как флоринианская крестьянка.

— Столько уже эвакуировано меньше чем за год! — сказал Рик.

— Мы стараемся, как можем, Рик. О, я думаю, вас нужно называть вашим настоящим именем!

— Пожалуйста, не надо. Я никогда к нему не привыкну. Я — Рик. Это единственное имя, какое я помню.

— Решили ли вы, когда вернетесь к космоанализу? — спросил Джунц.

Рик покачал головой.

— Да, я решил, но решил не возвращаться. Эта часть памяти исчезла навсегда. Но мне безразлично. Я вернусь на Землю... Кстати, я почти надеялся, что встречу с Резидентом.

— Кажется, не встретитесь. Он решил уехать сегодня. Кажется, ему не хотелось видеть вас. Он чувствует себя виноватым. У вас нет к нему враждебных чувств?

— Нет. Он хотел сделать хорошо, и он во многом изменил мою жизнь к лучшему. Прежде всего я узнал Лону. — Он обнял ее за плечи. Валона взглянула на него и улыбнулась. — Резидент настроил психозонд так, чтобы устранить чувство тревоги, но не позаботился об интенсивности. Да, мне уже нельзя быть космоаналитиком. Зато я вернусь на Землю. Я могу работать, а люди там всегда нужны.

— А я теперь — женщина Земли, — сказала Валона.

Рик смотрел на горизонт. Верхний Город был ярким, как всегда, но людей там не было.

— Много еще осталось на Флорине? — спросил он.

— Миллионов двадцать, — ответил Джунц. — Переселение находится еще в самой начальной

стадии. Большинство переселенцев живет на соседних планетах во временных лагерях. Это неизбежные трудности.

— Когда отсюда уйдет последний человек?

— Конечно, никогда.

— Не понимаю.

— Резидент неофициально попросил разрешения остаться. Ему разрешили, тоже неофициально. Общественность об этом не узнает.

— Остаться? — Рик был поражен. — Но, во имя всей Галактики, зачем?

— Не знаю, — ответил Селим Джунц, — но, кажется, вы объяснили это, когда говорили о Земле. Он чувствует то же, что и вы. «Я не могу, — говорит он, — даже допустить мысли о том, чтобы дать Флорине умереть в одиночестве».

Джордж Плейтен сказал с плохо скрытой тоской в голосе:

— Завтра первое мая. Начало Олимпиады!

Он перевернулся на живот и через спинку кровати пристально посмотрел на своего товарища по комнате. Неужели он не чувствует того же? Неужели мысль об Олимпиаде совсем его не трогает?

У Джорджа было худое лицо, черты которого еще более обострились за те полтора года, которые он провел в приюте. Он был худощав, но в его синих глазах горел прежний неугасимый огонь, а в том, как он сейчас вцепился пальцами в одеяло, было что-то от затравленного зверя.

Его сосед по комнате на мгновение оторвался от книги и заодно отрегулировал силу свечения стены, у которой сидел. Его звали Хали Омани, он был нигерийцем. Темно-коричневая кожа и крупные черты лица Хали Омани, казалось, были созданы для того, чтобы выражать только одно спокойствие, и упоминание об Олимпиаде нисколько его не взволновало.

— Я знаю, Джордж, — произнес он.

Джордж многим был обязан терпению и доброте Хали; бывали минуты, когда он очень в них нуждался, но даже доброта и терпение могут стать поперек глотки. Разве сейчас можно сидеть с невозмутимым видом идола, вырезанного из дерева теплого, сочного цвета?

Джордж подумал, не станет ли он сам таким же через десять лет жизни в этом месте, и с негодованием отогнал эту мысль. Нет!

— По-моему, ты забыл, что значит май, — вызывающе сказал он.

— Я очень хорошо помню, что он значит, — отозвался его собеседник. — Ровным счетом ничего! Ты забыл об этом, а не я. Май ничего не значит для тебя, Джорджа Плейтена... и для меня, Хали Омани, — негромко добавил он.

— Сейчас на Землю за новыми специалистами прилетают космические корабли, — произнес Джордж. — К июню тысячи и тысячи этих кораблей, неся на борту миллионы мужчин и женщин, отправятся к другим мирам, и все это, по-твоему, ничего не значит?

— Абсолютно ничего. И вообще, какое мне дело до того, что завтра первое мая?

Беззвучно шевеля губами, Омани стал водить пальцем по строчкам книги, которую он читал, — видимо, ему попалось трудное место.

Джордж молча наблюдал за ним. «К черту! — подумал он. — Закричи, завизжи! Это-то ты можешь? Ударь меня, ну, сделай хоть что-нибудь!»

Лишь бы не быть одиноким в своем гневе. Лишь бы разделить с кем-нибудь переполнявшее его возмущение, отделаться от мучительного чувства, что только он, он один умирает медленной смертью!

В те первые недели, когда весь мир представлялся ему тесной оболочкой, сотканной из какого-то смутного света и неясных звуков, — тогда было лучше. А потом появился Омани и вернул его к жизни, которая того не стоила.

Омани! Он-то стар! Ему уже по крайней мере тридцать. «Неужели и я в этом возрасте буду таким же? — подумал Джордж. — Стану таким, как он, через каких-нибудь двенадцать лет?»

И оттого, что эта мысль вселила в него панический страх, он заорал на Омани:

— Брось читать эту идиотскую книгу!

Омани перевернул страницу и, прочитав еще несколько слов, поднял голову, покрытую шапкой жестких курчавых волос.

— А? — спросил он.

— Какой толк от твоего чтения? — Джордж решительно шагнул к Омани, презрительно фыркнул: — Опять электроника! — и вышиб книгу из его рук.

Омани неторопливо встал и поднял книгу. Без всякого раздражения он разгладил смятую страницу.

— Можешь считать, что я удовлетворяю свое любопытство, — произнес он. — Сегодня я пойму немного больше. Это тоже своего рода победа.

— Победа! Какая там победа? И больше тебе ничего не нужно от жизни? К шестидесяти пяти годам приобрести четверть знаний, которыми располагает дипломированный инженер-электронщик? Кому ты будешь нужен? Кто тебя возьмет? Куда ты пойдешь с этими знаниями?

— Никому. Никто. Никуда. Я останусь здесь и буду читать другие книги.

— И этого тебе достаточно? Рассказывай! Ты заманил меня на занятия. Ты заставил меня читать и заучивать прочитанное. А зачем? Это не приносит мне никакого удовлетворения.

— Что толку в том, что ты лишаешь себя возможности получать удовлетворение?

— Я решил наконец покончить с этим фарсом. Я сделаю то, что собирался сделать с самого начала, до того как ты умяслил меня и лишил воли к сопротивлению. Я заставлю их... заставлю...

Омани отложил книгу, а когда Джордж, не договорив, умолк, задал вопрос:

— Заставишь, Джордж?

— Заставлю исправить эту вопиющую несправедливость. Все было подстроено. Я доберусь до этого Антонелли и заставлю его признаться, что он... он...

Омани покачал головой.

— Каждый, кто попадает сюда, настаивает на том, что произошла ошибка. Мне казалось, что у тебя этот период уже позади.

— Не называй это периодом, — злобно сказал Джордж. — В отношении меня действительно была допущена ошибка. Я ведь говорил тебе...

— Да, ты говорил, но в глубине души ты прекрасно сознаешь, что в отношении тебя никто не совершил никакой ошибки.

— Не потому ли, что никто не желает в этом сознаваться? Неужели ты думаешь, что кто-нибудь из них добровольно признает свою ошибку?.. Но я заставляю их сделать это.

Во всем виноват был май, месяц Олимпиады. Это он возродил в Джордже былую ярость, и он ничего не мог с собой поделать. Да и не хотел: ведь ему грозила опасность все забыть.

— Я собирался стать программистом вычислительных машин, и я действительно могу им быть, что бы они там ни говорили, ссылаясь на результаты анализа. — Он стукнул кулаком по матрасу. — Они не правы. И не могут они быть правы.

— В анализах ошибки исключены.

— Значит, не исключены. Ведь ты же не сомневался в моих способностях?

— Способности не имеют к этому ровно никакого отношения. Мне кажется, что тебе достаточно часто это объясняли. Почему ты никак не можешь понять?

Джордж отодвинулся от него, лег на спину и угрюмо уставился в потолок.

— А кем ты хотел стать, Хали?

— У меня не было определенных планов. Думаю, что меня вполне устроила бы профессия гидропониста.

— И ты считал, что тебе это удастся?

— Я не был в этом уверен.

Никогда раньше Джордж не расспрашивал Омани о его жизни. Мысль о том, что у других обитателей приюта тоже были свои стремления и надежды, показалась ему не только странной, но даже почти противоестественной. Он был потрясен. Подумать только — гидропонист!

— А тебе не приходило в голову, что ты попадешь сюда?

— Нет, но, как видишь, я все-таки здесь.

— И тебя это удовлетворяет. Ты на самом деле всем доволен. Ты счастлив. Тебе здесь нравится, и ничего другого ты не хочешь.

Омани медленно встал и аккуратно начал разбирать постель.

— Джордж, ты неисправим, — произнес он. — Ты терзаешь себя, потому что отказываешься признать

очевидные факты. Ты находишься в заведении, которое называешь приютом, но я ни разу не слышал, чтобы ты произнес его название полностью. Так сделай это теперь, Джордж, сделай! А потом ложись в кровать и проспись.

Джордж скрипнул зубами и ощерился.

— Нет! — сказал он сдавленно.

— Тогда это сделаю я, — сказал Омани, и, отчеканивая каждый слог, он произнес роковые слова.

Джордж слушал, испытывая глубочайший стыд и горечь. Он отвернулся.

В восемнадцать лет Джордж Плейтен твердо знал, что станет дипломированным программистом, — он стремился к этому с тех пор, как себя помнил. Среди его приятелей одни отстаивали космонавтику, другие — холодильную технику, третьи — организацию перевозок и даже административную деятельность. Но Джордж не колебался.

Он с таким же жаром, как и все остальные, обсуждал преимущества облюбованной профессии. Это было вполне естественно. Впереди их всех ждал День образования — поворотный день их жизни. Он приближался, неизбежный и неотвратимый, — первое ноября того года, когда им исполнится восемнадцать лет.

Когда День образования оставался позади, появлялись новые темы для разговоров: можно было обсуждать различные профессиональные вопросы, хвалить свою жену и детей, рассуждать о шансах любимой космобольной команды или вспоминать Олимпиаду. Но до наступления Дня образования лишь одна тема неизменно вызывала общий интерес — и это был День образования.

«Кем ты хочешь быть? Думаешь, тебе это удастся? Ничегошеньки у тебя не выйдет. Справься в ведомостях — квоту же урезали. А вот логистика...»

Или «а вот гипермеханика...», или «а вот связь...», или «а вот гравитика...».

Гравитика была тогда самой модной профессией. За несколько лет до того, как Джорджу исполнилось восемнадцать лет, появился гравитационный двигатель, и все только и говорили, что о гравитике. Любая

планета в радиусе десяти световых лет от звезды-карлика отдала бы правую руку, лишь бы заполучить хоть одного дипломированного инженера-гравитационника.

Но Джорджа это не прельщало. Да, конечно, такая планета отдаст все свои правые руки, какие только сумеет наскрести. Однако Джордж слышал и о том, что случалось в других, только что возникших областях техники. Немедленно начнутся рационализация и упрощение. Каждый год будут появляться новые модели, новые типы гравитационных двигателей, новые принципы. А потом все эти баловни судьбы в один прекрасный день обнаружат, что они устарели, их заменят новые специалисты, получившие образование позже, и им придется заняться неквалифицированным трудом или отправиться на какую-нибудь захудалую планету, которая пока еще не догнала другие миры.

Между тем спрос на программистов оставался неизменным из года в год, из столетия в столетие. Он никогда не возрастал стремительно, не взвинчивался до небес, а просто медленно и неуклонно увеличивался в связи с освоением новых миров и усложнением старых.

Эта тема была постоянным предметом споров между Джорджем и Коротышкой Тревелияном. Как все закадычные друзья, они спорили до бесконечности, не скупясь на язвительные насмешки, и в результате оба оставались при своем мнении.

Дело в том, что отец Тревелияна, дипломированный металлург, в свое время работал на одной из дальних планет, а его дед тоже был дипломированным металлургом. Естественно, что сам Коротышка не колеблясь остановил свой выбор на этой профессии, которую считал чуть ли не неотъемлемым правом своей семьи, и был твердо убежден, что все другие специальности не слишком-то респектабельны.

— Металл будет существовать всегда, — заявил он, — и когда ты создаешь сплав с заданными свойствами и наблюдаешь, как слагается его кристаллическая решетка, ты видишь результат своего труда. А что делает программист? Целый день сидит за коди-

рующим устройством, пичкая информацией какую-нибудь дурацкую электронную машину длиной в милю.

Но Джордж уже в шестнадцать лет отличался практичностью.

— Между прочим, вместе с тобой будет выпущен еще миллион металлургов, — спокойно указал он.

— Потому что это прекрасная профессия. Самая лучшая.

— Но ведь ты попросту затеряешься в их массе, Коротышка, и можешь оказаться где-то в хвосте. Каждая планета может сама зарядить нужных ей металлургов, а спрос на усовершенствованные земные модели не так уж велик, да и нуждаются в них главным образом малые планеты. Ты ведь знаешь, какой процент общего выпуска дипломированных металлургов получает направление на планеты класса А. Я поинтересовался — всего лишь 13,3 процента. А это означает семь шансов из восьми, что тебя засунут на какую-нибудь третьесортную планету, где в лучшем случае есть водопровод. А то и вовсе можешь застрять на Земле — такие составляют 2,3 процента.

— Не вижу в этом ничего позорного, — вызывающе заявил Тревельян. — Земле тоже нужны специалисты. И хорошие. Мой дед был земным металлургом. — Подняв руку, Тревельян небрежно провел пальцем по еще не существующим усам.

Джордж знал про дедушку Тревельяна и, памятуя, что его собственные предки тоже работали на Земле, не стал ехидничать, а, наоборот, дипломатично согласился:

— В этом, безусловно, нет ничего позорного. Конечно, нет. Однако попасть на планету класса А — это вещь, скажешь нет? Теперь возьмем программиста. Только на планетах класса А есть такие вычислительные машины, для которых действительно нужны высококвалифицированные программисты, и поэтому только эти планеты и берут их. К тому же ленты по программированию очень сложны и для них годится далеко не всякий. Планетам класса А нужно больше программистов, чем может дать их собственное население. Это же чистая статистика. На миллион человек приходится в среднем, скажем, один первоклассный

программист. И если на планете живет десять миллионов, а им там требуется двадцать программистов, они вынуждены обращаться к Земле, чтобы получить еще пять, а то и пятнадцать специалистов. Верно? А знаешь, сколько дипломированных программистов отправилось в прошлом году на планеты класса А? Не знаешь? Могу тебе сказать. Все до единого! Если ты программист, можешь считать, что ты уже там. Так-то!

Трепельян нахмурился.

— Если только один человек из миллиона годится в программисты, почему ты думаешь, что у тебя это выйдет?

— Выйдет, можешь быть спокоен, — сдержанно ответил Джордж. Он никогда не осмелился бы рассказать ни Трепельяну, ни даже своим родителям, что именно он делает и почему так уверен в себе. Он был абсолютно спокоен за свое будущее. (Впоследствии, в дни безнадежности и отчаяния, именно это воспоминание стало самым мучительным.) Он был так же непоколебимо уверен в себе, как любой восьмилетний ребенок накануне Дня чтения, этого преддверия следующего за ним через десять лет Дня образования.

Ну, конечно, День чтения во многом отличался от Дня образования. Во-первых, следует учитывать особенности детской психологии. Ведь восьмилетний ребенок легко воспринимает многие самые необычные явления. И то, что вчера он не умел читать, а сегодня уже умеет, кажется ему само собой разумеющимся. Как солнечный свет, например.

А во-вторых, от этого дня зависело не так уж много. После него толпы вербовщиков не теснились перед списками, с нетерпением ожидая, когда будут объявлены результаты ближайшей Олимпиады. День чтения практически ничего не менял в жизни детей, и они еще десять лет оставались под родительской кровлей, как и все их сверстники. Просто после этого дня они уже умели читать.

И Джордж, готовясь к Дню образования, почти не помнил подробностей того, что произошло с ним в День чтения, десять лет назад.

Он, правда, не забыл, что день выдался пасмурный

и моросил сентябрьский дождь. (День чтения — в сентябре, День образования — в ноябре, Олимпиада — в мае. На эту тему сочиняли даже детские стишки.) Было еще темно, и Джордж одевался при стенном свете. Родители его волновались гораздо больше, чем он сам. Отец Джорджа был дипломированным трубопрокладчиком и работал на Земле, чего втайне стыдился, хотя все понимали, что большая часть каждого поколения неизбежно должна остаться на Земле.

Сама Земля нуждалась в фермерах, шахтерах и даже в инженерах. Для работы на других планетах требовались только самые последние модели высококвалифицированных специалистов, и из восьми миллиардов земного населения туда ежегодно отправлялось всего лишь несколько миллионов человек. Естественно, не каждый житель Земли мог попасть в их число.

Но каждый мог надеяться, что по крайней мере кому-нибудь из его детей доведется работать на другой планете, и Плейтен старший, конечно, не был исключением. Он видел (как, впрочем, видели и совершенно посторонние люди), что Джордж отличается незаурядными способностями и большой сообразительностью. Значит, его ждет блестящая будущность, тем более, что он единственный ребенок в семье. Если Джордж не попадет на другую планету, то его родителям придется возложить все надежды на внуков, а когда-то еще у них появятся внуки!

Сам по себе День чтения, конечно, мало что значил, но в то же время только он мог показать хоть что-нибудь до наступления того, другого, знаменательного дня. Когда дети возвращались домой, все родители Земли внимательно слушали, как они читают, стараясь уловить особенную беглость, чтобы истолковать ее как счастливое предзнаменование. Почти в любой семье подрастал такой многообещающий ребенок, на которого со Дня чтения возлагались огромные надежды только потому, что он легко справлялся с трехсложными словами.

Джордж смутно сознавал, отчего так волнуются его родители, и в то дождливое утро его безмятежный детский покой смущал только страх, что радостное

выражение на лице отца может угаснуть, когда он вернется домой и покажет, как он научился читать.

Детей собрали в просторном зале городского Дома образования. В этот месяц во всех уголках Земли в миллионах местных Домов образования собирались такие же группы детей. Серые стены и напряженность, с которой держались дети, стеснявшиеся непривычной нарядной одежды, нагнали на Джорджа тоску.

Он инстинктивно поступил так же, как другие: отыскав кучку ребят, живших с ними на одном этаже, он присоединился к ним.

Тревелиян, мальчик из соседней квартиры, все еще разгуливал в длинных локонах, а от маленьких бачков и жидких рыжеватых усов, которые ему предстояло отрастить, едва он станет к этому физиологически способен, его отделяли еще многие годы.

Тревелиян (для которого Джордж тогда был еще Джооджи) воскликнул:

— Ага! Струсил, струсил!

— Вот и нет! — возразил Джордж и затем доверительно сообщил: — А папа с мамой положили печатный лист на мою тумбочку, и, когда я вернусь домой, я прочту им все до последнего словечка. Вот! (В тот момент наибольшее мучение Джорджу причиняли его собственные руки, которые он не знал куда девать. Ему строго-настрого приказали не чесать голову, не тереть уши, не ковырять в носу и не засовывать руки в карманы. Так что же ему было с ними делать?)

Зато Тревелиян как ни в чем не бывало сунул руки в карманы и заявил:

— А вот мой папа ничуть не беспокоится.

Тревелиян старший почти семь лет работал металлургом на Дипории, и, хотя теперь он вышел на пенсию и жил опять на Земле, соседи смотрели на него снизу вверх.

Возвращение на Землю не очень поощрялось из-за проблемы перенаселенности, но все же кое-кому удавалось вернуться. Прежде всего, жизнь на Земле была дешевле, и пенсия, мизерная в условиях Дипории, на Земле выглядела весьма солидно. Кроме того, некоторым людям особенно приятно демонстрировать свои

успехи именно перед друзьями детства и знакомыми, а не перед всей остальной Вселенной.

Свое возвращение Тревельян старший объяснил еще и тем, что, останься он на Дипории, там пришлось бы остаться и его детям, а Дипория имела сообщение только с Землей. Живя же на Земле, его дети смогут в будущем попасть на любой из миров, даже на Новию.

Коротышка Тревельян рано усвоил эту истину. Еще до Дня чтения он беззаботно верил, что в конце концов будет жить на Новии, и говорил об этом как о деле решенном.

Джордж, подавленный мыслью о будущем величии Тревельяна и сознанием собственного ничтожества, немедленно в целях самозащиты перешел в наступление.

— Мой папа тоже не беспокоится. Ему просто хочется послушать, как я читаю! Ведь он знает, что читать я буду очень хорошо. А твой отец просто не хочет тебя слушать: он знает, что у тебя ничего не выйдет.

— Нет, выйдет! А чтение — это ерунда. Когда я буду жить на Новии, я найму людей, чтобы они мне читали.

— Потому что сам ты читать не научишься! Потому что ты дурак!

— А как же я тогда попаду на Новию?

И Джордж, окончательно выведенный из себя, посягнул на основу основ:

— А кто это тебе сказал, что ты попадешь на Новию? Никуда ты не попадешь. Вот!

Коротышка Тревельян покраснел.

— Ну, уж трубопроводчиком, как твой папаша, я не буду!

— Возьми назад, что сказал, дурак!

— Сам возьми!

Они были готовы броситься друг на друга. Драться им, правда, совсем не хотелось, но возможность заняться чем-то привычным в этом чужом месте сама по себе была уже облегчением. А к тому же Джордж сжал кулаки и встал в боксерскую стойку, так что мучительная проблема — куда девать руки — вре

менно разрешилась. Остальные дети возбужденно обступили их.

Но тут же все кончилось: по залу внезапно разнесся усиленный громкоговорителями женский голос — и сразу наступила тишина. Джордж разжал кулаки и забыл о Тревельяне.

— Дети, — произнес голос, — сейчас мы будем называть ваши фамилии. Тот, кто услышит свою фамилию, должен тут же подойти к одному из служителей, которые стоят у стен. Вы видите их? Они одеты в красную форму, и вы легко их заметите. Девочки пойдут направо, мальчики — налево. А теперь посмотрите, какой человек в красном стоит к вам ближе всего...

Джордж сразу же увидел своего служителя и стал ждать, когда его вызовут. Он еще не был посвящен в тайну алфавита, и к тому времени, когда дошла очередь до его фамилии, уже начал волноваться.

Толпа детей редела, ручейками растекаясь к красным фигурам.

Когда наконец было произнесено имя «Джордж Плейтен», он испытал невыразимое облегчение и упоительную радость: его уже вызвали, а Коротышку — нет!

Уходя, Джордж бросил ему через плечо:

— Ага, Коротышка! А может, ты им вовсе и не нужен?

Но его приподнятое настроение быстро улетучилось. Его поставили рядом с незнакомыми детьми и всех повели по коридорам. Они испуганно переглядывались, но заговорить никто не осмеливался, и слышалось только сопение да иногда сдавленный шепот: «Не толкайся!» и «Эй, ты, поосторожней!»

Им роздали картонные карточки и велели их не терять. Джордж стал с любопытством рассматривать свою карточку. Он увидел маленькие черные значки разной формы. Он знал, что это называется печатными буквами, но был не в состоянии представить себе, как из них получаются слова.

Его и еще четверых мальчиков отвели в отдельную комнату и велели им раздеться. Они быстро сбросили свою новую одежду и стояли теперь голые и малень-

кие, дрожа скорее от волнения, чем от холода. Лаборанты быстро, по очереди ощупывали и исследовали их с помощью каких-то странных инструментов, кололи им пальцы, чтобы взять кровь для анализа, а потом каждый брал карточки и черной палочкой торопливо выводил на них аккуратные ряды каких-то значков. Джордж пристально вглядывался в эти новые значки, но они оставались такими же непонятными, как и старые. Затем детям велели одеться.

Они сели на маленькие стулья и снова стали ждать. Их опять начали вызывать по фамилиям, и Джорджа Плейтена вызвали третьим.

Он вошел в большую комнату, заполненную страшными аппаратами с множеством кнопок и прозрачных панелей. В самом центре комнаты стоял письменный стол, за которым, устремив взгляд на кипу лежавших перед ним бумаг, сидел какой-то мужчина.

— Джордж Плейтен? — спросил он.

— Да, сэр, — дрожащим шепотом ответил Джордж, который в результате длительного ожидания и бесконечных переходов из комнаты в комнату начал волноваться. Он уже мечтал о том, чтобы все это поскорее закончилось.

Человек за письменным столом сказал:

— Меня зовут доктор Ллойд. Как ты себя чувствуешь, Джордж?

Произнося эту фразу, доктор не поднял головы. Казалось, он повторял эти слова так часто, что ему уже не нужно было смотреть на того, к кому он обращался.

— Хорошо.

— Ты боишься, Джордж?

— Н-нет, сэр, — ответил Джордж, и даже от него самого не укрылось, как испуганно прозвучал его голос.

— Вот и прекрасно, — произнес доктор. — Ты же знаешь, что бояться нечего. Ну-ка, Джордж, посмотрим! На твоей карточке написано, что твоего отца зовут Питер и что по профессии он дипломированный трубопрокладчик. Имя твоей матери Эми, и она дипломированный специалист по домоведению. Правильно?

— Д-да, сэр.

— А ты родился 13 февраля и год назад перенес инфекционное заболевание уха. Так?

— Да, сэр.

— А ты знаешь, откуда мне это известно?

— Я думаю, все это есть на карточке.

— Совершенно верно, — доктор в первый раз взглянул на Джорджа и улыбнулся, показав ровные зубы. На вид он был гораздо моложе отца Джорджа — и Джордж несколько успокоился.

Доктор протянул ему карточку.

— Ты знаешь, что означают эти значки?

И хотя Джорджу было отлично известно, что этого он не знает, от неожиданности он взглянул на карточку с таким вниманием, словно по велению судьбы внезапно научился читать. Но значки по-прежнему оставались непонятными, и он вернул карточку доктору.

— Нет, сэр.

— А почему?

У Джорджа вдруг мелькнуло подозрение: а не сошел ли с ума этот доктор? Разве он этого не знает сам?

— Потому что я не умею читать, сэр.

— А тебе хотелось бы научиться читать?

— Да, сэр.

— А зачем, Джордж?

Джордж в недоумении вытаращил глаза. Никто никогда не задавал ему такого вопроса, и он растерялся.

— Я не знаю, сэр, — запинаясь, произнес он.

— Печатная информация будет руководить тобой всю твою жизнь. Даже после Дня образования тебе предстоит узнать еще очень многое. И эти знания ты будешь получать из таких вот карточек, из книг, с телевизионных экранов. Печатные тексты расскажут тебе столько полезного и интересного, что не уметь читать было бы так же ужасно, как быть слепым. Тебе это понятно?

— Да, сэр.

— Ты боишься, Джордж?

— Нет, сэр.

— Отлично. Теперь я объясню тебе, с чего мы начнем. Я приложу вот эти провода к твоему лбу над

уголками глаз. Они приклеятся к коже, но не причинят тебе никакой боли. Потом я включу аппарат и раздастся жужжание. Оно покажется тебе непривычным, и, возможно, тебе будет немного щекотно, но это тоже совершенно безболезненно. Впрочем, если тебе все-таки станет больно, ты мне скажешь, и я тут же выключу аппарат. Но больно не будет. Ну, как, договорились?

Судорожно глотнув, Джордж кивнул.

— Ты готов?

Джордж снова кивнул. С закрытыми глазами он ждал, пока доктор готовил аппаратуру. Родители не раз рассказывали ему про все это. Они тоже говорили, что ему не будет больно. Но зато ребята постарше, которым исполнилось десять, а то и двенадцать лет, всегда дразнили ожидавших своего Дня чтения восьмилеток и кричали: «Берегитесь иглы!» А другие, отозвав малыша в какой-нибудь укромный уголок, по секрету сообщали: «Они разрежут тебе голову вот таким большущим ножом с крючком на конце» — и добавляли множество других жутких подробностей.

Джордж никогда не принимал это за чистую монету, но тем не менее по ночам его мучили кошмары. И теперь, испытывая непередаваемый ужас, он закрыл глаза.

Он не почувствовал прикосновения проводов к вискам. Жужжание доносилось откуда-то издалека, и его заглушал звук стучавшей в ушах крови, такой гулкой, словно все происходило в большой пустой пещере. Джордж рискнул медленно открыть глаза.

Доктор стоял к нему спиной. Из одного аппарата ползла узкая лента бумаги, на которой виднелась волнистая фиолетовая линия. Доктор отрывал кусочки этой ленты и вкладывал их в прорезь другой машины. Он снова и снова повторял это, и каждый раз машина выбрасывала небольшой кусочек пленки, который доктор внимательно рассматривал. Наконец он повернулся к Джорджу, как-то странно нахмутив брови.

Жужжание прекратилось.

— Уже все? — прошептал Джордж.

— Да, — не переставая хмуриться, произнес доктор.

— И я уже умею читать? — Джордж не чувствовал в себе никаких изменений.

— Что? — переспросил доктор, и на его губах мелькнула неожиданная улыбка. — Все идет, как надо, Джордж. Читать ты будешь через пятнадцать минут. А теперь мы воспользуемся другой машиной, и это уже будет немного дольше. Я закрою тебе всю голову, и, когда я включу аппарат, ты на некоторое время перестанешь видеть и слышать, но тебе не будет больно. На всякий случай я дам тебе в руку выключатель. Если ты все-таки почувствуешь боль, нажми вот эту маленькую кнопку, и все прекратится. Хорошо?

Позже Джорджу довелось услышать, что это был не настоящий выключатель и его давали ребенку только для того, чтобы он чувствовал себя спокойнее. Однако он не знал твердо, так ли это, поскольку сам кнопки не нажимал.

Ему надели на голову большой шлем обтекаемой формы, выложенный изнутри резиной. Три-четыре небольшие выпуклости присосались к его черепу, но он ощутил лишь легкое давление, которое тут же исчезло. Боли не было.

Откуда-то глухо донесся голос доктора:

— Ну, как, Джордж, все в порядке?

И тогда, без всякого предупреждения, его как будто окутал толстый слой войлока. Он перестал ощущать собственное тело, исчезли чувства, весь мир, вся Вселенная. Остался лишь он сам и доносившийся из бездонных глубин небытия голос, который что-то шептал ему... шептал... шептал...

Он напряженно старался услышать и понять хоть что-нибудь, но между ним и шепотом лежал толстый войлок.

Потом с него сняли шлем. Яркий свет ударил ему в глаза, а голос доктора отдавался в ушах барабанной дробью.

— Вот твоя карточка, Джордж. Скажи, что на ней написано?

Джордж снова взглянул на карточку — и вскрикнул. Значки обрели смысл! Они слагались в слова,

которые он понимал так отчетливо, будто кто-то подсказывал их ему на ухо. Он был уверен, что именно слышал их.

— Так что же на ней написано, Джордж?

— На ней написано... написано... «Плейтен Джордж. Родился 13 февраля 6492 года, родители Питер и Эми Плейтен, место...» — от волнения он не мог продолжать.

— Ты умеешь читать, Джордж, — сказал доктор. — Все уже позади.

— И я никогда не разучусь? Никогда?

— Ну конечно же, нет. — Доктор наклонился и серьезно пожал ему руку. — А сейчас тебя отправят домой.

Прошел не один день, прежде чем Джордж освоился со своей новой, замечательной способностью. Он так бегло читал отцу вслух, что Плейтен старший не смог сдержать слез умиления и поспешил поделиться этой радостной новостью с родственниками.

Джордж бродил по городу, читая все попадавшие ему на пути надписи, и не переставал удивляться тому, что было время, когда он их не понимал.

Он пытался вспомнить, что это такое — не уметь читать, и не мог. Ему казалось, будто он всегда умел читать. Всегда.

К восемнадцати годам Джордж превратился в смуглого юношу среднего роста, но благодаря худобе он выглядел выше, чем был на самом деле. А коренастый, широкоплечий Тревельян, который был ниже его разве что на дюйм, по-прежнему выглядел настоящим коротышкой. Однако за последний год он стал очень самолюбив и никому не позволял безнаказанно употреблять это прозвище. Впрочем, настоящее имя нравилось ему еще меньше, и его называли просто Тревельяном или каким-нибудь прилично звучащим сокращением фамилии. А чтобы еще более подчеркнуть свое возмужание, он упорно отращивал баки и жесткие, как щетина, усики.

Сейчас он вспотел от волнения, и Джордж, к тому времени тоже сменивший картавое «Джооджи» на

односложное гортанное «Джордж», глядел на него, посмеиваясь.

Они находились в том же огромном зале, где их однажды уже собирали десять лет назад (и куда они с тех пор ни разу не заходили). Казалось, внезапно воплотилось в действительность туманное сновидение из далекого прошлого. В первые минуты Джордж был очень удивлен, обнаружив, что все здесь как будто стало меньше и теснее, но потом он сообразил, что это вырос он сам.

Собралось их здесь меньше, чем в тот, первый раз, и одни юноши. Для девушек был назначен другой день.

— Не понимаю, почему нас заставляют ждать так долго, — вполголоса сказал Тревельян.

— Обычная волокита, — заметил Джордж. — Без нее не обойдешься.

— И откуда в тебе это идиотское спокойствие? — раздраженно поинтересовался Тревельян.

— А мне не из-за чего волноваться.

— Послушать тебя, так уши вянут! Надеюсь, ты станешь дипломированным возчиком навоза, вот тогда-то я на тебя погляжу. — Он окинул толпу угрюмым, тревожным взглядом.

Джордж тоже посмотрел по сторонам. На этот раз система была иной, чем в День чтения. Все шло гораздо медленнее, а инструкции были розданы сразу в печатном виде — значительное преимущество перед устными инструкциями еще не умеющим читать детям. Фамилии «Плейтен» и «Тревельян» по-прежнему стояли в конце списка, но теперь они уже знали, в чем дело.

Юноши один за другим выходили из проверочных комнат. Нахмурившись и явно испытывая неловкость, они забирали свою одежду и вещи и отправлялись узнавать результаты.

Каждого окружала с каждым разом все более редшая кучка тех, кто еще ждал своей очереди. «Ну, как?», «Очень трудно было?», «Как по-твоему, что тебе дали?», «Чувствуешь разницу?» — раздавалось со всех сторон.

Ответы были туманными и уклончивыми.

Джордж, напрягая всю волю, держался в стороне. Такие разговоры — лучший способ вывести человека из равновесия. Все единогласно утверждали, что больше всего шансов у тех, кто сохраняет спокойствие. Но, несмотря ни на что, он чувствовал, как у него постепенно холодеют руки.

Забавно, как с годами приходят новые заботы. Например, высококвалифицированные специалисты отправляются работать на другие планеты только с женами (или мужьями). Ведь на всех планетах необходимо поддерживать правильное соотношение числа мужчин и женщин. А какая девушка откажется выйти за человека, которого посылают на планету класса А? У Джорджа не было на примете никакой определенной девушки, да он и не интересовался ими. Еще не время. Вот когда его мечта осуществится и он получит право добавлять к своему имени слова «дипломированный программист», вот тогда он, как султан в гареме, сможет выбрать любую. Эта мысль взволновала его, и он постарался тут же выкинуть ее из головы. Необходимо сохранять спокойствие.

— Что же это все-таки может значить? — пробормотал Тревелиан. — Сначала тебе советуют сохранять спокойствие и хладнокровие, а потом тебя ставят в такое вот положение — тут только и сохранять спокойствие!

— Может быть, это нарочно? Чтобы с самого начала отделить мужчин от мальчиков? Легче, легче, Трев!

— Заткнись!

Наконец вызвали Джорджа, но не по радио, как в тот раз, — его фамилия вспыхнула на световом табло.

Джордж помахал Тревелиану рукой.

— Держись, Трев! Не волнуйся.

Когда он входил в проверочную комнату, он был счастлив. Да, счастлив!

— Джордж Плейтен? — спросил человек, сидевший за столом.

На миг в сознании Джорджа с необыкновенной четкостью возник образ другого человека, который десять лет назад задал такой же вопрос, и ему вдруг

показалось, что перед ним тот же доктор, а он, Джордж, переступив порог, снова превратился в восьмилетнего мальчугана.

Сидевший за столом поднял голову — его лицо, конечно, не имело ничего общего с образом, всплывшим из глубин памяти Джорджа. У этого нос был картошкой, волосы жидкие и спутанные, а под подбородком висела складка, словно прежде он был очень толстым, а потом вдруг сразу похудел.

— Ну? — раздраженно произнес он.

Джордж очнулся.

— Да, я Джордж Плейтен, сэр.

— Так и говорите. Я — доктор Зэкери Антонелли. Сейчас мы с вами познакомимся поближе.

Он пристально, по-совиному, разглядывал на свет маленькие кусочки пленки.

Джордж внутренне содрогнулся. Он смутно вспомнил, что тот, другой доктор (он забыл, как его звали) тоже рассматривал такую же пленку. Неужели это та самая? Тот хмурился, а этот взглянул на него сейчас так, как будто его что-то рассердило.

Джордж уже не чувствовал себя счастливым.

Доктор Антонелли раскрыл довольно пухлую папку и осторожно отложил в сторону пленки.

— Тут сказано, что вы хотите стать программистом вычислительных машин.

— Да, доктор.

— Вы не передумали?

— Нет, сэр.

— Это очень ответственная и сложная профессия. Вы уверены, что она вам по силам?

— Да, сэр.

— Большинство людей, еще не получивших образования, не называют никакой конкретной профессии. Видимо, они боятся повредить себе.

— Наверное так, сэр.

— А вас это не пугает?

— Я полагаю, что лучше быть откровенным, сэр.

Доктор Антонелли кивнул, но выражение его лица осталось прежним.

— Почему вы хотите стать программистом?

— Как вы только что сказали, сэр, это ответственная и сложная профессия. Программисты выполняют

важную и интересную работу. Мне она нравится, и я думаю, что справлюсь с ней.

Доктор Антонелли отодвинул папку и кисло взглянул на Джорджа.

— Откуда вы знаете, что она вам понравится? Вы, наверное, думаете, что вас тут же подхватит какая-нибудь планета класса А?

«Он пробует запугать меня, — с тревогой подумал Джордж. — Спокойно, Джордж, говори правду».

— Мне кажется, что у программиста на это большие шансы, — произнес он, — но, даже если бы меня оставили на Земле, работа эта мне все равно нравилась бы, я знаю. («Во всяком случае, это так и я не лгу», — подумал Джордж.)

— Пусть так, но откуда вы это знаете?

Вопрос был задан таким тоном, словно на него нельзя было ответить разумно, и Джордж еле сдержал улыбку. У него-то имелся ответ!

— Я читал о программировании, сэр, — сказал он.

— Что?

На лице доктора отразилось неподдельное изумление, и это доставило Джорджу удовольствие.

— Я читал о программировании, сэр, — повторил он. — Я купил книгу на эту тему и изучал ее.

— Книгу, предназначенную для дипломированных программистов?

— Да, сэр.

— Но ведь вы не могли понять то, что там написано.

— Да, вначале. Но я достал другие книги по математике и электронике и разобрался в них, насколько мог. Я, конечно, знаю не так уж много, но все-таки достаточно, чтобы понять, что мне нравится эта профессия и что я могу быть программистом. (Даже его родители ничего не знали о тайнике, где он хранил эти книги, и не догадывались, почему он проводит так много времени в своей комнате и почему не высыпается.)

Доктор оттянул пальцами дряблую складку под подбородком.

— А зачем вы это делали, друг мой?

— Мне хотелось проверить, действительно ли эта профессия интересна.

— Но ведь вам известно, что это не имеет ни малейшего значения. Как бы вас ни привлекала та или иная профессия, вы не получите ее, если физическое устройство вашего мозга делает вас более пригодным для занятий иного рода. Вам ведь это известно?

— Мне говорили об этом, — осторожно ответил Джордж.

— Так поверьте, что это правда.

Джордж промолчал.

— Или вы думаете, что изучение какого-нибудь предмета перестроит мозговые клетки в нужном направлении? А еще одна теория рекомендует беременной женщине чаще слушать прекрасную музыку, если она хочет, чтобы ребенок стал композитором. Вы, значит, верите в это?

Джордж покраснел. Конечно, он думал и об этом. Он полагал, что, постоянно упражняя свой интеллект в избранной области, он получит таким образом дополнительное преимущество. Его уверенность в значительной мере объяснялась именно этим.

— Я никогда... — начал было он, но не нашел, что сказать.

— Ну, так это неверно, молодой человек! К моменту рождения ваш мозг уже окончательно сформирован. Он может быть изменен ударом, достаточно сильным, чтобы повредить его клетки, или разрывом кровеносного сосуда, или опухолью, или тяжелым инфекционным заболеванием — в любом случае обязательно к худшему. Но повлиять на строение мозга, упорно о чем-то думая, попросту невозможно. — Он задумчиво посмотрел на Джорджа и добавил: — Кто вам посоветовал делать это?

Окончательно расстроившись, Джордж судорожно глотнул и ответил:

— Никто, доктор. Это моя собственная идея.

— А кто знал об этих ваших занятиях?

— Никто. Доктор, я не хотел ничего плохого.

— Кто сказал, что это плохо? Бесполезно, только и всего. А почему вы скрывали свои занятия?

— Я... я думал, что надо мной будут смеяться. (Он вдруг вспомнил о недавнем споре с Тревелияном. Очень осторожно, как будто эта мысль только зародилась в самом отдаленном уголке его сознания, Джордж высказал предположение, что, пожалуй, можно кое-чему научиться, черпая знания, так сказать вручную, постепенно и понемногу. Тревелиян оглушительно расхохотался: «Джордж, не хватает еще, чтобы ты начал дубить кожу для своих башмаков и сам ткать материю для своих рубашек». И тогда он обрадовался, что сумел хорошо сохранить свою тайну.)

Погрузившись в мрачное раздумье, доктор Антонелли перекладывал с места на место кусочки пленки, которые рассматривал в начале их разговора. Наконец он произнес:

— Займемся-ка вашим анализом. Так мы ничего не добьемся.

К вискам Джорджа приложили провода. Раздалось жужжание, и снова в его мозгу возникло ясное воспоминание о том, что происходило с ним в этом здании десять лет назад.

Руки Джорджа были липкими от пота, его сердце отчаянно колотилось. Зачем, зачем он сказал доктору, что тайком читает книги?

Всеми виной было его проклятое тщеславие. Ему захотелось щегольнуть своей предприимчивостью и самостоятельностью, а вместо этого он продемонстрировал свое суеверие и невежество и восстановил доктора против себя. (Он чувствовал, что Антонелли возненавидел его за самодовольную развязность.)

А теперь он довел себя до такого возбуждения, что анализатор, конечно, покажет полную бессмыслицу.

Он не заметил, когда именно с его висков сняли провода. Он только вдруг осознал, что доктор стоит перед ним и задумчиво смотрит на него. А проводов уже не было. Отчаянным усилием воли Джордж взял себя в руки. Он полностью распростился с мечтой стать программистом. За каких-нибудь десять минут она окончательно рассеялась.

— Наверно, нет? — уныло спросил он.

— Что нет?

— Из меня не выйдет программиста?

Доктор потер нос и сказал

— Одевайтесь, заберите свои вещи и идите в комнату 15-С. Там вас будут ждать ваши бумаги и мое заключение.

— Разве я уже получил образование? — изумленно спросил Джордж. — Мне казалось, что это только..

Доктор Антонелли внимательно посмотрел на письменный стол.

— Вам все объяснят. Делайте, как я сказал.

Джордж почувствовал смятение. Что от него утаивают? Он годится только для профессии дипломированного чернорабочего, и его хотят подготовить, заставить смириться с этой судьбой?

Он сразу полностью уверовал в правильность своей догадки, и ему пришлось напрячь все силы, чтобы не закричать.

Спотыкаясь, он побрел к своему месту в зале. Трепелына там не было, и, если бы Джордж в тот момент был способен осмысленно воспринимать окружающее, он обрадовался бы этому обстоятельству. В зале вообще уже почти никого не осталось, а те немногие, которые, судя по их виду, как будто намеревались его порасспросить, были слишком измучены ожиданием своей очереди в конце алфавита, чтобы выдержать его свирепый, полный злобной ненависти взгляд.

По какому праву они будут квалифицированными специалистами, а он — чернорабочим? Чернорабочим! Он был в этом уверен.

Служитель в красной форме повел его по коридорам, полным деловой суеты, мимо комнат, в каждой из которых помещалась та или иная группа специалистов — где два, а где пять человек: механики-мотористы, инженеры-строители, агрономы... Существовали сотни различных профессий, и значительная их часть будет представлена в этом году по крайней мере одним или двумя жителями его родного городка.

В эту минуту Джордж ненавидел их всех: статистиков, бухгалтеров, тех, кто поважнее, и тех, кто помельче. Он ненавидел их за то, что они уже получили свои знания и им была ясна их дальнейшая

судьба, а его самого, все еще не обученного, ждала какая-то новая волокита.

Наконец он добрался до двери с номером 15-С. Его ввели в пустую комнату и оставили одного. На какой-то миг он воспрянул духом. Ведь, если бы эта комната предназначалась для чернорабочих, тут уже сидело бы много его сверстников.

Дверь в невысокой, в половину человеческого роста, перегородке скользнула в паз, и в комнату вошел пожилой седовласый мужчина. Он улыбнулся, показав ровные, явно фальшивые зубы, однако на его румянном лице не было морщин, а голос сохранил звучность.

— Добрый вечер, Джордж, — сказал он. — Я вижу, что на этот раз к нам в сектор попал только один из вас.

— Только один? — с недоумением повторил Джордж.

— Ну, по всей Земле таких, как вы, наберется несколько тысяч. Да, тысяч. Вы не одиноки.

Джордж почувствовал раздражение.

— Я ничего не понимаю, сэр, — сказал он. — Какова моя классификация? Что происходит?

— Полегче, друг мой. Ничего страшного. Это могло бы случиться с кем угодно. — Он протянул руку, и Джордж, машинально взяв ее, почувствовал крепкое пожатие. — Садитесь. Меня зовут Сэм Элленфорд.

Джордж нетерпеливо кивнул.

— Я хочу знать, в чем дело, сэр.

— Естественно. Во-первых, Джордж, вы не можете быть программистом. Я думаю, что вы и сами об этом догадались.

— Да, — с горечью согласился Джордж. — Но кем же я тогда буду?

— Это очень трудно объяснить, Джордж. — Он помолчал и затем отчетливо произнес: — Никем.

— Что?!

— Никем!

— Что это значит? Почему вы не можете дать мне профессию?

— Мы тут бессильны, Джордж, у нас нет выбора. За нас решает устройство вашего мозга.

Лицо Джорджа стало землистым, глаза выпучились.

— Мой мозг никуда не годится?

— Да как сказать. Но в отношении профессиональной классификации — можете считать, что он действительно не годится.

— Но почему?

Элленфорд пожал плечами.

— Вам, конечно, известно, как осуществляется на Земле программа образования. Практически любой человек может усвоить любые знания, но каждый индивидуальный мозг лучше подходит для одних видов знаний, чем для других. Мы стараемся по возможности сочетать устройство мозга с соответствующими знаниями в пределах квоты на специалистов каждой профессии.

Джордж кивнул.

— Да, я знаю.

— Но иногда, Джордж, нам попадается молодой человек, чей интеллект не подходит для наложения на него каких бы то ни было знаний.

— Другими словами, я не способен получить образование?

— Вот именно.

— Но это безумие. Ведь я умен. Я могу понять... — Он беспомощно оглянулся, как бы отыскивая какую-нибудь возможность доказать, что его мозг работает нормально.

— Вы неправильно меня поняли, — очень серьезно произнес Элленфорд. — Вы умны. Об этом вопроса не встает. Более того, ваш интеллект даже выше среднего. К сожалению, это не имеет никакого отношения к тому, подходит ли он для наложения знаний. Вообще сюда почти всегда попадают умные люди.

— Вы хотите сказать, что я не могу стать даже дипломированным чернорабочим? — пролепетал Джордж. Внезапно ему показалось, что даже это лучше, чем открывшаяся перед ним пустота. — Что особенного нужно знать, чтобы быть чернорабочим?

— Вы недооцениваете чернорабочих, молодой человек. Существует множество разновидностей этой профессии, и каждая из этих разновидностей имеет свой комплекс довольно сложных знаний. Вы думаете, не требуется никакого искусства, чтобы правильно под-

нимать тяжести? Кроме того, для профессии чернорабочего мы должны отбирать не только подходящий тип мозга, но и подходящий тип тела. Вы не годитесь для этого, Джордж. Если бы вы стали чернорабочим, вас хватило бы ненадолго.

Джордж знал, что не обладает крепким телосложением.

— Но я никогда не слышал ни об одном человеке без профессии, — возразил он.

— Таких людей немного, — ответил Элленфорд. — И мы оберегаем их.

— Оберегаете? — Джордж почувствовал, как в его душе растут смятение и страх.

— Вы находитесь под опекой планеты, Джордж. С того момента, как вы вошли в эту дверь, мы приступили к своим обязанностям. — И он улыбнулся.

Это была добрая улыбка. Джорджу она показалась улыбкой собственника, улыбкой взрослого, обращенной к беспомощному ребенку.

— Значит, я попаду в тюрьму? — спросил он.

— Ни в коем случае. Вы просто будете жить с себе подобными.

«С себе подобными!» Эти слова громом отдались в ушах Джорджа.

— Вам нужны особые условия. Мы позаботимся о вас, — сказал Элленфорд.

К своему ужасу, Джордж вдруг залился слезами. Элленфорд отошел в другой конец комнаты и, как бы задумавшись о чем-то, отвернулся.

Джордж напрягал все силы, и судорожные рыдания сменились всхлипываниями, а потом ему удалось подавить и их. Он думал о своем отце, о матери, о друзьях, о Тревельяне, о своем позоре...

— Я же научился читать! — возмущенно сказал он.

— Каждый нормальный человек может научиться этому. Нам никогда не приходилось сталкиваться с исключениями. Но именно на этом этапе мы обнаруживаем... э... э... исключения. Когда вы научились читать, Джордж, мы узнали об особенностях вашего мышления. Дежурный врач уже тогда сообщил о некотором его своеобразии.

— Неужели вы не можете попробовать дать мне

образование? Ведь вы даже не пытались сделать это. Весь риск я возьму на себя.

— Закон запрещает нам это, Джордж. Но, послушайте, все будет хорошо. Вашим родителям мы представим дело в таком свете, что это не огорчит их. А там, куда вас поместят, вы будете пользоваться некоторыми привилегиями. Мы дадим вам книги, и вы сможете изучать все, что пожелаете.

— Собирать знания по зернышку, — горько произнес Джордж. — И к концу жизни я буду знать как раз достаточно, чтобы стать дипломированным младшим клерком в отделе скрепок.

— Однако, если не ошибаюсь, вы уже пробовали учиться по книгам.

Джордж замер. Его мозг пронзила страшная догадка.

— Так вот оно что...

— Что?

— Этот ваш Антонелли! Он хочет погубить меня!

— Нет, Джордж, вы ошибаетесь.

— Не разуверяйте меня. — Джорджа охватила безумная ярость. — Этот поганый ублюдок решил расквитаться со мной за то, что я оказался для него слишком умным. Я читал книги и пытался подготовиться к профессии программиста. Ладно, какого отступного вы хотите? Деньги? Так вы их не получите. Я уйду, и когда я объявлю об этом...

Он перешел на крик.

Элленфорд покачал головой и нажал кнопку.

В комнату на цыпочках вошли двое мужчин и с двух сторон приблизились к Джорджу. Они прижали его руки к бокам, и один из них поднес к локтевой впадине его правой руки воздушный шприц. Снотворное проникло в вену и подействовало почти мгновенно.

Крики Джорджа тут же оборвались, голова поникла, колени подогнулись, и только служители, поддерживавшие его с обеих сторон, не дали ему, спящему, рухнуть на пол.

Как и было обещано, о Джордже позаботились. Его окружили вниманием и были к нему неизменно до-

бры — Джорджу казалось, что он сам точно так же обращался бы с больным котенком.

Ему сказали, что он должен взять себя в руки и найти для себя какой-нибудь интерес в жизни. Потом ему объяснили, что большинство тех, кто попадает сюда, вначале всегда предается отчаянию и что со временем у него это пройдет. Но он даже не слышал их.

Джорджа посетил сам доктор Элленфорд и рассказал, что его родителям сообщили, будто он получил особое назначение.

— А они знают?.. — пробормотал Джордж.

Элленфорд поспешил успокоить его:

— Мы не вдавались в подробности.

Первое время Джордж отказывался есть и ему вводили питание внутривенно. От него спрятали острые предметы и приставили к нему охрану. В его комнате поселился Хали Омани, и флегматичность нигерийца подействовала на Джорджа успокаивающе.

Однажды, снедаемый отчаянной скукой, Джордж попросил какую-нибудь книгу. Омани, который сам постоянно что-то читал, поднял голову и широко улыбнулся. Не желая доставлять им удовольствия, Джордж чуть было не взял назад свою просьбу, но потом подумал: «А не все ли равно?»

Он не уточнил, о чем именно хочет читать, и Омани принес ему книгу по химии. Текст был напечатан крупными буквами, составлен из коротких слов и пояснялся множеством картинок. Это была книга для подростков, и Джордж с яростью швырнул ее об стену.

Таким он будет всегда. На всю жизнь он останется подростком, человеком, не получившим образования, и для него будут писать специальные книги. Изнывая от ненависти, он лежал в кровати и глядел в потолок, однако через час, угрюмо насупившись, встал, поднял книгу и принялся за чтение.

Через неделю он кончил ее и попросил другую.

— А первую отнести обратно? — спросил Омани.

Джордж нахмурился. Кое-чего он не понял, но он еще не настолько потерял чувство собственного достоинства, чтобы сознаться в этом.

— Впрочем, пусть остается, — сказал Омани. —

Книги предназначены для того, чтобы их читали и перечитывали.

Это произошло в тот самый день, когда он наконец принял приглашение Омани посмотреть заведение, в котором они находились. Он плелся за нигерийцем, бросая вокруг быстрые злобные взгляды.

О да, это место не было тюрьмой! Ни запертых дверей, ни стен, ни охраны. Оно напоминало тюрьму только тем, что его обитатели не могли его покинуть.

И все-таки было приятно увидеть десятки подобных себе людей. Ведь слишком легко могло показаться, что во всем мире только ты один так... искалечен.

— А сколько здесь живет человек? — пробормотал он.

— Двести пять, Джордж, и это не единственное в мире заведение такого рода. Их тысячи.

Где бы он ни проходил, люди поворачивались в его сторону и провожали его глазами — и в гимнастическом зале, и на теннисных кортах, и в библиотеке. (Никогда в жизни он не представлял себе, что может существовать такое количество книг; ими были битком — именно битком — набиты длинные полки.) Все с любопытством рассматривали его, а он бросал в ответ яростные взгляды. Уж они-то ничем не лучше его, как же они смеют глазеть на него, словно на какую-нибудь диковинку!

Всем им, по-видимому, было лет двадцать — двадцать пять.

— А что происходит с теми, кто постарше? — неожиданно спросил Джордж.

— Здесь живут только более молодые, — ответил Омани, а затем, словно вдруг поняв скрытый смысл вопроса Джорджа, укоризненно покачал головой и добавил: — Их не уничтожают, если ты это имеешь в виду. Для старшего возраста существуют другие приюты.

— А впрочем, мне наплевать... — пробормотал Джордж, почувствовав, что проявил к этому слишком большой интерес и ему угрожает опасность сдатьсь.

— Но почему? Когда ты станешь старше, тебя переведут в приют, предназначенный для лиц обоего пола.

Это почему-то удивило Джорджа.

— И женщин тоже?

— Конечно. Неужели ты считаешь, что женщины не подвержены этому?

И Джордж поймал себя на том, что испытывает такой интерес и волнение, каких не замечал в себе с того дня, когда... Он заставил себя не думать об этом.

Омани остановился на пороге комнаты, где стояли небольшая телевизионная установка и настольная счетная машина. Перед экраном сидели пять-шесть человек.

— Классная комната, — пояснил Омани.

— А что это такое? — спросил Джордж.

— Эти юноши получают образование, — ответил Омани. — Но не обычным способом, — быстро добавил он.

— То есть они получают знания по капле?

— Да. Именно так учились в старину.

С тех пор как он появился в приюте, ему все время твердили об этом. Но что толку? Предположим, было время, когда человечество не знало диатермической печи. Разве из этого следует, что он должен довольствоваться сырым мясом в мире, где все остальные едят его вареным или жареным?

— Что толку от этого крохоборства? — спросил он.

— Нужно же чем-то занять время, Джордж, а кроме того, им интересно.

— А какая им от этого польза?

— Они чувствуют себя счастливее.

Джордж размышлял над этим, даже ложась спать.

На другой день он буркнул, обращаясь к Омани:

— Ты покажешь мне класс, где я смогу узнать что-нибудь о программировании?

— Ну конечно, — охотно согласился Омани.

Дело продвигалось медленно, и это возмущало Джорджа. Почему кто-то снова и снова объясняет одно и то же? Почему он читает и перечитывает какой-нибудь абзац, а потом, глядя на математическую формулу, не сразу ее понимает? Ведь людям за стенами приюта все это дается в один присест.

Несколько раз он бросал занятия. Однажды он не посещал классов целую неделю. Но всегда возвращал-

ся обратно. Дежурный наставник, который советовал им, что читать, вел телевизионные сеансы и даже объяснял трудные места и понятия, казалось, не замечал его поведения.

В конце концов Джорджу поручили постоянную работу в парке, а кроме того, когда наступала его очередь, он занимался уборкой и помогал на кухне. Ему представили это как шаг вперед, но им не удалось его провести. Ведь тут можно было бы завести куда больше всяческих бытовых приборов, но юношам нарочно давали работу, чтобы создать для них иллюзию полезного существования. Только его, Джорджа, им провести не удалось.

Им даже платили небольшое жалованье. Эти деньги они могли тратить на кое-какие дополнительные блага из числа указанных в списке либо откладывать их для сомнительного использования в столь же сомнительной старости. Джордж держал свои деньги в открытой жестянке, стоявшей на полке стенного шкафа. Он не имел ни малейшего представления, сколько там накопилось. Ему это было совершенно безразлично.

Он ни с кем по-настоящему не подружился, хотя к этому времени уже вежливо здоровался с обитателями приюта. Он даже перестал (вернее, почти перестал) терзать себя мыслями о роковой ошибке, из-за которой попал сюда. По целым неделям ему уже не снился Антонелли, его толстый нос и дряблая шея, его злобная усмешка, с которой он затапливал Джорджа в раскаленный зыбучий песок и держал его там до тех пор, пока тот не просыпался с криком, встречая участливый взгляд склонившегося над ним Омани.

Как-то раз в снежный февральский день Омани сказал ему:

— Просто удивительно, как ты приспособился.

Но это было в феврале, точнее, тринадцатого февраля, в день его рождения. Пришел март, за ним апрель, а когда уже не за горами был май, Джордж понял, что ничуть не приспособился.

Год назад он не заметил мая. Тогда, впав в апатию и потеряв цель в жизни, он целыми днями валялся в постели. Но этот май был иным.

Джордж знал, что повсюду на Земле вскоре на-

чнется Олимпиада и молодые люди будут состязаться друг с другом в профессиональном искусстве, борясь за места на новых планетах. На всей Земле будет праздничная атмосфера, волнение, нетерпеливое ожидание последних новостей о результатах состязаний. Прибудут важные агенты-вербовщики с далеких планет. Победители будут увенчаны славой, но и потерпевшие поражение найдут чем утешиться.

Сколько было об этом написано книг! Как он сам мальчишкой из года в год увлеченно следил за олимпийскими состязаниями! И сколько с этим было связано его личных планов...

Джордж Плейтен сказал с плохо скрытой тоской в голосе:

— Завтра первое мая. Начало Олимпиады!

И это вызвало его первую ссору с Омани, так что тот, сурово отчеканивая каждое слово, произнес полное название заведения, где находился Джордж.

Пристально глядя на Джорджа, Омани сказал раздельно:

— Приют для слабоумных.

Джордж Плейтен покраснел. Для слабоумных!

Он в отчаянии отогнал эту мысль и глухо сказал:

— Я ухожу.

Он сказал это не думая, и смысл этих слов достиг его сознания, лишь когда они уже сорвались с языка.

Омани, который снова принялся за чтение, поднял голову.

— Что ты сказал?

Но теперь Джордж понимал, что говорит.

— Я ухожу! — яростно повторил он.

— Что за нелепость! Садись, Джордж, и успокойся.

— Ну, нет! Сколько раз повторять тебе, что со мной попросту расправились. Я не понравился этому доктору, Антонелли, а все эти мелкие бюрократишки любят покуражиться. Стоит только с ними не поладить, и они одним росчерком пера на какой-нибудь карточке стирают тебя в порошок.

— Ты опять за старое?

— Да, и не отступлю, пока все не выяснится. Я доберусь до Антонелли и выжму из него правду. —

Джордж тяжело дышал, его била нервная дрожь. Наступал месяц Олимпиады, и он не мог допустить, чтобы этот месяц прошел для него безрезультатно. Если он сейчас ничего не предпримет, он окончательно капитулирует и погибнет навсегда.

Омани спустил ноги с кровати и встал. Он был почти шести футов ростом, и выражение лица придавало ему сходство с озабоченным сенбернаром. Он обнял Джорджа за плечи.

— Если я обидел тебя...

Джордж сбросил его руку.

— Ты просто сказал то, что считаешь правдой, а я докажу, что это ложь, вот и все. А почему бы мне не уйти? Дверь открыта, замков здесь никаких нет. Никто никогда не говорил, что мне запрещено выходить. Я просто возьму и уйду.

— Допустим. Но куда ты отправишься?

— В ближайший аэропорт, а оттуда — в ближайший большой город, где проводится какая-нибудь Олимпиада. У меня есть деньги. — Он схватил жестянку, в которую складывал свой заработок. Несколько монет со звоном упало на пол.

— Этого тебе, возможно, хватит на неделю. А потом?

— К этому времени я все улажу.

— К этому времени ты приползешь обратно, — сказал Омани с силой, — и тебе придется начинать все сначала. Ты сошел с ума, Джордж.

— Только что ты назвал меня слабоумным.

— Ну, извини меня. Останься, хорошо?

— Ты что, попытаешься удержать меня?

Омани сжал толстые губы.

— Нет, не попытаюсь. Это твое личное дело. Если ты образумишься только после того, как столкнешься с внешним миром и вернешься сюда с окровавленной физиономией, так уходи... Да, уходи!

Джордж уже стоял в дверях. Он оглянулся через плечо.

— Я ухожу.

Он вернулся, чтобы взять свой карманный несессер.

— Надеюсь, ты ничего не имеешь против, если я заберу кое-что из моих вещей?

Омани пожал плечами. Он опять улегся в постель и с безразличным видом погрузился в чтение.

Джордж снова помедлил на пороге, но Омани даже не взглянул в его сторону. Скрипнув зубами, Джордж повернулся, быстро зашагал по безлюдному коридору и вышел в окутанный ночной мглой парк.

Он ждал, что его задержат еще в парке, но его никто не остановил. Он зашел в ночную закусочную, чтобы спросить дорогу к аэропорту, и думал, что хозяин тут же вызовет полицию, но этого не случилось. Джордж вызвал скиммер, и водитель повез его в аэропорт, не задав ни одного вопроса.

Однако все это его не радовало. Когда он прибыл в аэропорт, на душе у него было на редкость скверно. Прежде он как-то не задумывался над тем, что его ожидает во внешнем мире. И вот он оказался среди людей, обладающих профессиями. В закусочной над кассой была укреплена пластмассовая пластинка с именем хозяина. Такой-то, дипломированный повар. У человека, управлявшего скиммером, были права дипломированного водителя. Джордж остро почувствовал незаконченность своей фамилии и из-за этого ощущал себя как будто голым, даже хуже — ему казалось, что с него содрали кожу. Но он не поймал на себе ни одного подозрительного взгляда. Никто не остановил его, не потребовал у него профессионального удостоверения.

«Кому придет в голову, что есть люди без профессии?» — с горечью подумал Джордж.

Он купил билет до Сан-Франциско на стратоплан, улетающий в 3 часа ночи. Другие стратопланы в крупные центры Олимпиады вылетали только утром, а Джордж боялся ждать. Даже и теперь он устроился в самом укромном уголке зала ожидания и стал высматривать полицейских. Но они не явились.

В Сан-Франциско он прилетел еще до полудня, и городской шум обрушился на него, подобно удару. Он никогда еще не видел такого большого города, а за последние полтора года привык к тишине и спокойствию.

Да и к тому же это был месяц Олимпиады. Когда, Джордж вдруг сообразил, что именно этим объясня-

ются особый шум, возбуждение и суматоха, он почти забыл о собственном положении.

Для удобства прибывающих пассажиров в аэропорту были установлены Олимпийские стенды, перед которыми собирались большие толпы. Для каждой основной профессии был отведен особый стенд, на котором значился адрес того Олимпийского зала, где в данный день проводилось состязание по этой профессии, затем перечислялись его участники с указанием места их рождения и называлась планета-заказчик (если таковая была).

Все полностью соответствовало традициям. Джордж достаточно часто читал в газетах описания Олимпийских состязаний, видел их по телевизору и даже однажды присутствовал на небольшой Олимпиаде дипломированных мясников в главном городе своего округа. Даже это состязание, не имевшее никакого отношения к другим мирам (на нем, конечно, не присутствовало ни одного представителя иной планеты), привлекло множество зрителей.

Отчасти это объяснялось просто самим фактом состязания, отчасти — местным патриотизмом (о, что творилось, когда среди участников оказывался земляк, пусть даже совершенно незнакомый, но за которого можно было болеть!) и, конечно, до некоторой степени — возможностью заключать пари. Бороться с этим было невозможно.

Джордж убедился, что подойти поближе к стенду не так-то просто. Он поймал себя на том, что как-то по-новому смотрит на оживленные лица вокруг.

Ведь было же время, когда, эти люди сами участвовали в Олимпиадах. А чего они достигли? Ничего!

Если бы они были победителями, то не сидели бы на Земле, а находились бы где-нибудь далеко в глубинах Галактики. Кем бы они ни были, их профессии с самого начала сделали их добычей Земли. Или, если у них были высокоспециализированные профессии, они стали добычей Земли из-за собственной бездарности.

Теперь эти неудачники, собравшись здесь, взвешивали шансы новых, молодых участников состязаний. Стервятники!

Как страстно он желал, чтобы они прикидывали сейчас его шансы!

Он машинально шел мимо стендов, держась у самого края толпы. В стратоплане он позавтракал, и ему не хотелось есть. Зато ему было страшно. Он находился в большом городе в самый разгар суматохи, которая сопутствует началу Олимпийских состязаний. Это, конечно, для него выгодно. Город наводнен приезжими. Никто не станет расспрашивать Джорджа. Никому не будет до него никакого дела.

«Никому, даже приюту», — с болью подумал Джордж.

Там за ним ухаживали, как за больным котенком, но если больной котенок возьмет да убежит? Что поделаешь — тем хуже для него!

А теперь, добравшись до Сан-Франциско, что он предпримет? На этот вопрос у него не было ответа. Обратиться к кому-нибудь? К кому именно? Как? Он не знал даже, где ему остановиться. Деньги, которые у него остались, казались жалкими грошами.

Он вдруг со стыдом прикинул, не лучше ли будет вернуться в приют. Ведь можно пойти в полицию... Но тут же яростно замотал головой, словно споря с реальным противником.

Его взгляд упал на слово «Металлурги», которое ярко светилось на одном из стендов. Рядом, помельче — «Цветные металлы». А под длинным списком фамилий завивались прихотливые буквы: «Заказчик — Новия».

На Джорджа нахлынули мучительные воспоминания: его спор с Тревельяном, когда он был так уверен, что станет программистом, так уверен, что программист намного выше металлурга, так уверен, что идет по правильному пути, так уверен в своих способностях...

И вот он расхвастался перед этим мелочным, мстительным Антонелли! Он же был так уверен в себе, когда его вызвали, и он еще постарался ободрить нервничавшего Тревельяна. В себе-то он был уверен!

У Джорджа вырвался всхлипывающий вздох. Какой-то человек обернулся и, взглянув на него, поспешил дальше. Мимо торопливо проходили люди, поми-

нотно толкая его то в одну, то в другую сторону, а он не мог оторвать изумленных глаз от стенда.

Ведь стенд словно откликнулся на его мысли! Он настойчиво думал о Тревельяне, и на мгновение ему показалось, что на стенде в ответ обязательно возникнет слово «Тревельян».

Но там и в самом деле значился Тревельян. *Арманд* Тревельян (имя, которое так ненавидел Коротышка, ярко светилось на стенде для всеобщего обозрения), а рядом — название их родного города. Да и к тому же Трев всегда мечтал о Новии, стремился на Новию, ни о чем не думал, кроме Новии. А заказчиком этого состязания была Новия.

Значит, это действительно Трев, старина Трев! Почти машинально он запомнил адрес зала, где проводилось состязание, и стал в очередь на скиммер.

«Трев-таки добился своего! — вдруг угрюмо подумал он. — Он хотел стать металлургом и стал!»

Джорджу стало холодно и одиноко, как никогда.

У входа в зал стояла очередь. Очевидно, Олимпиада металлургов обещала захватывающую и напряженную борьбу. По крайней мере так утверждала горевшая высоко в небе надпись, и так же, казалось, думали теснившиеся у входа люди.

Джордж решил, что, судя по цвету неба, день выдался дождливый, но над всем Сан-Франциско, от залива до океана, натянули прозрачный защитный купол. Это, конечно, стоило немалых денег, но, когда дело касается удобства представителей других миров, все расходы оправдываются. А на Олимпиаду их съедется сюда немало. Они швыряют деньги направо и налево, а за каждого нанятого специалиста планета-заказчик платила не только Земле, но и местным властям. Так что город, в котором представители других планет проводили месяц Олимпиады с удовольствием, внакладе не оставался. Сан-Франциско знал, что делает.

Джордж так глубоко задумался, что вздрогнул, когда его плеча мягко коснулась чья-то рука и вежливый голос произнес:

— Вы стоите в очереди, молодой человек?

Очередь продвинулась, и теперь Джордж наконец обнаружил, что перед ним образовалось пустое пространство. Он поспешно шагнул вперед и пробормотал:

— Извините, сэр.

Два пальца осторожно взяли его за локоть. Он испуганно оглянулся.

Стоявший за ним человек весело кивнул. В его волосах пробивалась обильная седина, а под пиджаком он носил старомодный свитер, застегивавшийся спереди на пуговицы.

— Я не хотел вас обидеть, — сказал он.

— Ничего.

— Вот и хорошо! — Он, казалось, был расположен благодушно поболтать. — Я подумал, что вы, может быть, случайно остановились тут, задержавшись из-за очереди, и что вы, может быть...

— Кто? — резко спросил Джордж.

— Участник состязания, конечно. Вы же очень молоды.

Джордж отвернулся. Он был не в настроении для благодушной болтовни и испытывал злость ко всем любителям совать нос в чужие дела.

Его внезапно осенила новая мысль. Не разыскивают ли его? Вдруг сюда уже сообщили его приметы или прислали фотографию? Вдруг этот Седой позади него ищет предлога получше рассмотреть его лицо?

Надо бы все-таки узнать последние известия. Здрав голову, Джордж взглянул на движущуюся полосу заголовков и кратких сообщений, которые бежали по одной из секций прозрачного купола, непривычно тусклые на сером фоне затянутого облаками предвечернего неба. Но тут же решил, что это бесполезно, и отвернулся. Для этих сообщений его персона слишком ничтожна. Во время Олимпиады только одни новости заслуживают упоминания: количество очков, набранных победителями, и призы, завоеванные континентами, нациями и городами.

И так будет продолжаться до конца месяца. Очки будут подсчитываться на душу населения, и каждый город будет изыскивать способ подсчета, который дал бы ему возможность занять почетное место.

Его собственный город однажды занял третье место на Олимпиаде электротехников, третье место во всем штате! В ратуше до сих пор висит мемориальная доска, увековечившая это событие.

Джордж втянул голову в плечи и засунул руки в карманы, но тут же решил, что так скорее привлечет к себе внимание. Он расслабил мышцы и попытался принять безразличный вид, но от страха не избавился. Теперь он находился уже в вестибюле, и до сих пор на его плечо не опустилась властная рука. Наконец он вошел в зал и постарался пробраться как можно дальше вперед.

Вдруг он заметил рядом Седого и опять почувствовал страх. Он быстро отвел взгляд и попытался внушить себе, что это вполне естественно. В конце концов, Седой стоял в очереди прямо за ним.

К тому же Седой, поглядев на него с приветливой вопросительной улыбкой, отвернулся. Олимпиада вот-вот должна была начаться. Джордж приподнялся, высматривая Тревельяна, и на время забыл обо всем остальном.

Зал был не очень велик и имел форму классического вытянутого овала. Зрители располагались на двух галереях, опоясывавших зал, а участники состязания — внизу, в длинном и узком углублении. Приборы были уже установлены, а на табло над каждым рабочим местом пока светились только фамилии и номера состязающихся. Сами участники были на сцене. Одни читали, другие разговаривали. Кто-то внимательно разглядывал свои ногти. (Хороший тон требовал, чтобы они проявляли полное равнодушие к предстоящему испытанию, пока не будет подан сигнал к началу состязания.)

Джордж просмотрел программу, которая появилась из ручки его кресла, когда он нажал кнопку, и отыскал фамилию Тревельяна. Она значилась под номером двенадцать, и, к огорчению Джорджа, место его приятеля находилось в другом конце зала. Он нашел участника под двенадцатым номером: тот, засунув руки в карманы, стоял спиной к своему прибору и смотрел на галереи, словно пересчитывал зрителей, но лица его Джордж не видел.

И все-таки он сразу узнал Трева.

Джордж откинулся в кресле. Добьется ли Трев успеха? Из чувства долга он желал ему самых лучших результатов, однако в глубине его души нарастал бунт. Он, Джордж, человек без профессии, сидит здесь простым зрителем, а Тревелиян, дипломированный металлург, специалист по цветным металлам, участвует в Олимпиаде.

Джордж не знал, выступал ли Тревелиян олимпийским соискателем в первый год после получения профессии. Такие смельчаки находились: либо человек был очень уверен в себе, либо очень торопился. В этом крылся определенный риск. Как ни эффективен был процесс обучения, год, проведенный на Земле после получения образования («чтобы смазать неразработавшиеся знания», согласно поговорке), обеспечивал более высокие результаты.

Если Тревелиян выступает в состязаниях вторично, он, быть может, не так уж и преуспел. Джордж со стыдом заметил, что эта мысль ему скорее приятна.

Он поглядел по сторонам. Почти все места были заняты. Олимпиада соберет много зрителей, а значит, участники будут больше нервничать, а может быть, и работать с большей энергией — в зависимости от характера.

«Но почему это называется Олимпиадой?» — подумал он вдруг в недоумении. Он не знал. Почему хлеб называют хлебом?

В детстве он как-то спросил отца:

— Папа, а что такое Олимпиада?

И отец ответил:

— Олимпиада — значит состязание.

— А когда мы с Коротышкой боремся, это тоже Олимпиада? — поинтересовался Джордж.

— Нет, — ответил Плейтен старший. — Олимпиада — это особенное состязание. Не задавай глупых вопросов. Когда получишь образование, узнаешь все, что тебе положено знать.

Джордж глубоко вздохнул, вернулся к действительности и уселся поглубже в кресло.

Все, что тебе положено знать!

Странно, как хорошо он помнит эти слова! «Когда ты получишь образование...» Никто никогда не говорил: «Если ты получишь образование...»

Теперь ему казалось, что он всегда задавал глупые вопросы. Как будто его разум инстинктивно предвидел свою неспособность к образованию и придумывал всяческие расспросы, чтобы хоть по обрывкам собрать побольше знаний.

А в приюте поощряли его любознательность, проповедуя то же, к чему инстинктивно стремился его разум. Единственный открытый ему путь!

Внезапно он выпрямился. Черт возьми, что это он? Чуть было не попался на их удочку! Неужели он сдастся только потому, что там перед ним Трев, получивший образование и участвующий в Олимпиаде?

Нет, он не слабоумный! Нет!!

И, словно в ответ на этот мысленный вопль протеста, зрители вокруг зашумели. Все встали.

В ложу, расположенную в самом центре длинной дуги овала, входили люди, одетые в цвета планеты Новии, и на главном табло над их головами вспыхнуло слово «Новия».

Новия была планета класса А с большим населением и высокоразвитой цивилизацией, быть может самой лучшей во всей Галактике. Каждый землянин мечтал когда-нибудь поселиться в таком мире, как Новия, или, если ему это не удастся, увидеть там своих детей. Джордж вспомнил, с какой настойчивостью стремился к Новии Тревельян, и вот теперь он состязается за право уехать туда.

Лампы над головами зрителей погасли, потухли и стены. Поток яркого света хлынул вниз, туда, где находились участники состязания.

Джордж снова попытался рассмотреть Тревельяна. Но тот был слишком далеко.

— Уважаемые новианские заказчики, уважаемые дамы и господа! — раздался отчетливый, хорошо поставленный голос диктора. — Сейчас начнутся Олимпийские состязания металлургов, специалистов по цветным металлам. В состязании принимают участие...

С добросовестной аккуратностью диктор прочитал список, приведенный в программе, фамилии, названия

городов, откуда прибыли участники, год получения образования. Зрители встречали каждое имя аплодисментами, и самые громкие доставались на долю жителей Сан-Франциско. Когда очередь дошла до Тревелльяна, Джордж неожиданно для самого себя бешено завопил и замахал руками. Но еще больше его удивило то, что сидевший рядом с ним седой мужчина повел себя точно так же.

Джордж не мог скрыть своего изумления, и его сосед, наклонившись к нему и напрягая голос, чтобы перекричать шум, произнес:

— У меня здесь нет земляков. Я буду болеть за ваш город. Это ваш знакомый?

Джордж отодвинулся, насколько мог.

— Нет.

— Я заметил, что вы все время смотрите в том направлении. Не хотите ли воспользоваться моим биноклем?

— Нет, благодарю вас. (Почему этот старый дурак сует нос не в свое дело?)

Диктор продолжал сообщать другие официальные сведения, касавшиеся номера состязания, метода хронометрирования и подсчитывания очков. Наконец он дошел до самого главного, и публика замерла, обратившись в слух.

— Каждый участник состязания получит по бруску сплава неизвестного для него состава. От него потребуется произвести количественный анализ этого сплава и сообщить все результаты с точностью до четырех десятых процента. Для этого все соревнующиеся будут пользоваться микроспектрографами Бимена, модель MD-2, каждый из которых в настоящее время неисправен.

Зрители одобрительно зашумели.

— Каждый участник должен будет определить неисправность своего прибора и ликвидировать ее. Для этого им даны инструменты и запасные детали. Среди них может не оказаться нужной детали, и ее надо будет затребовать. Время, которое займет доставка, вычитается из общего времени, затраченного на выполнение задания. Все участники готовы?

На табло над пятым номером вспыхнул тревожный

красный сигнал. Номер пять бегом бросился из зала и быстро вернулся. Зрители добродушно рассмеялись.

— Все готовы?

Табло остались темными.

— Есть какие-нибудь вопросы?

По-прежнему ничего.

— Можете начинать!

Разумеется, ни один из зрителей не имел возможности непосредственно определить, как продвигается работа у каждого участника. Некоторое представление об этом могли дать только надписи, вспыхивавшие на табло. Впрочем, это не имело ни малейшего значения. Среди зрителей только металлург, оказавшись он здесь, мог бы разобраться в сущности состязания. Но важно было, кто победит, кто займет второе, а кто — третье место. Для тех, кто ставил на участников (а этому не могли помешать никакие законы), только это было важно. Все прочее их не интересовало.

Джордж следил за состязанием так же жадно, как и остальные, поглядывая то на одного участника, то на другого. Он видел, как вот этот, ловко орудуя каким-то маленьким инструментом, снял крышку со своего микроспектрографа; как тот всматривался в экран аппарата; как спокойно вставлял третий свой брусок сплава в зажим и как четвертый подкручивал верньер, причем настолько осторожно, что, казалось, на мгновение застыл в полной неподвижности.

Тревелиян, как и все остальные участники, был целиком поглощен своей работой. А как идут его дела, Джордж определить не мог.

На табло над семнадцатым номером вспыхнула надпись:

«Сдвинута фокусная пластинка».

Зрители бешено зааплодировали.

Семнадцатый номер мог быть прав, но мог, конечно, и ошибиться. В этом случае ему пришлось бы позже исправить свой вывод, потеряв на это время. А может быть, он не заметил бы ошибки и не сумел бы сделать анализ. Или же, еще хуже, он мог получить совершенно неверные результаты.

Неважно. А пока зрители ликovali.

Зажглись и другие табло. Джордж не спускал глаз с табло номер двенадцать. Наконец оно тоже засветилось:

«Держатель децентрирован. Требуется новый зажим».

К Тревельяну подбежал служитель с новой деталью. Если Трев ошибся, это означает бесполезную задержку, а время, потраченное на ожидание детали, не будет вычтено из общего времени. Джордж невольно затаил дыхание.

На семнадцатом табло начали появляться светящиеся буквы результата анализа: «Алюминий — 41,2649, магний — 22,1914, медь — 10,1001».

И на других табло все чаще вспыхивали цифры.

Зрители бесновались.

Джордж недоумевал, как участники могли работать в таком бедламе, потом ему пришло в голову, что, может быть, это даже хорошо: ведь первоклассный специалист лучше всего работает в напряженной обстановке.

На семнадцатом табло вспыхнула красная рамка, знаменующая окончание работы, и семнадцатый номер поднялся со своего места. Четвертый отстал от него всего лишь на две секунды. Затем кончил еще один и еще.

Тревельян продолжал работать, определяя последние компоненты своего сплава. Он поднялся, когда почти все состязающиеся уже стояли. Последним встал пятый номер, и публика приветствовала его ироническими возгласами.

Однако это был еще не конец. Заключение жюри, естественно, задерживалось. Время, затраченное на всю операцию, имело определенное значение, но не менее важна была точность результатов. И не все задачи были одинаково трудны. Необходимо было учесть множество факторов.

Наконец раздался голос диктора:

— Победителем состязания, выполнившим задание за четыре минуты двенадцать секунд, правильно определившим неисправность и получившим правильный результат с точностью до семи десяти тысячных про-

цента, является участник под номером... семнадцать, Генрих Антон Шмидт из...

Остальное потонуло в бешеном реве. Второе место занял восьмой номер, третье — четвертый, хороший показатель времени которого был испорчен ошибкой в пять сотых процента при определении количественного содержания ниобия. Двенадцатый номер даже не был упомянут, если не считать фразы «...а остальные участники...»

Джордж протолкался к служебному входу и обнаружил, что здесь уже собралось множество людей — плачущие (кто от радости, кто от горя) родственники, репортеры, намеренные взять интервью у победителей, земляки, охотники за автографами, любители рекламы и просто любопытные. Были здесь и девушки, надеявшиеся обратить на себя внимание победителя, который почти наверняка отправится на Новию (а может быть, и потерпевшего поражение, который нуждается в утешении и имеет деньги, чтобы позволить себе такую роскошь).

Джордж остановился в сторонке. Он не увидел ни одного знакомого лица. Сан-Франциско был так далеко от их родного города, что вряд ли Трев приехал сюда в сопровождении близких, которые теперь печально поджидали бы его у двери.

Смущенно улыбаясь и кланяясь в ответ на приветствия, появились участники соревнования. Полицейские сдерживали толпу, освобождая им проход. Каждый из набравших большое количество очков увлекал за собой часть людей, подобно магниту, двигающемуся по кучке железных опилок.

Когда вышел Тревельян, у входа уже почти никого не было. (Джордж решил, что он долго выжидал этой минуты.) В его сурово сжатых губах была сигарета. Глядя в землю, он повернулся, чтобы уйти.

Это было первое напоминание о родном доме за без малого полтора года, которые показались Джорджу в десять раз дольше. И он даже удивился, что Тревельян несколько не постарел и остался все тем же Тревом, каким он видел его в последний раз.

Джордж рванулся вперед.

— Трев!

Тревелиян в изумлении обернулся. Он с недоумением взглянул на Джорджа и сразу же протянул ему руку.

— Джордж Плейтен! Вот черт...

Появившееся на его лице радостное выражение тут же угасло, а рука опустилась, прежде чем Джордж успел пожать ее.

— Ты был там? — Тревелиян мотнул головой в сторону зала.

— Был.

— Чтобы посмотреть меня?

— Да.

— Я не слишком блеснул, а?

Он бросил сигарету, раздавил ее ногой, глядя в сторону улицы, где медленно рассасывавшаяся толпа окружала скиммеры и уже стояли новые очереди желающих попасть на следующие состязания.

— Ну и что? — угрюмо буркнул Тревелиян. — Я проиграл всего во второй раз. А после сегодняшнего Новия может катиться ко всем чертям. Есть планеты, которые просто вцепятся в меня... Но послушай-ка, ведь я не видел тебя со Дня образования. Где ты пропадал? Твои родные сказали, что ты уехал по специальному заданию, но ничего не объяснили подробно. И ты ни разу мне не написал. А мог бы.

— Да, пожалуй, — неловко произнес Джордж. — Но я пришел сказать, как мне жаль, что сейчас все так обернулось.

— Не жалею, — возразил Тревелиян. — Я ведь уже говорил тебе, что Новия может убираться к черту... Да я мог бы знать заранее! Все только и говорили, что использован будет прибор Бимена. Никто и не сомневался. А в проклятых лентах, которыми меня зарядили, был предусмотрен спектрограф Хенслера! Кто же теперь пользуется Хенслером? Разве что планеты вроде Гомена, если их вообще можно назвать планетами. Ловко это было подстроено, а?

— Но ты ведь можешь подать жалобу в...

— Не будь дураком. Мне скажут, что мой мозг лучше всего подходил для Хенслера. Пойди поспорь. Да и вообще мне не везло. Ты заметил, что мне одному пришлось послать за запасной частью?

— Но потраченное на это время вычиталось?

— Конечно! Только я, когда заметил, что среди запасных частей нет зажима, подумал, что напутал, и не сразу потребовал его. Это-то время не вычиталось! А будь у меня микроспектрограф Хенслера, я бы знал, что не ошибаюсь. Где мне было тягаться с ними? Первое место занял житель Сан-Франциско, и следующие три — тоже. А пятое занял парень из Лос-Анжелеса. Они получили образование с лент, которыми снабжают большие города. С самых лучших, которые только есть. Там и спектрограф Бимена и все, что хочешь! Куда же мне было до них! Я отправился в такую даль потому, что только эту Олимпиаду по моей профессии заказала Новия, и с тем же успехом мог бы остаться дома. Я заранее знал, что так получится! Но теперь все. На Новии космос клином не сошелся. Из всех проклятых...

Он говорил это не для Джорджа. Он вообще ни к кому не обращался. Джордж понял, что он просто отводит душу.

— Если ты заранее знал, что вам дадут спектрограф Бимена, разве ты не мог ознакомиться с ним? — спросил Джордж.

— Я же говорю тебе, что его не было в моих лентах.

— Ты мог почитать... книги.

Тревелиян вдруг так пронзительно взглянул на него, что он еле выговорил последнее слово.

— Ты что, смеешься? — сказал Тревелиян. — Остришь? Неужели ты думаешь, что, прочитав какую-то книгу, я запомню достаточно, чтобы сравняться с теми, кто действительно знает?

— Я считал...

— А ты попробуй. Попробуй... Кстати, а ты какую получил профессию? — вдруг злобно спросил Тревелиян.

— Видишь ли...

— Ну, выкладывай. Раз уже ты тут передо мной строишь такого умника, давай-ка посмотрим, кем стал ты. Раз ты все еще на Земле, значит, ты не программист и твое специальное задание не такое уж важное.

— Послушай, Трев, — сказал Джордж, — я опаздываю на свидание...

Он попытался, пытаясь улыбнуться.

— Нет, ты не уйдешь. — Тревельян в бешенстве бросился к Джорджу и вцепился в его пиджак. — Отвечай! Почему ты боишься сказать мне? Кто ты такой? Ты мне тычешь в нос мое поражение, а сам? Это у тебя не выйдет, слышишь!

Он неистово тряс Джорджа, тот вырывался. Так, отчаянно борясь и чуть не падая, они двигались через зал, но тут Джордж услышал глас Рока — суровый голос полицейского:

— Довольно! Довольно! Прекратите это!

Сердце Джорджа мучительно сжалось и превратилось в кусок свинца. Сейчас полицейский спросит их имена и потребует удостоверения личности, а у Джорджа нет никаких документов. После первых же вопросов выяснится, что у него нет и профессии. А Тревельян, озлобленный своей неудачей, конечно, поспешит рассказать об этом всем знакомым в родном городке, чтобы утешить собственное уязвленное самолюбие.

Этого Джордж не мог вынести. Он вырвался и бросился было бежать, но ему на плечо легла тяжелая рука полицейского.

— Эй, постойте. Покажите-ка ваше удостоверение.

Тревельян шарил в карманах и говорил отрывисто и зло:

— Я Арманд Тревельян, металлург по цветным металлам. Я участвовал в Олимпиаде. А вот его проверьте хорошенько, сержант.

Джордж стоял перед ними, не в силах вымолвить ни слова. Губы его пересохли, горло сжалось.

Вдруг раздался еще один голос, спокойный и вежливый:

— Можно вас на минутку, сержант?

Полицейский шагнул назад.

— Что вам угодно, сэр?

— Этот молодой человек — мой гость. Что случилось?

Джордж оглянулся вне себя от изумления. Это был

тот самый седой мужчина, который сидел рядом с ним на Олимпиаде. Седой добродушно кивнул Джорджу.

Его гость? Он что, сошел с ума?

— Эти двое затеяли драку, сэр, — объяснил полицейский.

— Вы предъявляете им какое-нибудь обвинение? Нанесен ущерб?

— Нет, сэр.

— В таком случае всю ответственность я беру на себя.

Он показал полицейскому небольшую карточку, и тот сразу отступил.

— Пойдите! — возмущенно начал Тревелиян, но полицейский свирепо перебил его:

— Ну? У вас есть какие-нибудь претензии?

— Я только...

— Проходите! И вы тоже... Расходитесь, расходитесь!

И собравшаяся вокруг толпа начала с неохотой расходиться.

Джордж покорно пошел с Седым к скиммеру, но тут решительно остановился.

— Благодарю вас, — сказал он, — но ведь я не ваш гость. (Может быть, по нелепой случайности его приняли за кого-то другого?)

Но Седой улыбнулся и сказал:

— Теперь вы уже мой гость. Разрешите представиться. — Я — Ладислас Индженеску, дипломированный историк.

— Но...

— С вами ничего дурного не случится, уверяю вас. Я ведь просто хотел избавить вас от неприятного разговора с полицейским.

— А почему?

— Вы хотите знать причину? Ну, ведь мы с вами, так сказать, почетные земляки. Мы же дружно болели за одного человека. А земляки должны держаться друг друга, даже если они только почетные земляки. Не правда ли?

И Джордж, не доверяя ни Индженеску, ни самому

себе, все-таки вошел в скиммер. Они поднялись в воздух, прежде чем он успел передумать.

«Это, наверное, важная птица, — вдруг сообразил он. — Полицейский говорил с ним очень почтительно».

Только теперь он вспомнил, что приехал в Сан-Франциско вовсе не ради Тревелияна, а с целью найти достаточно влиятельного человека, который мог бы добиться переоценки его способностей.

А вдруг этот Индженеску именно тот, кто ему нужен? И его даже не придется искать!

Как знать, не сложилось ли все на редкость удачно... удачно... Но Джордж напрасно убеждал себя. На душе у него было по-прежнему тревожно.

Во время недолгого полета на скиммере Индженеску поддерживал разговор, любезно указывая на достопримечательности города и рассказывая о других Олимпиадах, на которых ему доводилось бывать. Джордж слушал его рассеянно, издавал невнятное хмыканье, когда Индженеску замолкал, а сам с волнением следил за направлением полета.

Вдруг они поднимутся к отверстию в защитном куполе и покинут город?

Но скиммер снижался, и Джордж тихонько вздохнул с облегчением. В городе он чувствовал себя в большей безопасности.

Скиммер опустился на крышу какого-то отеля, прямо у верхней двери, и, когда они вышли, Индженеску спросил:

— Вы не откажетесь пообедать со мной в моем номере?

— С удовольствием, — ответил Джордж и улыбнулся вполне искренне. Время второго завтрака давно прошло, и у него начало сосать под ложечкой.

Они ели молча. Наступили сумерки, и автоматически засветились стены. («Вот уже почти сутки, как я на свободе», — подумал Джордж.)

За кофе Индженеску наконец заговорил.

— Вы вели себя так, словно подозревали меня в дурных намерениях, — сказал он.

Джордж покраснел и, поставив чашку, попытался

что-то возразить, но его собеседник рассмеялся и покачал головой.

— Это так. Я внимательно наблюдал за вами с того момента, как впервые вас увидел, и, мне кажется, теперь я знаю о вас очень многое.

Джордж в ужасе приподнялся с места.

— Сядьте, — сказал Индженеску. — Я ведь только хочу помочь вам.

Джордж сел, но в его голове вихрем неслись мысли. Если старик знал, кто он, то почему он помешал полицейскому? Да и вообще, с какой стати он решил ему помогать?

— Вам хочется знать, почему я захотел помочь вам? — спросил Индженеску. — О, не пугайтесь, я не умею читать мысли. Видите ли, просто моя профессия позволяет мне по самой незначительной внешней реакции судить о мыслях человека. Вам это понятно?

Джордж отрицательно покачал головой.

— Представьте себе, каким я увидел вас, — сказал Индженеску. — Вы стояли в очереди, чтобы посмотреть Олимпиаду, но ваши микрореакции не соответствовали тому, что вы делали. У вас было не то выражение лица, не те движения рук. Отсюда следовало, что у вас какая-то беда, но, что самое интересное, необычная, не лежащая на поверхности. Быть может, вы сами не сознаете, что с вами, решил я. И, не удержавшись, последовал за вами, даже сел рядом. После окончания состязания я опять пошел за вами и подслушал ваш разговор с вашим знакомым. Ну, а уж к этому времени вы превратились в такой интересный объект для изучения — простите, если это звучит бессердечно, — что я просто не мог допустить, чтобы вас забрали в полицию... Скажите же, что вас тревожит?

Джордж мучился, не зная, на что решиться. Если это ловушка, то зачем нужно действовать таким окольным путем? Ему же действительно нужна помощь. Ради этого он сюда и приехал. А тут помощь ему прямо предлагают. Пожалуй, именно это его и смущало. Что-то все получается уж очень просто.

— Разумеется, то, что вы сообщите мне как соц-

иологу, становится профессиональной тайной, — сказал Индженеску. — Вы понимаете, что это значит?

— Нет, сэр.

— Это значит, что с моей стороны будет бесчестным, если я расскажу о том, что узнаю от вас, с какой бы целью я это ни сделал. Более того, никто не имеет права заставить меня рассказать об этом.

— А я думал, вы историк, — подозрительно сказал Джордж.

— Это верно.

— Но вы же только сейчас сказали, что вы социолог.

Индженеску расхохотался.

— Не сердитесь, молодой человек, — извинился он, когда был в состоянии говорить. — Но право же, я смеялся не над вами. Я смеялся над Землей, над тем, какое большое значение она придает точным наукам, и над некоторыми практическими следствиями этого увлечения. Держу пари, что вы можете перечислить все разделы строительной технологии или прикладной механики и в то же время даже не слышали о социологии.

— Ну, а что же такое социология?

— Социология — это наука, которая занимается изучением человеческого общества и отдельных его ячеек и делится на множество специализированных отраслей, так же как, например, зоология. Так, существуют культурологи, изучающие культуру, ее рост, развитие и упадок. Культура, — добавил он, предупреждая вопрос Джорджа, — это совокупность всех сторон жизни. К культуре относится, например, то, каким путем мы зарабатываем себе на жизнь, от чего получаем удовольствие, во что верим, наши представления о хорошем и плохом и так далее. Вам это понятно?

— Кажется, да.

— Экономист — не специалист по экономической статистике, а именно экономист — специализируется на изучении того, каким образом культура удовлетворяет физические потребности каждого члена общества. Психолог изучает отдельных членов общества и то влияние, которое это общество на них оказывает.

Прогнозист планирует будущий путь развития общества, а историк... Это уже по моей части.

— Да, сэр?

— Историк специализируется на изучении развития нашего общества в прошлом, а также обществ с другими культурами.

Джорджу стало интересно.

— А разве в прошлом что-то было по-другому?

— Еще бы! Тысячу лет назад не было образования, то есть образования, как мы понимаем его теперь.

— Знаю, — произнес Джордж. — Люди учились по книгам, собирая знания по крупицам.

— Откуда вы знаете?

— Слыхал, — осторожно ответил Джордж и добавил: — А какой смысл думать о том, что происходило в далеком прошлом? Я хочу сказать, что ведь со всем этим уже покончено, не правда ли?

— С прошлым никогда не бывает покончено, мой друг. Оно объясняет настоящее. Почему, например, у нас существует именно такая система образования?

Джордж беспокойно заерзал. Слишком уж настойчиво его собеседник возвращался к этой теме.

— Потому что она самая лучшая, — отрезал он.

— Да. Но почему она самая лучшая? Послушайте меня минутку, и я попытаюсь объяснить. А потом вы мне скажете, есть ли смысл в изучении истории. Даже до того, как начались межзвездные полеты... — Он внезапно умолк, заметив на лице Джорджа выражение глубочайшего изумления. — Неужели вы считали, что так было всегда?

— Я никогда не задумывался над этим, сэр.

— Вполне естественно. Однако четыре-пять тысяч лет назад человечество было приковано к Земле. Но и тогда уже техника достигла высокого уровня развития, а численность населения увеличилась настолько, что любое торможение техники привело бы к массовому голоду и эпидемиям. Для того чтобы уровень техники не снижался и соответствовал росту населения, нужно было готовить все больше инженеров и ученых. Однако по мере развития науки на их обучение требовалось все больше и больше времени. Когда же впервые были открыты способы межпланет-

ных, а затем и межзвездных полетов, эта проблема стала еще острее. Собственно говоря, из-за недостатка специалистов человечество в течение почти полутора тысяч лет не могло по-настоящему колонизировать планеты, находящиеся за пределами Солнечной системы. Перелом наступил, когда был установлен механизм хранения знаний в человеческом мозгу. Как только это было сделано, появилась возможность создать образовательные ленты на основе этого механизма таким образом, чтобы сразу вкладывать в мозг определенное количество, так сказать, готовых знаний. Впрочем, это-то вы знаете. Это позволило выпускать тысячи и миллионы специалистов, и мы смогли приступить к тому, что впоследствии назвали «заполнением Вселенной». Сейчас в Галактике уже существует полторы тысячи населенных планет, и число их будет возрастать до бесконечности.

Вы понимаете, что из этого следует? Земля экспортирует образовательные ленты, предназначенные для подготовки специалистов низкой квалификации, и это обеспечивает единство культуры для всей Галактики. Так, например, благодаря лентам чтения мы все говорим на одном языке... Не удивляйтесь. Могут быть и иные языки, в прошлом люди на них говорили. Их были сотни. Земля, кроме того, экспортирует высококвалифицированных специалистов, и численность ее населения не превышает допустимого уровня. Поскольку при вывозе специалистов соблюдается равновесие полов, они образуют самовоспроизводящиеся ячейки, и это способствует росту населения на тех планетах, где в этом есть необходимость. Более того, за ленты и специалистов платят сырьем, в котором мы очень нуждаемся и от которого зависит наша экономика. Теперь вы поняли, почему наша система образования действительно самая лучшая?

— Да, сэр.

— Значит, вы видите, в чем польза истории? — Историк улыбнулся. — А теперь скажите, догадались ли вы, почему я вами интересуюсь?

Джордж мгновенно вернулся из пространства и времени назад к действительности. Видимо, Индженеску неспроста завел этот разговор. Вся его лекция

была направлена на то, чтобы атаковать его неожиданно.

— Почему же? — неуверенно спросил он, снова насторожившись.

— Социологи изучают общество, а общество состоит из людей.

— Ясно.

— Но люди не машины. Специалисты в области точных наук работают с машинами. А машина требует строго определенного количества знаний, и эти специалисты знают о ней все. Более того, все машины данного рода почти одинаковы, так что индивидуальные особенности машины не представляют для них интереса. Но люди... О, они так сложны и так отличаются друг от друга, что социолог никогда не знает о них все или хотя бы значительную часть того, что можно о них знать. Чтобы не утратить квалификации, он должен постоянно изучать людей, особенно необычные экземпляры.

— Вроде меня, — глухо произнес Джордж.

— Конечно, называть вас экземпляром невежливо, но вы человек необычный. Вы стоите того, чтобы вами заняться, и, если вы разрешите мне это, я в свою очередь по мере моих возможностей помогу вам в вашей беде.

В мозгу Джорджа кружился смерч. Весь этот разговор о людях и о колонизации, ставшей возможной благодаря образованию... Как будто кто-то разбивал и дробил заскорузлую, спекшуюся корку мыслей.

— Дайте мне подумать, — произнес он, зажав руками уши.

Потом он опустил руки и сказал историку:

— Вы можете оказать мне услугу, сэр?

— Если она в моих силах, — любезно ответил историк.

— Все, что я говорю в этой комнате, — профессиональная тайна? Вы так сказали.

— Так оно и есть.

— Тогда устройте мне свидание с каким-нибудь должностным лицом другой планеты, например с... с новианином.

Индженеску был, по-видимому, крайне удивлен.

— Право же...

— Вы можете сделать это, — убежденно произнес Джордж. — Вы ведь важное должностное лицо. Я видел, какой вид был у полицейского, когда вы показали ему свое удостоверение. Если вы откажетесь сделать это, я... я не позволю вам изучать меня.

Самому Джорджу эта угроза показалась глупой и бессильной. Однако на Индженеску она, очевидно, произвела большое впечатление.

— Ваше условие невыполнимо, — сказал он. — Новианин в месяц Олимпиады...

— Ну, хорошо, тогда свяжите меня с каким-нибудь новианином по видеофону, и я сам договорюсь с ним о встрече.

— Вы думаете, вам это удастся?

— Я в этом уверен. Вот увидите.

Индженеску задумчиво посмотрел на Джорджа и протянул руку к видеофону.

Джордж ждал, опьяненный новым осмыслением всей проблемы и тем ощущением силы, которое оно давало. Он не может потерпеть неудачу. Не может. Он все-таки станет новианином. Он покинет Землю победителем вопреки Антонелли и всей компании дураков из приюта (он чуть было не расхохотался вслух) для слабоумных.

Джордж впился взглядом в засветившийся экран, который должен был распахнуть окно в комнату новиан, окно в перенесенный на Землю уголок Новии. И он добился этого за какие-нибудь сутки!

Когда экран прояснился, раздался взрыв смеха, но на нем не появилось ни одного лица, лишь быстро мелькали тени мужчин и женщин. Послышался чей-то голос, отчетливо прозвучавший на фоне общего гомона.

— Индженеску? Спрашивает меня?

И вот на экране появился он. Новианин. Настоящий новианин. (Джордж ни на секунду не усомнился. В нем было что-то совершенно взвешенное, нечто такое, что невозможно было точно определить или хоть на миг спутать с чем-либо иным.)

Он был смугл, и его темные волнистые волосы были зачесаны со лба. Он носил тонкие черные усики и

остроконечную бородку, которая только-только закрывала узкий подбородок. Но его щеки были такими гладкими, словно с них навсегда была удалена растительность.

Он улыбался.

— Ладислас, это уже слишком. Мы не протестуем, чтобы за нами, пока мы на Земле, следили — в разумных пределах, конечно. Но чтение мыслей в условии не входит!

— Чтение мыслей, почтенный?

— Сознайтесь-ка! Вы ведь знали, что я собирался позвонить вам сегодня. Вы знали, что я думал только допить вот эту рюмку, наполненную бледно-сиреневой жидкостью. — К сожалению, я не могу угостить вас.

Новианин не видел Джорджа, находившегося вне поля зрения видеофона. И Джордж обрадовался передышке. Ему необходимо было время, чтобы прийти в себя. Он словно превратился в сплошные беспокойные пальцы, которые непрерывно отбивали нервную дробь...

Но он все-таки был прав. Он не ошибся. Индженеску действительно занимает важное положение. Новианин называет его по имени.

Отлично! Все устраивается наилучшим образом. То, что Джордж потерял из-за Антонелли, он возместит с лихвой, используя Индженеску. И когда-нибудь он, став наконец самостоятельным, вернется на Землю таким же могущественным новианином, как этот, что небрежно шутит с Индженеску, называя его по имени, а сам оставаясь «почтенным», — вот тогда он сведет счеты с Антонелли. Он оплатит ему за эти полтора года, и он...

Увлечшись этими соблазнительными грезами, он чуть не забыл обо всем на свете, но, внезапно спохватившись, заметил, что перестал следить за происходящим, и вернулся к действительности.

— ... не убедительно, — говорил новианин. — Новиянская цивилизация так же сложна и так же высокоразвита, как цивилизация Земли. Новия — это все-таки не Зестон. И нам приходится прилетать сюда за отдельными специалистами — это же просто смешно!

— О, только за новыми моделями, — примиритель-

ным тоном сказал Индженеску. — А новые модели не всегда находят применение. На приобретение образовательных лент вы потратили бы столько же сколько вам пришлось бы заплатить за тысячу специалистов, а откуда вы знаете, что вам будет нужно именно такое количество?

Новианин залпом допил свое вино и расхохотался. (Джорджа покорило легкомыслие новианина. Он смущенно подумал, что тому следовало бы обойтись без этой рюмки и даже без двух или трех предыдущих.)

— Это же типичное ханжество, Ладислас, — сказал новианин. — Вы прекрасно знаете, что у нас найдется дело для всех последних моделей специалистов, которые нам удастся достать. Сегодня я раздобыл пять металлургов...

— Знаю, — сказал Индженеску. — Я был там.

— Следили за мной! Шпионили! — вскричал новианин. — Ну, так слушайте! Эта новая модель металлурга отличается от предыдущих только тем, что умеет обращаться со спектрографом Бимена. Ленты не были модифицированы ни на вот столечко (он показал самый кончик пальца) по сравнению с прошлогодними. Вы выпускаете новые модели только для того, чтобы мы приезжали сюда с протянутой рукой и тратились на их приобретение.

— Мы не заставляем вас их приобретать.

— О, конечно! Только вы продаете специалистов последней модели на Лондонум, а мы ведь не можем отставать. Вы втянули нас в заколдованный круг, вы лицемерные земляне. Но берегитесь, может быть, где-нибудь есть из него выход. — Его смех прозвучал не слишком естественно и резко оборвался.

— От всей души надеюсь, что он существует, — сказал Индженеску. — Ну, а позвонил я потому...

— Да, конечно, ведь это вы мне позвонили. Что ж, я уже высказал свое мнение. Наверное, в будущем году все равно появится новая модель металлурга, чтобы нам было за что платить. И она будет отличаться от нынешней только умением обращаться с каким-нибудь новым приспособлением для анализа

ниобия, а еще через год... Но продолжайте. Почему вы позвонили?

— У меня здесь находится один молодой человек, и я бы хотел, чтобы вы с ним побеседовали.

— Что? — Видимо, новианина это не слишком обрадовало. — На какую тему?

— Не знаю. Он мне не сказал. По правде говоря, он даже не назвал мне ни своего имени, ни профессии. Новианин нахмурился.

— Тогда зачем же отнимать у меня время?

— Он, по-видимому, не сомневается, что вас интересует то, что он собирается сообщить вам.

— О, конечно!

— И этим вы сделаете одолжение мне, — сказал Индженеску.

Новианин пожал плечами.

— Дайте его сюда, но проследите, чтобы он говорил покороче.

Индженеску отступил в сторону и шепнул Джорджу:

— Называйте его «достопочтенным».

Джордж с трудом проглотил слюну. Вот оно!

Джордж почувствовал, что весь вспотел. Хотя эта мысль пришла ему в голову совсем недавно, он был убежден в своей правоте. Она возникла во время разговора с Тревельяном, потом под болтовню Индженеску перебродила и оформилась, а теперь слова новианина, казалось, поставили все на свои места.

— Достопочтенный, я хочу показать вам выход из заколдованного круга, — начал Джордж, используя метафору новианина.

Новианин смерил его взглядом.

— Из какого это заколдованного круга?

— Вы сами упомянули о нем, достопочтенный. Из того заколдованного круга, в который попадает Новия, когда вы прилетаете на Землю за... специалистами. (Он не в силах был справиться со своими зубами, которые стучали, но не от страха, а от волнения.)

— Вы хотите сказать, что знаете способ, как нам обойтись без земного интеллектуального рынка? Я правильно вас понял?

— Да, сэр. Вы можете создать свою собственную систему образования.

— Гм. Без лент?

— Д-да, достопочтенный.

— Индженеску, подойдите, чтобы я видел и вас, — не спуская глаз с Джорджа, позвал новианин.

Историк встал за плечом Джорджа.

— В чем дело? — спросил новианин. — Не понимаю.

— Даю вам слово, достопочтенный, что бы это ни было, молодой человек поступает так по собственной инициативе. Я ему ничего не поручал. Я не имею к этому никакого отношения.

— Так кем он вам приходится? Почему вы звоните мне по его просьбе?

— Я его изучаю, достопочтенный. Он представляет для меня определенную ценность, и я исполняю некоторые его прихоти.

— В чем же его ценность?

— Это трудно объяснить. Чисто профессиональный момент.

Новианин усмехнулся.

— Что ж, у каждого своя профессия.

Он кивнул невидимому зрителю или зрителям за экраном.

— Некий молодой человек, по-видимому протее Индженеску, собирается объяснить нам, как получать образование, не пользуясь лентами.

Он щелкнул пальцами, и в его руке появилась новая рюмка с бледно-сиреневым напитком.

— Ну, говорите, молодой человек.

На экране теперь появилось множество лиц. Мужчины и женщины отталкивали друг друга, чтобы поглядеть на Джорджа. На их лицах отражались самые разнообразные оттенки веселья и любопытства.

Джордж попытался принять независимый вид. Все они, и новиане, и землянин, каждый по-своему изучали его, словно жука, насаженного на булавку. Индженеску теперь сидел в углу и не спускал с него пристального взгляда.

«Какие же вы все идиоты», — напряженно подумал он. Но они должны понять. Он заставит их понять.

— Я был сегодня на Олимпиаде металлургов, — сказал он.

— Как, и вы тоже? — вежливо спросил новианин. — По-видимому, там присутствовала вся Земля.

— Нет, уважаемый, но я там был. В состязании участвовал мой друг, и ему очень не повезло, потому что вы дали участникам состязания прибор Бимена, а он получил специализацию по Хенслеру, — очевидно, уже устаревшая модель. Вы же сами сказали, что различие очень незначительно. — Джордж показал кончик пальца, повторяя недавний жест своего собеседника. — И мой друг знал заранее, что потребуется знакомство с прибором Бимена.

— И что же из этого следует?

— Мой друг всю жизнь мечтал попасть на Новию. Он уже знал прибор Хенслера. Он знал, что ему нужно ознакомиться с прибором Бимена, чтобы попасть к вам. А для этого ему следовало усвоить всего лишь несколько дополнительных сведений и, быть может, чуточку попрактиковаться. Если учесть, что на чашу весов была поставлена цель всей его жизни, он мог бы с этим справиться...

— А где бы он достал ленту с дополнительной информацией? Или образование здесь, на Земле, превратилось в частное домашнее обучение?

Лица на заднем плане расплылись в улыбках, которых, по-видимому, от них и ожидали.

— Потому-то он и не стал доучиваться, уважаемый. Он считал, что ему для этого нужна лента. А без нее он и не пытался учиться, как ни заманчива была награда. Он и слышать не хотел, что без ленты можно чему-то научиться.

— Да неужели? Так он, пожалуй, даже не захочет летать без скиммера? — Раздался новый взрыв хохота, и новианин слегка улыбнулся. — А он забавен, — сказал он. — Продолжайте. Даю вам еще несколько минут.

— Не думайте, что это шутка, — сказал Джордж горячо. — Ленты попросту вредны. Они учат слишком многому и слишком легко. Человек, который получает знания с их помощью, не представляет, как можно учиться по-другому. Он способен заниматься только той профессией, которой его зарядили. А если бы, вместо того чтобы пичкать человека лентами, его за-

ставили с самого начала учиться, так сказать вручную, он привык бы учиться самостоятельно и продолжал бы учиться дальше. Разве это не разумно? А когда эта привычка достаточно укрепитя, человеку можно будет прививать небольшое количество знаний с помощью лент, чтобы заполнить пробелы или закрепить кое-какие детали. После этого он сможет учиться дальше самостоятельно. Таким способом вы могли бы научить металлургов, знающих спектрограф Хенслера, пользоваться спектрографом Бимена, и вам не пришлось бы прилетать на Землю за новыми моделями.

Новианин кивнул и отхлебнул из рюмки.

— А откуда можно получить знания помимо лент? Из межзвездного пространства?

— Из книг. Непосредственно изучая приборы. Думая.

— Из книг? Как же можно понять книги, не получив образования?

— Книги состоят из слов, а большую часть слов можно понять. Специальные же термины могут объяснить специалисты, которых вы уже имеете.

— А как быть с чтением? Для этого вы допускаете использование лент?

— По-видимому, ими можно пользоваться, хотя не вижу причины, почему нельзя научиться читать и старым способом. По крайней мере частично.

— Чтобы с самого начала выработать хорошие привычки? — спросил новианин.

— Да, да, — подтвердил Джордж, радуясь, что собеседник уже начал понимать его.

— А как быть с математикой?

— Это легче всего, сэр... достопочтенный. Математика отличается от других технических дисциплин. Она начинается с некоторых простых принципов и лишь постепенно усложняется. Можно приступить к изучению математики, ничего о ней не зная. Она практически и предназначена для этого. А познакомившись с соответствующими разделами математики, уже нетрудно разобраться в книгах по технике. Особенно если начать с легких.

— А разве есть легкие книги?

— Безусловно. Но если бы их и не было, специалисты, которых вы уже имеете, могут написать их.

Наверное, некоторые из них сумеют выразить свои знания с помощью слов и символов.

— Боже мой! — сказал новианин, обращаясь к сгрудившимся вокруг него людям. — У этого чертенка на все есть ответ.

— Да, да! — вскричал Джордж. — Спрашивайте!

— А сами-то вы пробовали учиться по книгам? Или это только ваша теория?

Джордж быстро оглянулся на Индженеску, но историк сохранял полную невозмутимость. Его лицо выражало только легкий интерес.

— Да, — сказал Джордж.

— И вы считаете, что из этого что-нибудь получается?

— Да, достойный, — заверил Джордж. — Возьмите меня с собой на Новию. Я могу составить программу и руководить...

— Погодите, у меня есть еще несколько вопросов. Как вы думаете, сколько вам понадобится времени, чтобы стать металлургом, умеющим обращаться со спектрографом Бимена, если предположить, что вы начнете учиться, не имея никаких знаний, и не будете пользоваться образовательными лентами?

Джордж заколебался.

— Ну... может быть, несколько лет.

— Два года? Пять? Десять?

— Еще не знаю, достойный.

— Итак, на самый главный вопрос у вас не нашлось ответа. Ну, скажем, пять лет. Вас устраивает этот срок?

— Думаю, что да.

— Отлично. Итак, в течение пяти лет человек изучает металлургию по вашему методу. Вы не можете не согласиться, что все это время он для нас абсолютно бесполезен, но его нужно кормить, обеспечивать жильем и платить ему.

— Но...

— Дайте мне кончить. К тому времени, когда он будет готов и сможет пользоваться спектрографом Бимена, пройдет пять лет. Вам не кажется, что тогда у нас уже появятся усовершенствованные модели этого прибора, с которыми он не сумеет обращаться?

— Но ведь к тому времени он станет опытным учеником и усвоение новых деталей будет для него вопросом дней.

— По-вашему, это так. Ладно, предположим, что это ваш друг, например, сумел самостоятельно изучить прибор Бимена; сможет ли сравниться его умение с умением участника состязания, который получил его посредством лент?

— Может быть, и нет... — начал Джордж.

— То-то же, — сказал новианин.

— Погодите, дайте кончить мне. Даже если он знает кое-что хуже, чем тот, другой, в данном случае важно то, что он может учиться дальше. Он сможет придумать новое, на что неспособен ни один человек, получивший образование с лент. У вас будет запас людей, способных к самостоятельному мышлению...

— А вы в процессе своей учебы придумали что-нибудь новое? — спросил новианин.

— Нет, но ведь я один, и я не так уж долго учился...

— Да... Ну-с, дамы и господа, мы достаточно позабавились?

— Постойте! — внезапно испугавшись, крикнул Джордж. — Я хочу договориться с вами о личной встрече. Есть вещи, которые я не могу объяснить по видеофону. Ряд деталей...

Новианин уже не смотрел на Джорджа.

— Индженеску! По-моему, я исполнил вашу просьбу. Право же, завтра у меня очень напряженный день. Всего хорошего.

Экран погас.

Руки Джорджа взметнулись к экрану в бессмысленной попытке вновь его оживить.

— Он не поверил мне! Не поверил!

— Да, Джордж, не поверил. Неужели вы серьезно думали, что он поверит? — сказал Индженеску.

Но Джордж не слушал.

— Почему же? Ведь это правда. Это так для него выгодно. Никакого риска. Только я и еще несколько... Обучение десятка людей в течение даже многих лет

обошлось бы дешевле, чем один готовый специалист... Он был пьян! Пьян! Он не был способен понять.

Задыхаясь, Джордж оглянулся.

— Как мне с ними увидеться? Это необходимо. Все получилось не так, как нужно. Я не должен был говорить с ним по видеофону. Мне нужно время. И чтобы лично. Как мне...

— Он откажется принять вас, Джордж, — сказал Индженеску. — А если и согласится, то все равно вам не поверит.

— Нет, поверит, уверяю вас. Когда он будет трезв, он... — Джордж повернулся к историку, и глаза его широко раскрылись. — Почему вы называете меня Джорджем?

— А разве это не ваше имя? Джордж Плейтен?

— Вы знаете, кто я?

— Я знаю о вас все.

Джордж замер, и только его грудь тяжело вздымалась.

— Я хочу помочь вам, Джордж, — сказал Индженеску. — Я уже говорил вам об этом. Я давно изучаю вас и хочу вам помочь.

— Мне не нужна помощь! — крикнул Джордж. — Я не слабоумный! Весь мир выжил из ума, но не я!

Он стремительно повернулся и бросился к двери.

За ней стояли два полицейских, которые его немедленно схватили.

Как Джордж ни вырывался, шприц коснулся его шеи под подбородком. И все кончилось. Последнее, что осталось в его памяти, было лицо Индженеску, который с легкой тревогой наблюдал за происходящим.

Когда Джордж открыл глаза, он увидел белый потолок. Он помнил, что произошло. Но помнил, как сквозь туман, словно это произошло с кем-то другим. Он смотрел на потолок до тех пор, пока не наполнился его белизной, казалось, освобождавшей его мозг для новых идей, для иных путей мышления.

Он не знал, как долго лежал так, прислушиваясь к течению своих мыслей.

— Ты проснулся? — раздался чей-то голос.

И Джордж впервые услышал свой собственный стон. Неужели он стонал? Он попытался повернуть голову.

— Тебе больно, Джордж? — спросил голос.

— Смешно, — прошептал Джордж. — Я так хотел покинуть Землю. Я же ничего не понимал.

— Ты знаешь, где ты?

— Снова в... в приюте. — Джорджу удалось повернуться. Голос принадлежал Омани.

— Смешно, как я ничего не понимал, — сказал Джордж.

Омани ласково улыбнулся.

— Поспи еще...

Джордж заснул.

И снова проснулся. Сознание его прояснилось.

У кровати сидел Омани и читал, но, как только Джордж открыл глаза, он отложил книгу.

Джордж с трудом сел.

— Привет, — сказал он.

— Хочешь есть?

— Еще бы! — Джордж с любопытством посмотрел на Омани. — За мной следили, когда я ушел отсюда, так?

Омани кивнул.

— Ты все время был под наблюдением. Мы считали, что тебе следует побывать у Антонелли, чтобы ты мог дать выход своим агрессивным потребностям. Нам казалось, что другого способа нет. Эмоции тормозили твое развитие.

— Я был к нему очень несправедлив, — с легким смущением произнес Джордж.

— Теперь это не имеет значения. Когда в аэропорту ты остановился у стенда металлургов, один из наших агентов сообщил нам список участников. Мы с тобой говорили о твоём прошлом достаточно, для того чтобы я мог понять, как подействует на тебя фамилия Тревелияна. Ты спросил, как попасть на эту Олимпиаду. Это могло привести к кризису, на который мы надеялись, и мы послали в зал Ладисласа Индженеску, чтобы он занялся тобой сам.

— Он ведь занимает важный пост в правительстве?

— Да.

— И вы послали его ко мне. Выходит, что я сам много значу.

— Ты действительно много значишь, Джордж.

Принесли дымящееся ароматное жаркое. Джордж улыбнулся и откинул простыню, чтобы освободить руки. Омани помог ему поставить поднос на тумбочку. Некоторое время Джордж молча ел.

— Я уже один раз ненадолго просыпался, — заметил он.

— Знаю, — сказал Омани. — Я был здесь.

— Да, я помню. Ты знаешь, все изменилось. Как будто я так устал, что уже не мог больше чувствовать. Я больше не злился. Я мог только думать. Как будто мне дали наркотик, чтобы уничтожить эмоции.

— Нет, — сказал Омани. — Это было просто успокоительное. И ты хорошо отдохнул.

— Ну, во всяком случае, мне все стало ясно, словно я всегда знал это, но не хотел прислушаться к внутреннему голосу. «Чего я ждал от Новии?» — подумал я. Я хотел отправиться на Новию, чтобы собрать группу юношей, не получивших образования, и учить их по их книгам. Я хотел открыть там приют для слабоумных... вроде этого... а на Земле уже есть такие приюты... и много.

Омани улыбнулся, сверкнув зубами.

— Институт высшего образования — вот как точно называются эти заведения.

— Теперь-то я это понимаю, — сказал Джордж, — до того ясно, что только удивляюсь, каким я был слепым. В конце концов, кто изобретает новые модели механизмов, для которых нужны новые модели специалистов? Кто, например, изобрел спектрограф Бимена? По-видимому, человек по имени Би-мен. Но он не мог получить образование через зарядку, иначе ему не удалось бы продвинуться вперед.

— Совершенно верно.

— А кто создает образовательные ленты? Специалисты по производству лент? А кто же тогда создаст ленты для их обучения? Специалисты более высокой квалификации? А кто создает ленты... Ты понимаешь, что я хочу сказать. Где-то должен быть конец. Где-то

должны быть мужчины и женщины, способные к самостоятельному мышлению.

— Ты прав, Джордж.

Джордж откинулся на подушки и устремил взгляд в пространство. На какой-то миг в его глазах мелькнула тень бывшего беспокойства.

— Почему мне не сказали об этом с самого начала?

— К сожалению, это невозможно, — ответил Ома-ни. — А так мы были бы избавлены от множества хлопот. Мы умеем анализировать интеллект, Джордж, и определять, что вот этот человек может стать отличным архитектором, а тот — хорошим плотником. Но мы не умеем определять, способен ли человек к творческому мышлению. Это слишком тонкая вещь. У нас есть несколько простейших способов, позволяющих распознавать тех, кто, быть может, обладает такого рода талантом. Об этих индивидах сообщают сразу после Дня чтения, как, например, сообщили о тебе. Их приходится примерно один на десять тысяч. В День образования этих людей проверяют снова, и в девяти случаях из десяти оказывается, что произошла ошибка. Тех, кто остается, посылают в такие заведения, как это.

— Но почему нельзя сказать людям, что один из... из ста тысяч попадет в такое заведение? — спросил Джордж. — Тогда тем, с кем это случается, было бы легче.

— А как же остальные? Те девяносто девять тысяч девятьсот девяносто девять человек, которые никогда не попадут сюда? Нельзя, чтобы все эти люди чувствовали себя неудачниками. Они стремятся получить профессии и получают их. Каждый может прибавить к своему имени слова «дипломированный специалист по тому-то или тому-то». Так или иначе каждый индивид находит свое место в обществе. Это необходимо.

— А мы? — спросил Джордж. — Мы, исключения? Один на десять тысяч?

— Вам ничего нельзя объяснить. В том-то и дело. Ведь в этом заключается последнее испытание. Даже после отсева в День образования девять человек из десяти, попавших сюда, оказываются не совсем подхо-

дящими для творчества, и нет такого прибора, который помог бы нам выделить из этой десятки того единственного, кто нам нужен. Десятый должен доказать это сам.

— Каким образом?

— Мы помещаем вас сюда, в приют для слабоумных, и тот, кто не желает мириться с этим, и есть человек, которого мы ищем. Быть может, это жестокий метод, но он себя оправдывает. Нельзя же сказать человеку: «Ты можешь творить. Так давай, твори». Гораздо вернее подождать, пока он сам не скажет: «Я могу творить, и я буду творить, хотите вы этого или нет». Есть около десяти тысяч людей, подобных тебе, Джордж, и от них зависит технический прогресс полутора тысяч миров. Мы не можем позволить себе потерять хотя бы одного из них или тратить усилия на того, кто не вполне отвечает необходимым требованиям.

Джордж отодвинул пустую тарелку и поднес к губам чашку с кофе.

— А как же с теми, которые... не вполне отвечают требованиям?

— В конце концов они проходят зарядку и становятся социологами. Индженеску — один из них. Сам я — дипломированный психолог. Мы, так сказать, составляем второй эшелон.

Джордж допил кофе.

— Мне все еще непонятно одно, — сказал он.

— Что же?

Джордж сбросил простыню и встал.

— Почему состязания называются Олимпиадой?

ЛОВУШКА ДЛЯ ПРОСТАКОВ

1

Космический корабль «Трижды Г» вырвался из пустоты гиперпространства и появился в бесконечном пространстве — времени. Вокруг него сияло огромное звездное скопление Геркулеса.

Корабль неуверенно повис, окруженный бесчисленными солнцами, каждое из которых было центром могучего поля тяготения, вцепившегося в металлическую скорлупку. Но вычислительные машины корабля не ошиблись — он оказался точно в назначенном месте. Только один день полета — обычного пространственного полета — отделял его от системы Лагранжа.

Каждый, кто был на борту, воспринял это известие по-своему. Для экипажа это означало еще один день работы, еще один день оплаты по ставкам за полетное время, а потом — отдых на поверхности. Планета, куда они направлялись, была необитаема, но отдохнуть приятно даже на астероиде. Что могли думать по этому поводу пассажиры, членов экипажа не интересовало. Пассажиров они недолюбливали и старались держаться от них подальше. Ведь это же были сплошь «головастые»!

Так оно и было — все пассажиры, кроме одного, были «головастыми». Выражаясь вежливее, это были ученые, и притом довольно разношерстная компания. Единственным чувством, которое объединяло их в тот момент, было беспокойство за свои приборы и смутное желание еще раз проверить, все ли с ними в порядке.

Ну и, пожалуй, едва заметное ощущение тревоги и возросшего напряжения. Планета была необитаема — каждый не однажды высказывал в этом свое твердое

убеждение. Но в чужую душу не влезешь: у каждого на этот счет могли быть и свои мысли.

Что касается единственного на борту корабля человека, который не принадлежал ни к экипажу, ни к ученым, то он чувствовал прежде всего смертельную усталость. С трудом поднявшись на ноги, он пытался стряхнуть с себя последние остатки космической болезни. Звали его Марк Аннунцио, и он провел в постели, почти без еды, все эти четыре дня, пока корабль находился вне Вселенной, преодолевая расстояние во много световых лет.

Но сейчас Марку уже не казалось, что он вот-вот умрет, и настало время явиться по вызову капитана. Удовольствия это Марку не доставляло: он привык делать все по-своему и видеть только то, что ему хотелось. Кто такой этот капитан, чтобы...

Его снова и снова подмывало рассказать все доктору Шеффилду и с этим покончить.

Но Марк был любопытен и знал, что все равно пойдет к капитану. Любопытство было его единственным недостатком.

Оно же было его профессией и призванием в жизни.

2

Капитану Фолленби все было нипочем. Так он обычно о себе думал. А совершать рейсы по заданию правительства ему приходилось и раньше. Прежде всего это сулило прибыль. Конфедерация не скупилась на расходы. Это означало, что корабль каждый раз проходил капитальный ремонт, что все ненадежные части заменяли новыми, что экипажу хорошо платили. Это было выгодное дело. Чертовски выгодное.

Но этот рейс был не совсем обычным.

Дело не в том, что пришлось взять на борт таких пассажиров. Он было опасался склок, истерик, невозможной тупости, но оказалось, что «головастые» лишь немногим отличаются от нормальных людей.

Дело даже не в том, что его корабль наполовину разобрали, переоборудовали в «универсальную лабораторию», как было сказано в контракте. Об этом он старался не думать.

Дело было в Малышке — далекой планете, куда они направлялись.

Экипаж, конечно, ничего не знал. Но сам капитан, хоть ему было все нипочем и так далее, начинал беспокоиться.

Только начинал...

А сейчас его больше всего раздражал этот Марк Аннунцио — так, что ли, его зовут? Капитан сердито потер руки, и его широкое, круглое лицо побагровело от гнева.

Вот наглость!

Мальчишка, которому нет еще и двадцати, пустое место по сравнению с другими пассажирами — и вдруг такое потребовать!

Что-то тут неспроста. Во всяком случае, это предстоит выяснить.

Вместо выяснения он с удовольствием взял бы кое-кого за шиворот и потрянул бы так, чтобы зубы застучали... Но нельзя. Нельзя.

В конце концов уж очень странным был этот рейс, зафрахтованный Конфедерацией Планет, и, возможно, двадцатилетний любитель совать нос не в свое дело тоже для чего-то нужен. Но зачем он понадобился? Вот, например, у этого доктора Шеффилда, можно подумать, нет другого дела, как только носиться с этим мальчишкой. Что это значит? Кто такой этот Аннунцио?

Всю дорогу он страдал космической болезнью. А может быть, это был просто предлог, чтобы сидеть в своей каюте?

У двери прожужжал звонок.

Это он.

Спокойнее, подумал капитан. Спокойнее.

3

Входя в каюту капитана, Марк Аннунцио облизал губы, тщетно пытаясь избавиться от горечи во рту. У него слегка кружилась голова и было тяжело на сердце. В этот момент он был бы рад отказаться даже от своей работы, лишь бы снова попасть на Землю.

Он с сожалением вспомнил свою маленькую, но уютную комнату, знакомую до мелочей, где он на-

слаждался уединением среди себе подобных. Там стояли только кровать, стол, стул и шкаф, но к его услугам в любой момент была вся Центральная библиотека. Здесь не было ничего. Он думал, что на борту корабля можно узнать много нового. Он еще никогда не бывал на борту корабля. Но он не ожидал, что провалается все эти долгие дни, страдая космической болезнью.

Ему до слез хотелось домой. Он чувствовал отвращение к самому себе, зная, что его глаза покраснели и слезятся и что капитан это наверняка заметит. Он чувствовал отвращение к себе, потому что знал, что мал, тщедушен и похож на мышонка.

Так оно и было. У него были шелковистые прямые волосы мышиного цвета, узкий, уходящий назад подбородок, маленький рот и острый носик. Для полного сходства не хватало только пяти-шести усиков, которые торчали бы с каждой стороны. И роста он был ниже среднего.

Но тут он увидел в иллюминаторе капитанской каюты звездное небо, и у него захватило дух.

Звезды!

Таких он никогда еще не видел!

Марк ни разу не бывал за пределами Земли. (Доктор Шеффилд говорил, что именно поэтому он и заболел космической болезнью. Марк ему не верил. Он пятьдесят раз читал в книгах, что космическая болезнь имеет психогенное происхождение. Даже доктор Шеффилд иногда пытался его обмануть.)

Он ни разу не бывал за пределами Земли и привык к земному небу. Он привык видеть разбросанные по небосводу две тысячи звезд, и из них только десять — первой величины.

Здесь же они теснились несметными толпами. В одном маленьком квадрате иллюминатора их было в десять раз больше, чем на всем земном небе. А какие яркие!

Он жадно запечатлевал в уме их расположение. Звезды потрясли его. Конечно, он знал все цифровые данные о скоплении Геркулеса, содержавшем до 10 миллионов звезд (точной переписи еще не было). Но цифры — это одно, а звезды — совсем другое.

Ему захотелось их сосчитать. Это желание внезапно охватило его с непреодолимой силой. Любопытно, сколько их здесь, все ли они имеют названия, известны ли их астрономические характеристики. Минутку...

Он отсчитывал их по сотням. Две, три... Он мог бы делать это и по памяти, но ему нравилось смотреть на реальные физические предметы, особенно такой потрясающей красоты. Шесть, семь...

Добродушный раскатистый голос капитана заставил его вспомнить, где он находится.

— Мистер Аннунсио? Рад вас видеть.

Марк вздрогнул и с негодованием повернулся к нему. Почему ему помешали считать? Показав на иллюминатор, он раздраженно сказал:

— Звезды!

Капитан повернулся и уставился на них.

— Ну и что! Что-нибудь неладно?

Марк стоял, глядя на широкую спину капитана и его толстый зад, на серую щетку волос, покрывавшую его голову, и на две большие руки с толстыми пальцами, переплетенными за спиной и ритмично похлопывавшими по блестящему пластику куртки.

«Что он понимает в звездах? — подумал Марк. — Какое ему дело до их размера, светимости, спектрального класса?»

Нижняя губа Марка дрогнула. Этот капитан — тоже «нонкомпос». Все на этом корабле — нонкомпосы. Так их дразнили сотрудники мнемонической Службы. Нонкомпосы. Все до единого. Без счетной машины и пятнадцать в куб не возведут.

Марк почувствовал себя очень одиноким.

Он решил, что объяснять все это нет смысла, и сказал:

— Звезды здесь такие густые. Как гороховый суп.

— Это только кажется, мистер Аннунсио. (Капитан произносил «Аннунсио» вместо «Аннунчио», и это резало слух Марка) — Среднее расстояние между звездами в самом густом скоплении — не меньше светового года. Места хватает, а? Правда, на вид тесновато. Это верно. Если выключить свет, они светят не хуже, чем триллион точек Чисхольма в осциллирующем силовом поле.

Но он не предложил выключить свет, а просить его об этом Марк не собирался.

— Садитесь, мистер Аннунцио, — продолжал капитан. — В ногах правды нет, а? Курите? Не возражаете, если я закурю? Жаль, вас не было тут утром. В шесть локального времени были прекрасно видны Лагранж-I и Лагранж-II. Красный и зеленый. Как светофор, а? Но вас не видно всю дорогу. Космическая болезнь одолела, а?

Эти «а?», которые капитан выкрикивал резким, визгливым голосом, страшно раздражали Марка. Он тихо ответил:

— Сейчас я чувствую себя хорошо.

Казалось, это не очень обрадовало капитана. Он запыхтел сигарой, уставился на Марка, сдвинув брови, и медленно сказал:

— Все равно, рад вас видеть. Немного познакомиться. Вашу руку. «Трижды Г» не первый раз в специальном правительственном рейсе. До сих пор никаких неприятностей. Никогда не имел неприятностей. Не желаю неприятностей. Понимаете?

Марк ничего не понимал и даже не пытался. Его жадный взгляд снова вернулся к звездам. Их расположение немного изменилось.

Капитан на мгновение перехватил его взгляд, нахмурился и, казалось, хотел пожать плечами. Он подошел к пульту управления, и металлическая штора, скользя по сверкавшему звездами иллюминатору, закрыла его, как гигантское веко.

— Что еще такое? Я считал их, идиот!

— Считал?... — капитал побагровел, но заставил себя вежливо продолжать: — Извините. Нам нужно поговорить о деле.

На словах «о деле» он сделал едва слышное ударение.

Марк знал, что он имеет в виду.

— Говорить не о чем. Я хочу посмотреть судовой журнал. Я звонил вам несколько часов назад и так и сказал. Вы меня задерживаете.

— А не скажете ли вы, зачем вам смотреть журнал, а? — спросил капитан. — Еще никто об этом не просил. Вы имеете на это право?

Марк был изумлен.

— Я имею право смотреть все, что захочу. Я из Мнемонической Службы.

Капитан запыхтел сигарой — специальной марки, выпускавшейся для космических полетов, с добавлением окислителя, чтобы не расходовать кислорода воздуха. Он осторожно ответил:

— Да? Никогда о такой не слышал. Что это такое?

— Мнемоническая Служба, и все тут, — возмущенно ответил Марк. — Это моя работа: я должен смотреть все, что захочу, и задавать любые вопросы, какие захочу. И я на это имею право.

— Но вы не получите журнал, если я не пожелаю.

— Вашего мнения не спрашивают, вы... нонкомпас!

Терпение капитана иссякло. Он в ярости швырнул на пол сигару и растоптал ее, потом подобрал остатки и тщательно запихнул в мусоропровод.

— Куда вы гнете? — спросил он. — Кто вы вообще такой? Секретный агент? В чем дело? Выкладывайте сейчас же.

— Я сказал вам все, что нужно.

— Мне нечего скрывать, — сказал капитан, — но у меня есть свои права.

— Нечего скрывать? — завопил Марк. — А почему этот корабль называется «Трижды Г»?

— Такое у него название.

— Рассказывайте! В земном регистре такого нет. Я это знал с самого начала и собирался вас спросить.

— Официальное название — «Георг Г. Гронди». Но все называют его «Трижды Г».

Марк рассмеялся.

— Ну вот, видите? А когда я посмотрю журнал, я поговорю с экипажем. У меня есть на это право. Спросите доктора Шеффилда.

— И с экипажем тоже, а? — капитан был вне себя от ярости. — Давайте сюда вашего доктора Шеффилда, и мы вас обоих запрем в каюте до посадки. Шенок!

Он схватил телефонную трубку.

Научный персонал «Трижды Г» был невелик для той работы, которая ему предстояла, и личный состав его был довольно молод. Может быть, не настолько, как Марк Аннунцио, который был сам по себе, но даже самому старшему из ученых, астрофизику Эммануэлю Джорджу Саймону, еще не было тридцати девяти. А темные густые волосы и большие блестящие глаза делали его еще моложе. Правда, блеском глаз он отчасти был обязан контактными линзами.

Саймон, слишком хорошо помнивший о своем возрасте, а также и о том, что именно он назначен номинальным начальником экспедиции (о чем большинство остальных было склонно забывать), обычно напускал на себя скептическое отношение к стоявшей перед ним задаче. Вот и сейчас он, просмотрев на руках перфоленгу, дав ей снова свернуться в рулон и усевшись в самое мягкое кресло в крохотной гостиной для пассажиров, вздохнул и сказал:

— Все то же самое. Ничего.

Перед ним лежали последние цветные снимки системы двойной звезды Лагранжа, но даже их красота не производила на него никакого впечатления. Лагранж-I, поменьше и чуть горячее земного Солнца, сиял ярким зелено-голубым светом, как изумруд в золотой оправе. Он казался не больше горошины. Недалеко от него (насколько можно было судить по фотографии) находился Лагранж-II. Он был расположен так, что казался вдвое больше Лагранжа-I (на самом деле его диаметр составлял всего $\frac{4}{5}$ диаметра Лагранжа-I, объем — половину, а масса — две трети). Его красно-оранжевые тона, к которым пленка была менее чувствительна, чем сетчатка человеческого глаза, выглядели на снимке еще тусклее, чем обычно, рядом с сиянием соседнего солнца.

Оба солнца окружала небывалая сверкающая россыпь звезд скопления Геркулеса, не тонувшая в солнечном свете благодаря специальным поляризованным объективам. Это было похоже на густо рассыпанную алмазную пыль — желтую, белую, голубую и красную.

— Ничего, — вздохнул Саймон.

— А по-моему, неплохо, — отозвался сидевший в гостинной врач Гроот Новенаагль — небольшого роста, полный человек, которого никто не называл иначе, чем «Нови».

— А где Малышка? — спросил он и нагнулся над Саймоном, глядя ему через плечо слегка близорукими глазами.

Саймон покосился на него.

— Она называется не «Малышка». Если вы имеете в виду планету Трю, то в этой проклятой мешанине звезд ее не видно. Эта картинка годится разве что для научно-популярного журнала. Толку от нее немного.

— Жаль... — разочарованно протянул Нови.

— А вам-то какая разница? — спросил Саймон. — Предположим, я скажу вам, что одна из этих точек — Троя. Любая. Вы все равно не отличите ее от других, так зачем вам это?

— Нет, погодите, Саймон. Пожалуйста, не изображайте такое презрение. Это же вполне законное чувство. Мы ведь будем жить на Малышке. Как знать, может быть, на ней мы и умрем...

— Нови, здесь нет ни слушателей, ни оркестра, ни микрофонов, ни фанфар — зачем ломать комедию? Мы там не умрем. Если и умрем, будем сами виноваты, да и то скорее всего — от обжорства.

Это было сказано так, как обычно люди с плохим аппетитом говорят о любителях поесть, будто скверное пищеварение неотделимо от безупречной добродетели и интеллектуального превосходства.

— Умерло же там больше тысячи человек, — тихо сказал Нови.

— Верно. Во всей Галактике умирает миллиард человек в день.

— Но не так.

— Не как?

Нови ответил, как обычно, лениво растягивая слова, хотя это стоило ему некоторого усилия:

— Решено этот впорос обсуждать только на официальных заседаниях.

— Нечего тут и обсуждать, — мрачно сказал Саймон. — Это просто две обыкновенные звезды. Будь я

проклят, если знаю, зачем вызвался лететь. Наверное, просто потому, что представился случай увидеть вблизи необычно большую звездную систему троянского типа. И еще — взглянуть на пригодную для обитания планету с двойным солнцем. Не знаю, почему я решил, что в этом есть что-нибудь удивительное.

— Потому что вы подумали о тысяче погибших мужчин и женщин, — сказал Нови и торопливо продолжал: — Послушайте, не можете ли вы мне сказать, что такое вообще «планета троянского типа»?

Врач стойко выдержал полный презрения взгляд собеседника и добавил:

— Ладно, ладно. Ну я не знаю. Вы тоже не всё знаете. Что вы знаете об ультразвуковых разрезах?

— Ничего, — ответил Саймон, — и, по-моему, это очень хорошо. Я считаю, что всякая информация, выходящая за пределы прямой специальности, бесполезна и требует пустой траты умственного потенциала. С точкой зрения Шеффилда я не согласен.

— А все-таки я хочу знать. Конечно, если вы можете объяснить.

— Могу. Правда, об этом говорилось в первом информационном сообщении, если вы его слушали. У большинства кратных звезд — а это значит, у трети всех звезд, — есть какие-нибудь планеты. К сожалению, они обычно непригодны для жизни. Если они достаточно далеки от центра тяготения звездной системы, чтобы иметь более или менее круговую орбиту, то на них так холодно, что их покрывают океаны жидкого гелия. Если же они достаточно близки, чтобы получить тепло, то их орбиты так неправильны, что по меньшей мере один раз за оборот они приближаются к какой-нибудь из звезд настолько, что на них и железо бы расплавилось. А здесь, в системе Лагранжа, все не так, как обычно. Обе звезды — Лагранж-I и Лагранж-II — и планета Троя со своим спутником Илионом находятся в вершинах воображаемого равностороннего треугольника. Ясно? А такое расположение, оказывается, устойчиво; только ради чего угодно, не спрашивайте меня, почему. Считайте, что это мое профессиональное мнение.

— Мне никогда не пришло бы в голову подвергать его сомнению, — пробормотал вполголоса Нови.

Казалось, Саймон остался чем-то недоволен, но продолжал:

— Вся система в целом вращается вокруг общего центра. Троя всегда находится в ста миллионах миль от каждого из солнц, а солнца — в ста миллионах миль друг от друга.

Нови почесал ухо. Он был как будто не совсем удовлетворен ответом.

— Это все я знаю. Я все-таки слушал информационное сообщение. Но почему это называется планетой троянского типа? Что за «троянский тип»?

Тонкие губы Саймона на мгновение сжались, как будто он усилием воли сдержал резкое слово.

— У нас в Солнечной системе тоже есть такое сочетание. Солнце, Юпитер и группа мелких астероидов образуют устойчивый равносторонний треугольник. А астероидам были даны имена Гектора, Ахиллеса, Аякса и других героев троянской войны. Поэтому... Есть необходимость продолжать?

— И это все? — спросил Нови.

— Да. Теперь вы больше не будете ко мне приставать?

— О, пропадите вы пропадом.

Нови встал, оставив возмущенного астрофизика, но за мгновение до того, как его рука коснулась кнопки на дверном косяке, дверь скользнула вбок и в гостиную вошел Борис Вернадский — широколицый, чернобровый и большеротый геохимик экспедиции, отличавшийся неумеренным пристрастием к рубашкам в мелкий горошек и магнитным запонкам из красного пластика. Не обратив никакого внимания на покрасневшее лицо Нови и каменное выражение на физиономии астрофизика, он сказал:

— Братья-ученые, если вы внимательно прислушаетесь, то услышите там, наверху, в капитанской каюте, такой взрыв, какого еще никогда не слыхали.

— Что случилось? — спросил Нови.

— Капитан взял в оборот Аннунцио — этого драгоценного мага и чародея, с которым так носится

Шеффилд, и тот понесся наверх с налитыми кровью очами.

Саймон, до сих пор слушавший его, фыркнул и отвернулся. Нови сказал:

— Шеффилд? Но ведь он и сердиться то не умеет. Я никогда не слышал, чтобы он повысил голос.

— На этот раз он не выдержал. Когда он узнал, что мальчишка ушел из своей каюты, не сказав ему, и что капитан его кроет... Ого-го! Вы знали, что он уже гуляет, Нови?

— Нет, не знал, но это не удивительно. Такая уж штука космическая болезнь. Когда она тебя одолевает, кажется, что вот-вот умрешь. Даже хочется, чтобы поскорее. А через две минуты все как рукой снимает и чувствуешь себя здоровым. Слабым, но здоровым. Я утром сказал Марку, что мы завтра садимся. Вероятно, это его и вылечило. Мысль о близкой посадке на планете творит чудеса при космической болезни. Ведь мы в самом деле садимся, правда, Саймон?

Астрофизик издал невнятный звук, который можно было истолковать как утвердительное ворчание. По крайней мере так понял его Нови.

— А все-таки что случилось? — спросил Нови.

— Ну, Шеффилд живет у меня в каюте с тех пор, как мальчишка загнулся. Сидит он сегодня за столом со своими дурацкими таблицами и крутит карманную вычислительную машинку, как вдруг по телефону звонит капитан. Оказывается, мальчишка у него и капитан, желает знать, зачем такое-сякое и этакое правительство вздумало подослать к нему шпиона. А Шеффилд орет ему, что проткнет его насквозь макронивелировочной трубкой Колламора, если он что-нибудь позволит себе с мальчишкой. А потом он вылетает из каюты, бросив трубку и оставив капитана с пеной у рта от ярости.

— Вы все выдумали, — сказал Нови. — Шеффилд никогда не скажет ничего подобного.

— Ну что-то в этом роде.

Нови повернулся к Саймону:

— Вы возглавляете нашу группу. Почему вы ничего не предпримете?

— Ну да, в таких случаях я возглавляю группу, —

огрызнулся Саймон. — Если что-нибудь случается, отвечаю всегда я. Пусть разбираются сами. Шеффилд за словом в карман не полезет, а капитан никогда не вынет рук из-за спины. Яркое описание Вернадского еще не значит, что произойдет кровопролитие.

— Да, но зачем допускать ссоры в такой экспедиции?

— Вы говорите о нашей высокой миссии? — Вернадский в притворном ужасе воздел руки и закатил глаза. — О, как страшит меня мысль о том времени, когда мы окажемся среди костей и остатков первой экспедиции!

Представившаяся всем картина не вызывала особого веселья, и все замолчали. Даже затылок Саймона — единственное, что виднелось поверх спинки кресла, — казалось, на мгновение напрягся.

5

Освальд Мейер Шеффилд, психолог, был тощ, как жердь, и обладал столь же высоким ростом, а также могучим голосом, позволявшим ему с неожиданной виртуозностью исполнять оперные арии или же спокойно, но язвительно добивать противника в споре. Когда он входил в каюту капитана, на его лице не было заметно гнева, которого можно было бы ожидать, судя по рассказу Вернадского. Он даже улыбался.

Как только он вошел, капитан набросился на него:

— Слушайте, Шеффилд..

— Минутку, капитан Фолленби, — прервал его Шеффилд. — Как ты себя чувствуешь, Марк?

Марк опустил глаза и глухо ответил:

— Все в порядке, доктор Шеффилд.

— Я не знал, что ты уже встал с постели.

В его голосе был слышен упрек, но Марк виновато ответил:

— Я почувствовал себя лучше, доктор Шеффилд, и мне не по себе без дела. Все время, что я на корабле, я ничего не делаю. Поэтому я позвонил капитану и попросил его показать мне судовой журнал, а он вызвал меня сюда.

— Ну хорошо. Я думаю, он не будет возражать, если ты сейчас вернешься к себе.

— Ах, не буду?.. — начал капитан.

Шеффилд ласково поднял на него глаза.

— Я отвечаю за него, сэр.

И капитан почему-то не смог ничего возразить.

Марк послушно повернулся, чтобы идти. Шеффилд подождал, пока дверь за ним плотно закроется, и повернулся к капитану:

— Какого черта, капитан?

Капитан несколько раз угрожающе качнулся всем телом и с отчетливо слышным хлопком судорожно сцепил руки за спиной.

— Этот вопрос должен задать я. Я здесь капитан, Шеффилд.

— Я знаю.

— Знаете, что это значит, а? Пока этот корабль находится в космосе, он рассматривается как планета, и мне предоставлена на ней абсолютная власть. В космосе мое слово — закон. Даже Центральный Комитет Конфедерации не может его отменить. Я должен поддерживать дисциплину, и никакие шпионы..

— Ладно. А теперь, капитан, послушайте, что я вам скажу. Вас зафрахтовало Бюро по делам периферии, чтобы вы доставили правительственную экспедицию в систему Лагранжа, находились там столько, сколько понадобится для ее работы и сколько позволит безопасность экипажа и корабля, а потом доставили нас домой. Вы подписали договор и приняли на себя некоторые обязательства. Например, вы не должны трогать или портить наши приборы.

— Кто же их трогает? — возмутился капитан.

Шеффилд спокойно ответил:

— Вы, капитан, оставьте в покое Марка Аннунчио. Вы не должны его трогать, так же как вы не трогаете монохром Саймона и микрооптику Вайо. Ясно?

Облаченная в мундир грудь капитана поднялась.

— Я не желаю выслушивать приказания на борту своего собственного корабля. Ваши разговоры — нарушение дисциплины, мистер Шеффилд. Еще слово — и вы будете арестованы в своей каюте вместе с вашим Аннунчио. Не нравится — можете обращаться в Кон-

трольное бюро, когда вернетесь. А до тех пор — помалкивайте!

— Постойте, капитан, дайте мне объяснить. Марк — из Мнемонической Службы...

— Ну конечно, он так и говорил. Номоническая служба, номоническая служба... По-моему, это просто тайная полиция. Так вот, на борту моего корабля этого не будет, а?

— Мне-мо-ни-чес-кая Служба, — терпеливо повторил Шеффилд. — Это от греческого слова «память».

Капитан прищурился.

— Он что, все запоминает?

— Именно, капитан. Понимаете, это отчасти я виноват. Я должен был поставить вас в известность об этом. Я так и сделал бы, если бы мальчик не заболел сразу после старта. Я больше ни о чем не мог думать. И притом мне не приходило в голову, что он может заинтересоваться самим кораблем. Хотя почему же нет? Его все должно интересовать.

— Все, а? — капитан взглянул на стенные часы. — Так поставьте меня в известность сейчас, а? Без долгих разговоров. И вообще поменьше разговоров. Время ограничено.

— Это недолго, уверяю вас. Вот, капитан, вы старый космический волк. Сколько обитаемых планет входит в Конфедерацию?

— Восемьдесят тысяч, — ответил капитан не задумываясь.

— Восемьдесят три тысячи двести, — поправил Шеффилд. — Кто, по-вашему, руководит такой огромной политической организацией?

Капитан снова без колебаний ответил:

— Вычислительные машины.

— Верно. Существует Земля, где половина населения обслуживает правительство и только и делает, что считает, а на всех других планетах есть вычислительные центры. И все равно многие сведения теряются. Каждая планета знает что-то такое, чего не знают другие. Даже почти каждый человек. Возьмите нашу маленькую группу. Вернадский не знает биологии, а я ничего не понимаю в химии. Ни один из нас, кроме Фоукса, не мог бы пилотировать самый простой

патрульный космолет. Поэтому мы и работаем вместе: каждый приносит те познания, которых не хватает другим. Но тут есть одна зацепка. Ни один из нас не знает точно, что именно из того, что он знает, важно для других при данных обстоятельствах. Мы же не можем сидеть и рассказывать друг другу все, что знаем. Поэтому приходится гадать, и не всегда правильно. Например, есть два факта, А и Б, которые очень хорошо вяжутся друг с другом. И А, который знает факт А, говорит Б, который знает факт Б: «Почему же ты мне это не сказал десять лет назад?». А Б отвечает: «Я не знал, что это так важно», или «А я думал, об этом все знают».

— Вот для этого и нужны вычислительные машины, — сказал капитан.

— Но их возможности ограничены, капитан, — возразил Шеффилд. — Им нужно задавать вопросы; больше того, вопросы должны быть только такие, чтобы их можно было выразить ограниченным набором символов. А кроме того, машины все понимают буквально. Они отвечают на вопрос, который вы задаете, а не на то, что вы при этом имеете в виду. Бывает, никому не приходит в голову задать нужный вопрос или ввести в машину нужные символы, а в таких случаях по своей инициативе она информацию не выдает. Нам, всему человечеству, нужна не механическая вычислительная машина, а машина, наделенная воображением. Вот одна такая машина, капитан, — Шеффилд постучал себя пальцем по виску. — У каждого такая есть, капитан.

— Может быть, — проворчал капитан, — только уж я лучше предпочту обычную, а? Ту, что с кнопками.

— Вы уверены? Ведь у машин не бывает неожиданных догадок. А у вас бывают.

— А это относится к делу? — капитан снова взглянул на часы.

— Где-то в глубине человеческого мозга хранятся все сведения, которые ему попадают. Сознательно он помнит очень немного, но все они там есть, и по ассоциации могут вспомниться любые из них, а человек даже не будет знать, откуда что взялось. Это и называется догадкой, или интуицией. У некоторых

людей это получается лучше, чем у других. А некоторых можно этому научить. Кое-кто почти достигает совершенства, как Марк Аннунчио и еще сотня ему подобных. Я надеюсь, что когда-нибудь их будет миллиард, и тогда Мнемоническая Служба в самом деле заработает.

Всю свою жизнь, — продолжал Шеффилд, — эти люди ничего не делают — только читают, смотрят и слушают. И учатся делать это все лучше, эффективнее. Неважно, какие сведения они запоминают. Эти сведения могут на первый взгляд не иметь ни смысла, ни значения. Пусть кому-нибудь из мнемонистов вздумается целую неделю изучать результаты соревнований по космическому поло в секторе Канопуса за последние сто лет. Любые сведения могут когда-нибудь пригодиться. Это основная аксиома. А время от времени кто-нибудь из мнемонистов делает такие сопоставления, какие не могла бы сделать ни одна машина. Потому что ни одна машина не может располагать этими совершенно не связанными между собой сведениями, а если она их и имеет, то ни один нормальный человек никогда не задаст ей нужного вопроса. Одна хорошая корреляция, предложенная Мнемонической Службой, может окупить все затраты на нее за десять лет, а то и больше.

Капитан забеспокоился и поднял свою широкую руку.

— Погодите. Аннунчио сказал, что в земных регистрах нет корабля под названием «Трижды Г». Значит, он знает наизусть все названия, какие только есть в регистрах?

— Вероятно. Наверное, он прочитал Регистр торговых судов. В этом случае он знает все названия, тоннаж, годы постройки, порты приписки, численность экипажа и все остальное, что есть в Регистре.

— А еще он считал звезды.

— А почему бы и нет? Это тоже информация.

— Будь я проклят!

— Не исключено, капитан. Но я хочу сказать, что люди, подобные Марку, не такие, как все. Он получил необычное, ненормальное воспитание, у него выработалось необычное, ненормальное восприятие жизни. С тех пор, как в пятилетнем возрасте он поступил в

Мнемоническую Службу, он впервые покинул ее территорию. Он легко возбудим, и ему можно нанести непоправимый вред. Это не должно произойти, и мне поручено следить, чтобы этого не случилось. Он — мой прибор; он ценнее, чем любой прибор на этом корабле. Таких, как он, на весь Млечный Путь всего сотня.

Лицо капитана Фолленби ясно выражало уязвленное чувство собственного достоинства.

— Ну ладно. Значит, журнал. Строго конфиденциально, а?

— Строго. Он рассказывает все только мне, а я никому не рассказываю, если только не сделано цепное сопоставление.

Судя по виду капитана, это не совсем соответствовало тому, что он понимал под словами «строго конфиденциально», но он сказал:

— И никаких разговоров с экипажем.

После многозначительно добавил:

— Вы знаете, что я имею в виду.

Шеффилд шагнул к двери.

— Марк в курсе дела. Поверьте, экипаж от него ничего не узнает.

Когда он уже выходил, капитан окликнул его:

— Шеффилд!

— Да?

— А что такое «нонкомпос»?

Шеффилд подавил улыбку.

— Он вас так называл?

— Что это такое, я спрашиваю!

— Просто сокращение слов «нон компос ментис». Все мнемонисты называют так всех, кто не принадлежит к Мнемонической Службе. Это относится и к вам. И ко мне. По-латыни это значит «не в своем уме». И знаете, капитан, по-моему, они правы.

Он быстро вышел.

На просмотр судового журнала Марку Аннунцио понадобилось секунд пятнадцать. Он ничего там не понял, но он не понимал большинства из того, что запоминал. Это его не смущало. Не смутило его и то,

что журнал оказался скучным. Но Марк так и не нашел там того, что искал, и отложил журнал со смешанным чувством облегчения и неудовольствия.

Марк направился в библиотеку и просмотрел десятка четыре книг с такой скоростью, какую только позволяло развитие сканирующее устройство. В детстве он три года учился так читать и до сих пор с гордостью вспоминал, как на выпускных экзаменах установил рекорд школы.

Наконец Марк забрел в лабораторный отсек и начал заглядывать то в одну, то в другую лабораторию. Он не задавал никаких вопросов и уходил, как только кто-нибудь обращал на него внимание.

Марк ненавидел их невыносимую привычку глядеть на него, как на какое-то диковинное животное. Он ненавидел их всезнающий вид, как будто стоило тратить все возможности мозга на один крохотный предмет и при этом помнить какую-то ничтожную его часть.

Конечно, со временем придется задавать им вопросы. Это его работа, а даже если бы и было иначе, он все равно бы не удержался — из любопытства. Впрочем, он надеялся выдержать до тех пор, когда они сядут на планету.

Марк был рад, что корабль находится уже в пределах звездной системы. Скоро он увидит новую планету с новыми солнцами, да еще двумя, и новой луной. Четыре объекта, каждый из которых содержит свеженькую информацию; бездна фактов, которые можно любовно собирать и сортировать...

У Марка захватило дух при одной мысли об этой бесформенной горе сведений, которая его ожидала. Ему представился собственный мозг в виде огромной картотеки с перекрестным указателем, простиравшейся бесконечно во всех направлениях. Аккуратный, четкий, хорошо смазанный механизм высочайшей точности.

Он чуть не засмеялся, подумав о тех пыльных чердаках, которые называют мозгом нонкомпосы. Он чувствовал это даже тогда, когда говорил с доктором Шеффилдом. А этот еще был из лучших: он очень старался все понять, и иногда это ему почти удавалось. У всех остальных пассажиров корабля были не

мозги, а дровяные склады — пыльные дровяные склады, заваленные трухой, и достать оттуда можно было только то, что лежало сверху.

Бедные глупцы! Он бы их пожалел, не будь они такими злобными. Если бы они только знали, на что похожи их мозги! Если бы они это поняли!

Все свободное время Марк проводил в наблюдательных рубках, следя за приближением новых миров.

Корабль прошел недалеко от Илиона. Саймон педантично называл планету, куда они направлялись, Троей, а ее спутник — Илионом, хотя все остальные окрестили ее Малышкой и Сестренкой. По другую сторону от двух солнц, в противоположной «троянской точке», находилась группа астероидов. Саймон называл их «Лагранж-Эпсилон», все остальные — Щенками.

Все эти смутные мысли пронеслись одновременно в мозгу Марка, как только он подумал об Илионе. Он почти не осознал их и пропустил как не представляющие в данный момент интереса. Еще более смутно и еще глубже в его подсознании зашевелилось еще сотен пять подобных нехитрых кличек, заменявших торжественные астрономические наименования. Некоторые из них он где-то вычитал, другие услышал в субэфирных передачах, третьи узнал из обычных разговоров, а некоторые встречались ему в последних известиях. Кое-что ему говорили прямо, кое-что было подслушано. Даже «Трижды Г», заменившее «Георга Г. Гронди», тоже стояло в этой туманной картотеке.

Шеффилд часто расспрашивал Марка о том, что происходило в его мозгу, — расспрашивал очень мягко, очень осторожно.

— Мнемонической Службе нужно много таких, как ты, Марк. Миллионы, а со временем — и миллиарды, если наша раса заселит всю Галактику. А откуда они возьмутся? Полагаться на врожденный талант не приходится. Им наделены все мы, в большей или меньшей степени. Важнее всего обучение, а чтобы обучать, мы должны узнать, как это делается.

И, понуждаемый Шеффилдом, Марк следил за собой, слушал себя, изучал себя, пытаясь это осознать. Он понял, что его мозг подобен гигантской картотеке; он видел, как карточки строятся одна за другой; он

заметил, как нужные сведения выскакивают по первому зову, трепеща от готовности служить. Это было трудно объяснить Шеффилду, но он старался, как мог.

И его уверенность в себе росла. Забывались тревоги его детства, первых лет Службы. Он перестал просыпаться среди ночи, весь в поту, с криком ужаса при мысли о том, что он может все забыть. Прекратились и головные боли.

Марк увидел в иллюминаторе Илион. Он был ярче, чем любая луна, какую только Марк мог себе представить. (В его мозгу в убывающем порядке проплыли цифры — отражающая способность поверхности трехсот обитаемых планет. Он почти не обратил на них внимания.)

Перед ним ослепительно сверкали огромные пятна неправильной формы. Недавно Марк подслушал, как Саймон, устало отвечая на чей-то вопрос, сказал, что когда-то это было морское дно. Тут же в мозгу Марка возник еще один факт. В первом сообщении Хидошеки Макоямы говорилось, что состав этих ярких солевых отложений — 78,6% хлористого натрия, 19,2% карбоната магния, 1,4% сульфата ка... Мысль оборвалась — она была не нужна.

На Илионе была атмосфера. Всего около 100 миллиметров ртутного столба. (Чуть больше 1/8 земной, в десять раз больше марсианской, 0,254 атмосферы Коралемона, 0,1376 — Авроры...) Он лениво следил, как растут десятичные знаки. Это было полезное упражнение, но скоро оно ему надоело. Мгновенный счет они проходили еще в пятом классе. Сейчас для него представляли трудность лишь интегралы. Иногда ему приходило в голову: это оттого, что он не знает, что такое интеграл. Мелькнуло полдюжины определений, но ему не хватало математических знаний, чтобы их понять, хотя процитировать их на память он мог.

В школе им всегда говорили: «Старайтесь не увлекаться каким-нибудь одним предметом или темой. Как только вы заинтересуетесь, вы начнете отбирать факты, а этого вы никогда не должны делать. Для вас важно все. Раз уж вы запомнили тот или иной факт, неважно, понимаете вы его или нет».

А нонкомпосы думают иначе. Зазнавшиеся дырявые мозги!

Теперь они приближались к самой Малышке. Она тоже ярко светилась, но по-своему. На севере и на юге планеты сверкали полярные шапки. (Перед глазами Марка поплыли страницы учебников палеоклиматологии Земли, но он не стал их останавливать.) Полярные шапки отступали. Еще миллион лет — и на Малышке будет такой же климат, как сейчас на Земле. Размер и масса Малышки были такими же, как у Земли, а период ее вращения составлял 36 часов.

Это был настоящий двойник Земли. А те отличия, о которых говорилось в сообщении Макоямы, были в пользу Малышки. Насколько было известно до сих пор, на Малышке ничто не угрожало человеку. Никто и не подумал бы, что там может таиться какая-то опасность.

Если бы только не то обстоятельство, что первая колония людей на этой планете погибла до последнего человека.

Хуже того, это произошло таким образом, что вся сохранившаяся информация никак не могла объяснить, что же все-таки случилось.

7

За два часа до посадки Шеффилд пришел в каюту к Марку. Сначала их поселили в одной каюте. Это был эксперимент: мнемонисты не любили находиться в обществе нонкомпосов. Даже самых лучших. Во всяком случае, эксперимент не удался. Почти сразу же после старта покрытое испариной лицо и умоляющие глаза Марка ясно показали, что ему необходимо остаться одному.

Шеффилд чувствовал себя виноватым. Он отвечал за все, что было связано с Марком, — неважно, была в этом его вина или нет. Он и ему подобные брали детей вроде Марка и своим воспитанием губили их. Их рост искусственно ускоряли. Из них делали все, что хотели. Им не разрешали общаться с нормальными детьми, чтобы они не приобрели привычки к нор-

мальному мышлению. Ни один мнемонист еще не вступил в нормальный брак, даже в пределах своей группы.

Поэтому Шеффилд чувствовал себя страшно виноватым.

Первую дюжину таких ребят вырастили двадцать лет назад в школе Ю.Караганды. Со временем Караганда по каким-то неясным причинам покончил с собой, но другие психологи, менее гениальные, но более респектабельные, и в том числе Шеффилд, успели поработать с ним и стать его учениками. Школа росла, к ней прибавились другие. Одна из них даже была основана на Марсе. В данный момент в ней училось пять человек. По последним сведениям, в живых насчитывалось 103 человека, прошедших полный курс (естественно, до конца доучивалась лишь малая часть поступавших). А пять лет назад Общепланетное правительство Земли организовало в системе Департамента внутренних дел Мнемоническую Службу.

Мнемоническая Служба уже окупилась сторицей, но об этом знали лишь немногие. Общепланетное правительство не устраивало вокруг нее шума. Это было его уязвимое место — эксперимент, неудача которого могла дорого обойтись. Оппозиция, которую с трудом уговорили не замешивать этого вопроса в предвыборную кампанию, не упускала случая поговорить на общепланетных съездах о «разбазаривании средств налогоплательщиков». И это — несмотря на то, что существовали документальные доказательства обратного.

В условиях машинной цивилизации, заполнившей всю Галактику, трудно научиться оценивать достижения невооруженного разума. Этому нужно долго учиться. «Сколько же?» — подумал Шеффилд.

Однако в присутствии Марка следовало скрывать грустные мысли. Слишком велика опасность того, что это повлияет на его настроение. Поэтому Шеффилд сказал:

— Ты выглядишь прекрасно.

Марк, казалось, был рад с ним увидеться. Он задумчиво произнес:

— Когда мы вернемся на Землю, доктор Шеффилд...

Он запнулся, слегка покраснел и продолжал:

— То есть, если мы вернемся, я достану, сколько смогу, книг и пленок о народных обычаях и суевериях. Я почти ничего о них не читал. Я был в корабельной библиотеке — там на эту тему ничего нет.

— А почему это тебя интересует?

— Да это все капитан. Вы, кажется, говорили — он сказал, команда не должна знать, что мы посетим такую планету, на которой погибла первая экспедиция?

— Да, конечно. Ну и что?

— Потому что космолетчики считают плохой приметой посадку на такой планете, особенно если она с виду безобидна, да? Их называют «ловушками для простаков».

— Верно.

— Так говорит капитан. Но только, по-моему, это неправда. Я помню, что есть семнадцать годных для жизни планет, с которых не вернулись первые экспедиции и не основали там колоний. И все равно потом все они были освоены и теперь входят в Конфедерацию. Взять хотя бы Сарматию — теперь это вполне приличная планета.

— Но есть и такие планеты, где постоянно происходят несчастья.

Шеффилд нарочно сказал это в утвердительной форме. «Никогда не задавайте наводящих вопросов», — таков один из Законов Караганды. Мнемонические сопоставления — не сознательное порождение разума; они не подчиняются воле человека. Как только задается прямой вопрос, появляются сопоставления, но лишь такие, какие мог бы сделать любой более или менее сведущий человек. Только подсознание может перебросить мостик через огромные, неожиданные пробелы.

Марк попался на эту удочку, как это сделал бы на его месте любой мнемонист. Он энергично возразил:

— Нет, я о таких не слыхал. Во всяком случае, если планета вообще годится для жизни. Если она вся ледяная или сплошная пустыня — тогда другое дело. Но Малышка не такая.

— Да, не такая, — согласился Шеффилд.

— Тогда почему бы команде ее бояться? Я думал об этом все время, пока лежал в постели. Вот почему я и решил посмотреть судовой журнал. Я никогда ни одного не видел, так что все равно это было бы полезно. И, конечно, я думал, что найду там правду.

— Угу, — произнес Шеффилд.

— И, знаете, я, кажется, ошибался. Во всем журнале нигде не говорится о цели экспедиции. Это значит, что цель составляет секрет. Похоже, что он держит ее в тайне даже от других офицеров корабля. А корабль там в самом деле назван «Георг Г.Гронди».

— А как же иначе?

— Ну, не знаю. У меня были кое-какие подозрения насчет «Трижды Г», — загадочно ответил Марк.

— Ты как будто разочарован, что капитан не солгал, — сказал Шеффилд.

— Не разочарован. Пожалуй, я чувствую облечение. Я думал... Я думал...

Он замолчал в крайнем смущении, но Шеффилд и не пытался прийти ему на помощь. Марку пришлось продолжать:

— Я думал, может быть, все мне говорят неправду, а не только капитан? Может быть, даже вы, доктор Шеффилд. Я думал, вы просто почему-то не хотите, чтобы я разговаривал с экипажем.

Шеффилд попытался улыбнуться, что ему удалось. Подозрительность была профессиональным заболеванием мнемонистов. Они жили отдельно от остальных людей и многим отличались от них. Последствия этого были ясны.

Шеффилд весело ответил:

— Я думаю, когда ты прочитаешь про народные поверья, ты увидишь, что они могут быть совершенно нелогичными. От планеты, пользующейся дурной славой, ждут зла. Если случается что-нибудь хорошее, на это не обращают внимания, а обо всем плохом кричат на каждом перекрестке, да еще с преувеличениями. Молва растет, как снежный ком.

Шеффилд подошел к гидравлическому креслу. Скоро посадка. Он без всякой надобности потрогал широкие лямки и, стоя спиной к юноше, чтобы тому не было видно его лицо, произнес почти шепотом:

— Но, конечно, хуже всего то, что Малышка совсем не такая, как те планеты.

(«Полегче, полегче. Не нажимай. Это уже не первая попытка...»)

— Нет, ничуть, — отвечал Марк. — Те экспедиции, что погибли, были не такими. Вот это верно.

Шеффилд стоял, повернувшись к нему спиной, и ждал. Марк продолжал:

— Все семнадцать экспедиций, что погибли на планетах, которые сейчас заселены, были маленькими разведочными партиями. В шестнадцати случаях причиной гибели была какая-нибудь авария с кораблем, а в семнадцатом, на Малой Комере, — неожиданное нападение местной формы жизни — конечно, не разумной. Я помню все подробности...

Шеффилд невольно затаил дыхание. Марк и в самом деле мог рассказать все подробности. Все. Пропитывать на память все сообщения каждой из экспедиций, слово в слово, было для него так же легко, как сказать «да» или «нет». И он это сделает, если ему вздумается. Мнемонисты не обладают избирательностью. Это было одним из обстоятельств, которые делали невозможным их нормальное общение с нормальными людьми. По существу своему все мнемонисты — страшные зануды. Даже Шеффилд, привычный выслушивать все и не собиравшийся прерывать Марка, если тому захотелось поговорить, даже он вздохнул про себя.

— ...Но это неважно, — продолжал Марк, и Шеффилд почувствовал огромное облегчение. — Они просто были совсем не такими, как экспедиция на Малышку. Это же была настоящая колония — 789 мужчин, 207 женщин и 15 детей моложе тринадцати лет. За первый же год к ним прибавилось еще 315 женщин, 9 мужчин и двое детей. Колония просуществовала два года, и причина ее гибели не установлена, если не считать того, что судя по их сообщениям, это могла быть какая-то болезнь. Вот в чем действительно есть различие. Но сама Малышка ничем не выделяется, — конечно, если не говорить о...

Марк умолк, как будто это было слишком несущественно и не заслуживало упоминания. Шеффилд

чуть не закричал от нетерпения, но заставил себя произнести:

— А, об этом...

Марк сказал:

— Ну, это все знают. У Малышки два солнца, а у других — по одному.

Психолог чуть не заплакал от разочарования. Опять неудача!

Но что делать? В другой раз может повезти. С мнемонистом приходится быть терпеливым, иначе от него не будет никакого толку.

Он сел в гидравлическое кресло и поплотнее пристегнулся. Марк сделал то же (Шеффилд хотел бы ему помочь, но это было бы неразумно). Он взглянул на часы. Уже сейчас они, вероятно, спиралью идут на снижение.

Кроме разочарования, Шеффилд ощущал сильное беспокойство. Марк Аннунчио поступил неправильно, начав действовать согласно своему убеждению, будто капитан и все остальные его обманывают. Мнемонисты нередко думали, что раз им известно огромное количество фактов, — значит, они знают все. Очевидно, это было их первейшее заблуждение. Поэтому они должны (так говорил Караганда!) сообщать свои сопоставления соответствующему начальству и никогда не должны действовать сами.

Но что означал этот проступок Марка? Он первым из мнемонистов покинул территорию Службы, первым расстался с себе подобными, первым оказался в одиночестве среди нонкомпосов. Как это на него подействует? Что он будет делать дальше? Не будет ли беды? И если будет, то как ее предотвратить?

На все эти вопросы доктор Освальд Мейер Шеффилд ответить не мог.

8

Тем, кто управлял кораблем, повезло. Им и, конечно, Саймону, который в качестве астрофизика и начальника экспедиции присоединился к ним по специальному разрешению капитана. Остальные члены экипажа были заняты на своих постах, а ученые на

время спирального спуска к Малышке предпочли относительный комфорт своих гидравлических кресел.

Самым великолепным это зрелище было тогда, когда Малышка была еще довольно далеко и всю ее можно было окинуть взглядом.

На севере и на юге треть планеты покрывали ледяные шапки, только начавшие свое тысячелетнее отступление. Посадочная спираль «Трижды Г» была проложена с севера на юг специально, чтобы можно было разглядеть полярные области, как настоял Саймон, хотя это была и не самая безопасная траектория. Поэтому под ними расстилалась то одна, то другая ледяная шапка. Обе они одинаково сияли в солнечных лучах: ось Малышки не имела наклона. И каждая шапка была разделена на секторы, как торт, разрезанный радужным ножом.

Одна треть была освещена обоими солнцами и сверкала ослепительно белым светом, который понемногу желтел к западу и зеленел к востоку. Восточнее белого сектора лежал следующий, вдвое уже его, освещенный только Лагранжем-I, и здесь снег горел сапфировыми отблесками. К западу еще полсектора, доступные только лучам Лагранжа-II, светились теплыми оранжево-красными тонами земного заката. Цвета полосами переходили друг в друга, отчего сходство с радугой еще усиливалось.

И, наконец, последняя треть казалась сравнительно темной, но можно было разглядеть, что и она делится на неравные части. Меньшая была в самом деле черной, а большая — слегка молочного цвета.

— Лунный свет? Ну конечно — пробормотал Саймон и поспешно огляделся, не слышал ли кто-нибудь. Он не любил, когда кто-то наблюдал за тем, как в его уме складываются заключения. Они должны были представлять перед студентами и слушателями в готовом, законченном виде, без всяких следов рождения и развития.

Но вокруг сидели только космонавты, которые ничего не слышали. В своих полетах они всякого насмотрелись, но здесь и они отрывались от приборов лишь для того, чтобы пожирать глазами открывавшиеся перед ними чудесные картины.

Спираль спуска изогнулась, переменяла свое направление на юго-западное, потом на западное, обещавшее меньше всего риска при посадке. В рубку проник глухой рев прорезаемой атмосферы — сначала резкий и высокий, но становившийся все более низким и гулким.

До сих пор в интересах научных наблюдений (и к немалому беспокойству капитана) спираль была крутой, скорость снижалась медленно, а облетам планеты не было конца. Но как только корабль вошел в воздушную оболочку Малышки, перегрузки резко возросли, а поверхность планеты как будто бросилась им навстречу.

Ледяные шапки исчезли из виду, сменившись равномерным чередованием суши и воды. Под ними все реже и реже проносился материк с гористыми окраинами и равниной посередине, как суповая миска с двумя ледяными ручками. Материк занимал половину планеты — остальное было покрыто водой.

Большая часть океана в этот момент приходилась на темный сектор, а остальное было залито красновато-оранжевым светом Лагранжа-II. В этом свете вода казалась тускло-пурпурной. Там и сям виднелись багровые точки, к северу и к югу их становилось больше. Айсберги!

Часть суши находилась в красновато-оранжевом полусекторе, другая часть была освещена ярким белым светом. Только восточное побережье казалось синевато-зеленым. Поразительное зрелище представлял восточный горный хребет. Его западные склоны были красными, восточные — зелеными.

Корабль быстро замедлил свое движение. Он в последний раз пролетел над океаном. Началась посадка.

Первые шаги экспедиции на новой планете были достаточно осторожными и медленными. Саймон долго разглядывал цветные фотографии Малышки, снятые из космоса с наибольшей возможной точностью. По требованию членов экспедиции снимки были розданы и им, и не один из них застонал про себя при мысли,

что в погоне за комфортом лишил себя возможности видеть это великолепие в оригинале.

Борис Вернадский, что-то ворча, не отрывался от своего газового анализатора.

— По-моему, мы примерно на уровне моря, — сказал он. — Судя по величине g .

И он небрежно добавил, объясняя остальным:

— То есть гравитационной постоянной.

Большинство все равно ничего не поняло, но он продолжал:

— Атмосферное давление — около 800 миллиметров ртутного столба, значит, процентов на пять выше, чем на Земле. И из них 240 миллиметров — кислород, а на Земле только 150. Неплохо.

Он как будто ожидал одобрительных откликов, но ученые предпочитали как можно меньше высказываться по поводу данных из чужой области. Вернадский продолжал:

— Конечно, азот. Скучно — природа повторяется, как трехлетний ребенок, который выучил только три урока. Теряешь всякий интерес, когда видишь, что планета, где есть вода, всегда имеет кислородно-азотную атмосферу. Тоска, да и только.

— Что еще в атмосфере? — раздраженно спросил Саймон. — До сих пор мы слышали только про кислород, азот и еще познакомились с собственными соображениями дядюшки Бориса.

Вернадский оперся на спинку кресла и довольно добродушно огрызнулся:

— А вы кто такой? Начальник, что ли?

Саймон, для которого руководство экспедицией сводилось к необходимости писать длинные отчеты для Бюро, покраснел и мрачно повторил:

— Что еще есть в атмосфере, доктор Вернадский?

Не глядя в свои записи, Вернадский ответил:

— От 0,01 до 1 процента водорода, гелия и двуокиси углерода — в порядке убывания. От 0,0001 до 0,001 процента аргона и неона в порядке убывания. От 0,000001 до 0,00001 процента радона, криптона и ксенона в порядке убывания. Информация не очень обильная. Все, что я могу из этих цифр извлечь, — это то, что Малышка окажется богатой ураном, бед-

ной калием, и не удивительно, что у нее такие симпатичные ледяные шапки.

Это было сказано явно в расчете на то, что кто-нибудь удивленно спросит, откуда он знает, и кто-то, конечно, спросил. Довольный Вернадский ласково улыбнулся и ответил:

— Радона в атмосфере в 10-100 раз больше, чем на Земле. Гелия тоже. Радон и гелий образуются при радиоактивном распаде урана и тория. Вывод: урановых и ториевых минералов в коре Малышки в 10-100 раз больше, чем в земной. С другой стороны, аргона более чем в 100 раз меньше, чем на Земле. Скорее всего, на Малышке вовсе не осталось первоначального аргона. На планетах такого типа аргон может образовываться только из калия-40 — одного из изотопов калия. Мало аргона — значит, мало калия. Проще пареной репы.

Один из ученых спросил:

— А насчет ледяных шапок?

Саймон, который знал ответ на этот вопрос, перебил Вернадского, собравшегося было ответить:

— Каково точное содержание двуокиси углерода?

— Ноль ноль шестнадцать миллиметра, — ответил Вернадский.

Саймон кивнул и от дальнейших разговоров воздержался.

— Ну и что? — нетерпеливо спросил тот, кто задал первый вопрос.

— Двуокиси углерода примерно вдвое меньше, чем на Земле, а она вызывает парниковый эффект. Она пропускает к поверхности коротковолновую часть солнечного излучения, но не выпускает наружу длинноволновое тепловое излучение планеты. Когда в результате вулканической деятельности содержание двуокиси углерода повышается, планета нагревается, и начинается каменноугольный период с высоким уровнем океанов и минимальной поверхностью суши. Когда растительность начинает поглощать бедную двуокисью углерода и толстеть за ее счет, температура падает, образуются ледники, начинается порочный круг оледенения, и вот пожалуйста...

— Что-нибудь еще есть в атмосфере? — спросил Саймон.

— Водяные пары и пыль. И вдобавок, вероятно, в каждом кубическом сантиметре взвешено несколько миллионов возбудителей разных заразных болезней.

Он произнес это довольно весело, но по комнате прошло какое-то движение. У многих захватило дыхание. Вернадский пожал плечами и сказал:

— Пока погодите волноваться. Мой анализатор хорошо отмывает пыль и споры. И вообще это не мое дело. Предлагаю Родригесу сейчас же вырастить свои проклятые культуры под стеклом. Под хорошим толстым стеклом!

10

Марк Аннунчио бродил повсюду. Он слушал с сияющими глазами и лез везде, чтобы слышать лучше. Члены экспедиции терпели это, относясь к нему с разной степенью неприязни в зависимости от характера и темперамента. Никто с ним не заговаривал.

Шеффилд держался поблизости от Марка. Он тоже почти не разговаривал. Все его усилия были направлены на то, чтобы не попадаться Марку на глаза. Он не хотел, чтобы Марк чувствовал, будто он его преследует; он хотел, чтобы мальчик чувствовал себя свободным. Он старался, чтобы каждое его появление выглядело случайным.

Он чувствовал, что эти попытки тщетны, но что он мог поделать? Он должен следить, чтобы мальчик не впутался в беду.

11

Микробиолог Мигель Антонио Родригес-и-Лопес был смуглый человек небольшого роста с иссиня-черными длинными волосами и репутацией заправского сердцееда, как и подобало представителю латинской расы (избавиться от этой репутации он не стремился). Со своей обычной тщательностью и аккуратностью он вырастил культуры микроорганизмов из пыли, уловленной газовым анализатором Вернадского.

— Ничего, — сказал он в конце концов. — Те дурацкие культуры, которые растут, выглядят совершенно безвредными

Ему возразили, что бактерии Малышки могут только казаться безобидными и что токсины и метаболические процессы нельзя изучать на глазок, даже вооружившись микроскопом.

Это вторжение в область его профессии возмутило его. Подняв бровь, он заявил:

— У меня на это чутье. Кто с мое поработает с микромиром, начинает чувствовать, есть опасность или нет.

Это было чистейшее хвастовство, но Родригес сумел подтвердить свои слова, тщательно перенеся пробы различных колоний микробов в буферные изотонические растворы и введя их концентрат хомякам, что не произвело на них никакого впечатления.

В большие контейнеры взяли пробы воздуха и впустили туда несколько мелких животных с Земли и других планет. На них это тоже не произвело впечатления.

12

Ботаником экспедиции был Невил Фоукс, державшийся весьма высокого мнения о своей красоте и подчеркивавший ее прической наподобие той, с которой древние скульпторы обычно изображали Александра Македонского, правда, наружность Фоукса сильно портил нос, куда более орлиный, чем у Александра. В течение двух суток (по счету Малышки) Фоукс совершил облет планеты на одной из атмосферных ракет «Трижды Г». Он был единственный человек на корабле, помимо экипажа, который умел управлять такой ракетой, так что задача, естественно, легла на его плечи. Казалось, Фоукс не слишком этому радовался.

Он вернулся в целости и сохранности, не пытаясь скрыть улыбку облегчения. Его облучили, чтобы стерилизовать поверхность эластичного скафандра, предназначенного для защиты от губительного действия внешней среды на планетах с нормальным давлением: в таких случаях прочный суставчатый космический

скафандр был не нужен. Ракету еще сильнее облучили и укрыли пластиковым чехлом.

Фоукс с гордостью демонстрировал множество цветных снимков. Центральная равнина континента была невероятно плодородной. Реки были полноводны, горы — круты и покрыты снегом, с обычными пиротехническими эффектами солнечного освещения. При свете одного Лагранжа-II растительность казалась мрачноватой, темной, как запекавшаяся кровь. Но в лучах Лагранжа-I или обоих солнц сразу яркая пышная зелень и блеск многочисленных озер (особенно на севере и на юге, у кромки отступающих ледников) заставили многих с тоской вспоминать далекую родину.

— Посмотрите, — сказал Фоукс.

Он снизился, чтобы снять луг, поросший огромными цветами ярко-алого цвета. При высоком ультрафиолетовом излучении Лагранжа-I экспозиции были по необходимости очень короткими, и несмотря на скорость ракеты, каждый цветок выделялся ярким, резким пятном.

— Уверяю вас, — сказал Фоукс, — каждый из них не меньше двух метров в поперечнике.

Все не скрывали своего восхищения цветами. Потом Фоукс добавил:

— Конечно, никакой разумной жизни.

Шеффилд поднял взгляд от фотографий. В конце концов люди и разум были его специальностью.

— Откуда вы знаете?

— Посмотрите сами, — сказал ботаник. — Вот фотографии. Никаких городов, никаких дорог, никаких искусственных водоемов, никаких признаков искусственных сооружений.

— Это значит, что нет машинной цивилизации, — возразил Шеффилд, — только и всего.

— Даже обезьянолюди построили бы хижины и разводили бы огонь, — ответил обиженный Фоукс.

— Континент в десять раз больше Африки, а вы облетели его за два дня. Вы могли многое не заметить.

— Не так уж много, — горячо возразил Фоукс. — Я пролетел над всеми значительными реками от их

устьев до истоков и осмотрел оба побережья. Если здесь есть поселения, то они должны быть именно там.

— Если считать семьдесят два часа на два побережья по восемь тысяч миль каждое в десяти тысячах миль друг от друга, да еще много тысяч миль рек, то это был довольно-таки беглый осмотр.

— К чему эти разговоры? — вмешался Саймон. — Во всей Галактике, на ста с лишним тысячах планет, единственная обнаруженная разумная жизнь — хомо сапиенс. Вероятность разумной жизни на Трое практически равна нулю.

— Да? — возразил Шеффилд. — Таким же способом можно доказать, что и на Земле нет разумной жизни.

— В докладе Макоямы не говорилось ни о какой разумной жизни, — ответил Саймон.

— А много ли у него было времени? Это то же самое, что потыкать пальцем в стог сена и сообщить, что иглы там нет.

— О, вечная Вселенная, — раздраженно сказал Родригес, — что за дурацкие споры? Будем считать гипотезу о наличии здесь разумной жизни неподтвержденной и оставим это. Надеюсь, мы еще не кончили исследования?

13

Копии этих первых снимков поверхности Малышки были помещены в картотеку, доступ к которой был открыт для всех. После второго облета Фоукс вернулся подавленным, и последовавшее совещание проходило в куда более мрачной атмосфере.

Новые снимки обошли всех, а потом Саймон запер их в сейф, который мог открыть только он сам или же мощный ядерный взрыв.

Фоукс рассказывал:

— Обе большие реки текут в меридиональном направлении вдоль восточных отрогов западной горной цепи. Та, что побольше, вытекает из северной полярной шапки, поменьше — из южной. Притоки текут к западу с восточного хребта, пересекая всю центральную равнину. Очевидно, она имеет уклон к западу. Вероятно, этого можно было ожидать: восточная гор-

ная цепь выше, мощнее и протяженнее западной. Я не смог ее измерить, но не удивлюсь, если она не уступит Гималаям. Она похожа на хребет Ву-Чао на Гесперусе. Чтобы перелететь ее, приходится забираться в стратосферу, а обрывы... Ух!

Он заставил себя вернуться к теме разговора.

— Так вот, обе главные реки сливаются в сотне миль южнее экватора и изливаются через разрыв в западном хребте. Оттуда до океана чуть меньше восьмидесяти миль. Их устье — идеальное место для столицы планеты. Здесь сходятся торговые пути со всего континента, так что это неизбежно должен быть центр торговли. Даже если говорить о торговле только в пределах планеты, товары с восточного берега все равно пришлось бы везти морем. Преодолевать восточный хребет невыгодно. Кроме того, есть еще острова, которые мы видели при посадке. Поэтому даже если бы мы не знали широты и долготы поселения, я искал бы его именно там. А эти поселенцы думали о будущем. Именно там они и устроились.

Нови тихо сказал:

— Во всяком случае, им казалось, что они думают о будущем. От них, наверное, немного осталось?

Фоукс попытался отнестись к этому философски.

— Прошло больше ста лет, чего же вы хотите? Но от них осталось куда больше, чем я ожидал. Дома были в основном сборными. Они обрушились, и местность заросла. Но то, что сохранилось, обьязано этим ледниковому климату Малышки. Деревья — или что-то вроде деревьев — невелики и, очевидно, растут медленно. Но все равно расчищенное место заросло. С воздуха узнать его можно только потому, что молодая поросль имеет другую окраску и выглядит не так, как окружающие леса.

Он показал на одну из фотографий:

— Вот просто куча лома. Может быть, здесь когда-то стояли механизмы. А это, по-моему, кладбище.

— А останки? Кости? — спросил Нови.

Фоукс покачал головой.

— Но не могли же последние, кто остался в живых, похоронить сами себя? — сказал Нови.

— Вероятно, это сделали животные, — сказал Фоукс. Он встал и отвернулся от собеседников. — Когда

я пробирался там, шел дождь. Он падал на плоские листья над головой, а под ногами была мягкая, мокрая земля. Было темно и мрачно. Дул холодный ветер. На снимках это не чувствуется, но мне казалось, что вокруг — тысяча призраков, которые чего-то ждут...

Его настроение передалось всем присутствующим.

— Прекратите! — в ярости сказал Саймон.

Острый носик Марка Аннунцио, стоявшего позади всех, прямо-таки дрожал от любопытства. Он повернулся к Шеффилду и прошептал:

— Призраки? Но не было ни одного достоверного случая...

Шеффилд дотронулся до тощего плеча Марка.

— Это только так говорится, Марк. Но не огорчайся, что он не имел это в виду буквально. Ты присутствуешь при рождении суеверия, а это тоже неплохо, верно?

14

Вечером в тот день, когда Фоукс вернулся из второго облета, угрюмый капитан Фолленби разыскал Саймона и, откашлявшись, сказал:

— Дело плохо, доктор Саймон. Люди беспокоятся. Очень беспокоятся.

Ставни иллюминаторов были открыты. Лагранж-I уже шесть часов как закатился, и кроваво-красный свет заходящего Лагранжа-II окрашивал в багровый цвет лицо капитана и его короткие седые волосы.

Саймон, у которого вся команда и капитан в особенности вызвали сдержанное раздражение, спросил:

— В чем дело, капитан?

— Уже две недели здесь. По земному счету. До сих пор никто не выходит без скафандра. Каждый раз облучаются, когда приходят обратно. Что-нибудь неладное в воздухе?

— Насколько нам известно, нет.

— Тогда почему нельзя им дышать?

— Это решаю я, капитан.

Лицо капитана и в самом деле побагровело. Он сказал:

— В договоре сказано, что я не должен оставаться,

если что-нибудь угрожает безопасности корабля. А перепуганный экипаж на грани бунта мне ни к чему.

— Разве вы не можете сами управиться со своими людьми?

— В разумных пределах.

— Но что их беспокоит? Это новая планета, и мы стараемся не рисковать. Неужели они этого не понимают?

— Две недели, и все еще не хотим рисковать. Они думают, мы что-то скрываем. И они правы. Вы это знаете. Кроме того, выход на поверхность всегда необходим. Он нужен команде. Даже на голый обломок в милю шириной. Нужно отвлечься от корабля. От обычных дел. Не могу им в этом отказывать.

— Дайте мне время до завтра, — недовольно ответил Саймон.

15

На следующий день ученые собрались в обсерватории. Саймон сказал:

— Вернадский говорит, что исследования воздуха дают отрицательные результаты. Родригес не обнаружил в нем никаких патогенных организмов.

Последние его слова вызвали всеобщее сомнение.

— Но поселок умер от болезни, даю голову на отсечение, — возразил Нови.

— Возможно, — ответил сразу Родригес, — но попробуйте объяснить, каким образом. Этого не может быть. Я могу это повторять сколько угодно. Судите сами. Почти на всех планетах типа Земли зарождается жизнь, и эта жизнь почти всегда имеет белковую природу и почти всегда — или клеточную, или вирусную организацию. И только. Этим сходство исчерпывается. Вы, неспециалисты, думаете, что все равно — Земля или другая планета. Что микробы — это микробы, а вирусы — это вирусы. А я говорю, что вы не понимаете, какие бесконечные возможности разнообразия заложены в молекуле белка. Даже на Земле у каждого вида — свои болезни. Некоторые могут распространяться на несколько видов, но на Земле нет ни единой патогенной формы жизни, которая могла

бы угрожать всем видам. Вы думаете, что для вируса или бактерии, развивавшихся на другой планете независимо в течение миллиарда лет, со своими аминокислотами, со своими ферментными системами, со своим обменом веществ, человек окажется питательным, как конфетка? Уверяю вас, это наивно.

Нови, глубоко уязвленный тем, что его, врача, отнесли к «вам, неспециалистам», не собирався так легко отступить.

— Но человек везде несет с собой своих микробов. Кто сказал, что вирус обычного насморка не может в условиях какой-нибудь планеты дать мутацию, которая неожиданно окажется смертоносной? Или грипп. Такое случалось даже на Земле. Помните, в 2755 году...

— Я прекрасно знаю про эпидемию паракори 2755 года, — перебил Родригес. — И про эпидемию гриппа 1918 года, и про Черную Смерть. Но разве такое случалось за последнее время? Пусть это поселение было основано больше столетия назад — но ведь все равно это была не доатомная эпоха. Там были врачи. У них были запасы антибиотиков. В конце концов, они умели вызывать защитные реакции организма. Это не так уж сложно. А кроме того, сюда была послана санитарная экспедиция.

Нови похлопал себя по круглому животу и упрямо сказал:

— Все симптомы указывали на заболевание дыхательной системы: одышка...

— Я все это знаю, но я говорю вам, что это не могло быть инфекционное заболевание. Это невозможно.

— Тогда что же это было?

— Это выходит за пределы моей компетенции. Я могу сказать, что это была не инфекция. Даже мутантная. Это математически невозможно.

Он сделал ударение на слове «математически».

Среди слушателей произошло какое-то движение. Вперед, к Родригесу, проталкивался Марк Аннунцио. Он заговорил — впервые на подобном совещании.

— Математически? — живо переспросил он.

Шеффилд, пустив в ход локти и с полдюжины раз извинившись, протолкался за ним. Родригес, охваченный крайним раздражением, выпятил нижнюю губу:

— А тебе чего от меня надо?

Марк весь съежился, но переспросил, хотя уже без прежней живости:

— Вы сказали, что это математически не может быть инфекция. Я не понял — каким образом... математика...

Он умолк.

— Я высказал свое профессиональное мнение, — официальным, немного напыщенным тоном произнес Родригес и отвернулся. Ставить под вопрос профессиональное мнение было не принято: это могли позволить себе только коллеги по профессии. Во всех остальных случаях это означало подвергнуть сомнению опыт и знания специалиста. Марк знал все это, но он был сотрудником Мнемонической Службы. Все остальные в изумлении застыли, когда он дотронулся до плеча Родригеса и сказал:

— Я знаю, что это ваше профессиональное мнение, но я все-таки хотел бы, чтобы вы его объяснили.

Он не стремился быть навязчивым: он просто констатировал факт.

Родригес резко повернулся к нему.

— Ты хотел бы, чтобы я его объяснил? А кто ты такой, чтобы задавать мне вопросы?

Марка немного смутила горячность, с которой это было сказано, но тут рядом с ним оказался Шеффилд, и к нему снова вернулась смелость, а вместе с ней пришел и гнев. Он не обратил внимания на Шеффилда, который что-то быстро ему зашептал, и громко сказал:

— Я — Марк Аннунчио из Мнемонической Службы, и я задал вам вопрос. Я хочу, чтобы вы объяснили свои слова.

— А я их объяснять не желаю. Шеффилд, будьте добры, уберите отсюда этого молодого психа и уложите его спать. И пусть он потом держится от меня подальше. Сопливый осел!

Последние слова были сказаны как будто про себя, но вполне явственно.

Шеффилд взял Марка за руку, но тот вырвался и завопил:

— Вы — глупец! Нонкомпос! Вы... кретин! Двуногая забывальня! Дырявые мозги! Пустите меня, доктор Шеффилд! Вы ничего не знаете, ничего не помните из тех жалких крох, которые ухитрились выучить! Вы не знаете собственной специальности! Все вы...

— Ради бога, — крикнул Саймон, — Шеффилд, уведите отсюда вашего молодого идиота!

Побагровевший Шеффилд нагнулся к Марку, схватил его в охапку, поднял в воздух и вытащил из комнаты.

За дверью Марк, из глаз которого брызнули слезы, с трудом проговорил:

— Пустите меня. Я хочу слушать... Слушать, что они говорят.

— Тебе не надо туда возвращаться. Прошу тебя, Марк, — ответил Шеффилд.

— Я не буду. Не беспокойтесь. Но...

Он не закончил.

16

В это время в обсерватории измученный Саймон говорил:

— Ладно. Все в порядке. Давайте вернемся к делу. Ну успокойтесь! Я согласен с точкой зрения Родригеса. Она меня вполне удовлетворяет, и я не думаю, что профессиональное мнение Родригеса кто-нибудь еще здесь будет оспаривать.

— Пусть только попробует! — проворчал Родригес. Его глаза горели сдержанной яростью.

Саймон продолжал:

— И так как инфекции бояться не приходится, я разрешаю капитану Фолленби выпустить экипаж из корабля без специальных мер предосторожности. Кажется, задержка отпуска плохо сказывается на настроении людей. Есть у кого-нибудь возражения?

Возражений не было.

— Кроме того, я не вижу причины, почему бы нам не перейти к следующему этапу исследований. Я предлагаю поставить лагерь на месте первого поселения. Я назначаю группу из пяти человек, которая переедет туда. Фоукс — он умеет водить ракету; Нови и Род-

ригес — для обработки биологических данных; Вернадский и я, представители химии и физики. Все существенные данные по специальности остальных будут, конечно, им сообщаться, и мы будем ждать от них помощи в выборе направления работ и так далее. Со временем, возможно, там будут работать все, но пока — только эта маленькая группа. И до особого распоряжения связь между нами и основной группой на корабле будет поддерживаться только по радио. Если выяснится, что причина катастрофы, какова бы она ни была, локализована на месте поселения, вполне достаточно будет потерять пять человек.

— Но колония прежде, чем погибнуть, жила на Малышке несколько лет, — возразил Нови. — Во всяком случае больше года. Может пройти много времени, пока мы убедимся, что опасности нет.

— Мы не колония, — ответил Саймон. — Мы — группа специалистов, которая ищет причину катастрофы. Если ее можно найти, мы ее найдем, а найдя, устраним. И никаких нескольких лет на это нам не потребуется.

17

Марк Аннунчио сидел на койке, охватив руками колено и опустив голову. Глаза его были сухими, но в голосе слышалась горькая обида.

— Они меня не берут, — сказал он, — Они не хотят, чтобы я ехал с ними.

Шеффилд в полной растерянности сидел в кресле напротив юноши.

— Может быть, они возьмут тебя потом.

— Нет, — горячо возразил Марк, — не возьмут. Они меня ненавидят. И потом я хочу ехать сейчас. Я еще никогда не был на другой планете. Тут столько можно увидеть и изучить! Они не имеют права не взять меня, если я хочу.

Шеффилд покачал головой. Мнемонисты были твердо приучены к мысли, что их долг — собирать факты и что никто и ничто не может и не должно их остановить. Может быть, по возвращении на Землю стоит внести предложение — как-то ослаблять это

убеждение внушением. В конце концов время от времени мнемонистам придется жить в реальном мире. Может быть, все больше и больше с каждым поколением, по мере того, как их роль в Галактике будет расти.

В виде опыта он попробовал предостеречь Марка:

— Знаешь, это может быть опасно.

— Неважно. Я должен знать. Я должен узнать все об этой планете. Доктор Шеффилд, пойдите к доктору Саймону и скажите ему, что я поеду.

— Ну, Марк!

— Если вы не хотите, я сам пойду.

Он поднялся с постели, всерьез готовый отправиться немедленно.

— Посмотри, ты же очень возбужден.

Марк стиснул кулаки.

— Это несправедливо, доктор Шеффилд. Эту планету нашел я. Это моя планета!

Шеффилд почувствовал сильные угрызения совести. То, что сказал Марк, отчасти было правдой. Никто, кроме разве что Марка, не знал этого лучше, чем Шеффилд. И никто лучше, чем Шеффилд, опять-таки кроме Марка, не знал историю Малышки.

Только в последние двадцать лет, столкнувшись с проблемой растущего перенаселения старых планет, Конфедерация Планет приступила к систематическому исследованию Галактики. До этого человечество заселяло новые миры наугад. В поисках новых земель и лучших условий жизни мужчины и женщины отправлялись туда, где, по слухам, были пригодные для жизни планеты, или посылали туда разведочные группы добровольцев.

110 лет назад одна такая группа обнаружила Малышку. Они не сделали официального объявления об открытии, потому что не хотели, чтобы за ними последовали полчища земельных спекулянтов, предпринимателей, горнопромышленников и вообще всякого сброда. Спустя несколько месяцев некоторые холостые мужчины добились доставки туда женщин, и некоторое время колония процветала.

Только через год, когда часть людей уже умерла, а большинство остальных были больны или при смер-

ти, они дали сигнал бедствия на ближайшую населенную планету Преторию. Преторианское правительство, которое переживало в этот момент очередной кризис, переслало весть о несчастье секторальному правительству на Альтмарк и сочло себя вправе забыть о нем.

С Альтмарка на Малышку был сразу же выслан санитарный корабль. Он сбросил на планету сыворотки и разные другие медикаменты. Садиться корабль не стал, потому что находившийся на борту врач на расстоянии поставил диагноз — «грипп» — и в своем докладе сильно преуменьшил опасность. По его словам, сброшенные медикаменты должны были прекрасно помочь справиться с болезнью. Вполне возможно, что сесть на планету не позволил экипаж корабля, опасавшийся заразы. Впрочем, об этом в официальном докладе ничего не говорилось.

Три месяца спустя с Малышки пришло последнее сообщение, гласившее, что в живых осталось только десять человек, и те уже умирают. Они умоляли о помощи. Это сообщение было переправлено на Землю вместе с докладом санитарной экспедиции. Но Центральное правительство представляло собой огромный лабиринт, в котором сообщения то и дело терялись, если не находилось какого-нибудь лично заинтересованного человека, достаточно влиятельного, чтобы довести дело до конца. А людей, заинтересованных в судьбе далекой неизвестной планеты, где умирали десять мужчин и женщин, не нашлось.

Сообщение было зарегистрировано и забыто. В течение столетия человеческая нога не ступала по поверхности Малышки.

Потом, когда началась новая шумиха вокруг галактических исследований, сотни кораблей начали там и сям бороздить огромные просторы Галактики. Сообщения об открытии новых планет сначала потекли тонкой струйкой, а потом хлынули потоком. Многие из них принадлежали Хидошеки Макояме, который дважды пролетел через звездное скопление Геркулеса. Во второй раз он и погиб, совершая вынужденную посадку. По субэфиру прилетел его напряженный, полный отчаяния голос, несший последнее

сообщение: «Поверхность быстро приближается; корпус раскаляется докрасна...», и все оборвалось.

Год назад все накопившиеся сведения, обработка которых была уже никому не под силу, ввели в перегруженную вычислительную машину в Вашингтоне. Этому придавалось такое большое значение, что ждать очереди пришлось всего пять месяцев. Машине был задан вопрос о планетах, пригодных для жизни, и Малышка возглавила список.

Шеффилд помнил, какой восторг это вызвало. Звездная система Лагранжа была разрекламирована на всю Галактику, а один толковый молодой служащий Бюро по делам периферии, понимавший необходимость дружеской теплоты в отношении людей к планете, придумал название — «Малышка». Преимущества Малышки были стократно преувеличены. О ее плодородии, климате («вечная весна Новой Англии») и, прежде всего, о ее великом будущем шумели повсюду. «В течение миллиона лет, — кричала реклама, — Малышка будет становиться все богаче. В то время как все планеты стареют, Малышка будет молодеть по мере того, как будут отступать ледники, освобождая новые просторы суши. Всегда — новые земли; всегда — непочатые природные ресурсы!»

В течение миллиона лет!

Это был шедевр Бюро. Это должно было стать успешным началом правительственной программы колонизации. С этого наконец-то должно было начаться научное освоение Галактики на благо человечества.

И тут появился Марк Аннунчио. Он многое слышал обо всем этом и, как любой простой землянин, был потрясен открывающимися перспективами. Но однажды он припомнил кое-что такое, что он видел, лениво перелистывая архивные дела Бюро по делам периферии. Это был доклад санитарной экспедиции, посвященный одной планете в одной звездной системе, местонахождение и описание которой в точности совпадало с местонахождением и описанием группы Лагранжа.

Шеффилд прекрасно помнил тот день, когда Марк пришел к нему с этой новостью.

Он помнил и выражение лица государственного

секретаря по делам периферии, когда эту новость сообщили ему. Он видел, как квадратная челюсть секретаря медленно отвисла, а его глаза наполнились бесконечным испугом.

Это касалось правительства! Оно собиралось отправить на Малышку миллионы людей. Оно обещало предоставлять земельные участки и ссуды на обзаведение посевным фондом, сельскохозяйственными машинами и промышленным оборудованием. Малышка должна была стать для многочисленных избирателей обетованной землей, а для остальных — воплощением мечты о новых обетованных землях.

Если по какой-нибудь причине Малышка окажется опасной для жизни, это будет означать политическое самоубийство для всех лиц в правительстве, так или иначе связанных с этим проектом. А это были немалые фигуры, помимо секретаря по делам периферии.

После нескольких дней колебаний секретарь сказал Шеффилду:

— Похоже, придется выяснить, что случилось, и как-нибудь использовать это в пропаганде. Как вы думаете, сможем мы это нейтрализовать?

— Если то, что случилось, не слишком ужасно.

— Но ведь этого не может быть? Что там могло случиться?

На лице секретаря было написано отчаяние.

Шеффилд пожал плечами.

Секретарь сказал:

— Послушайте, мы можем послать на эту планету корабль со специалистами. Конечно, добровольцев, и таких, на которых можно положиться. Мы задержим дела здесь и протянем до их возвращения. Как вы думаете, выйдет из этого что-нибудь?

Шеффилд не был в этом уверен, но ему внезапно представилось, как он летит в эту экспедицию и берет с собой Марка. Он мог бы изучить поведение мнемониста в необычной обстановке, а если благодаря Марку тайна будет раскрыта...

Что там скрывается какая-то тайна, предполагалось с самого начала. В конце концов от гриппа не умирают. А санитарный корабль не садился на планету и не мог сообщить, что там происходило на

самом деле. Счастье корабельного врача, что он умер 37 лет назад, иначе теперь ему не миновать бы трибунала.

Так вот, если Марк поможет раскрыть тайну, это послужит небывалому укреплению Мнемонической Службы. Она заслужит благодарность правительства...

Но теперь...

Шеффилд подумал: а знает ли Саймон, как всплыло дело о первом поселении? В том, что этого не знает никто из экипажа, Шеффилд был уверен. Бюро не стало бы кричать об этом на каждом перекрестке.

Но воспользоваться этой историей, чтобы вырвать уступку у Саймона, было бы неразумно. Если всем станет известно, как Марк исправил ошибку Бюро («глупость», как это, несомненно, назовет оппозиция), Бюро попадет в неудобное положение, А оно может не только отблагодарить, но и отомстить. Не стоило рисковать навлечь на Мнемоническую Службу месть Бюро.

Впрочем...

Шеффилд принял решение и встал.

— Ладно, Марк. Я добьюсь, чтобы тебя взяли на место первого поселения. Я добьюсь, чтобы взяли нас обоих. А пока сиди тут и жди меня. Обещай, что ты ничего не будешь предпринимать сам.

— Ладно, — ответил Марк и снова уселся на койку.

18

— Ну, что у вас, доктор Шеффилд? — спросил Саймон. Астрофизик сидел за столом, на котором аккуратные стопки бумаг и микрофильмов окружали маленький интегратор Макфрида, и смотрел на вошедшего Шеффилда.

Шеффилд небрежно присел на тщательно застеленную койку Саймона. Он заметил недовольный взгляд астрофизика, но не смутился.

— Я не согласен с вашим выбором людей для работы на месте поселения. Получается, что вы отобрали двоих представителей точных наук и троих биологов, верно?

— Да.

— И вы думаете, что охватили все?

— О, господи! Вы хотите что-нибудь предложить?
— Я хотел бы отправиться сам.
— Зачем?
— У вас некому будет заниматься наукой о человеческой психике.

— О человеческой психике? Великий космос! Доктор Шеффилд, посылать туда даже пять человек — уже большой риск. В сущности, доктор, вы и ваш... хм... подопечный были включены в научный персонал экспедиции по распоряжению Бюро по делам периферии без всякого согласования со мной. Я буду говорить прямо: если бы спросили меня, я высказался бы против. Я не вижу, чем наука о человеческой психике может помочь в таком исследовании. Очень жаль, что Бюро пожелало провести в подобной обстановке эксперимент с мнемонистом. Мы не можем допустить таких сцен, как только что с Родригесом.

Шеффилду стало ясно: Саймон не знает о том, какое отношение имел Марк к самому решению послать эту экспедицию. Он сел прямо, уперся руками в колени, выставив локти в стороны, и напустил на себя ледяную официальность.

— Итак, вы, доктор Саймон, не видите, чем наука о человеческой психике может помочь в таком исследовании? А что, если я скажу вам, что гибель первого поселения можно объяснить очень просто на основе психологии?

— Это меня не убедит. Психолог все, что угодно, может объяснить, но ничего не может доказать.

Саймон ухмыльнулся, довольный только что придуманным афоризмом. Шеффилд пропустил его мимо ушей и продолжал:

— Позвольте мне высказаться несколько подробнее. Чем Малышка отличается от всех 83 тысяч населенных планет?

— Мы еще не располагаем полной информацией. Я не могу этого сказать.

— Бросьте. Вся необходимая информация была у вас еще до того, как мы отправились сюда. У Малышки — два солнца.

— Ну конечно.

На лице астрфизика отразилось какое-то едва заметное смущение.

— И цветных солнца, заметьте. Цветных. Знаете, что это значит? Это значит, что человек, например вы или я, стоя в свете обоих солнц, отбрасывает две тени — зелено-голубую и красно-оранжевую. Длина каждой, естественно, меняется в зависимости от времени суток. Вы изучили распределение цветов в этих тенях? Как это у вас называется — спектры отражения?

— Я думаю, — высокомерно произнес Саймон, — что они будут такими же, как спектры испускания солнц. Что вы хотите этим сказать?

— Надо было посмотреть. Может быть, некоторые длины волн поглощаются атмосферой? Или растительностью? А луна Малышки — Сестренка? Я следил за ней последние несколько ночей. Она тоже цветная, и цвета меняют свое расположение.

— Ну конечно же, черт возьми. Она проходит два независимых цикла фаз — от каждого солнца.

— Вы и ее спектр отражения не исследовали, верно?

— Где-то он есть. Это не представляет интереса. А почему это интересует вас?

— Дорогой доктор Саймон, это давно установленный психологией факт — сочетание красных и зеленых цветов оказывает вредное влияние на психическую устойчивость. Здесь перед нами случай, где неизбежна, как мы говорим, красно-зеленая хромопсихическая ситуация, да еще при таких обстоятельствах, которые представляются человеку в высшей степени противоестественными. Вполне возможно, что хромопсихоз может в этих условиях развиваться в летальную стадию, когда он вызывает гипертрофию троичных фолликул с последующей церебральной кататонией.

Саймон был совершенно сражен. Он пробормотал:

— Никогда ни о чем подобно не слышал.

— Конечно нет, — ответил Шеффилд (теперь настала его очередь быть высокомерным). — Вы не психолог. Не собираетесь же вы усомниться в моем профессиональном мнении?

— Разумеется, нет. Но из последних сообщений

колонии ясно, что они умирали от чего-то вроде дыхательного расстройства.

— Верно, но Родригес это отрицает, а вы соглашаетесь с его профессиональным мнением.

— Я не говорил, что это дыхательное расстройство. Я сказал — что-то вроде. А при чем здесь ваш красно-зеленый хромо- как его бишь?

Шеффилд покачал головой.

— У вас, неспециалистов, всегда бывают неправильные представления. Если имеется какое-то физическое явление, это еще не значит, что оно не может иметь психологической причины. Самый убедительный довод в пользу моей теории — то, что хромопсихоз, как известно, проявляется сперва как психогенное дыхательное расстройство. Я полагаю, вы не знакомы с психогенными заболеваниями?

— Нет. Это за пределами моей компетенции.

— Да, пожалуй. Так вот, мои расчеты показывают, что при повышенном содержании кислорода на этой планете психогенное дыхательное расстройство не только неизбежно, но и должно проходить особенно остро. К примеру, вы наблюдали луну... то есть Сестренку в последние ночи?

— Да, я наблюдал Илион, — даже сейчас Саймон не забыл официального названия Сестренки.

— Вы подолгу, внимательно разглядывали ее? При большом увеличении?

— Да.

Саймону явно становилось не по себе.

— Ага, — ответил Шеффилд. — Так вот, цвета луны в последние несколько ночей были особенно опасны. Вы не могли не ощутить, что у вас слегка воспалена слизистая оболочка носа и слегка зудит в горле. Боли пока еще, вероятно, нет. Вы, наверное, кашляете, чихаете? Вам что-то чуть мешает глотать?

— Пожалуй, я...

Саймон проглотил слюну и сделал глубокий вдох. Потом он вскочил с искаженным лицом, стиснув кулаки:

— Клянусь великой Галактикой, Шеффилд, вы не имели права об этом молчать! Я все это чувствую. Что теперь делать, Шеффилд! Это ведь излечимо? Про-

клятье, Шеффилд, — он сорвался на крик, — почему вы не сказали этого раньше?!

— Потому что в том, что я сказал, — спокойно ответил Шеффилд, — нет ни слова правды. Ни единого слова. Цвет никому не приносит вреда. Сядьте, доктор Саймон. У вас довольно глупый вид.

— Вы сказали, — произнес ничего не понимающий Саймон, начиная задыхаться, — вы сказали, что это ваше профессиональное мнение...

— Мое профессиональное мнение! Господи, Саймон, почему профессиональное мнение производит такое магическое действие? Человек может солгать или же просто чего-то не знать, даже в своей области. Специалист может ошибиться из-за незнания смежных дисциплин. Он может быть убежден в своей правоте и все-таки ошибаться. Взять хотя бы вас. Вы знаете, как устроена вся Вселенная, а я ничего не знаю, если не считать того, что звезды иногда мерцают, а световой год — это что-то очень длинное. И все равно вы благополучно проглотили такую чушь, которая утомила бы со смеху любого психолога-первокурсника. Не думаете ли вы, Саймон, что нам пора поменьше заботиться о профессиональных мнениях и побольше — о всеобщей координации действий?

Кровь медленно отливала от лица Саймона, пока оно не стало белым, как воск. Дрожащими губами он прошептал:

— Под прикрытием профессионального мнения вы хотели меня одурачить!

— Примерно так, — ответил Шеффилд.

— Никогда еще, никогда я не... — Саймон осекся и продолжал: — Никогда не видел ничего столь гнусного и неэтичного.

— Я хотел доказать вам, что я прав.

— О, вы доказали. Вы все доказали, — Саймон понемногу приходил в себя, и его голос уже приближался к обычному. — Вы хотите, чтобы я взял с собой вашего мальчишку.

— Верно.

— Нет. Нет и еще раз нет. Такой ответ был бы до того, как вы вошли сюда, а теперь — тысячу раз нет.

— Но почему? Я хочу сказать — почему еще до того, как я сюда вошел?

— Он психически болен. Его нельзя держать вместе с нормальными людьми.

Шеффилд мрачно возразил:

— Я бы попросил вас не говорить о психических болезнях. Вы для этого недостаточно компетентны. Если уж вы так строго соблюдаете профессиональную этику, будьте добры не вторгаться в мою область в моем присутствии. Марк Аннунчио совершенно нормален.

— После этой сцены с Родригесом? Ого! Как бы не так!

— Марк имел право задать вопрос. Это его работа и его долг. Родригес не имел права хамить.

— С вашего разрешения, я должен считаться прежде всего с Родригесом.

— Почему? Марк Аннунчио знает больше Родригеса. Уж если на то пошло, он знает больше нас с вами. Что вам нужно — привезти на Землю толковый доклад или удовлетворить свое мелочное самолюбие?

— Вы говорите, что ваш мальчишка много знает. Это ничего не значит. Я согласен, что он — прекрасный попугай. Но он ничего не понимает. Мой долг — обеспечить ему доступ ко всем данным, потому что меня обязало Бюро. Они меня не спросили, но хорошо, я согласен пойти навстречу. Он получит все данные — здесь, на корабле.

— Это несправедливо, Саймон, — возразил Шеффилд. — Он должен выехать на место. Он может увидеть такое, чего не заметят ваши драгоценные специалисты.

Ледяным тоном Саймон ответил:

— Очень может быть. Тем не менее, Шеффилд, я отказываю. И нет таких доводов, которые могли бы меня переубедить.

Даже нос у астрофизика побелел от сдерживаемой ярости.

— Потому что я вас одурачил?

— Потому что вы нарушили самый святой долг специалиста. Ни один уважающий себя специалист не

употребит во зло незнание другого специалиста в своей области.

— Значит, я вас одурачил.

Саймон отвернулся.

— Я прошу вас уйти. Впредь до конца экспедиции мы с вами будем общаться только по самым необходимым делам.

— Но если я уйду, — ответил Шеффилд, — об этом могут услышать остальные.

Саймон вздрогнул.

— Вы расскажете об этом?

На его губах мелькнула холодная, презрительная усмешка.

— Вы только покажете всем, какой вы негодяй.

— О, сомневаюсь, чтобы они приняли это всерьез. Все знают, что психологи непрочь пошутить. И потом, им будет не до того — так они будут смеяться над вами. Представляете — такой величественный доктор Саймон поверил, что у него болит горлышко, и взмолился о помощи, наслушавшись всякой таинственной чепухи!

— Кто вам поверит? — вскричал Саймон.

Шеффилд поднял правую руку. Между большим и указательным пальцами он держал маленький прямоугольный предмет, утыканный кнопками.

— Карманный магнитофон, — сказал он и тронул одну из кнопок. Голос Саймона произнес:

«Ну, что у вас, доктор Шеффилд?»

Голос звучал напыщенно, властно и самодовольно.

— Дайте!

Саймон бросился на долговязого психолога. Шеффилд оттолкнул его.

— Не прибегайте к насилию, Саймон. Я не так уж давно занимался борьбой. Послушайте, я предлагаю вам сделку.

Саймон все еще рвался к нему, кипя яростью и забыв о собственном достоинстве. Шеффилд, медленно отступая, удерживал его на расстоянии вытянутой руки.

— Разрешите нам с Марком лететь, и никто никогда об этом не услышит.

Саймон понемногу приходил в себя.

— Тогда вы мне это отдадите? — задыхаясь, с трудом выговорил он.

— Обещаю, что отдам — и после того, как мы с Марком будем на месте поселения.

— Я должен поверить на слово вам? — Саймон постарался вложить в свои слова как можно больше презрения.

— А почему бы и нет? Во всякое случае можете поверить, что я наверняка расскажу обо всем, если вы не согласитесь. И первым это услышит Вернадский. Он будет в восторге. Вы знаете, какое у него чувство юмора.

— Можете лететь, — произнес Саймон чуть слышно. Потом он энергично добавил: — Но запомните, Шеффилд. Когда мы вернемся на Землю, вы будете отвечать перед Центральным комитетом ГАРН. Я вам это обещаю. Вас лишат всех званий...

— Я не боюсь Галактической Ассоциации Развития Науки, — раздельно произнес Шеффилд. — В конце концов в чем вы меня обвините? Не собираетесь же вы воспроизвести эту запись перед Центральным комитетом в качестве доказательства? Ну, ну, не сердитесь. Не хотите же вы, чтобы о вашей... хм... ошибке услышали самые надутые индюки на всех восьмидесяти трех тысячах планетах?

Он с ласковой улыбкой отступил за дверь.

Но закрыв дверь за собой, он перестал улыбаться. Жаль, что пришлось это сделать. Стоило ли дело того, чтобы нажить себе такого врага?

19

Недалеко от места первого поселения выросло семь палаток. Все они были видны с невысокого холма, на котором стоял Невил Фоукс. Люди жили здесь уже семь дней.

Фоукс взглянул на небо. Над головой нависли густые дождевые тучи. Очень хорошо. Когда эти тучи закрывают оба солнца, все предметы, освещенные рассеянным серовато-белым светом, выглядят почти нормально.

Дул свежий, влажный ветерок — совсем как в

Вермонте в апреле. Фоукс был родом из Новой Англии, и это сходство было ему приятно. Через 4–5 часов Лагранж-1 зайдет, и тучи побагровеют, а ландшафт станет тусклым и мрачным. Но Фоукс рассчитывал к этому времени вернуться в палатку.

Так близко к экватору и так прохладно! Ну, это через несколько тысяч лет изменится. По мере отступления ледников воздух будет согреваться, земля — подсыхать. Появятся джунгли и пустыни. Уровень воды в океанах поползет вверх, поглощая бесчисленные острова. Долины двух больших рек превратятся во внутренние моря, и форма единственного материка Малышки изменится, а может быть, он разделится на несколько маленьких.

Интересно, будет ли затоплено место поселения, подумал он. Вероятно, будет. Может быть, тогда над ним уже не будет тяготеть проклятье.

Он понимал, почему Конфедерации так позарез понадобилось раскрыть тайну этого первого поселения. Даже если бы дело было просто в заболевании, это нужно было доказать. Иначе кто осмелится поселиться на этой планете? «Ловушки для простаков» вызывали суеверный страх не только у космонавтов.

Да и сам он... Впрочем, его первое посещение этого места прошло благополучно, хоть он и рад был оставить позади этот дождь и мрак. Возвращаться сюда во второй раз было куда хуже. Ему не давала спать мысль о том, что его окружает тысяча загадочных смертей, от которых его отделяло только неосязаемое время.

Нови с профессиональным хладнокровием врача раскопал истлевшие останки десятка первых поселенцев. Фоукс отказался взглянуть на них. Он сказал, что по этим истлевшим костям ничего нельзя определить.

— Кажется, есть какие-то ненормальности в отложении костной ткани, — сказал он, но после допроса с пристрастием признал, что замеченные им признаки могли быть вызваны и столетним пребыванием костей в сырой почве.

Перед глазами Фоукса снова встала картина, преследовавшая его даже наяву. Ему виделась неуловимая раса разумных подземных жителей, которые сто

лет назад, никем не замеченные, посетили это первое поселение. Он представил себе, как они готовили бактериологическую войну, как они в своих лабораториях под корнями деревьев выращивали грибки и споры в поисках разновидности, которая жила бы в человеческом организме. Может быть, для своих экспериментов они похищали детей. А когда они нашли то, что искали, споры ядовитыми тучами бесшумно поплыли над поселением...

Фоукс знал, что все это — плод его фантазии. Он придумал все это в часы бессонницы, охваченный непонятной тревогой. Но когда он оставался один в лесу, он не раз резко оборачивался в ужасе, чувствуя на себе пристальный взгляд чьих-то глаз, скрывавшихся в сумрачной тени деревьев.

Поглощенный этими мыслями, Фоукс по привычке ботаника оглядывал окружающую его растительность. Он нарочно пошел новой дорогой, но и здесь увидел все то же самое. Леса на Малышке были редкими и лишенными подлеска. Никакого препятствия для передвижения они не представляли. Деревья были невысоки, редко выше трех метров, хотя по толщине ствола почти не уступали земным.

Фоукс составил приблизительную схему классификации растительного мира Малышки. При этом ему не раз приходило в голову, что он, возможно, закладывает этой работой фундамент собственного бессмертия.

Например, там росло «штыковое дерево». Его громадные белые цветы привлекали каких-то насекомоподобных существ, которые строили в них свои крохотные гнезда. Потом, по какому-то совершенно непонятному Фоуксу сигналу или импульсу, все цветы того или иного дерева за ночь выбрасывали по сверкающему белому пестику в два фута длиной. Казалось, дерево внезапно ошетинилось штыками. На следующий день цветок опылялся, и его лепестки смыкались, закрывая собой и пестик, и насекомых. Первый исследователь Макояма назвал это дерево «штыковым», но Фоукс взял на себя смелость переименовать его в «Мигранию фоуксии».

У всех деревьев была одна общая черта. Их древе-

сина была невероятно крепкой. Биохимикам еще предстояло определить физическое состояние содержащихся в ней молекул клетчатки, а биофизикам — выяснить, как сквозь эту непроницаемую ткань может транспортироваться вода. Фоукс же по своему опыту знал, что сорванные цветы ломаются, как стекло, а ветки с трудом удается согнуть и совершенно невозможно сломать. Его перочинный нож затупился, не оставив на дереве даже царапины. Чтобы расчистить поля, первым поселенцам, очевидно, приходилось выкапывать деревья вместе с корнями.

Животных в здешних лесах по сравнению с Землей почти не было. Возможно, они погибли во время ледникового периода.

У всех насекомоподобных существ было по два крыла — маленьких пушистых перепонки. Летали они бесшумно. Кровососущих насекомых здесь, очевидно, не было.

Единственным представителем животного мира, который попался на глаза экспедиции, было внезапно появившееся однажды над лагерем крупное крылатое создание. Чтобы разглядеть его форму, пришлось прибегнуть к моментальной фотографии: зверь, очевидно, охваченный любопытством, с огромной скоростью снова и снова проносился над самыми палатками. Это было четырехкрылое существо. Передние крылья, заканчивавшиеся мощными когтями, представляли собой почти голые перепонки и, очевидно, служили для планирующего полета. Задняя пара крыльев, покрытых пухом, похожим на шерсть, совершала быстрые взмахи. Родригес предложил назвать это существо «тетраптерусом».

Фоукс отвлекся от своих воспоминаний, чтобы разглядеть траву новой разновидности, которая ему еще не попадалась. Трава росла тесными кустиками; каждый стебель вверху разветвлялся на три отростка. Фоукс вынул лупу и осторожно потрогал пальцем один из стеблей. Как и остальная трава на Малышке, она была...

И тут он услышал позади себя шорох. Ошибки быть не могло. Какое-то мгновение он внимательно вслушивался, но биение собственного сердца заглуша-

ло все остальные звуки. Тогда он резко обернулся. Тень, похожая на человеческую, метнулась за дерево.

У Фоукса захватило дыхание. Он потянулся к кобуре, но его рука двигалась как будто сквозь густую патоку.

Значит, его фантазии вовсе не были фантазиями? Значит, Малышка все-таки обитаема?

Преодолев оцепенение, Фоукс укрылся за другим деревом. Отступить он не мог. Он знал, что будет не в силах сказать остальным: «Я видел что-то живое. Возможно, это и была разгадка. Но я испугался и позволил ей скрыться».

Придется попытаться что-нибудь предпринять.

Позади того дерева, где пряталось неизвестное существо, стояло «кубковое дерево». Оно цвело — белокремовые цветы были обращены вверх в ожидании надвигавшегося дождя. Вдруг раздался слабый звон сломанного цветка, и кремовые лепестки, вздрогнув, повернулись вниз.

Значит, ему не показалось. За деревом кто-то был.

Фоукс перевел дух и выскочил из-за своего укрытия, держа перед собой лучевой пистолет, готовый стрелять при первом же намеке на опасность.

Но его окликнул голос:

— Не стреляйте. Это я.

Из-за дерева выглянула перепуганная, но несомненно человеческая физиономия. Это был Марк Аннунчио.

Фоукс застыл на месте и уставился на него. Наконец он смог хрипло проговорить:

— Что ты тут делаешь?

— Я шел за вами, — ответил Марк, не отрывая взгляда от пистолета.

— Зачем?

— Посмотреть, что вы делаете. Мне было интересно, что вы найдете. Я думал, если вы меня увидите, то прогоните назад.

Фоукс вспомнил, что все еще держит пистолет, и спрятал его в кобуру. Это удалось ему только с третьей попытки.

Упали первые крупные капли дождя. Фоукс грубо сказал:

— Чтобы никто об этом не узнал!

Он бросил враждебный взгляд на юношу, и они молча, держась поодаль друг от друга, направились к лагерю.

20

Некоторое время спустя к семи палаткам прибавился сборный домик, поставленный в центре лагеря. Как-то вся группа собралась в нем вокруг длинного стола.

Приближался торжественный момент, хотя все почему-то притихли. Командовал парадом Вернадский, который в студенческие годы научился сам себе готовить еду. Сняв с высокочастотного подогревателя какое-то дымящееся варево, он объявил:

— Кому калорий?

Еда была щедро разложена по тарелкам.

— Пахнет очень хорошо, — неуверенно заметил Нови.

Он поднял на вилке кусок мяса. Оно было лилового цвета и, несмотря на то, что долго варилось, оставалось жестким. Окружающая его мелко нарезанная зелень выглядела помягче, но казалась еще менее съедобной.

— Ну, — сказал Вернадский, — ешьте! Уплетайте за обе щеки! Я пробовал — вкусно.

Она набил рот мясом и долго жевал.

— Жестковато, но вкусно.

— Не исключено, что мы от этого умрем, — мрачно сказал Фоукс.

— Ерунда, — ответил Вернадский. — Крысы питались им две недели.

— Две недели — не так уж много, — возразил Нови.

— Ну ладно, была не была, — решил Родригес. — Послушайте, и в самом деле вкусно!

Немного погодя с ним согласились все. До сих пор все живые организмы Малышки, которые можно было есть, оказывались вкусными. Зерно было почти невозможно измолоть в муку, но когда это удавалось, можно было испечь богатый белком хлеб. Несколько

таких хлебов и сейчас стояло на столе. Они были темного цвета и тяжеловаты, но вовсе не плохи.

Фоукс, изучив растительность Малышки, пришел к выводу, что при должном орошении и правильном посеве один акр поверхности планеты сможет прокормить в десять раз больше скота, чем акр земной альфальфы. Это произвело большое впечатление на Шеффилда, который тут же назвал Малышку житницей сотни планет. Однако Фоукс только пожал плечами.

— Ловушка для простаков, — сказал он.

Неделей раньше вся группа была сильно встревожена: хомяки и белые мыши неожиданно отказались есть некоторые новые виды травы, только что принесенные Фоуксом. Когда небольшие количества этих трав начали подмешивать в их обычный рацион, животные стали погибать.

Разгадка тайны?

Не совсем. Через несколько часов вошел Вернадский и заявил:

— Медь, свинец, ртуть.

— Что? — переспросил Саймон.

— В этих растениях. Они содержат много тяжелых металлов. Возможно, это эволюционное защитное приспособление, чтобы их не ели.

— Значит, первые поселенцы... — начал Саймон.

— Нет, этого не может быть. Большинство растений совершенно безвредно. Только эти, а их никто есть не станет.

— Откуда вы знаете?

— Не стали же их есть крысы.

— То крысы...

Только этого Вернадский и ждал. Он торжественно произнес:

— Вы видите перед собой скромного мученика науки. Я их попробовал.

— Что? — вскричал Нови.

— Только лизнул, не беспокойтесь, Нови. Я — из осторожных мучеников. В общем, они горькие, как стрихнин. Да и как же иначе? Если растение набирается свинца только для того, чтобы его не съело животное, и если животное узнает об этом только

когда умрет, то какой растению от этого толк? Горечь дает сигнал опасности. А тех, кто им пренебрегает, ждет наказание.

— А кроме того, — добавил Нови, — первые поселенцы погибли не от отравления тяжелыми металлами. Симптомы были совсем другие.

Эти симптомы прекрасно знали все. Кое-кто — в популярном изложении, остальные — более подробно. Затрудненное, болезненное дыхание, и чем дальше — тем хуже. К этому сводилось все.

Фоукс отложил вилку.

— Постойте, а что если в этой еде есть какой-нибудь алкалоид, который парализует дыхательные мышцы?

— У крыс тоже есть дыхательные мышцы, — ответил Вернадский. — Их она не убила.

— А может быть, он накапливается?

— Ладно, ладно. Если почувствуете, что вам больно дышать, перейдите на обычный корабельный рацион — возможно, он вам поможет. Только берегитесь самовнушения.

— Это по моей части, — проворчал Шеффилд, — насчет этого не беспокойтесь.

Фоукс тяжело вздохнул и мрачно положил в рот кусок мяса.

Марк Аннунчио сидел на дальнем конце стола. Он ел медленнее, чем другие, и все вспоминал монографию Норриса Вайнограда «Вкус и обоняние». Вайноград разработал классификацию вкусов и запахов на основе механизма ингибирования ферментативных реакций во вкусовых сосочках. Аннунчио толком не знал, что это значит, но помнил все обозначения, характеристики и определения. К тому времени, когда он доел свою порцию, он определил вкус мяса, отнеся его одновременно к трем подклассам. Его челюсти слегка ныли от напряженного жевания.

Приближался вечер. Лагранж-1 стоял уже низко над горизонтом. День выдался ясный, теплый, и Борис Вернадский был им доволен. Он сделал кое-какие интересные измерения, а его яркий свитер причудливо

менял свои цвета от часа к часу по мере того, как солнца передвигались по небосводу.

Сейчас Вернадский отбрасывал длинную красную тень, и только нижняя ее треть, совпадавшая с тенью от Лагранжа-II, была серой. Он протянул руку, и от нее упали две тени — нечеткая оранжевая футах в 15 от него и более густая голубая в той же стороне, но футах в пяти.

Все это так ему нравилось, что у него не вызвало никакого неприятного чувства даже появление поодаль Марка Аннунчио. Вернадский отставил в сторону свой нуклеометр и помахал рукой:

— Иди сюда!

Юноша робко приблизился.

— Здравствуйте.

— Тебе чего-нибудь надо?

— Я... я просто смотрел.

— А! Ну смотри. Знаешь, что я делаю?

Марк замотал головой.

— Это нуклеометр, — сказал Вернадский. — Его втыкают в землю, вот так. У него наверху — генератор силового поля, так что его можно воткнуть в любой камень.

Продолжая говорить, он нажал на нуклеометр, и тот на два фута погрузился в выход каменной породы.

— Видишь?

У Марка заблестели глаза, и это доставило Вернадскому удовольствие. Он продолжал:

— По бокам его стержня есть микроскопические атомные устройства, каждое из которых испаряет около миллиона молекул окружающей породы и разлагает их на атомы. Потом атомы разделяются по массе и заряду ядер, и результаты можно прямо считать вот с этих шкал наверху. Понимаешь?

— Не очень. Но это полезно знать.

Вернадский улыбнулся и сказал:

— Мы получаем содержание различных элементов в коре. На всех водно-кислородных планетах эти цифры примерно одинаковы.

Марк серьезно сказал:

— Из тех планет, которые я знаю, больше всего кремния содержит Лепта — 32,765%. В составе Земли его только 24,862%. По весу.

Улыбка застыла на лице Вернадского. Он сухо спросил:

— Слушай, парень, ты знаешь такие цифры для всех планет?

— Нет, это невозможно. По-моему, они еще не все исследованы. В «Справочнике по коре планет» Бишуна и Спенглю есть данные только для 21 854 планет. Их я, конечно, знаю все.

Обескураженный Вернадский продолжал:

— А на Малышке элементы распределены еще более равномерно, чем обычно. Кислорода мало — по моим данным, в среднем каких-нибудь 42,113%. Кремния тоже мало — 22,722%. Тяжелых металлов в 10–100 раз больше, чем на Земле. И это не местное явление: общая плотность Малышки на 5% выше земной.

Вернадский и сам не знал, зачем он все это говорит мальчишке. Отчасти потому, что всегда приятно иметь внимательного слушателя. Когда не с кем поговорить о своей профессии, иногда становится одиноко и грустно. Он продолжал, начиная получать удовольствие от своей лекции:

— С другой стороны, легкие элементы распределены тоже более равномерно. В составе океанов здесь не преобладает хлористый натрий, как на Земле, а довольно много магниевых солей. А литий, бериллий и бор? Они легче углерода, но на Земле и на всех других планетах встречаются очень редко. А на Малышке их много. Все эти три элемента составляют около 0,4% коры, а на Земле — только 0,004%.

Марк дотронулся до его рукава.

— А есть у вас список всех элементов с их содержанием в коре? Можно его посмотреть?

— Пожалуйста.

Вернадский вынул из заднего кармана брюк сложенную бумажку, протянул ее Марку и сказал, усмехнувшись:

— Только не публикуй эти цифры раньше меня.

Марк бросил взгляд на листок и протянул его Вернадскому.

— Ты уже? — удивленно спросил тот.

— Да, — задумчиво ответил Марк. — Теперь я помню их все.

Он повернулся и пошел прочь, не попрощавшись.

Вернадский поглядел ему вслед, пожал плечами, вытащил из земли свой нуклеометр и зашагал в сторону лагеря.

22

Шеффилд был более или менее доволен. Марк вел себя даже лучше, чем он ожидал. Правда, он почти не разговаривал, но это было не так важно. Во всяком случае, он проявлял интерес к окружающему и не тосковал. И не устраивал никаких сцен.

Шеффилд узнал от Вернадского, что накануне вечером Марк вполне нормально, без всякого крика побеседовал с ним о составе планетной коры. Вернадский со смехом сообщил, что Марк знает состав коры двадцати тысяч планет и что когда-нибудь он заставит парня сказать наизусть все цифры, просто чтобы посмотреть, сколько времени это займет.

Сам Марк об этом ничего Шеффилду не говорил. Все утро он просидел в палатке. Шеффилд заглянул к нему, увидел, что он сидит на койке, уставившись на свои ноги, и оставил его в покое.

Шеффилд чувствовал, что он сам нуждается в какой-нибудь оригинальной идее. На самом деле оригинальной.

До сих пор они ничего не добились. Ничего — за целый месяц. Родригес и слышать не хотел ни о какой инфекции. Вернадский совершенно не допускал мысли о пищевом отравлении. Нови яростно тряс головой при всяком упоминании о нарушениях обмена веществ. «Где доказательства?» — говорил он.

Все сводилось к тому, что любая физическая причина смерти исключалась на основании мнения специалиста. Но мужчины, женщины и дети умерли. Какая-то причина должна была существовать. Может быть, психологическая?

Еще на корабле Шеффилд воспользовался этим, чтобы разыграть Саймона. Но теперь ему было не до

шуток. Может быть, что-то заставило поселенцев совершить самоубийство? Но что? Человечество колонизировало десятки тысяч планет, и это никак не сказалось на его психической устойчивости. Самоубийства и психозы были больше распространены на самой Земле, чем в любом другом месте Галактики.

Кроме того, колония отчаянно взывала о медицинской помощи. Люди не хотели умирать.

Умственное расстройство? Что-нибудь такое, что было свойственно только этой группе людей? Достаточно сильное, чтобы вызвать смерть тысячи человек? Мало вероятно. И потом как об этом узнать? Место поселения было тщательно обыскано, но ни пленок, ни записей, даже самых отрывочных, найти не удалось.

За столетие влага сделала свое дело.

Шеффилд чувствовал, что почва уходит у него из-под ног. Он был беспомощен. У других, по крайней мере, были данные, с которыми можно было работать. У него не было ничего.

Он снова оказался у палатки Марка и машинально заглянул внутрь. Палатка была пуста. Он огляделся и заметил Марка, направлявшегося в лес. Шеффилд закричал ему вслед:

— Марк! Подожди меня!

Марк остановился, потом как будто хотел двинуться дальше, передумал и дал Шеффилду себя догнать.

— Куда ты собрался? — спросил Шеффилд. Даже пробежавшись, он не запыхался, — так богата кислородом была атмосфера Малышки.

— К ракете, — нехотя ответил Марк.

— Да?

— Мне до сих пор не довелось ее как следует разглядеть.

— Но ты же имел такую возможность, — заметил Шеффилд. — Когда мы летели сюда, ты не отходил от Фоукса.

— Это совсем не то, — возразил Марк. — Там было много народа. Я хочу посмотреть ее один.

Шеффилд забеспокоился. Парень на что-то сердится. Лучше пойти с ним и выяснить, в чем дело. Он сказал:

— Пожалуй, и я бы непрочь поглядеть ракету. Не возражаешь, если я пойду с тобой?

Марк заколебался, потом сказал:

— Ну... Ладно. Если вам так хочется.

Приглашение прозвучало не совсем вежливо.

Шеффилд спросил:

— Что это ты несешь, Марк?

— Палку. Я срезал ее на случай, если кто-нибудь вздумает меня остановить.

Он взмахнул палкой так, что она со свистом прорезала плотный воздух.

— Зачем кому-то тебя останавливать, Марк? Я бы ее выбросил. Она тяжелая и твердая. Ты можешь кого-нибудь поранить.

Но Марк шагал вперед.

— Не выброшу.

Шеффилд подумал и решил пока воздержаться от ссоры. Сначала лучше выяснить причину этой враждебности.

— Ну как хочешь, — сказал он.

Ракета лежала на поляне. Ее светлая металлическая поверхность сверкала зелеными отблесками: Лагранж-II еще не показался над горизонтом.

Марк внимательно огляделся вокруг.

— Никого не видно, Марк, — сказал Шеффилд.

Они вошли внутрь. Это была большая ракета. Семь человек и все необходимое снаряжение она перевезла на место всего в три приема.

Шеффилд не без робости поглядел на утыканный кнопками пульт управления.

— И как это ботаник вроде Фоукса ухитрился научиться управлять этой штукой? Это так далеко от его специальности.

— Я тоже умею ею управлять, — внезапно сказал Марк.

— Ты? — Шеффилд удивленно уставился на него.

— Я смотрел, что делал доктор Фоукс, когда мы летели сюда. Я знаю все, что он делал. И потом у него есть руководство по ремонту ракеты. Я как-то стащил его и прочел.

— Очень хорошо, — весело сказал Шеффилд. — Значит, у нас есть на всякий случай еще один пилот.

Он стоял к Марку спиной и не видел, как тот замахнулся. Палка обрушилась ему на голову. Он не слышал, как Марк озабоченно произнес: «Простите, доктор Шеффилд». Собственно говоря, он даже не почувствовал удара, от которого потерял сознание.

23

Потом Шеффилд понял, что сознание вернулось к нему от сотрясения при посадке ракеты. Пока еще ничего не соображая, он смутно почувствовал сильную боль.

Откуда-то донесся голос Марка. Это было первое, что Шеффилд осознал. Он попытался перевернуться и встать на колени. В голове у него шумело.

Сначала голос Марка был для него просто набором бессмысленных звуков. Потом они начали складываться в слова, наконец, когда он с трудом поднял веки и тут же был вынужден закрыть их снова, потому что ему стало больно от яркого света, он уже понимал целые фразы. Он стоял на одном колене, не в силах приподнять голову, и услышал, как Марк, задыхаясь, выкрикивает:

— ..Тысяча людей, и все погибли. Остались только могилы. И никто не знает, почему.

Послышался гомон, в котором Шеффилд ничего не мог разобрать. Потом прозвучал чей-то хриплый бас. Потом снова заговорил Марк:

— А как по-вашему, для чего на борту все эти ученые?

Шеффилд, преодолевая боль, поднялся на ноги и прислонился к стене. Он дотронулся до головы и увидел на руке кровь. Она запеклась в слипшихся волосах. Застонав, он качнулся вперед, нащупал засов и распахнул люк.

Трап был опущен. Шеффилд постоял у люка, пошатываясь, боясь сделать шаг.

Он понемногу начинал воспринимать окружающее. Высоко в небе стояли оба солнца, а в тысяче футов от него над низкорослыми деревьями возвышался гигантский стальной цилиндр «Трижды Г». Марк стоял у подножья трапа, окруженный членами экипажа,

обнаженными по пояс и дочерна загоревшими под ультрафиолетом Лагранжа-I. (Спасибо плотной атмосфере и мощному слою озона в ее верхней части, которые задерживали ультрафиолетовое излучение, доводя его до безопасного предела!)

Космонавт, стоявший прямо перед Марком, опирался на бейсбольную битку. Другой подбрасывал и ловил мяч. Многие были в бейсбольных перчатках.

«Чудно, — пронеслась в голове Шеффилда шальная мысль, — Марк приземлился прямо на стадионе».

Марк посмотрел вверх, увидел его и возбужденно закричал:

— Ну спросите его! Спросите! Доктор Шеффилд, правда, на этой планете уже побывала экспедиция, которая погибла неизвестно от чего?

Шеффилд попытался произнести «Марк, что ты делаешь?», но не смог. С его губ сорвался только стон.

Космонавт с битой спросил:

— Мистер, правду говорит этот пузырь?

Шеффилд вцепился обеими руками в поручень трапа. Лицо космонавта поплыло у него перед глазами. Толстые губы и маленькие глазки, смотревшие из-под густых бровей, покачнулись и заплясали перед ним. Потом трап взмыл в воздух и бешено завертелся у него над головой. Он схватился за подвернувшуюся откуда-то землю и почувствовал холодную боль в скуле. Тут он перестал сопротивляться и снова потерял сознание.

24

Во второй раз он очнулся не так болезненно. Он лежал в кровати, над ним склонились два расплывшихся лица. Перед глазами у него проплыло что-то длинное и тонкое, и сквозь шум в голове он услышал:

— Теперь он придет в себя, Саймон.

Шеффилд закрыл глаза. Каким-то образом он знал, что его голова обмотана бинтами.

С минуту он полежал спокойно, глубоко дыша. Снова открыв глаза, он яснее увидел лица. Одно из них принадлежало Нови — его серьезно нахмуренный лоб разгладился, когда Шеффилд сказал:

— Привет, Нови.

Второе лицо — злое, со сжатыми губами, но с едва заметным довольным выражением глаз, — было Саймона.

— Где мы? — спросил Шеффилд.

— В космосе, доктор Шеффилд, — ледяным тоном ответил Саймон. — Вот уже два дня.

— Два дня? — Шеффилд широко открыл глаза.

— У вас было серьезное сотрясение мозга, Шеффилд, — вмешался Нови, — чуть не треснул череп. Спокойнее.

— Что случи... Где Марк? Где Марк?!

— Спокойнее. Спокойнее.

Нови положил руки на плечи Шеффилда и заставил его снова лечь.

— Ваш мальчишка в карцере, — сказал Саймон. — Если вы хотите знать, почему, то он намеренно подстрекал к бунту на корабле, из-за чего жизнь пяти человек была подвергнута опасности. Мы чуть не остались во временном лагере, потому что команда хотела лететь немедленно. Капитан еле уговорил их захватить нас.

Теперь Шеффилд начал смутно припоминать. Перед ним, как в тумане, возникли фигуры Марка и человека с битой. Марк говорил: «...тысяча людей, и все погибли...»

Сделав огромное усилие, психолог приподнялся на локте.

— Послушайте, Саймон, я не знаю, почему Марк это сделал, но дайте мне с ним поговорить. Я все узнаю.

— В этом нет необходимости, — ответил Саймон. — Все выяснится на суде.

Шеффилд попытался оттолкнуть руку Нови, удерживавшую его в постели.

— Но зачем такая официальность? Зачем впутывать Бюро? Мы можем и сами разобраться.

— Именно это мы и собираемся сделать. По космическому законодательству, капитан уполномочен лично разбирать дела о преступлениях, совершенных в космосе.

— Капитан? Устроить суд здесь? На корабле? Саймон, вы не должны этого допустить. Это будет убийство.

— Ничуть. Это будет справедливое и уместное судебное разбирательство. Я совершенно согласен с капитаном. В интересах дисциплины суд необходим.

— Послушайте, Саймон, не надо, — вмешался обеспокоенный Нови. — Он не в таком состоянии, чтобы все это переживать.

— Очень жаль, — сказал Саймон.

— Но вы не понимаете, — настаивал Шеффилд, — за мальчика отвечаю я.

— Наоборот, я это понимаю, — ответил Саймон. — Вот почему мы ждали, пока вы придете в себя. Вас тоже будут судить вместе с ним.

— Что?

— Вы отвечаете за все его действия. Кроме того, вы были вместе с ним, когда он утнул ракету. В тот момент, когда он призывал команду взбунтоваться, вас видели у люка ракеты.

— Но он раскроил мне череп, чтобы утнуть ракету. Неужели вы не видите, что это серьезное умственное расстройство? Он не несет ответственности.

— Это решит капитан, Шеффилд. Останьтесь с ним, Нови.

Он повернулся, чтобы уйти.

Шеффилд собрал все силы и крикнул:

— Саймон! Вы хотите отплатить мне за тот урок психологии, который я вам дал. Вы — ограниченный, мелочный...

Задышавшись, он упал на подушку.

Саймон, который был уже в дверях, обернулся и произнес:

— И между прочим, Шеффилд, подстрекательство к бунту на борту корабля карается смертью!

25

«Ничего себе суд!» — мрачно подумал Шеффилд. Никто не придерживался законной процедуры; впрочем, психолог был уверен, что никто ее и не знает, и меньше всего — капитан.

Все сидели в большой кают-компании, где во время

обычных рейсов команда собиралась смотреть субэфирные передачи. На этот раз никто из членов экипажа сюда допущен не был, хотя научный персонал присутствовал в полном составе.

Капитан Фолленби сидел за столом как раз под субэфирным приемником. Шеффилд и Марк Аннунчио сидели отдельно левее, лицом к нему.

Капитан явно чувствовал себя не в своей тарелке. Он то обменивался со «свидетелями» непринужденными репликами, то сверхофициально требовал прекратить шепот среди зрителей.

Шеффилд и Марк, увидевшиеся впервые после полета на ракете, обменялись торжественным рукопожатием. (Инициатива принадлежала Шеффилду: Марк, увидев заклеенное крест-накрест полосками пластыря выбритое место на голове Шеффилда, сначала не решился к нему подойти.)

— Простите меня, доктор Шеффилд. Простите.

— Ничего, Марк. Как с тобой обращались?

— По-моему, хорошо.

— Обвиняемые, не разговаривать! — раздался окрик капитана.

Шеффилд спокойно возразил:

— Послушайте, капитан, у нас не было адвокатов, и мы не успели подготовиться к ведению дела.

— Никаких адвокатов не нужно, — сказал капитан. — Это не суд присяжных на Земле. Это капитанское расследование. Совсем другое дело. Важны только факты, а не юридическая болтовня. Процесс может быть пересмотрен на Земле.

— Но нас к этому времени может не быть в живых, — горячо возразил Шеффилд.

— Начинаем! — объявил капитан, грохнув по столу алюминиевой скобой в виде буквы «Т».

Саймон сидел в первом ряду и слегка улыбался. Шеффилд с большим беспокойством следил за ним. Эта улыбка оставалась неизменной все время, пока вызывались свидетели, которые должны были показать, что команда ни в коем случае не должна была знать о цели экспедиции и что Марк с Шеффилдом присутствовали, когда им это говорилось. Миколог экспедиции рассказал о своем разговоре с Шеффил-

дом, из которого явствовало, что Шеффилд хорошо знал об этом запрете.

Было установлено, что Марк проболел большую часть полета к Малышке и что после посадки на нее он хотя и поправился, но вел себя странно.

— Как вы все это объясните? — спросил капитан.

Оттуда, где сидели зрители, вдруг раздался спокойный голос Саймона:

— Он перетрусил. Он был готов на все, лишь бы смыться с этой планеты.

Шеффилд вскочил.

— Его замечания не относятся к делу. Он не свидетель.

— Сядьте! — сказал капитан, ударив скобой по столу.

Суд продолжался. Был вызван один из членов экипажа, показавший, что Марк сообщил им о первой экспедиции и что при этом присутствовал Шеффилд.

— Я требую перекрестного допроса, — вскричал Шеффилд.

— Ваша очередь потом, — сказал капитан, и космонавта выпроводили.

Шеффилд внимательно вглядывался в зрителей. Было очевидно, что не все симпатии на стороне капитана. Шеффилд был все-таки психолог, и даже при таких обстоятельствах ему пришла в голову мысль, что многие из них, вероятно, в душе рады убраться с Малышки и благодарны Марку за то, что он это ускорил. Кроме того, им, очевидно, была не по вкусу эта поспешная судебная инсценировка. Вернадский сидел, нахмурившись, а Нови поглядывал на Саймона с явным неодобрением.

Шеффилда беспокоил Саймон. Психолог чувствовал, что не кто иной, как он, уговорил капитана устроить суд, и что он может настаивать на высшей мере наказания. Шеффилд горько пожалел, что задел патологическое тщеславие этого человека.

Но больше всего Шеффилда озадачивало поведение Марка. Он не проявлял никакого беспокойства, не видно было и следов космической болезни. Марк слушал внимательно, но происходящее, казалось, не очень

волновало его, как будто он знал что-то такое, по сравнению с чем все остальное ничего не значило.

Капитан стукнул по столу и сказал:

— Кажется, все. Факты установлены. Бесспорно. Можно кончать.

Шеффилд опять вскочил с места.

— Погодите. А наша очередь?

— Молчите! — приказал капитан.

— Нет, это вы молчите! — Шеффилд обратился к зрителям. — Послушайте, нам не дали возможности оправдаться. Нам даже не разрешили допросить свидетелей. Разве это справедливо?

Поднялся гомон, который не могли перекрыть даже удары молотка.

— Чего там оправдываться? — холодно произнес Саймон.

— Может быть и нечего! — крикнул ему в ответ Шеффилд. — Но тогда что вы потеряете, если нас выслушаете? Или вы боитесь, что нам есть чем оправдаться?

Теперь стали слышны отдельные выкрики:

— Дайте ему говорить!

— Валяйте! — пожал плечами Саймон.

Капитан угрюмо спросил:

— Чего вы хотите?

Шеффилд ответил:

— Выступить в качестве собственного адвоката и вызвать свидетелем Марка Аннунчио!

Марк спокойно встал. Шеффилд повернулся вместе со стулом к зрителям и сделал Марку знак сесть.

Он решил, что не стоит подражать судебным драмам, какие показывают по субэфиру. Торжественно спрашивать имя и биографию не было никакого смысла. Лучше приступить прямо к делу. И он сказал:

— Марк, ты знал, что произойдет, если ты расскажешь команде о первой экспедиции?

— Да, доктор Шеффилд.

— Тогда зачем ты это сделал?

— Потому что нам всем нужно было убраться с Малышки, не теряя ни минуты. Это был самый быстрый способ покинуть планету.

Шеффилд почувствовал, что этот ответ произвел на

зрителей невыгодное впечатление, но он мог лишь довериться интуиции. Его психологическое чутье подсказывало, что только зная что-то определенное, Марк, да и любой мнемонист, способен так спокойно держаться в подобных условиях. В конце концов все знать — это их специальность.

— Марк, почему так важно было покинуть Малышку?

Марк, не колеблясь, поглядел прямо на сидевших против него ученых и ответил:

— Потому что я знаю, отчего погибла первая экспедиция, и мы погибли бы от того же — это был только вопрос времени. Может быть, и сейчас уже поздно. Может, мы уже умираем. Может быть, мы умрем все до единого.

Шеффилд услышал шум среди зрителей, потом все стихли. Даже капитан не дотронулся до своего молотка, даже с губ Саймона сползла улыбка.

В этот момент Шеффилд думал не о том, что знает Марк, а о том, что он начал действовать самостоятельно на основе того, что знает. Такое уже случилось однажды, когда Марк, придумав собственную теорию, решил изучить судовой журнал. Шеффилд пожалел, что не занялся тогда же исследованием этой тенденции. Поэтому он довольно мрачно спросил:

— Почему ты не посоветовался со мной, Марк?

Марк чуть смутился.

— Вы бы мне не поверили. Поэтому мне пришлось ударить вас, чтобы вы мне не помешали. Никто из них мне бы не поверил. Они все меня ненавидят.

— Почему ты думаешь, что они тебя ненавидят?

— Ну вспомните, что было с доктором Родригесом.

— Это было давно. С другими же ты не сталкивался.

— Я видел, как на меня смотрит доктор Саймон. А доктор Фоукс хотел застрелить меня из лучевого пистолета.

— Что? — Шеффилд повернулся к Фоуксу, забыв, в свою очередь, обо всех формальностях. — Фоукс, вы пытались застрелить его?

Побагровевший Фоукс встал, и все уставились на него.

— Я был в лесу, — сказал он, — а он подкрался ко мне. Я думал, это животное, и принял меры предосторожности. Когда я увидел, что это он, я спрятал пистолет.

Шеффилд снова повернулся к Марку:

— Это верно?

Марк упрямо продолжал:

— А когда я попросил у доктора Вернадского посмотреть кое-какие данные, которые он собрал, он сказал, чтобы я их не публиковал. Как будто я нечестный человек!

— Клянусь Землей, я же пошутил! — раздался вопль.

Шеффилд поспешно сказал:

— Ну ладно, Марк, ты нам не веришь и поэтому решил действовать сам. А теперь — к делу. От чего, по-твоему, умерли первые поселенцы?

Марк ответил:

— От этого же мог бы умереть и Макояма, если бы не погиб при аварии через два месяца и три дня после своего сообщения о Малышке.

— Ладно, но от чего же?

Все затихли. Марк поглядел вокруг и сказал:

— От пыли.

Раздался общий хохот, и щеки Марка вспыхнули.

— Что ты хочешь сказать? — спросил Шеффилд.

— От пыли! Пыли, которая в воздухе! В ней — бериллий. Спросите у доктора Вернадского.

Вернадский встал и протолкался вперед.

— При чем тут я?

— Ну конечно же, — продолжал Марк. — Это было в тех данных, которые вы мне показывали. Бериллия очень много в коре, значит, он должен быть с пылью и в воздухе.

— А что, если там есть бериллий? — спросил Шеффилд. — Вернадский, прошу вас, позвольте мне задавать вопросы.

— Отравление бериллием, вот что. Когда вы дышите бериллиевой пылью, в легких образуются незаживающие грануломы. Я не знаю, что это такое, но во всяком случае, становится все труднее дышать, и потом вы умираете.

К всеобщему шуму прибавился еще один возбужденный голос. Это был Нови:

— О чем ты говоришь? Ты же не врач!

— Знаю, — серьезно ответил Марк, — но как-то я прочитал очень старинную книгу о ядах. Такую старинную, что она была напечатана на настоящей бумаге. В библиотеке всего несколько таких, и я их просмотрел — ведь это такая диковинка.

— Ладно, — сказал Нови, — и что ты прочел? Ты можешь мне рассказать?

Марк гордо поднял голову.

— Могу сказать на память. Слово в слово. «Любой из двухвалентных металлических ионов, имеющих одинаковый радиус, может активировать в организме поразительное разнообразие ферментативных реакций. Это могут быть ионы магния, марганца, цинка, железа, кобальта, никеля и другие. Во всех этих случаях ион бериллия, имеющий такой же размер и заряд, действует как ингибитор. Поэтому он тормозит многие реакции, катализируемые ферментами. Поскольку бериллий, по-видимому, никак не выводится из легких, вдыхание пыли, содержащей соли бериллия, вызывает различные метаболические расстройства, серьезные заболевания и смерть. Известны случаи, когда однократное действие бериллия приводило к летальному исходу. Первичные симптомы незаметны, и признаки заболевания появляются иногда через три года после действия бериллия. Прогноз тяжелый».

Капитан в волнении наклонился вперед.

— Что он говорит, Нови? Есть в этом какой-нибудь смысл?

— Не знаю, прав он или нет, — ответил Нови, — но в том, что он говорит, нет ничего невероятного.

— Вы хотите сказать, что не знаете, ядовит бериллий или нет? — резко сказал Шеффилд.

— Не знаю. Никогда об этом не читал. Мне не попало ни единого случая.

Шеффилд повернулся к Вернадскому:

— Где-нибудь бериллий применяется?

Не скрывая своего изумления, Вернадский ответил:

— Нет. Черт возьми, не могу припомнить, чтобы он где-нибудь применялся. Впрочем, вот что. В начале

атомной эпохи его использовали в примитивных атомных реакторах в качестве замедлителя нейтронов вместе с парафином и графитом. В этом я почти уверен.

— Значит, сейчас он не применяется? — настаивал Шеффилд.

— Нет.

Внезапно вмешался электронщик:

— По-моему, в первых люминесцентных лампах использовались цинк-бериллиевые покрытия. Кажется, где-то я об этом слышал.

— И все? — спросил Шеффилд.

— Все.

— Так вот, слушайте. Во-первых, все, что цитирует Марк, точно. Значит, так и было написано в той книге. Я считаю, что бериллий ядовит. В обычных условиях это неважно, потому что его содержание в почвах ничтожно. Когда же человек концентрирует бериллий, чтобы применять его в ядерных реакторах, или люминесцентных лампах, или даже в виде сплавов, он сталкивается с его ядовитыми свойствами и ищет ему заменителей. Он их находит, забывает о бериллии, потом забывает и о том, что бериллий ядовит. А потом мы встречаем планету, необычно богатую бериллием, вроде Малышки, и не можем понять, что с нами происходит.

Саймон, казалось, не слушал. Он тихо спросил:

— А что значит: «Прогноз тяжелый»?

Нови рассеянно ответил:

— Это значит, что если вы отравились бериллием, вам не вылечиться.

Саймон закусил губу и откинулся в кресле.

Нови обратился к Марку:

— Я полагаю, симптомы отравления бериллием...

Марк сразу же ответил:

— Могу прочесть весь список. Я не понимаю этих слов, но...

— Было среди них слово «одышка»?

— Да.

Нови вздохнул и сказал:

— Предлагаю вернуться на Землю как можно скорее и пройти медицинское обследование.

— Но если мы все равно не вылечимся, — слабым голосом произнес Саймон, — то что толку?

— Медицина сильно продвинулась вперед с тех пор, как книги печатали на бумаге, — возразил Нови. — Кроме того, мы могли не получить смертельную дозу. Первые поселенцы больше года прожили под постоянным действием бериллия. Мы же подвергались ему только месяц — благодаря быстрым и решительным действиям Марка Аннунчио.

— Ради всего космоса, капитан, — вскричал в отчаянии Фоукс, — давайте выбираться отсюда! Скорее на Землю!

Похоже было, что суд окончен. Шеффилд и Марк вышли в числе первых.

Последним поднялся с кресла Саймон. Он побрел к двери с видом человека, который уже считает себя трупом.

26

Система Лагранжа превратилась в звездочку, затерянную в оставшемся позади скоплении.

Шеффилд поглядел на это пятнышко света и со вздохом сказал:

— А такая красивая планета... Ну что ж, будем надеяться, что останемся в живых. Во всяком случае, впредь правительство будет остерегаться планет с высоким содержанием бериллия. В эту разновидность ловушки для простаков человечество больше не попадет.

Марк не ответил. Суд был окончен, и его возбуждение улеглось. В глазах его стояли слезы. Он думал только о том, что может умереть; а если он умрет, во Вселенной останется столько интересных вещей, которых он никогда не узнает!..

СКАЗКИ ДОБРОГО ДОКТОРА

I

Существует расхожий тест на стереотипность мышления: предлагается мгновенно, не задумываясь, назвать птицу, фрукт и поэта. Подавляющее большинство — и люди отнюдь не глупые в том числе! — автоматически отвечают: «Курица — яблоко — Пушкин». Точно так же, стоит мне прочесть или услышать: «Азимов», — как воображение сразу же рисует этакий памятник — грандиозную фигуру при неизменных улыбке, очках и бакенбардах, гордо вздымающуюся на пьедестале, сложенном из пяти сотен книг, переведенных вдобавок не то что на двенадцать — Бог весть на сколько языков. А на шильдике, украшающем постамент, отлиты в бронзе Три Закона Роботехники.

Да разве и может быть иначе? Стереотип или нет, а полтысячи томов чуть больше, чем за полвека литературной деятельности, — это воистину подвиг. И Азимов не просто писатель, пусть даже известный и популярный; это — явление; литературный феномен; эпоха, наконец. Эпоха, которая, увы, кончилась, но в которую — как во всякий Золотой Век! — так увлекательно, так отраднo возвращаться мыслью. А может быть, я и не прав, и не завершилась еще эпоха, и канет она в минувшее лишь тогда, когда окончательно уйдет мое поколение — те, кому с отроческих, с юношеских лет запали в душу азимовские повести и рассказы, романы и научно-популярные книги... Не знаю. Рано еще, наверное, об этом судить.

Но зато говорить об этой эпохе, писать о ней, исследовать — наверняка самое время.

В России Азимову повезло. Нет, я имею в виду вовсе не то, что родился он на Смоленщине, а значит, по праву рождения является нашим соотечественником. И сам он этого не ощущал, и языка не знал, полностью выветрился русский из головы малыша,

трехлетним попавшего на американскую землю... Я говорю о переведенных у нас книгах. Здесь он — едва ли не абсолютный чемпион. Немногие из американских фантастов представлены у нас столь полно. И пусть даже полнота эта весьма относительна — в конечном счете на русский язык переведено даже при самой оптимистической оценке не больше десяти процентов его творчества, — наши представления можно считать достаточно адекватными.

Однако сегодняшний разговор ни в коей мере не претендует на всеохватность, на общий анализ азимовского наследия. Мы поговорим лишь об одном из направлений. Ну а буде беседа заведет нас куда-то в сторону или чуть дальше — не моя в том вина.

Подобно Волге или Нилу, поток азимовских книг вливается в нас многими жанровыми рукавами. Здесь фантастика — романистика и новеллистика; детектив — фантастический, реалистический и научный; популяризация — от физики нейтрино до естественнонаучного комментария к Священному Писанию; наконец, автобиографическая проза — прекрасные книги «Покуда память зелена» и «Покуда ощущаю радость жизни» и множество интерлюдий в сборниках НФ, вроде двухтомника «Ранний Азимов, или Одинадцать лет попыток»... Развивая метафору, замечу, что на этих литературных раздольях могут пастись неисчислимые стаи критиков — картина, знакомая всякому, кто хоть раз, хоть на экране видел птичий рай Астраханского заповедника. Однако сколь обширным и запутанным ни казался бы нам лабиринт этой дельты, как бы ни ограничивали мы себя одной задачей — проследить детективный поток, произведениями которого и составлен этот том, ни в коем случае нельзя забывать, что во всех ее рукавах течет одна и та же вода.

Вот давайте и попробуем, уподобясь Спиксу с Грантом, поискать истоки этого Нила и разобраться, «откуда он есть пошел».

II

подавляющее большинство теоретиков жанра сходятся на том, что у детектива есть законный отец — Эдгар Аллан По и день, точнее — месяц рождения, апрель 1841 года, когда в филаделфийском журнале

«Graham's Lady's and Gentleman's Magazine» был опубликован его рассказ «Убийство на улице Морг». Утверждение это отнюдь не бесспорно — раскрытие преступлений занимало еще Плутарха и Светония, а в английской литературе корни детектива можно обнаружить и в «уголовных» романах и очерках Даниэля Дефо. Тем не менее — давайте примем эту распространенную точку зрения, посчитав все предшествовавшее предтечами жанра.

Однако здесь приходится вспомнить, что Эдгар По отдал дань и фантастике — взять хотя бы «Необыкновенное приключение некоего Ганса Пфаала», опубликованное в 1835 году.

Обращение одного писателя к двум этим литературным направлениям — не случайное совпадение, не произвольный выбор; за ним стоит склад ума. Причем весь творческий опыт По опровергает в данном случае излишне самокритичное замечание прекрасного — на мой вкус — американского писателя-детективщика Реймонда Чандлера: «Тип ума, способный измыслить идеальную загадку, совсем не тот, что творит художественное произведение». Большую проницательность — причем веком раньше! — проявили в этом отношении братья Гонкур, сами детективами отнюдь не грешившие (впрочем, и фантастикой тоже). В их «Дневнике» 16 июля 1856 года появилась запись: «По — это новое в литературе, это литература XX столетия: чудеса, обоснованные научно; художественное созидание при помощи А+В; литература в равной мере маниакальная и математически точная; воображение, исходящее из анализа. Задиг в роли судебного следователя; Сирано де Бержерак, прошедший выучку у Араго. И вещам отводится роль куда более значительная, чем живым существам. И Любовь, та, которую уже у Бальзака понемногу стали вытеснять деньги, — Любовь отступает перед новыми источниками интереса. Словом, это роман будущего, призванный скорее стать историей того, чем занят человеческий мозг, нежели историей человеческого сердца». Правда, сердце из НФ и детектива все же изгнано не совсем — может быть, лишь в несколько большей степени, чем потеснено оно деньгами у Бальзака. Просто оба жанра являют собой, как точно подметил Абрам Вулис, модификацию психологической прозы, занимающуюся предметным, вещным, последовательно-дидактическим,

рассредоточенным по времени, расписанным показом душевных процессов. Собственно, это не последовательный показ, а своего рода пунктир, выявляющий узловые, пиковые моменты рациональных и эмоциональных состояний. Это не изображение психологии, а ее анализ. И следовательно, на передний план выдвигается не изобразительная сила, а аналитическая наблюдательская логика. Вещность, предметность психологического анализа в НФ и детективе сродни (а во многом и под влиянием) позитивистским направлениям в психологии, рассматривающим внутреннюю суть индивида, все тонкие движения человеческой души через их раскрытие в действии, проявления во внешних формах. В этой связи мне уже случалось писать о влиянии на творчество Альфреда Ван-Вогта или Эрика Фрэнка Рассела бихевиоризма, например... Но в целом надо сказать, что у фантастики и детектива имеется собственный способ художественного изображения, тесно связанный с уровнем развития науки; просто это иная художественность, и подходить к ней надо с иными мерками, как требуем мы от иммажинизма, например, точного следования реальности в духе «малых голландцев». За пределами этого рассуждения справедливость высказывания Гончуров оспорить попросту невозможно. Можно лишь дивиться их проницательности. Впрочем, прозорливость эта является не только следствием их мудрости и литературного таланта. В XIX веке понять все это было, пожалуй, даже проще, чем в наше время.

Ведь именно тогда начался Великий Парад Инженеров, этих наследников эпохи Просвещения. Они стеклись со всех сторон, пока не слились в могучую колонну, во главе которой встал жюльерновский Сайрес Смит, — люди, прекрасно знавшие, как устроен мир и что надо сделать, чтобы он стал еще лучше, благоустроеннее и прекраснее. И в самом деле, как все казалось тогда просто! Возьми паровой котел, накидай туда железа да алюминия, приправь по вкусу пригоршней электронов, перемешай как следует это варево — и окропи им все уголки планеты, от Гаттерасовой Арктики до Кау-джеровой Огненной Земли. И сразу же наступит «мир на земле и в человецех благоволение». Наивно? Разумеется. И раздавались несогласные голоса. И из-под жюльернова пера не только Сайрес Смит вышел, но и Робур с его бессмертным:

«Прогресс науки не должен обгонять совершенствования нравов». И на памяти у наиболее дальновидных была история плотника Джеймса Харгривса, его механической прялки «дженни» — не забыли они, чем обернулась невинная попытка облегчить труд любимой жены отчаявшимся «братьям» юродивого Неда Луда. Но в целом эту веру разделяли почти все. Веру во всемогущество Знаний и Умений.

И поколения, родившиеся до 1945 года, до Бомбы, потрясшей мир и перевернувшей умы, унаследовали эту веру, пронесли ее в целостности и неприкосновенности через Ипр, лавируя меж кучно лежащими разрывающими снарядами, посылаемых «Толстыми Томами» и «Длинными Бертами». Принадлежали к этим поколениям и отцы-основатели Золотого Века американской НФ — Роберт Хайнлайн, Лайон Спрэг де Камп, Айзек Азимов. Взявшись за перо, они просто не могли не унаследовать и принципов, так четко сформулированных Гонкурами в своем «Дневнике».

О связи фантастики и процесса познания говорилось и писалось уже больше чем достаточно. Нередко НФ называли дочерью научно-технического прогресса. Но вот детектив чаще рассматривался некоей «вещью в себе», миром самодостаточным и самоуправляемым, связанным исключительно с законами юридическими и нравственными. Однако на самом деле это отнюдь не так.

«Задиг в роли служебного следователя; Сирано де Бержерак, прошедший выучку у Араго,» — это один и тот же литературный герой, в крайнем случае — две его ипостаси. Вспомните Шерлока Холмса: это для нас, сегодняшних, он чуть ли не символ понятия «частный сыщик». Сам же он определял свое занятие иначе. «Я эксперт-криминалист». Это там, в Скотланд-Ярде, бестолковые сыщики. А на Бейкер-стрит живет ученый, исследователь, применяющий самые последние — в том числе и собственные: помните, исследование по выявлению пятен крови, сравнительный анализ пепла разных сортов табака и так далее? — научные открытия к раскрытию преступлений. В этом смысле Шерлок Холмс — типичный герой не только детектива, но и научной фантастики; родной — и не менее эксцентричный зачастую — брат профессора Челленджера. Внешнее несходство при этом можно игнорировать. У них лишь различные, хотя и родст-

венные, функции: ученый познает и улучшает физический мир, делает его более удобным и уютным для человека, тогда как сыщик восстанавливает поправленную справедливость в мире человеческих взаимоотношений, в обществе, делая его более безопасным, опять-таки уютным и удобным для обитания. Оба они — символ надежды для простых смертных. И оба опираются в своей деятельности на объективное знание.

Понимая все это, Азимову было совсем не трудно отважиться расширить поле своей деятельности, поначалу четко ограничивавшееся «чистой» НФ, присоединив к нему обширные уголья детективного пространства. Однако предоставим слово ему самому:

«Странно выглядит тот факт, что чрезвычайно редко встречаются фантастические произведения с детективным сюжетом. Казалось бы, чего проще? — задавался писатель вопросом в предисловии к сборнику фантастико-детективных рассказов „Азимовские тайны“. — Ведь наука, с которой фантастика чаще всего имеет дело, сама почище любого детектива... И разве не существует литературных примеров блестящего применения научного склада мышления к раскрытию преступлений?

Все это так — и тем не менее, писатели-фантасты обходят детективные сюжеты стороной.

Уже довольно давно мне пытались растолковать этот феномен. Меня убеждали, что законы написания фантастических произведений не позволяют вести с читателем честной игры. Представим себе на минуту, говорили мне, что кому-то вздумалось поместить Шерлока Холмса в далекое будущее. Что же он скажет доктору Ватсону, едва ознакомившись с деталями очередного дела? А вот что: „Как вы, наверное, знаете, Ватсон, с 2175 года, когда все испанцы заговорили по-французски, испанский стал мертвым языком. Как же мог Хуан Лопес произнести свою решающую фразу по-испански?“ Все ясно — Хуан Лопес и есть убийца.

Меня подобные аргументы не убедили. Мне казалось, что обычные сочинители детективов, не имеющие отношения к фантастике, с не меньшим успехом могут надувать читателя. В их власти запрятать ключ к решению загадки так далеко, что догадаться не сможет никто; они могут ввести в сюжет такого героя, который, появившись ниоткуда, стинет в никуда; они,

наконец, способны к концу романа начисто позабыть о том, с чего начинали...

Но ведь не поступают же они столь странным и нелогичным образом! Напротив, они стремятся вести игру честно. Ключ к разгадке, пусть даже искусно запятанный, присутствует в детективе всегда. Читателя водят за нос, сбивают с толку, мистифицируют, но никогда не обманывают.

Подобно другим жанрам, детектив имеет собственные законы. Точно так же фантастический детектив должен обрести свои — например, такие: не следует раскрывать загадку, прибегая к помощи невероятных, исключительно авторским воображением рожденных приборов; нельзя для объяснения причин трагедии — несчастного случая или преступления — ссылаться на некие туманные возможности грядущего, более того — необходимо выписать это будущее с максимально возможным количеством деталей, чтобы читатель имел возможность догадаться обо всем сам; автор фантастического детектива должен использовать лишь те факторы, которые хорошо известны читателю; если же он хочет что-то придумать, то делать это необходимо с величайшим тщанием, так, чтобы читатель его понял.

Вот, пожалуй, и все. И если учитывать все эти законы, фантастический детектив становится вполне приемлемой литературной формой. Больше того, может получиться прекрасное произведение: ведь в нем огромный интерес будет вызывать не только интрига, но и фон, на котором она завязывается...

Придя к такому выводу, я сел за пишущую машинку и в 1953 году написал первый свой научно-фантастический детектив — „Стальные пещеры“. Критикой он был воспринят и как хорошая фантастика, и как увлекательный детектив. С тех пор я не слышал, чтобы кто-нибудь утверждал, будто фантастический детектив написать невозможно. А для окончательного закрепления успеха, желая убедить читателей, что „Стальные пещеры“ — не случайная удача, я чуть позже, в 1957 году, написал продолжение — роман „Обнаженное Солнце“.

В достоинствах обоих этих романов вы только что имели возможность убедиться. Мне же хочется остановить ваше внимание лишь на нескольких моментах.

Надо признать, что, формулируя вышеприведенные

законы фантастического детектива, Азимов — при всем моем к нему уважении — открывает Америку заметно позже Колумба. Еще Роналд Нокс, теоретик и практик жанра, писал в своих «Десяти заповедях детективного расследования»: «Заповедь первая: преступник должен присутствовать в романе с первых же страниц. Заповедь вторая: в детективном романе не должно быть никаких потусторонних явлений. Заповедь третья: сыщик-детектив сам не может оказаться преступником. Заповедь четвертая: интуиция сыщика не сверхъестественна, она находится в рамках нормы и сопоставима со способностями остальных героев и читателя. Заповедь пятая: в расследовании детективу не должны помогать никакие случайные совпадения...» В отличие от пространной азимовской цитаты, которая очень уж просилась в текст без купюр, не стану продолжать перечисление заповедей Нокса. Однако всякий желающий легко может убедиться, что сформулированные фантастом законы практически соответствуют заповедям детективщика-профессионала, а «Стальные пещеры» и «Обнаженное Солнце» отвечают требованиям Нокса — при минимальных поправках на жанр.

Вернемся, однако, непосредственно к романам. На первый взгляд, Илайдж Бейли не совсем соответствует тому стандарту детектива-ученого, о котором я говорил выше. Он обычный полицейский-служака, вполне заурядный для своего времени. Не Шерлок Холмс, но Лестрейд. Однако на самом деле это вовсе не так. Не случайно, не по авторскому призыву во всех случаях он действует в паре с Р. Дэниелом Оливо. Их партнерство — не просто парный патруль в духе киношной «Полицейской академии». Р. Дэниел — робот, высшее достижение человеческой мысли и мастерства, зримый символ научно-технического прогресса. И в синтезе, в паре «детектив Илайдж Бейли/Р. Дэниел Оливо» как раз и дает именно такого Шерлока Холмса.

Что же до Уэнделла Эрта, то тут и невооруженному глазу виден чистой воды обитатель Бейкер-стрит, наделенный лишь собственной азимовской ненавистью к любым передвижениям в пространстве, за исключением пешеходных прогулок. Оговорюсь сразу же: самому Азимову приходилось все же, преодолевая отвращение, совершать некоторые поездки. Однажды — да-

же перелететь из Сан-Франциско в Гонолулу; было это в годы войны, но впоследствии Азимов признавался, что и три десятка лет спустя вспоминает этот эпизод с внутренним содроганием (вспомните Илайджа Бейли в самолете!). Зато с героем он уже волен был поступать по собственному усмотрению — и Эрт не покидает привычных стен почти никогда, с клаустрофобией, достойной персонажей «Стальных пещер». Правда, в памяти возникает и еще одна — чисто литературная — ассоциация. Ну конечно же — Ниро Вульф! Опять-таки гений-детектив...

Прежде чем окончательно распрощаться с Илайджем Бейли, хочу позволить себе небольшое отступление. Помимо детективных достоинств и мастерски сотворенного фантастического мира, «Стальные пещеры» интересны тем, что показывают, насколько пропитали азимовское сознание некоторые американские национальные мифы.

Каюсь, по первом прочтении романа у меня остался на душе какой-то горьковатый осадок, некая внутренняя неудовлетворенность. Хотелось все-таки изменения уклада жизни на самой Земле, а не просто ухода с нее ради создания еще одного Внешнего Мира, населенного принципиально новым по уровню взаимоотношений обществом людей и роботов (впоследствии таковой и возникает — Бейли-мир в «Роботах и Империи»). Все-таки для русского менталитета эмиграция — это прежде всего бегство, по большей части, вынужденное. Это писатель-воевода Андрей Курбский, это Герцен на лондонской колокольне, это три волны советского периода. Само понятие органически связано для нас с трагедией, потерей, ностальгией.

Для американца же эмиграция — в первую очередь, шаг вперед. Это миф «Мэйфлауэра» и отцов-пилигримов. Переход из Старого Света в Новый. Умение без страха, отчаяния и сожалений сжигать за собою мосты ради сотворения нового бытия — в отличие от сознания революционеров, без разрушения старого. Причем это отнюдь не имманентное свойство англосаксонского менталитета — ведь на борту «Мэйфлауэра», когда в 1620 году он бросил якорь у Плимут-Рока, были не только англичане, но и шотландцы, ирландцы, немцы-ганноверцы и даже славяне — поляки-смолокуры. Все они закладывали основы новой нации, осваивали, обустривали и создавали новый

мир, закладывали основы нового — американского — общественного сознания, новой — американской — национальной мифологии. Именно поэтому столь естественной кажется идея ухода на новые планеты и создания объединенной культуры людей и роботов Илайджу Бейли.

Но довольно о нем.

Потому что ведь и Азимов не ограничивался созданием фантастико-детективных романов — он вторгся и в область «чистого» детектива, о чем свидетельствуют романы «Дуновение смерти», «Немезида», «Убийство в Ай-Би-Эй», сборники рассказов «Записные книжки „Черных вдовцов“» и «Сказки „Черных вдовцов“» (из первого из них и взят рассказ «Человек, который никогда не лгал»).

Даже по одному этому рассказу можно достаточно уверенно судить, что и вся подборка представляет собой классическую детективную новеллистику, испытавшую немалое влияние Гилберта К. Честертона, — камерная обстановка, страсть к парадоксам (как тот, на котором держится концовка «Человека, который никогда не лгал»), даже сама обстановка клуба перенесена на американскую почву из доброй старой Англии (не только в детективе, но и в жизни).

Иное дело романы. В них куда больше проступает личный азимовский опыт. В «Убийстве в Ай-Би-Эй» чувствуется прекрасное — еще бы! — знание писательской среды, отношений между американскими фантастами. А в «Дуновении смерти»...

Фэны прозвали Азимова «Добрый Доктором» — не в айболитовском смысле, естественно — неизменно и беспредельно добрым в каждой своей строке был среди американских фантастов, пожалуй, один лишь Клиффорд Саймак; просто во всем, что говорит или пишет Азимов, неизменно проступает докторская манера. Иногда — в профессорской, менторской, откровенно дидактической интонации; иногда — в непозволительной, прямо-таки непомерной эрудиции (особенно это относится к научно-популярным книгам); порою же — в доскональной осведомленности о жизни университетского и вообще научного мира. Именно в этом смысле показательно «Дуновение смерти». Чувствуется здесь и профессиональный опыт — вспомните, ведь все три степени, бакалавра, магистра и доктора, Азимов получил, как химик, а до ухода на

профессиональную литературную работу не один год отдал преподаванию — точь-в-точь как профессор Брейд. Правда, положение самого Азимова было куда более устойчивым, он принадлежал к числу везунчиков, как считали некоторые, хотя везение свое зарабатывал исключительно собственными извилинами и горбом, как справедливо замечали другие. Но Брейд — его сверстник, человек того же поколения, на чье детство пришлась Великая Депрессия, и чьи родители, этой депрессией потрясенные, передали большинству своих детей чувство разрушительной неуверенности в завтрашнем дне.

И потому «Дуновение смерти» — не просто детектив, но еще (как, впрочем, всякий хороший детектив) и бытописательный роман, и роман психологический; только психологизм ему свойствен тот, своеобразный, пунктирный, о котором мы уже говорили выше.

Однако и двух этих областей — детектива реалистического и фантастического — Азимову было мало. Он жаждал развернуться. И потому отдал немалую дань еще одному детективному поджанру, для которого у нас пока нет даже устоявшегося названия (хотя есть написанные в нем произведения — например, цикл повестей Сергея Снегова «Прыжок над бездной»). Впрочем, прочно устоявшегося названия для этого направления детектива (или фантастики?) нет и в западной критике; иногда ее называют «science crime», что с изрядной долей условности можно перевести, как «научный детектив». Примером этого направления может послужить включенная в сборник «Ловушка для простаков». Здесь наличествуют все привычные атрибуты детектива: загадочная гибель обитателей колонии, прибывшая на место следственная комиссия, детектив-любитель (или сыщик поневоле — на ваше усмотрение)... Нет лишь самого преступления. Его заменяет несчастный случай. Трагедия порождена не злым человеческим умыслом, а столкновением человека с непознанными еще стихийными силами. Но вспомните: формулируя свои законы фантастического детектива, Азимов ставил в один ряд «несчастный случай и преступление», не делая между ними принципиального различия. Наверное, он прав: в конце концов, в любом детективе нам прежде всего важен процесс расследования загадки.

И еще — герой.

Собственно, многие черты типического героя детективного произведения мы с вами уже помянули по ходу разговора. О других рассуждать нет нужды — они достаточно общеизвестны. Так что напоследок мне хотелось бы остановиться — да и то ненадолго — лишь на одной.

Дело в том, что всякий детектив, единственное назначение которого заключается в раскрытии загадки, установлении истины, — герой по самой сути своей идеальный. Это не значит, разумеется, что во всех своих проявлениях он должен быть идеальным человеком — такого не скажешь ни об эксцентричном джентльмене Шерлоке Холмсе, ни о тщеславном и фатоватом бельгийце Эркюле Пуаро, ни даже о положительном комиссаре Мегрэ — разве что майор Пронин... Герой-детектив идеален в том же смысле, что и фольклорный. Он — восстанавливающий справедливость Робин Гуд. Отсюда, кстати, и пристрастие писателей и читателей именно к частному сыщику или сыщику-непрофессионалу, сыщику поневоле, вроде профессора Брейда. Впрочем, даже карикатурная в своей типичности фигура инспектора Дозни тоже несет на себе некий отблеск робин-гудства. Ибо это и есть исконное назначение фольклорного героя — восстанавливать справедливость, защищать слабых и сирых, оправдывать облыжно обвиненных и карать виноватых.

И с этой точки зрения всякий детектив — чуть-чуть сказка. Сам Азимов не мог не чувствовать этого. Не случайно — помните? — назвал он один из сборников своей детективной новеллистики «Сказками „Черных вдовцов“». А потому, мне кажется, мы вправе наречь и все его многоликое детективное творчество Сказками Доброго Доктора.

И как ко всем любимым сказкам, мы будем возвращаться к ним вновь и вновь. Ведь если сказку не передают из уст в уста, не издают и переиздают, не читают и перечитывают — какая же она сказка?

Андрей БАЛАБУХА

СОДЕРЖАНИЕ

ДУНОВЕНИЕ СМЕРТИ

Дуновение смерти. Роман. (Пер. И Разумовской и И. Руч)	7
Человек, который никогда не лгал. Рассказ. (Пер. С. Николаева)	169
Что значит имя? Рассказ. (Пер. В. Постникова)	183

ЛОВУШКА ДЛЯ ПРОСТАКОВ

Космические течения. Рассказ. (Пер. З. Бобырь)	201
Профессия. Рассказ. (Пер. С. Васильевой)	319
Ловушка для простаков. Повесть. (Пер. А. Иорданского)	389
Андрей Балабуха. Сказки доброго доктора	467

Литературно-художественное издание

Айзек Азимов

Дуновение смерти

Ответственный редактор *Олег Седов*

Редактор *Ольга Солохина*

Художник *Станислав Богдан*

Художественный редактор *Виктор Меньшиков*

Технический редактор *Татьяна Харитонова*

Верстка *Ольги Колеговой*

Корректоры *Людмила Быстрова, Михаил Ростик*

Подписано к печати с оригинал-макета 23.09.92.

Формат $84 \times 108^{1/32}$. Гарнитура школьная. Печать высокая.

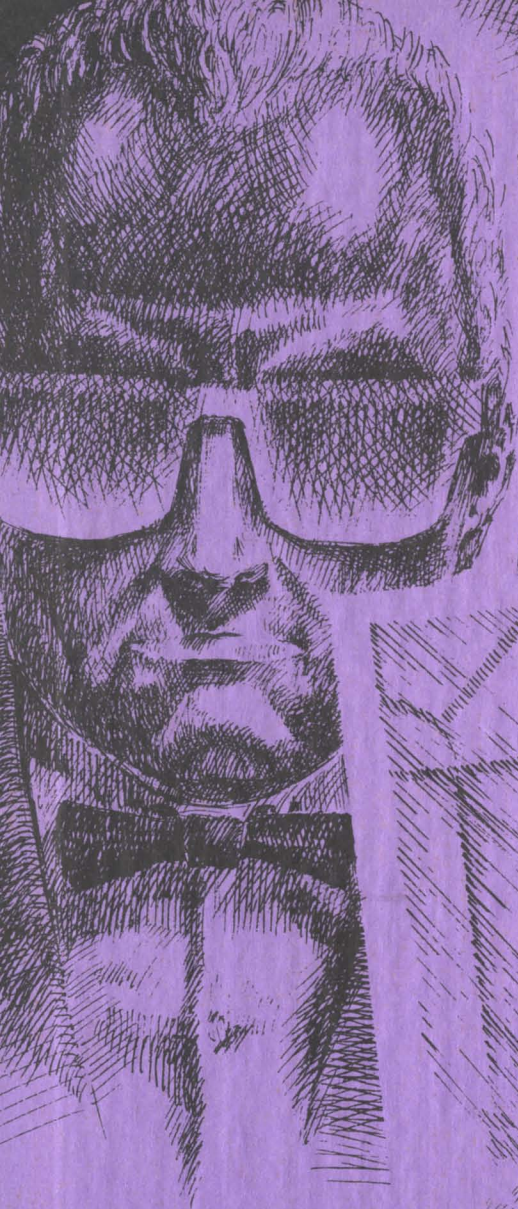
Усл. печ. л. 25,2. Тираж 100 000 экз. Изд. № 85. Заказ 95.

Издательство «Северо-Запад».

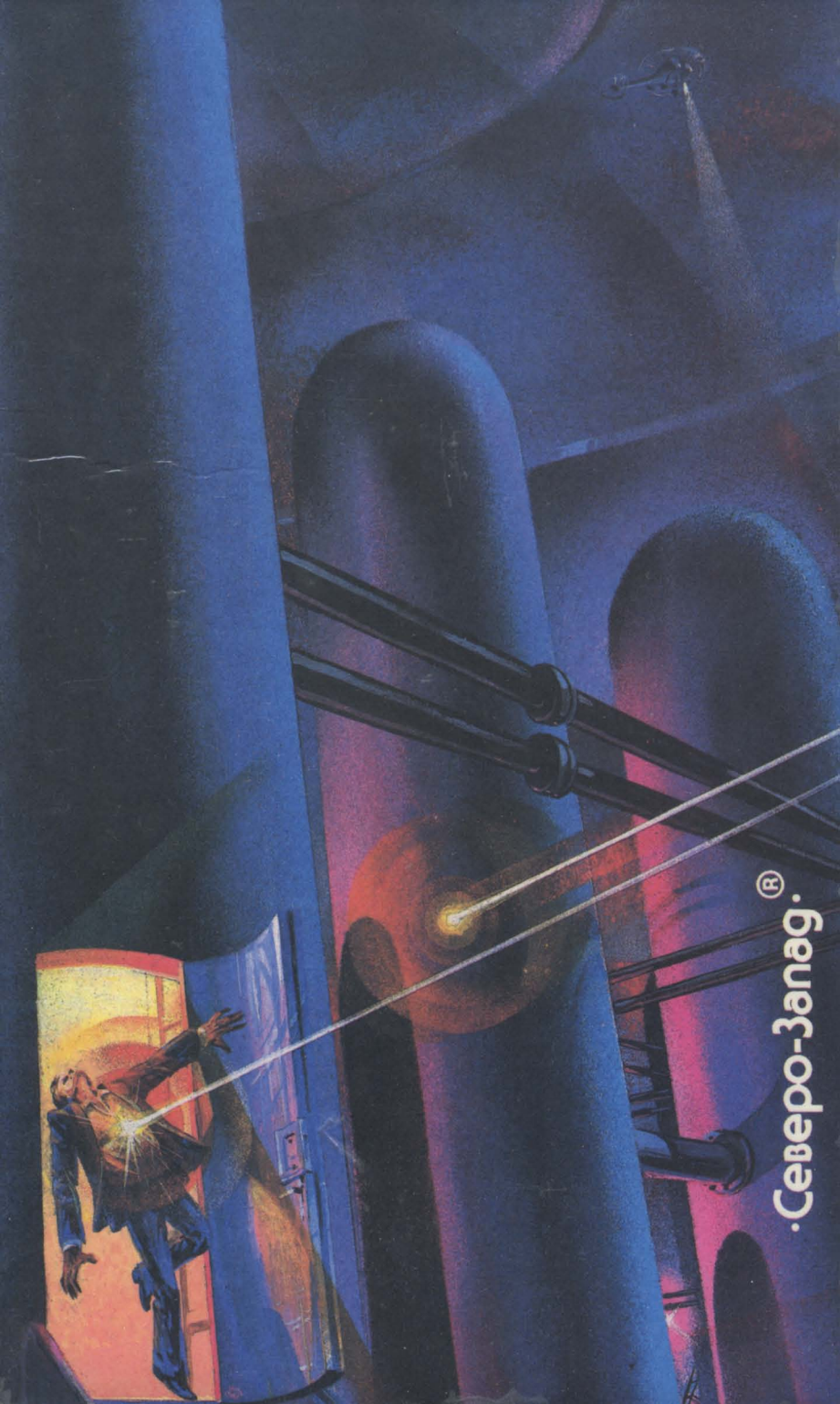
191187, Санкт-Петербург, ул. Шпалерная, 18.

ГПП «Печатный Двор».

197110, Санкт-Петербург, П-110, Чкаловский пр., 15.

•Севепо-3анаg.®